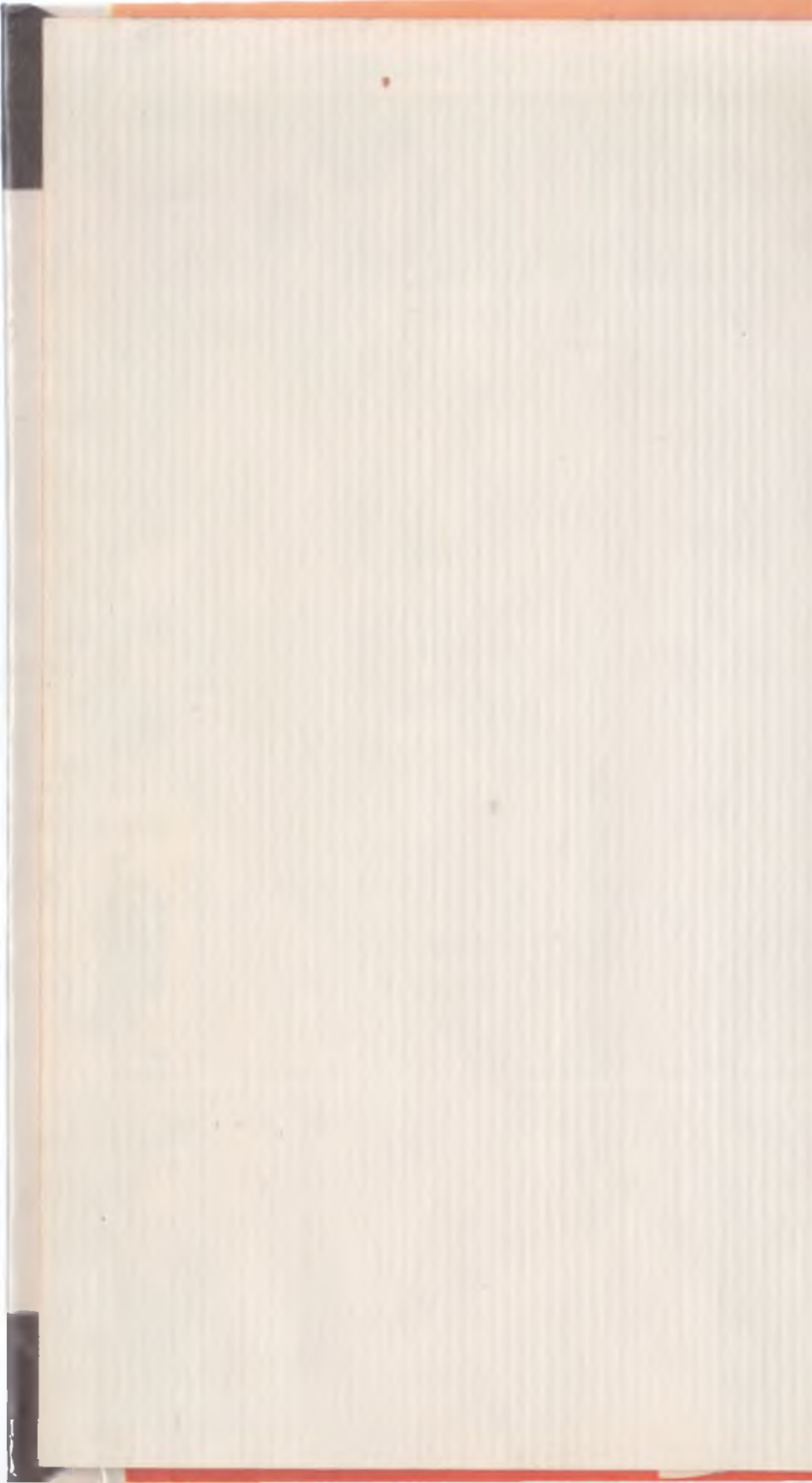

лун мания

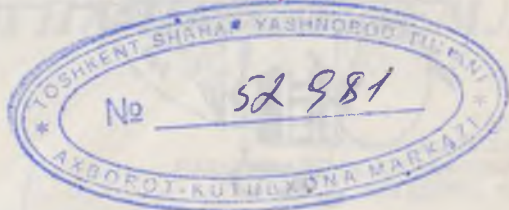
ИЗГНАННИКИ

Земли

0123

М а н и я

ЭДГАР ПО
**НЕОБЫКНОВЕННОЕ
ПРИКЛЮЧЕНИЕ
НЕКОЕГО
ГАНСА ПФААЛЯ**

ЖЮЛЬ ВЕРН
ВОКРУГ ЛУНЫ

АНДРЭ ЛОРИ
ИЗГНАННИКИ ЗЕМЛИ

ТАШКЕНТ
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ИЗДАТЕЛЬСКО-ПОЛИГРАФИЧЕСКОГО
КОНЦЕРНА "ШАРК"
1993

Составитель
Л. ЗАПРОМЕТОВА
Художник
Э. КАГАРОВ

Изгнанники Земли: /Сборник/ Сост. Л. Запрометова/.— Т.: Шарк, 1993.—432 с.

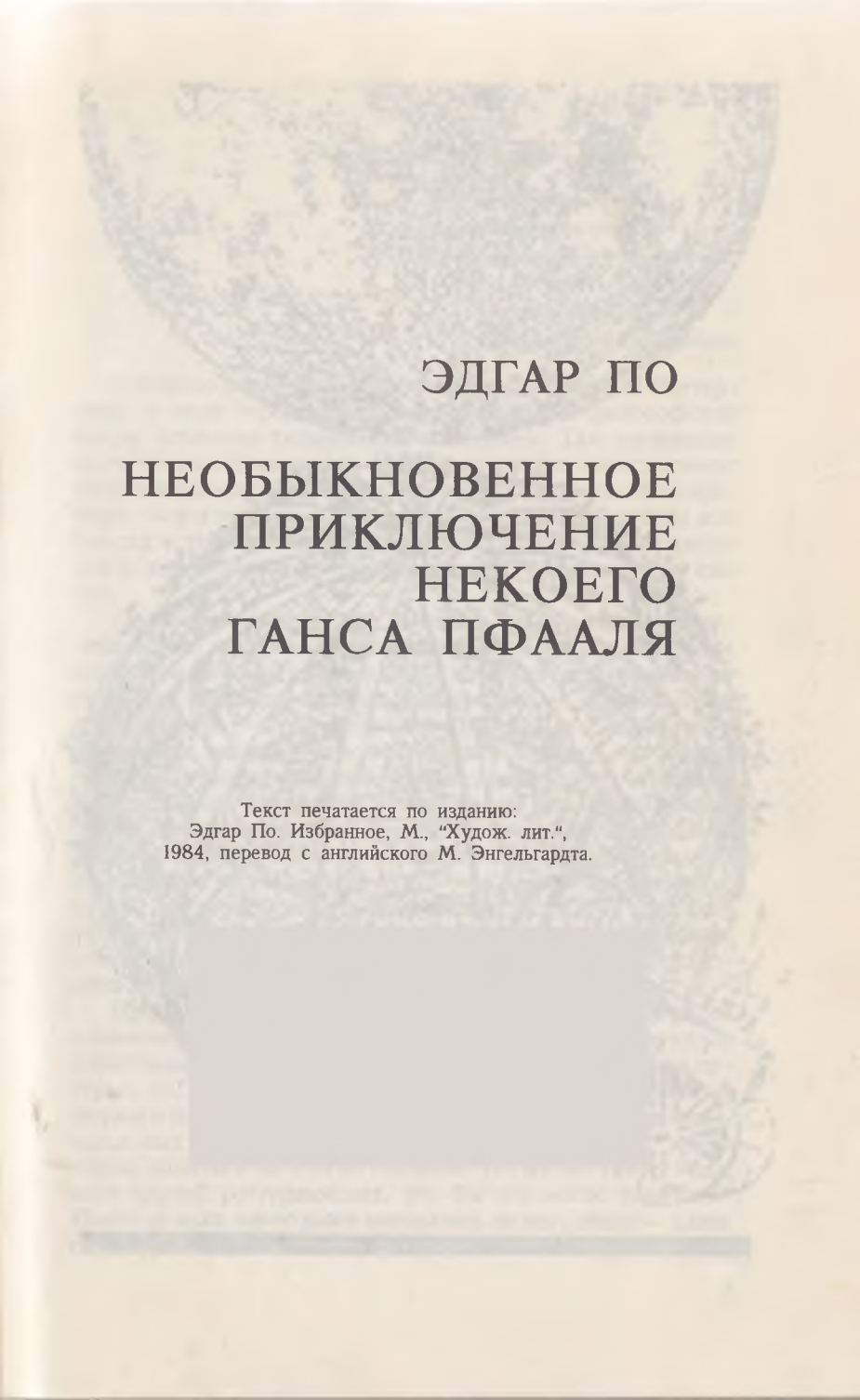
Содерж.: Необыкновенное приключение некоего Ганса Пфааля Э. По./ Вокруг Луны Ж. Верн./ Изгнанники Земли А. Лори./

Сб.

В книгу вошли научно-фантастические произведения, связанные "лунной" тематикой. Извечный интерес человека к загадкам Луны явился причиной тех невероятных приключений, с которыми столкнулись герои Эдгара По, Жюль Верн и Андрэ Лори.

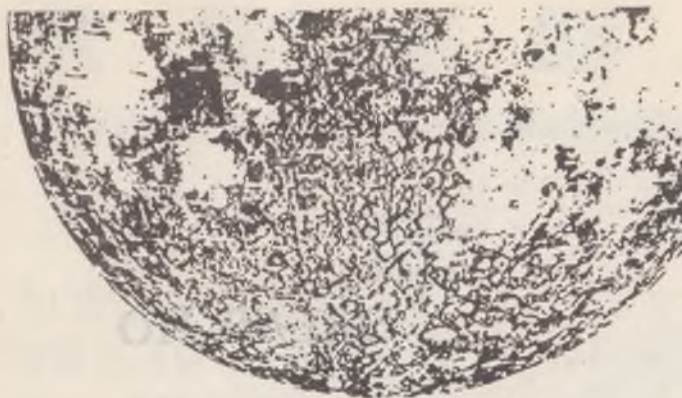
К $\frac{4700000000}{М 389 (04)-93}$ 021—93

© Составление. Оформление.
Главная редакция издательско-полиграфического концерна "Шарк".
1993.

ЭДГАР ПО
НЕОБЫКНОВЕННОЕ
ПРИКЛЮЧЕНИЕ
НЕКОЕГО
ГАНСА ПФААЛЯ

Текст печатается по изданию:
Эдгар По. Избранное, М., "Худож. лит.",
1984, перевод с английского М. Энгельгардта.

Мечтам безумным сердца
Я властелин отныне,
С горящим копьём и воздушным
конем
Скитаюсь я в пустыне.
Песня Тома из Бедлама.

Согласно последним известиям, полученным из Роттердама, в этом городе представители научно-философской мысли охвачены сильнейшим волнением. Там произошло нечто столь неожиданное, столь новое, столь несогласное с установившимися взглядами, что в непродолжительном времени, — я в этом не сомневаюсь, — будет возбуждена вся Европа, естествоиспытатели всполошатся и в среде астрономов и натуралистов начнется смятение, невиданное до сих пор.

Произошло следующее. Такого-то числа и такого-то месяца (я не могу сообщить точной даты) огромная толпа почему-то собралась на Биржевой площади благоустроенного города Роттердама. День был теплый — совсем не по времени года, — без малейшего ветерка; и благодушное настроение толпы ничуть не омрачалось оттого, что иногда ее spraysкивал мгновенный легкий дождичек из огромных белых облаков, в изобилии разбросанных по голубому небосводу. Тем не менее около полудня в толпе почувствовалось легкое, но необычайное беспокойство: десять тысяч языков забормотали разом; спустя мгновение десять тысяч трубок, словно по приказу, вылетели из десяти тысяч ртов и продолжительный, громкий, дикий вопль, который можно сравнить только с ревом尼亚гары, раскатился по улицам и окрестностям Роттердама.

Причина этой суматохи вскоре выяснилась. Из-за резко очерченной массы огромного облака медленно выступил и обрисовался на ясной лазури какой-то странный весьма пестрый, но, по-видимому, плотный предмет такой курьезной формы и из такого замысловатого материала, что толпа крепкоголовых бургеров, стоявшая внизу разинув рты, могла только дивиться, ничего не понимая. Что же это такое! Ради всех чертей роттердамских, что бы это могло означать? Никто не знал, никто даже вообразить не мог, никто — даже сам бургомистр мингер Супербус ван Ундердук — не

обладал ключом к этой тайне; и так как ничего более разумного нельзя было придумать, то в конце концов каждый из бургеров сунул трубку обратно в угол рта и, не спуская глаз с загадочного явления, выпустил клуб дыма, приостановился, переступая с ноги на ногу, значительно хмыкнул — затем снова переступил с ноги на ногу, хмыкнул, приостановился и выпустил клуб дыма.

Тем временем объект столь усиленного любопытства и причина столь многочисленных затяжек спускался все ниже и ниже над этим прекрасным городом. Через несколько минут его можно было рассмотреть в подробностях. Казалось, это был... нет, это действительно был воздушный шар; но, без сомнения, такого шара еще на видывали в Роттердаме. Кто же, позвольте вас спросить, слышал когда-нибудь о воздушном шаре, склеенном из старых газет? В Голландии — никто, могу вас уверить; тем не менее в настоящую минуту под самым носом у собравшихся, или, точнее сказать, над носом, колыхалась на некоторой высоте именно эта самая штука, сделанная, по сообщению вполне авторитетного лица, из упомянутого материала, как всем известно, никогда дотоле не употреблявшегося для подобных целей, и этим наносилось жестокое оскорбление правому смыслу роттердамских бургеров. Форма "шара" оказалась еще обиднее. Он имел вид огромного дурацкого колпака, опрокинутого верхушкой вниз. Это сходство ничуть не уменьшилось, когда, при более внимательном осмотре, толпа заметила огромную кисть, подвешенную к его заостренному концу, а вокруг верхнего края, или основания конуса, — ряд маленьких инструментов вроде бубенчиков, которые весело позванивали. Мало того, к этой фантастической машине была привешена вместо гондолы огромная темная касторовая шляпа с широчайшими полями и обвитая вокруг тульи черной лентой с серебряной пряжкой. Но странное дело: многие из роттердамских граждан готовы были побожиться, что им уже не раз случалось видеть эту самую шляпу, да и все сборище смотрело на нее, как на старую знакомую, а фрау Греттель Пфааль, испустив радостное восклицание, объявила, что это собственная шляпа ее дорогого муженька. Необходимо заметить, что лет пять тому назад Пфааль с тремя товарищами исчез из Роттердама самым неожиданным и необычным образом, и с тех пор не было о нем ни слуху ни духу. Позднее в глухом закоулке на восточной окраине города была обнаружена куча костей, по-видимому человеческих, вперемешку с какими-то странными тряпками и обломками, и некоторые из граждан даже вообразили, что

здесь свершилось кровавое злодеяние, жертвой которого пали Ганс Пфааль и его товарищи. Но вернемся к происшествию.

Воздушный шар (так как это был несомненно воздушный шар) находился теперь на высоте какой-нибудь сотни фунтов, и публика могла свободно рассмотреть его пассажира. Правду сказать, это было очень странное создание. Рост его не превышал двух футов; но и при таком маленьком росте он легко мог потерять равновесие и кувыркнуться за борт своей удивительной гондолы, если бы не обруч, помещенный на высоте его груди и прикрепленный к шару веревками. Толщина человечка совершенно не соответствовала росту и придавала всей его фигуре чрезвычайно нелепый шарообразный вид. Ног его, разумеется, не было видно. Руки отличались громадными размерами. Седые волосы были собраны на затылке и заплетены в косу. У него был красный, непомерно длинный, крючковатый нос, блестящие пронзительные глаза, морщинистые и вместе с тем пухлые щеки, но ни малейшего признака ушей где-либо на голове; странный старичок был одет в просторный атласный камзол небесно-голубого цвета и такого же цвета короткие панталоны в обтяжку, с серебряными пряжками у колен. Кроме того, на нем был жакет из какой-то ярко-желтой материи, мягкая белая шляпа, молодцевато сдвинутая набок, и кроваво-красный шелковый шейный платок, завязанный огромным бантом, концы которого франтовато спадали на грудь.

Когда оставалось, как уже сказано, каких-нибудь сто футов до Земли, старичок внезапно засуетился, по-видимому не желая приближаться еще ближе к terra firma *. С большим усилием подняв полотняный мешок, он отсыпал из него немного песку, и шар на мгновение остановился в воздухе. Затем старичок торопливо вытащил из бокового кармана большую записную книжку в сафьяновом переплете и подозрительно взвесил в руке, глядя на нее с величайшим изумлением, очевидно пораженный ее тяжестью. Потом открыл книжку и, достав из нее пакет, запечатанный сургучом и тщательно перевязанный красной тесемкой, бросил его прямо к ногам бургомистра Супербуса ван Ундердука. Его превосходительство нагнул, чтобы поднять пакет. Но аэронавт, по-прежнему в сильнейшем волнении и, очевидно, считая свои дела в Роттердаме поконченными, начал в ту же самую минуту готовиться к отлету. Для этого потребовалось

---

* Твердой Земле (лат.)

облегчить гондолу, и вот с полдюжины мешков, которые он выбросил, не потрудившись предварительно опорожнить их, один за другим шлепнулись за спину бургомистра и заставили этого сановника столько же раз перекувыркнуться на глазах у всего города. Не следует думать, однако, что великий Ундердук оставил безнаказанной наглую выходку старикашки. Напротив, рассказывают, будто он, падая, каждый раз выпускал не менее полдюжины огромных и яростных клубов из своей трубки, которую все время крепко держал в зубах и намерен был держать (с божьей помощью) до последнего своего вздоха.

Тем временем воздушный шар взвился, точно жаворонок, на громадную высоту и вскоре, исчезнув за облаком, в точности похожим на то, из-за которого он так неожиданно выплыл, скрылся навеки от изумленных взоров добрых роттердамцев. Внимание всех устремилось теперь на письмо, падение которого и последовавшие затем происшествия оказались столь оскорбительными для персоны и персонального достоинства его превосходительства ван Ундердука. Тем не менее этот сановник во время своих коловращений не упустил из вида письмо, которое, как оказалось при ближайшем рассмотрении, попало в надлежащие руки, будучи адресовано ему и профессору Рубадубу как президенту и вице-президенту Роттердамского астрономического общества. Итак, названные сановники распечатали письмо тут же на месте и нашли в нем следующее необычное и весьма важное сообщение:

«Их превосходительствам господину ван Ундердуку и господину Рубадубу, президенту и вице-президенту Астрономического общества в городе Роттердаме.

Быть может, ваши превосходительства соблаговолят припомнить Ганса Пфааля, скромного ремесленника, занимавшегося починкой мехов для раздувания огня, — который вместе с тремя другими обывателями исчез из города Роттердама около пяти лет тому назад при обстоятельствах, можно сказать, чрезвычайных. Как бы то ни было, с позволения ваших превосходительств, я, автор настоящего сообщения, и есть тот самый Ганс Пфааль. Большинству моих сограждан известно, что в течение сорока лет я занимал небольшой кирпичный дом в конце переулка, именуемого переулком Кислой Капусты, где проживал вплоть до дня моего исчезновения. Предки мои с незапамятных времен обитали там же, подвизаясь на том же почетном и весьма прибыльном поприще починки мехов для раздувания огня. Ибо, говоря откровенно, до последних лет, когда весь народ

прямо помешался на политике, ни один честный роттердамский гражданин не мог бы пожелать или заслужить право на лучшую профессию. Я пользовался широким кредитом, в работе никогда не было недостатка — словом, и денег и заказов было вдоволь. Но, как я уже сказал, мы скоро почувствовали, к чему ведет пресловутая свобода, бесконечные речи, радикализм и тому подобные штуки. Людям, которые раньше являлись нашими лучшими клиентами, теперь некогда было и подумать о нас, грешных. Они только и знали, что читать о революциях, следить за успехами человеческой мысли и приспосабливаться к духу времени. Если требовалось растопить очаг, огонь раздували газетой; я не сомневаюсь, что, по мере того как правительство становилось слабее, железо и кожа выигрывали в прочности, так как в самое короткое время во всем Роттердаме не осталось и пары мехов, которые требовали бы помощи иглы или молотка. Словом, положение сделалось невыносимым. Вскоре я уже был беден как мышь, а надо было кормить жену и детей. В конце концов мне стало просто невтерпёж, и я проводил целые часы, обдумывая, каким бы способом лишиться себя жизни; но кредиторы не оставляли мне времени для размышлений. Мой дом буквально подвергался осаде с утра до вечера. Трое заимодавцев особенно допекали меня, часами подстерегая у дверей и грозя судом. Я поклялся жестоко отомстить им, если только когда-нибудь они попадут мне в лапы, и думаю, что лишь предвкушение этой мести помешало мне немедленно привести в исполнение мой план покончить с жизнью и раздробить себе череп выстрелом из мушкетона. Как бы то ни было, я счел за лучшее затаить свою злобу и умасливать их ласковыми словами и обещаниями, пока благоприятный оборот судьбы не доставит мне случая для мести.

Однажды, ускользнув от них и чувствуя себя более чем когда-либо в угнетенном настроении, я бесцельно бродил по самым глухим улицам, пока не завернул случайно в лавочку букиниста. Увидев стул, приготовленный для посетителей, я угрюмо опустился на него и машинально раскрыл первую попавшуюся книгу. Это оказался небольшой полемический трактат по теоретической астрономии, сочинение не то берлинского профессора Энке, не то француза с такой же фамилией. Я немножко маракую в астрономии и вскоре совершенно углубился в чтение; я прочел книгу дважды, прежде чем сообразил, где я и что я. Тем временем стемнело, и пора было идти домой. Но книжка (в связи с новым открытием по части пневматики, тайну которого сообщил мне недавно один мой родственник из Нанта) произвела на меня

неизгладимое впечатление, и, блуждая по темным улицам, я размышлял о странах и не всегда понятных рассуждениях автора. Некоторые места особенно поразили мое воображение. Чем больше я раздумывал над ними, тем сильнее они занимали меня. Недостаточность моего образования и, в частности, отсутствие знаний по естественным наукам отнюдь не внушали мне недоверия к моей способности понять прочтенное или к тем смутным сведениям, которые явились результатом чтения, — все это только пуще разжигало мое воображение. Я был настолько безрассуден или настолько рассудителен, что спрашивал себя: точно ли нелепы фантастические идеи, возникающие в причудливых умах, и не обладают ли они в ряде случаев силой, реальностью и другими свойствами, присущими инстинкту или вдохновению?

Я пришел домой поздно и тотчас лег в постель. Но голова моя была слишком возбуждена, и я целую ночь провел в размышлениях. Поднявшись спозаранку, я поспешил в книжную лавку и купил несколько трактатов по механике и практической астрономии, истратив на них всю имевшуюся у меня скудную наличность. Затем, благополучно вернувшись домой с приобретенными книгами, я стал посвящать чтение каждую свободную минуту и вскоре достиг знаний, которые счел достаточным для того, чтобы привести в исполнение план, внушенный мне дьяволом или моим добрым гением. В то же время я всеми силами старался умаслить трех кредиторов, столь жестоко донимавших меня. В конце концов я преуспел в этом, уплатив половину долга из денег, вырученных от продажи кое-каких домашних вещей, и обещав уплатить остальное, когда приведу в исполнение один проект, в осуществлении которого они (люди совершенно невежественные) согласились мне помочь.

Уладив таким образом свои дела, я при помощи жены и с соблюдением строжайшей тайны постарался сбыть все остальное имущество и собрал порядочную сумму денег, занимая по мелочам, где придется, под разными предложениями (со стыдом должен сознаться), не имея притом никаких надежд возратить эти долги в будущем. На деньги, добытые таким путем, я помаленьку накопил: очень тонкого кембриковоского муслина, кусками по двенадцати ярдов каждый, веревок, каучукового лака, широкую и глубокую плетеную корзину, сделанную по заказу, и разных других материалов, необходимых для сооружения и оснастки воздушного шара огромных размеров. Изготовление шара я поручил жене, дав ей надлежащие указания, и просил окончить работу как можно скорее; сам же тем временем сплел сетку, снабдив ее

обручами и крепкими веревками, и приобрел множество инструментов и материалов для опытов в верхних слоях атмосферы. Далее, я перевез ночью в глухой закоулок на восточной окраине Роттердама пять бочек, обитых железными обручами, вместимостью в пятьдесят галлонов каждая, и шестую побольше, полдюжины жестяных труб в десять футов длиной и в три дюйма диаметром, *запас особого металлического вещества, или полуметалла*, название которого я не могу открыть, и двенадцать бутылей *самой обыкновенной кислоты*. Газа, получаемого с помощью этих материалов, еще никто, кроме меня, не добывал — или, по крайней мере, он никогда не применялся для подобной цели. Я могу только сообщить, что он является составной частью азота, так долго считавшегося неразложимым, и что плотность его в 37,4 раза *меньше плотности водорода*. Он не имеет вкуса, но обладает запахом; очищенный — горит зеленоватым пламенем и безусловно смертелен для всякого живого существа. Я мог бы описать его во всех подробностях, но, как уже наметнул выше, право на это открытие принадлежит по справедливости одному нантскому гражданину, который поделился со мною своей тайной на известных условиях. Он же сообщил мне, ничего не зная о моих намерениях, способ изготовления воздушных шаров из кожи одного животного, сквозь которую газ почти не проникает. Я, однако, нашел этот способ слишком дорогим и решил, что в конце концов кембриковый муслин, покрытый слоем каучука, ничуть не хуже. Упоминаю об этом, так как считаю весьма возможным, что мой нантский родственник попытается сделать воздушный шар с помощью нового газа и материала, о котором я говорил выше, — и отнюдь не желаю отнимать у него честь столь замечательного открытия.

На тех местах, где во время наполнения шара должны были находиться бочки поменьше, я выкопал небольшие ямы, так что они образовали круг диаметром в двадцать пять футов. В центре этого круга была вырыта яма поглубже, над которой я намеревался поставить большую бочку. Затем я опустил в каждую из пяти маленьких ям ящик с порохом, по пятидесяти фунтов в каждом, а в большую — бочонок со ста пятьюдесятью фунтами пушечного пороха. Соединив бочонок и ящики подземными проводами и приспособив к одному из ящиков фитиль в четыре фута длиной, я прикрыл его бочкой, так что конец фитиля высовывался из-под нее только на дюйм; потом засыпал остальные ямы и установил над ними бочки в надлежащем положении.

Кроме перечисленных выше приспособлений, я приприя-

тал в своей мастерской аппарат господина Гримма для сгущения атмосферного воздуха. Впрочем, эта машина, чтобы удовлетворить моим целям, потребовала значительных изменений. Но путем упорного труда и неутомимой настойчивости мне удалось преодолеть все эти трудности. Вскоре мой шар был готов. Он вмещал более сорока тысяч кубических футов газа и легко мог поднять меня, мои запасы и сто семьдесят пять фунтов балласта. Шар был покрыт тройным слоем лака, и я убедился, что кембриковый муслин ничуть не уступает шелку, так же прочен, но гораздо дешевле.

Когда все было готово, я взял со своей жены клятву хранить в тайне все мои действия с того дня, когда я в первый раз посетил книжную лавку; затем, обещав вернуться, как только позволят обстоятельства, я отдал ей оставшиеся у меня деньги и распростился с нею. Мне нечего было беспокоиться на ее счет. Моя жена, что называется, ловкая баба и сумеет прожить на свете без моей помощи. Говоря откровенно, мне сдается, что она всегда считала меня лентяем, дармоедом, способным только строить воздушные замки, и была очень рада отделаться от меня. Итак, простившись с ней в одну темную ночь, я захватил с собой в качестве адъютантов трех кредиторов, доставивших мне столько неприятностей, и мы потащили шар, корзину и прочие принадлежности окольным путем к месту отправки, где уже были заготовлены все остальные материалы. Все оказалось в порядке, и я немедленно приступил к делу.

Было 1 апреля. Как я уже сказал, ночь стояла темная, на небе ни звездочки; моросил мелкий дождь, по милости которого мы чувствовали себя весьма скверно. Но хуже всего меня беспокоил шар, который, хотя и был покрыт лаком, однако сильно отяжелел от сырости; да и порох мог подмокнуть. Итак, я попросил моих трех кредиторов приняться за работу, и как можно ретивее: толочь лед около большой бочки и размешивать кислоту в остальных. Однако они смертельно надоели мне вопросами — к чему все эти приготовления, и страшно злились на тяжелую работу, которую я заставил их делать. Какой прок, говорили они, выйдет из того, что они промокнут до костей, принимая участие в таком ужасном колдовстве? Я начинал чувствовать себя очень неловко и работал изо всех сил, так как эти дураки, видимо, действительно вообразили, будто я заключил договор с дьяволом. Я ужасно боялся, что они совсем уйдут от меня. Как бы то ни было, я старался уговорить их, обещая расплатиться полностью, лишь только мы доведем мое предприятие до конца. Без сомнения, они по-своему истолковали эти слова,

решив, что я должен получить изрядную сумму чистоганом; а до моей души им, конечно, не было никакого дела, — лишь бы я уплатил долг да прибавил малую толику за услуги.

Через четыре с половиной часа шар был в достаточной степени наполнен. Я привязал корзину и положил в нее мой багаж: зрительную трубку, высотомер с некоторыми важными усовершенствованиями, термометр, электрометр, компас, циркуль, секундные часы, колокольчик, рупор и прочее и прочее; кроме того, тщательно закупоренный пробкой стеклянный шар, из которого был выкачан воздух, аппарат для сгущения воздуха, запас негашенной извести, кусок воска и обильный запас воды и съестных припасов, главным образом пеммикана, который содержит много питательных веществ при сравнительно небольшом объеме. Я захватил также пару голубей и кошку.

Рассвет был близок, и я решил, что пора лететь. Уронив, словно нечаянно, сигарету, я воспользовался этим предложением и, поднимая ее, зажег кончик фитиля, высовывавшийся, как было описано выше, из-под одной бочки меньшего размера. Этот маневр остался совершенно не замеченным моими кредиторами. Затем я вскочил в корзину, одним махом перерезал веревку, прикреплявшую шар к Земле, и с удовольствием убедился, что поднимаюсь с головокружительной быстротой, унося с собою сто семьдесят пять фунтов балласта (а мог бы унести вдвое больше). В минуту взлета высотомер показал тридцать дюймов, а термометр — девятнадцать градусов.

Но едва я поднялся на высоту пятидесяти ярдов, как вдогонку мне взвился с ужаснейшим ревом и свистом такой страшный вихрь огня, песку, горящих обломков, раскаленного металла, растерзанных тел, что сердце мое замерло, и я повалился на дно корзины, дрожа от страха. Мне стало ясно, что я переусердствовал и что главные последствия толчка еще впереди. И точно, не прошло секунды, как вся моя кровь хлынула к вискам, и тотчас раздался взрыв, которого я никогда не забуду. Казалось, рушится самый небосвод. Впоследствии, размышляя над этим приключением, я понял, что причиной столь непомерной силы взрыва было положение моего шара как раз на линии сильнейшего действия этого взрыва. Но в ту минуту я думал только о спасении жизни. Сначала шар съжился, потом завертелся с ужасающей быстротой и, наконец, крутясь и шатаясь, точно пьяный, выбросил меня из корзины, так что я повис на страшной высоте вниз головой на тонкой бечевке фута в три длиною, случайно проскользнувшей в отверстие близ дна корзины и каким-то

чудом обмотавшейся вокруг моей левой ноги. Невозможно, решительно невозможно изобразить ужас моего положения. Я задыхался, дрожь, точно при лихорадке, сотрясала каждый нерв, каждый мускул моего тела, я чувствовал, что глаза мои вылезают из орбит, отвратительная тошнота подступала к горлу, — и наконец я лишился чувств.

Долго ли я провисел в таком положении, решительно не знаю. Должно быть, немало времени, ибо, когда я начал приходить в сознание, утро уже наступило, шар неся на чудовищной высоте над безбрежным океаном, и ни признака земли не было видно по всему широкому кругу горизонта. Я, однако, вовсе не испытывал такого отчаяния, как можно было ожидать. В самом деле, было что-то безумное в том спокойствии, с каким я принялся обсуждать свое положение. Я поднес к глазам одну руку, потом другую и удивился, отчего это вены на них налились кровью и ногти так страшно посинели. Затем тщательно исследовал голову, несколько раз потряхнул ею, ощупал очень подробно и наконец убедился, к своему удовольствию, что она отнюдь не больше воздушного шара, как мне сначала представилось. Потом я ощупал карманы брюк и, не найдя в них записной книжки и футлярчика с зубочистками, долго старался объяснить себе, куда они девались, но, не успев в этом, почувствовал невыразимое огорчение. Тут я ощутил крайнюю неловкость в левой лодыжке, и у меня явилось смутное сознание моего положения. Но странное дело — я не был удивлен и не ужаснулся. Напротив, я чувствовал какое-то острое удовольствие при мысли о том, что так ловко выпутаюсь из стоявшей передо мной дилеммы, и ни на секунду не сомневался в том, что не погибну. В течение нескольких минут я предавался глубокому раздумью. Совершенно отчетливо помню, что я поджимал губы, приставлял палец к носу и делал другие жесты и гримасы, как это в обычае у людей, когда они, спокойно сидя в своем кресле, размышляют над запутанными или сугубо важными вопросами. Наконец, собравшись с мыслями, я очень спокойно и осторожно засунул руки за спину и снял с ремня, стягивавшего мои панталоны, большую железную пряжку. На ней было три зубца, несколько заржавевшие и потому с трудом повертывавшиеся вокруг своей оси. Тем не менее мне удалось поставить их под прямым углом к пряжке, и я с удовольствием убедился, что они держатся в этом положении очень прочно. Затем, взяв в зубы пряжку, я постарался развязать галстук, что мне удалось не сразу, но в конце концов удалось. К одному концу галстука я прикрепил пряжку, а другой крепко обвязал вокруг запястья. Затем со

страшным усилием мускулов качнулся вперед и забросил ее в корзину, где, как я и ожидал, она застряла в петлях плетения.

Теперь мое тело по отношению к краю корзины образовало угол градусов в сорок пять. Но это вовсе не значит, что оно только на сорок пять градусов отклонялось от вертикальной линии. Напротив, я лежал почти горизонтально, так как переменяв положение, заставил корзину сильно наклониться, и мне по-прежнему угрожала большая опасность. Но если бы, вылетев из корзины, я повис лицом к шару, а не наружу, если бы веревка, за которую я зацепился, перекинулась через край корзины, а не выскользнула в отверстие на дне, мне не удалось бы даже то небольшое, что удалось теперь, и мои открытия были бы утрачены для потомства. Итак, я имел все основания благодарить судьбу. Впрочем, в эту минуту я все еще был слишком ошеломлен, чтобы испытывать какие-либо чувства, и с добрые четверть часа провисел совершенно спокойно, в бессмысленно-радостном настроении. Вскоре, однако, это настроение сменилось ужасом и отчаянием. Я понял всю меру своей беспомощности и близости к гибели. Дело в том, что кровь, застоявшаяся так долго в сосудах головы и гортани и доведшая мой мозг почти до бреда, мало-помалу отхлынула, и прояснившееся сознание, раскрыв передо мною весь ужас положения, в котором я очутился, только лишило меня самообладания и мужества. К счастью, этот припадок слабости не был продолжителен. На помощь мне явилось отчаяние: с яростным криком, судорожно извиваясь и раскачиваясь, я стал метаться, как безумный, пока наконец, уцепившись, точно клещами, за край корзины, не перекинулся через него и, весь дрожа, не свалился на дно.

Лишь спустя некоторое время я опомнился настолько, что мог приняться за осмотр воздушного шара. К моей великой радости, он оказался неповрежденным. Все мои запасы уцелели; я не потерял ни провизии, ни балласта. Впрочем, я уложил их так тщательно, что это и не могло случиться. Часы показывали шесть. Я все еще быстро поднимался; высотомер показывал высоту в три и три четверти мили. Как раз надо мною, на океане, виднелся маленький черный предмет — продолговатый, величиной с косточку домино, да и всем видом напоминавший ее. Направив на него зрительную трубку, я убедился, что это девяносточетырехпушечный, тяжело нагруженный английский корабль, — он медленно шел в направлении вест-зюйд-вест. Кроме него, я видел только море, небо и солнце, которое уже давно взошло.

Но пора мне объяснить вашим превосходительствам

цель моего путешествия. Ваши превосходительства соблаговолят припомнить, что расстроенные обстоятельства в конце концов заставили меня прийти к мысли о самоубийстве. Это не значит, однако, что жизнь сама по себе мне опротивела, — нет, мне стало только невтерпеж мое бедственное положение. В этом-то состоянии, желая жить и в то же время измученный жизнью, я случайно прочел книжку, которая, в связи с открытием моего нантского родственника, доставила обильную пищу моему воображению. И тут я наконец нашел выход. Я решил исчезнуть с лица земли, оставшись тем не менее в живых; покинуть этот мир, продолжая существовать, — одним словом, решил во что бы то ни стало добраться до *Луны*. Чтобы не показаться совсем сумасшедшим, я теперь постараюсь изложить, как умею, соображения, в силу которых считал это предприятие — бесспорно трудное и опасное — все же не совсем безнадежным для человека отважного.

Прежде всего, конечно, возник вопрос о расстоянии Луны от Земли. Известно, что среднее расстояние между *центрами* этих двух небесных тел равно 59,9643 экваториальных *радиусов* земного шара, что составляет всего 237000 миль. Я говорю о среднем расстоянии; но так как орбита Луны представляет собой эллипс, эксцентриситет которого достигает в длину не менее 0,05484 большой полуоси самого эллипса, а Земля расположена в фокусе последнего, — то, если бы мне удалось встретить Луну в перигелии, вышеуказанное расстояние сократилось бы весьма значительно. Но, даже оставив в стороне эту возможность, достаточно вычесть из этого расстояния радиус Земли, то есть 4000, и радиус Луны, то есть 1080, а всего 5080 миль, и окажется, что средняя длина пути при обыкновенных условиях составит 231 920 миль. Расстояние это не представляет собой ничего чрезвычайного. Путешествия на Земле сплошь и рядом совершаются со средней скоростью шестьдесят миль в час, и, без сомнения, есть полная возможность увеличить эту скорость. Но даже если ограничиться ею, чтобы достичь Луны, потребуется не более 161 дня. Однако различные соображения заставляли меня думать, что средняя скорость моего путешествия намного превзойдет шестьдесят миль в час, и так как эти соображения оказали глубокое воздействие на мой ум, то я изложу их подробнее.

Прежде всего остановлюсь на следующем весьма важном пункте. Показания приборов при полетах говорят нам, что на высоте 1000 фунтов над поверхностью Земли мы оставляем под собой около одной тридцатой части всей мас-

сы атмосферного воздуха, на высоте 10 600 футов — около трети, а на высоте 18 000 футов, то есть почти на высоте Котопахи, под нами остается половина, — по крайней мере, половина весомой массы воздуха, облекающего нашу планету. Вычислено также, что на высоте, не превосходящей одну сотую земного диаметра, то есть не более восьмидесяти миль, атмосфера разрежена до такой степени, что самые чувствительные приборы не могут обнаружить ее присутствия и жизнь животного организма становится невозможной. Но я знал, что все эти расчеты основаны на опытном изучении свойств воздуха и законов его расширения и сжатия в непосредственном соседстве с Землей, причем считается доказанным, что свойства животного организма не могут меняться ни на каком расстоянии от земной поверхности. Между тем выводы, основанные на таких данных, без сомнения проблематичны. Наибольшая высота, на которую когда-либо поднимался человек, достигнута аэронавтами гг. Гей-Люссаком и Био, поднявшимися на 25 000 футов. Высота очень незначительная, даже в сравнении с упомянутыми восьмьюдесятью милями. Стало быть, рассуждал я, тут останется мне немало места для сомнений и полный простор для догадок.

Кроме того, количество весомой атмосферы, которую шар оставляет за собой при подъеме, отнюдь не находится в прямой пропорции к высоте, а (как видно из вышеприведенных данных) в постоянно убывающем *ratio* *. Отсюда ясно, что, на какую бы высоту мы ни поднялись, мы никогда не достигнем такой границы, выше которой вовсе не существует атмосферы. Она должна существовать, рассуждал я, хотя, быть может, в состоянии бесконечного разрежения.

С другой стороны, мне было известно, что есть достаточно оснований допускать существование реальной определенной границы атмосферы, выше которой воздуха безусловно нет. Но одно обстоятельство, упущенное из виду защитниками этой точки зрения, заставляло меня сомневаться в ее справедливости, и, во всяком случае, считать необходимой серьезную проверку. Если сравнить интервалы между регулярными появлениями кометы Энке в ее перигелии, принимая в расчет возмущающее действие притяжения планет, то окажется, что эти интервалы постепенно уменьшаются, то есть главная ось орбиты становится все короче. Так и должно быть, если допустить существование чрезвычайно разреженной

---

* Здесь: порядке (лат.)

эфирной среды, сквозь которую проходит орбита кометы. Ибо сопротивление подобной среды, замедляя движение кометы, очевидно, должно увеличить ее центростремительную силу, уменьшая центробежную. Иными словами, действие солнечного притяжения постоянно усиливается, и комета с каждым периодом приближается к Солнцу. Другого объяснения этому изменению орбиты не придумаешь. Кроме того, замечено, что поперечник кометы быстро уменьшается с приближением к Солнцу и столь же быстро принимает прежнюю величину при возвращении кометы в афелий. И разве это кажущееся уменьшение объема кометы нельзя объяснить, вместе с господином Вальцом, сгущением вышеупомянутой эфирной среды, плотность которой увеличивается по мере приближения к Солнцу? Явление, известное под именем зодиакального света, также заслуживает внимания. Чаще всего оно наблюдается под тропиками и не имеет ничего общего со светом, излучаемым метеорами. Это светлые полосы, тянущиеся от горизонта наискось и вверх, по направлению солнечного экватора. Они, несомненно, имеют связь не только с разреженной атмосферой, простирающейся от солнца по меньшей мере до орбиты Венеры, а по моему мнению, и гораздо дальше*. В самом деле, я не могу допустить, чтобы эта среда ограничилась орбитой кометы или пространством, непосредственно примыкающим к Солнцу. Напротив, гораздо легче предположить, что она наполняет всю нашу планетную систему, сгущаясь поблизости от планет и образуя то, что мы называем атмосферными оболочками, которые, быть может, также изменялись под влиянием геологических факторов, то есть смешивались с испарениями, выделявшимися той или другой планетой.

Остановившись на этой точке зрения, я больше не стал колебаться. Предполагая, что всюду на своем пути найду атмосферу, в основных чертах сходную с земной, я надеялся, что мне удастся с помощью остроумного аппарата господина Гримма сгустить ее в достаточной степени, чтобы дышать. Таким образом, главное препятствие для полета на Луну устранялось. Я затратил немало труда и изрядную сумму денег на покупку и усовершенствование аппарата и не сомневался, что он успешно вы-

---

* Этот зодиакальный свет, по всей вероятности, то же самое, что древние называли "огненными столбами": *Elicant Trabes quos docos vocant*. См.: Плиний, II, 26.

полнит свое назначение, лишь бы путешествие не затянулось. Это соображение заставляет меня вернуться к вопросу о возможной скорости такого путешествия.

Известно, что воздушные шары в первые минуты взлета поднимаются сравнительно медленно. Быстрота подъема всецело зависит от разницы между плотностью атмосферного воздуха и газа, наполняющего шар. Если принять в расчет это обстоятельство, то покажется совершенно невероятным, чтобы скорость восхождения могла увеличиться в верхних слоях атмосферы, плотность которых уменьшается. С другой стороны, я не знаю ни одного отчета о воздушном путешествии, в котором бы сообщалось об уменьшении скорости по мере подъема; а между тем она, несомненно, должна бы была уменьшаться — хотя бы вследствие просачивания газа сквозь оболочку шара, покрытую обыкновенным лаком,— не говоря о других причинах. Одна эта потеря газа должна бы тормозить ускорение, возникающее в результате удаления шара от центра Земли. Имея в виду все эти обстоятельства, я полагал, что если только найду на моем пути среду, о которой упоминал выше, и если эта среда в основных своих свойствах будет представлять собой то самое, что мы называем атмосферным воздухом, то степень ее разрежения не окажет особого влияния — то есть не отразится на быстроте моего взлета, — так как по мере разрежения среды станет соответственно разрежаться и газ внутри шара (для предотвращения разрыва оболочки я могу выпускать его по мере надобности с помощью клапана); в то же время, оставаясь тем, что он есть, газ всегда окажется относительно легче, чем какая бы то ни была смесь азота с кислородом. Таким образом, я имел основание надеяться — даже, собственно говоря, быть почти уверенным, — что ни в какой момент моего взлета мне не придется достигнуть пункта, в котором вес моего огромного шара, заключенного в нем газа, корзины и ее содержимого превзойдет вес вытесняемого ими воздуха. А только это последнее обстоятельство могло бы остановить мое восхождение. Но если даже я и достигну такого пункта, то могу выбросить около трехсот фунтов балласта и других материалов. Тем временем сила тяготения будет непрерывно уменьшаться пропорционально квадратам расстояний, а скорость полета увеличиваться в чудовищной прогрессии, так что в конце концов я попаду в сферу,

где земное притяжение уступит место притяжению Луны.

Еще одно обстоятельство несколько смутило меня. Замечено, что при подъеме воздушного шара на значительную высоту воздухоплаватель испытывает, помимо затрудненного дыхания, ряд болезненных ощущений, сопровождающихся кровотечением из носа и другими тревожными признаками, которые усиливаются по мере подъема.*

Это обстоятельство наводило на размышления весьма неприятного свойства. Что, если эти болезненные явления будут все усиливаться и окончатся смертью? Однако я решил, что этого вряд ли следует опасаться. Ведь их причина заключается в постепенном уменьшении обычного атмосферного давления на поверхность тела и в соответственном расширении поверхностных кровяных сосудов, а не в расстройстве органической системы, как при затрудненном дыхании, вызванном тем, что разреженный воздух по своему химическому составу недостаточен для обновления крови в желудочках сердца. Оставив в стороне это недостаточное обновление крови, я не вижу, почему бы жизнь не могла продолжаться даже в вакууме, так как расширение и сжатие груди, называемое обычно дыханием, есть чисто мышечное явление и вовсе не следствие, а причина дыхания. Словом, я рассудил, что, когда тело привыкнет к недостаточному атмосферному давлению, болезненные ощущения постепенно уменьшатся, а я пока что уж как-нибудь перетерплю, здоровье у меня железное.

Таким образом, я, с позволения ваших превосходств, подробно изложил некоторые — хотя далеко не все — соображения, которые легли в основу моего плана путешествия на Луну. А теперь возвращусь к описанию результата моей попытки — с виду столь безрасудной и, во всяком случае, единственной в летописях человечества.

Достигнув уже упомянутой высоты в три и три четверти мили, я выбросил из корзины горсть перьев и убедился, что шар мой продолжает подниматься с достаточной быстротой и, следовательно, пока нет надобности выбрасывать балласт. Я был очень доволен этим обстоятельством, так как хотел

---

* После опубликования отчета Ганса Пфааля я узнал, что известный аэронавт Грин и другие позднейшие воздухоплаватели опровергают мнение Гумбольдта об этом предмете и говорят об уменьшении болезненных явлений, — вполне согласно с изложенной здесь теорией.

сохранить как можно больше тяжести, не зная наверняка, какова степень притяжения Луны и плотность лунной атмосферы. Пока я не испытывал никаких болезненных ощущений, дышал вполне свободно и не чувствовал ни малейшей головной боли. Кошка расположилась на моем пальто, которое я снял, и с напускным равнодушием поглядывала на голубей. Голуби, которых я привязал за ноги, чтобы они не улетели, деловито клевали зерна риса, насыпанные на дно корзины. В двадцать минут седьмого высотомер показал высоту в 26 400 футов, то есть пять с лишним миль. Простор, открывавшийся передо мною, казался безграничным. На самом деле, с помощью сферической тригонометрии нетрудно вычислить, какую часть земной поверхности я мог охватить взглядом. Ведь выпуклая поверхность сегмента шара относится ко всей его поверхности, как обращенный синус сегмента к диаметру шара. В данном случае обращенный синус — то есть, иными словами, толщина сегмента, находившегося подо мною, почти равнялась расстоянию, на котором я находился от земли, или высоте пункта наблюдения; следовательно, часть земной поверхности, доступная моему взору, выражалась отношением пяти миль к восьми тысячам. Иными словами, я видел одну тысячестисотую часть всей земной поверхности. Море казалось гладким, как зеркало, хотя в зрительную трубку я мог убедиться, что волнение на нем очень сильное. Корабль давно исчез в восточном направлении. Теперь я по временам испытывал жестокую головную боль, в особенности за ушами, хотя дышал довольно свободно. Кошка и голуби чувствовали себя, по-видимому, как нельзя лучше.

Без двадцати минут семь мой шар попал в слой густых облаков, которые причинили мне немало неприятностей, повредив сгущающий аппарат и промочив меня до костей. Это была, без сомнений, весьма странная встреча: я никак не ожидал, что подобные облака могут быть на такой огромной высоте. Все же я счел за лучшее выбросить два пятифунтовых мешка с балластом, оставив про запас сто шестьдесят пять фунтов. После этого я быстро выбрался из облаков и убедился, что скорость подъема значительно возросла. Спустя несколько секунд после того, как я оставил под собой облако, молния прорезала его с одного конца до другого, и все оно вспыхнуло, точно груды раскаленного угля. Напомню, что это происходило при ясном дневном свете. Никакая фантазия не в силах представить себе величие подобного явления; случись оно ночью, оно было бы точной картиной ада. Даже теперь волосы поднялись дыбом на моей голове, когда я смотрел в глубь этих зияющих бездн и мое вообра-

жение блуждало среди огненных зал с причудливыми сводами, развалин и пропастей, озаренных багровым, нездешним светом. Я едва избежал опасности. Если бы шар помедлил еще немного внутри облака — иными словами, если бы сырость не заставила меня выбросить два мешка с балластом — последствием могла быть — и была бы, по всей вероятности, — моя гибель. Такие случайности для воздушного шара, может быть, опаснее всего, хотя их обычно не принимают в расчет. Тем временем я оказался уже на достаточной высоте, чтобы считать себя застрахованным от дальнейших приключений в том же роде.

Я продолжал быстро подниматься, и к семи часам высометер показал высоту не менее девяти с половиной миль. Мне уже становилось трудно дышать, голова мучительно болела, с некоторых пор я чувствовал какую-то влагу на щеках и вскоре убедился, что из ушей течет кровь. Глаза тоже болели: когда я провел по ним рукой, мне показалось, что они вылезли из орбит; все предметы в корзине и сам шар приняли уродливые очертания. Эти болезненные симптомы оказались сильнее, чем я ожидал, и не на шутку встревожили меня. Расстроенный, хорошенько не отдавая себе отчета в том, что делаю, я совершил нечто в высшей степени неблагоразумное: выбросил из корзины три пятифунтовых мешка с балластом. Шар рванулся и перенес меня сразу в столь разреженный слой атмосферы, что результат едва не оказался роковым для меня и моего предприятия. Я внезапно почувствовал припадок удушья, продолжавшийся не менее пяти минут; даже когда он прекратился, я не мог вздохнуть как следует. Кровь струилась у меня из носа, из ушей и даже из глаз. Голуби отчаянно бились, стараясь вырваться на волю; кошка жалобно мяукала и, высунув язык, металась туда и сюда, точно проглотила отраву. Слишком поздно поняв свою ошибку, я пришел в отчаяние. Я ожидал неминуемой и близкой смерти. Физические страдания почти лишили меня способности предпринять что-либо для спасения своей жизни, мозг почти отказывался работать, а головная боль усиливалась с каждой минутой. Чувствуя близость обморока, я хотел было дернуть веревку, соединенную с клапаном, чтобы спуститься на землю, — как вдруг вспомнил о том, что я проделал с кредиторами, и о вероятных последствиях, ожидающих меня в случае возвращения на землю. Это воспоминание остановило меня. Я лег на дно корзины и постарался собраться с мыслями. Это удалось мне настолько, что я решил пустить себе кровь. За неимением ланцета я произвел эту операцию, открыв вену на левой руке с помощью перо-

чинного ножа, Как только потекла кровь, я почувствовал большое облегчение, а когда вышло с полчаски, худшие из болезненных симптомов совершенно исчезли. Все же я не решился встать и, кое-как забинтовав руку, пролежал еще с четверть часа. Наконец я поднялся; оказалось, что все болезненные ощущения, преследовавшие меня в течение последнего часа, исчезли. Только дыхание было по-прежнему затруднено, и я понял, что вскоре придется прибегнуть к конденсатору. Случайно взглянув на кошку, которая снова улеглась на пальто, я увидел, к своему крайнему изумлению, что во время моего припадка она разрешилась тремя котятками. Этого прибавления пассажиров я отнюдь не ожидал, но был им очень доволен: оно давало мне возможность проверить гипотезу, которая более чем что-либо другое повлияла на мое решение. Я объяснял болезненные явления, испытываемые воздухоплателем на известной высоте, привычкой к определенному давлению атмосферы около земной поверхности. Если котята будут страдать в такой же степени, как мать, то моя теория, видимо, ошибочна, если же нет — она вполне подтвердится.

К восьми часам я достиг семнадцати миль над поверхностью Земли. Очевидно, скорость подъема возрастала, и если бы даже я не выбросил балласта, то зашел бы это ускорение, хотя, конечно, оно не совершилось бы так быстро. Жестокая боль в голове и ушах по временам возвращалась; иногда текла из носа кровь; но, в общем, страдания мои были гораздо незначительнее, чем я ожидал. Только дышать становилось все труднее, и каждый вздох сопровождался мучительными спазмами в груди. Я распаковал аппарат для конденсации воздуха и принялся налаживать его.

С этой высоты на Землю открывался великолепный вид. К западу, к северу и к югу, насколько мог охватить глаз, расстилалась бесконечная гладь океана, приобретающая с каждой минутой все более яркий голубой оттенок. Вдали, на востоке, вырисовывалась Великобритания, все атлантическое побережье Франции и Испании и часть северной окраины Африканского материка. Подробностей, разумеется, не было видно, и самые пышные города точно исчезли с лица земли.

Больше всего удивила меня кажущаяся вогнутость земной поверхности. Я, напротив, ожидал, что по мере подъема она будет представлять мне все более выпуклой; но, подумав немного, сообразил, что этого не могло быть. Перпендикуляр, опущенный из пункта моего наблюдения к земной поверхности, представлял бы собой один из катетов прямоугольного

треугольника, основание которого простиралось до горизонта, а гипотенуза — от горизонта к моему шару. Но высота, на которой я находился, была ничтожна сравнительно с пространством, которое я мог обозреть. Иными словами, основание и гипотенуза упомянутого треугольника были бы так велики сравнительно с высотой, что могли бы считаться почти параллельными линиями. Поэтому горизонт для аэронавта остается всегда на одном уровне с корзиной. Но точка, находящаяся под ним внизу, кажется отстоящей и действительно отстоит на огромное расстояние — следовательно, ниже горизонта. Отсюда — впечатление вогнутости, которое и останется до тех пор, пока высота не достигнет такого отношения к диаметру видимого пространства, при котором кажущаяся параллельность основания и гипотенузы исчезнет.

Так как голуби все время жестоко страдали, я решил выпустить их. Сначала я отвязал одного — серого крапчатого красавца — и посадил на обруч сетки. Он очень забеспокоился, жалобно поглядывая кругом, хлопал крыльями, ворковал, но не решался вылететь из корзины. Тогда я взял его и отбросил ярдов на пять-шесть от шара. Однако он не полетел вниз, как я ожидал, а изо всех сил устремился обратно к шару, издавая резкие, пронзительные крики. Наконец ему удалось вернуться на старое место, но, едва усевшись на обруч, он уронил головку на грудь и упал мертвым в корзину. Другой был счастливее. Чтобы предупредить его возвращение, я изо всех сил швырнул его вниз и с радостью увидел, что он продолжает спускаться, быстро, легко и свободно взмахивая крыльями. Вскоре он исчез из вида и, не сомневаюсь, благополучно добрался до земли. Кошка, по-видимому, оправившаяся от своего припадка, с аппетитом съела мертвого голубя и улеглась спать. Котята были живы и не обнаруживали пока ни малейших признаков заболевания.

В четверть девятого, испытывая почти невыносимые страдания при каждом затрудненном вздохе, я стал прилаживать к корзине аппарат, составлявший часть конденсатора. Он требует, однако, более подробного описания. Ваши превосходительства благоволят заметить, что целью моею было защитить себя и корзину как бы барьером от разреженного воздуха, который теперь окружал меня, с тем чтобы ввести внутрь корзины нужный для дыхания конденсированный воздух. С этой целью я заготовил плотную, совершенно непроницаемую, но достаточно эластичную каучуковую камеру в виде мешка. В этот мешок поместилась вся моя корзина, то есть он охватывал ее дно и края до верхнего обруча, к

которому была прикреплена сетка. Оставалось только стянуть края наверху, над обручем, то есть просунуть эти края между обручем и сеткой. Но если отделить сетку от обруча, чтобы пропустить края мешка, — на чем будет держаться корзина? Я разрешил это затруднение следующим образом: сетка не была наглухо соединена с обручем, а прикреплена посредством петель. Я снял несколько петель, предоставив корзине держаться на остальных, просунул край мешка над обручем и снова пристегнул петли, — не к обручу, разумеется, оттого что он находился под мешком, а к пуговицам на мешке, соответствовавшим петлям и пришитым футу на три ниже края; затем отстегнул еще несколько петель, просунул еще часть мешка и снова пристегнул петли к пуговицам. Таким образом мне мало-помалу удалось пропустить весь верхний край мешка между обручем и сеткой. Понятно, что обруч опустился в корзину, которая со всем содержимым держалась теперь только на пуговицах. На первый взгляд это грозило опасностью — но лишь на первый взгляд; пуговицы были не только очень прочны сами по себе, но и посажены так тесно, что на каждую приходилась лишь незначительная часть всей тяжести. Если бы корзина с ее содержимым была даже втрое тяжелее, меня это ничуть бы не беспокоило. Я снова приподнял обруч и прикрепил его почти на прежней высоте с помощью трех заранее приготовленных перекладин. Это я сделал для того, чтобы мешок оставался наверху растянутым и нижняя часть сетки не изменила своего положения. Теперь оставалось только закрыть мешок, что я и сделал без труда, собрав складками его верхний край и стянув их туго-натуго при помощи устойчивого вертлюга.

В боковых стенках мешка были сделаны три круглые окошка с толстыми, но прозрачными стеклами, сквозь которые я мог смотреть во все стороны по горизонтали. Такое же окошко находилось внизу и соответствовало небольшому отверстию в дне корзины: сквозь него я мог смотреть вниз. Но вверху нельзя было устроить такое окно, ибо верхний, стянутый, край мешка был собран складками. Впрочем, в этом окне и надобности не было, так как шар все заслонил бы собою.

Под одним из боковых окошек, примерно на расстоянии фута, имелось отверстие дюйма в три диаметром; а в отверстие было вставлено медное кольцо с винтовыми нарезками на внутренней поверхности. В это кольцо ввинчивалась трубка конденсатора, помещавшегося, само собою разумеется, внутри каучуковой камеры. Через эту трубку разреженный воздух втягивался с помощью вакуума, образовавшегося в

аппарате, сгущался и проходил в камеру. Повторив эту операцию несколько раз, можно было наполнить камеру воздухом, вполне пригодным для дыхания. Но в столь тесном помещении воздух, разумеется, должен был быстро портиться вследствие частого соприкосновения с легкими и становиться не пригодным для дыхания. Тогда его можно было выбрасывать посредством небольшого клапана на дне мешка; будучи более тяжелым этот воздух быстро опускался вниз, рассеиваясь в более легкой наружной атмосфере. Из опасения создать полный вакуум в камере при выпуске воздуха, очистка последнего никогда не производилась сразу, а лишь постепенно. Клапан открывался секунды на две — на три, потом замыкался, и так — несколько раз, пока конденсатор не заменял вытесненный воздух запасом нового. Ради опыта я положил кошку и котят в корзиночку, которую подвесил снаружи к пуговице, находящейся подле клапана; открывая клапан, я мог кормить кошек по мере надобности. Я сделал это раньше, чем затянул камеру, с помощью одного из упомянутого выше шестов, поддерживавших обруч. Как только камера наполнилась сконденсированным воздухом, шесты и обруч оказались излишними, ибо, расширяясь, внутренняя атмосфера и без них растягивала каучуковый мешок.

Когда я приладил все эти приборы и наполнил камеру, было всего без десяти минут девять. Все это время я жестоко страдал от недостатка воздуха и горько упрекал себя за небрежность, или скорее за безрассудную смелость, побудившую меня отложить до последней минуты столь важное дело. Но, когда наконец все было готово, я тотчас почувствовал благотворные последствия своего изобретения. Я снова дышал легко и свободно, — да и почему бы мне не дышать? К моему удовольствию и удивлению, жестокие страдания, терзавшие меня до сих пор, почти совершенно исчезли. Осталось только ощущение какой-то раздутости или растяжения в запястьях, лодыжках и гортани. Очевидно, мучительные ощущения, вызванные недостаточным атмосферным давлением, давно прекратились, а болезненное состояние, которое я испытывал в течение последних двух часов, происходило только вследствие затрудненного дыхания.

В сорок минут девятого, то есть незадолго до того, как я затянул отверстие мешка, ртуть опустилась до нижнего уровня в высотомере. Я находился на высоте 132 000 футов, то есть двадцати пяти миль, и, следовательно, мог обозревать не менее одной триста двадцатой всей земной поверхности. В девять часов я снова потерял из виду Землю на востоке,

заметив при этом, что шар быстро несется в направлении норд-норд-вест. Расстилавшийся подо мною океан все еще казался вогнутым; впрочем, облака часто скрывали его от меня.

В половине десятого я снова выбросил из корзины горсть перьев. Они не полетели, как я ожидал, но упали, как пуля, — всей кучей, с невероятной быстротою, — и в несколько секунд исчезли из виду. Сначала я не мог объяснить себе странное явление; мне казалось невероятным, чтобы быстрота подъема так страшно возросла. Но вскоре я сообразил, что разреженная атмосфера уже не могла поддерживать перья, — они действительно упали с огромной быстротой; и поразившее меня явление обусловлено было сочетанием скорости падения перьев со скоростью подъема моего шара.

Часам к десяти мне уже нечего было особенно наблюдать. Все шло исправно; быстрота подъема, как мне казалось, постоянно возрастала, хотя я не мог определить степень этого возрастания. Я не испытывал никаких болезненных ощущений, а настроение духа было бодрее, чем когда-либо после моего вылета из Роттердама! Я коротал время, осматривая инструменты и обновляя воздух в камере. Я решил повторять это через каждые сорок минут — скорее для того, чтобы предохранить свой организм от возможных нарушений его деятельности, чем по действительной необходимости. В то же время я невольно уносился мыслями вперед. Воображение мое блуждало в диких, сказочных областях Луны, необузданная фантазия рисовала мне обманчивые чудеса этого призрачного и неустойчивого мира. То мне мерещились дремучие вековые леса, крутые утесы, шумные водопады, низвергавшиеся в бездонные пропасти. То я переносился в пустынные просторы, залитые лучами полуденного солнца, куда ветерок не залетал от века, где воздух точно окаменел и всюду, куда хватает глаз, расстилаются луговины, поросшие маком и стройными лилиями, безмолвными, словно оцепеневшими. То вдруг являлось передо мною озеро, темное, неясное, сливавшееся вдаль с грядями облаков. Но не только эти картины рисовались моему воображению. Мне рисовались ужасы, один другого грознее и причудливее, и даже мысль об их возможности потрясала меня до глубины души. Впрочем, я старался не думать о них, справедливо полагая, что действительные и осязаемые опасности моего предприятия должны поглотить все мое внимание.

В пять часов пополудни, обновляя воздух в камере, я заглянул в корзину с кошками. Мать, по-видимому, жестоко страдала, несомненно, вследствие затрудненного дыхания;

но котята изумили меня. Я ожидал, что они тоже будут страдать, хотя и в меньшей степени, чем кошка, что подтвердило бы мою теорию насчет нашей привычки к известному атмосферному давлению. Оказалось, однако, — что я вовсе не ожидал, — что они совершенно здоровы, дышат легко и свободно и не обнаруживают ни малейших признаков какого-либо органического расстройтва. Я могу объяснить это явление, только расширив мою теорию и предположив, что крайне разреженная атмосфера не представляет (как я вначале думал) со стороны ее химического состава никакого препятствия для жизни и существо, родившееся в такой среде, будет дышать в ней без всякого труда, а попавши в более плотные слои по соседству с Землей, испытает те же мучения, которым я подвергался так недавно. Очень сожалею, что вследствие несчастной случайности я потерял эту кошачью семейку и не мог продолжать свои опыты. Просунув чашку с водой для старой кошки в отверстие мешка, я зацепил рукавом за шнурок, на котором висела корзинка, и сдернул его с пуговицы. Если бы корзинка с кошками каким-нибудь чудом испарилась в воздухе — она не могла бы исчезнуть с моих глаз быстрее, чем сейчас. Не прошло положительно и десятой доли секунды, как она уже скрылась со всеми своими пассажирами. Я пожелал им счастливого пути, но, разумеется, не питал никакой надежды, что кошка или котята останутся в живых, дабы рассказать о своих бедствиях.

В шесть часов значительная часть Земли на востоке покрылась густою тенью, которая быстро надвигалась, так что в семь без пяти минут вся видимая поверхность Земли погрузилась в ночную тьму. Но долго еще после этого лучи заходящего солнца освещали мой шар; и это обстоятельство, которое, конечно, можно было предвидеть заранее, доставляло мне большую радость. Значит, я и утром увижу восходящее светило гораздо раньше, чем добрые граждане Роттердама, несмотря на более восточное положение этого города, и, таким образом, буду пользоваться все более и более продолжительным днем соответственно с высотой, которой буду достигать. Я решил вести дневник моего путешествия, отмечая дни через каждые двадцать четыре часа и не принимая в расчет ночей.

В десять часов меня стало клонить ко сну, и я решил было улечься, но меня остановило одно обстоятельство, о котором я совершенно забыл, хотя должен был предвидеть его заранее. Если я засну, кто же будет накачивать воздух в камеру? Дышать в ней можно было самое большее час; если продлить

этот срок даже на четверть часа, последствия могли быть самые губительные. Затруднение это очень смутило меня, и хотя едва ли поверят, но, несмотря на преодоление стольких опасностей, я готов был отчаяться, потерял всякую надежду на исполнение моего плана и уже подумывал о спуске. Впрочем, то было лишь минутное колебание. Я рассудил, что человек — верный раб привычек, и многие мелочи повседневной жизни только кажутся ему существенно важными, а на самом деле они сделались такими единственно в результате привычки. Конечно, я не мог обойтись без сна, но что мешало мне приучить себя просыпаться через каждый час в течение всей ночи? Для полного обновления воздуха достаточно было пяти минут. Меня затруднял только способ, каким я буду будить себя в надлежащее время. Правду сказать, я долго ломал себе голову над разрешением этого вопроса. Я слышал, что студенты прибегают к такому приему: взяв в руку медную пулю, держат ее над медным тазиком; и, если студенту случится задремать над книгой, пуля падает, и ее звон о тазик будит его. Но для меня подобный способ вовсе не годился, так как я не намерен был бодрствовать все время, а хотел лишь просыпаться через определенные промежутки времени. Наконец я придумал приспособление, которое при всей своей простоте показалось мне в первую минуту открытием не менее блестящим, чем изобретение телескопа, паровой машины или даже книгопечатания.

Необходимо заметить, что на той высоте, которой я достиг в настоящее время, шар продолжал подниматься без толчков и отклонений, совершенно равномерно, так что корзина не испытывала ни малейшей тряски. Это обстоятельство явилось как нельзя более кстати для моего изобретения. Мой запас воды помещался в бочонках, по пяти галлонов каждый, они были выстроены вдоль стенки корзины. Я отвязал один бочонок и, достав две веревки, натянул их поперек корзины вверху, на расстоянии фута одну от другой, так что они образовали нечто вроде полки. На эту полку я взгромоздил бочонок, положив его горизонтально. Под бочонком, на расстоянии восьми дюймов от веревок и четырех футов от дна корзины, прикрепил другую полку, употребив для этого тонкую дощечку, единственную, имевшуюся у меня в запасе. На дощечку поставил небольшой глиняный кувшинчик. Затем провертел дырку в стенке бочонка над кувшином и заткнул ее втулкой из мягкого дерева. Вдвигая и выдвигая втулку, я наконец установил ее так, чтобы вода, просачиваясь сквозь отверстие, наполняла кувшинчик до краев за шестьдесят

минут. Рассчитать это было нетрудно, проследив, какая часть кувшина наполняется в известный промежуток времени. Остальное понятно само собою. Я устроил себе постель на дне корзины так, чтобы голова приходилась под самый носик кувшина. Ясно, что по истечении часа вода, наполнив кувшин, должна была выливаться из носика, находящегося несколько ниже его краев. Ясно также, что, орошая лицо мое с высоты четырех футов, вода должна была будить меня, хотя бы я заснул мертвым сном.

Было уже одиннадцать часов, когда я покончил с устройством этого будильника. Затем я немедленно улегся спать, вполне положившись на мое изобретение. И мне не пришлось разочароваться в нем. Точно через каждые шестьдесят минут я вставал, разбуженный моим верным хронометром, выливал из кувшина воду обратно в бочонок и, обновив воздух с помощью конденсатора, снова укладывался спать. Эти регулярные перерывы в сне беспокоили меня даже меньше, чем я ожидал. Когда я встал утром, было уже семь часов, и солнце поднялось на несколько градусов над линией горизонта.

3 апреля. Я убедился, что мой шар находится на огромной высоте, так как выпуклость Земли была теперь ясно видна. Подо мной, в океане, можно было различить скопление каких-то темных пятен — без сомнения, острова. Небо над головой казалось агатово-черным, звезды блистали; они стали видны с первого же дня моего полета. Далеко по направлению к северу я заметил тонкую белую, ярко блестящую линию, или полоску, на краю неба, в которой не колеблясь признал южную окраину полярных льдов. Мое любопытство было сильно возбуждено, так как я рассчитывал, что буду лететь гораздо дальше к северу и, может быть, окажусь над самым полюсом. Я пожалел, что огромная высота, на которой я находился, не позволит мне осмотреть его как следует. Но все-таки я мог заметить многое.

В течение дня не случилось ничего особенного. Все мои приборы действовали исправно, и шар поднимался без всяких толчков. Сильный холод заставил меня плотнее закутаться в пальто. Когда Земля оделась ночным мраком, я улегся спать, хотя еще много часов спустя вокруг моего шара стоял белый день. Водяные часы добросовестно исполняли свою обязанность, и я спокойно проспал до утра, пробуждаясь лишь для того, чтобы обновить воздух.

4 апреля. Встал здоровым и бодрым и был поражен тем, как странно изменился вид океана. Он утратил свою темную голубую окраску и казался серовато-белым, притом он осле-

пительно блестел. Выпуклость океана была видна так четко, что громада воды, находившейся подо мною, точно низвергалась в пучину по краям неба, и я невольно прислушивался, стараясь расслышать грохот этих мощных водопадов. Островов не было видно, потому ли, что они исчезли за горизонтом в юго-восточном направлении, или все растущая высота уже лишала меня возможности видеть их. Последнее предположение казалось мне, однако, более вероятным. Полоса льдов на севере выступала все яснее. Холод не усиливался. Ничего особенного не случилось, и я провел день за чтением книг, которые захватил с собою.

5 апреля. Отмечаю любопытный феномен: солнце взошло, однако вся видимая поверхность Земли все еще была погружена в темноту. Но мало-помалу она осветилась, и снова показалась на севере полоса льдов. Теперь она выступала очень ясно и казалась гораздо темнее, чем воды океана. Я, очевидно, приближался к ней, и очень быстро. Мне казалось, что я различаю землю на востоке и на западе, но я не был в этом уверен. Температура умеренная. В течение дня не случилось ничего особенного. Рано лег спать.

6 апреля. Был удивлен, увидев полосу льда на очень близком расстоянии, а также бесконечное ледяное поле, простиравшееся к северу. Если шар сохранит то же направление, то я скоро окажусь над Ледовитым океаном и несомненно увижу полюс. В течение дня я неуклонно приближался ко льдам. К ночи пределы моего горизонта неожиданно и значительно расширились, без сомнения потому, что Земля имеет форму сплюснутого сфероида, и я находился теперь над плоскими областями вблизи Полярного круга. Когда наступила ночь, я лег спать, охваченный тревогой, ибо опасался, что предмет моего любопытства, скрытый ночной темнотой, ускользнет от моих наблюдений.

7 апреля. Встал рано и, к своей великой радости, действительно увидел Северный полюс. Не было никакого сомнения, что это именно полюс и он находится прямо подо мною. Но, увы! Я поднялся на такую высоту, что ничего не мог рассмотреть в подробностях. В самом деле, если составить прогрессию моего восхождения на основании чисел, указывавших высоту шара в различные моменты между шестью утра 2 апреля и девятью без двадцати минут утра того же дня (когда высотомер перестал действовать), то теперь, в четыре утра 7 апреля, шар должен был находиться на высоте не менее 7254 миль над поверхностью океана. (С первого взгляда эта цифра может показаться грандиозной, но, по всей вероятности, она была гораздо ниже действительной.) Во

всяком случае, я видел всю площадь, соответствовавшую большому диаметру Земли; все северное полушарие лежало подо мною наподобие карты в ортографической проекции, и линия экватора образовывала линию моего горизонта. Итак, ваши превосходительства без труда поймут, что лежавшие подо мною неизведанные области в пределах Полярного круга находились на столь громадном расстоянии и в столь уменьшенном виде, что рассмотреть их подробно было невозможно. Все же мне удалось увидеть кое-что замечательное. К северу от упомянутой линии, которую можно считать крайней границей человеческих открытий в этих областях, расстилалось сплошное, или почти сплошное, поле. Поверхность его, будучи вначале плоской, мало-помалу понижалась, принимая заметно вогнутую форму, и завершалась у самого полюса круглой, резко очерченной впадиной. Последняя казалась гораздо темнее остального полушария и была местами совершенно черного цвета. Диаметр впадины соответствовал углу зрения в шестьдесят пять секунд. Больше ничего нельзя было рассмотреть. К двенадцати часам впадина значительно уменьшилась, а в семь пополудни я потерял ее из вида: шар миновал западную окраину льдов и несся по направлению к экватору.

8 апреля. Видимый диаметр Земли заметно уменьшился, окраска совершенно изменилась. Вся доступная наблюдению площадь казалась бледно-желтого цвета различных оттенков, местами блестела так, что больно было смотреть. Кроме того, мне сильно мешала насыщенная испарениями плотная земная атмосфера; я лишь изредка видел самую землю в просветах между облаками. В течение последних сорока восьми часов эта помеха давала себя чувствовать в более или менее сильной степени; а при той высоте, которой теперь достиг шар, груды облаков сблизилась в поле зрения еще теснее, и наблюдать землю становилось все затруднительнее. Тем не менее я убедился, что шар летит над областью Великих озер в Северной Америке, стремясь к югу, и я скоро достигну тропиков. Это обстоятельство весьма обрадовало меня, так как сулило успех моему предприятию. В самом деле, направление, в котором я несся до сих пор, крайне тревожило меня, так как, продолжая двигаться в том же направлении, я бы вовсе не попал на Луну, орбита которой наклонена к эклиптике под небольшим углом в $5^{\circ}8'48''$. Странно, что я так поздно уразумел свою ошибку: мне следовало подняться из какого-нибудь пункта в плоскости лунного эллипса.

9 апреля. Сегодня диаметр Земли значительно умень-

шился, окраска ее приняла более яркий желтый оттенок. Мой шар держал курс на юг, и в девять утра он достиг северной окраины Мексиканского залива.

10 апреля. Около пяти часов утра меня разбудил оглушительный треск, который я решительно не мог себе объяснить. Он продолжался всего несколько мгновений и не походил ни на один из слышанных мною доселе звуков. Нечего и говорить, что я страшно перепугался; в первую минуту мне почудилось, что шар лопнул. Я осмотрел свои приборы, однако все они оказались в порядке. Большую часть дня я провел в размышлениях об этом странном треске, но не мог никак его объяснить. Лег спать крайне обеспокоенный и взволнованный.

11 апреля. Диаметр Земли поразительно уменьшился, и я в первый раз заметил значительное увеличение диаметра Луны. Теперь приходилось затрачивать немало труда и времени, чтобы сгустить достаточно воздуха, нужного для дыхания.

12 апреля. Странно изменилось направление шара; и хотя я предвидел это заранее, но все-таки обрадовался нескладно. Достигнув двадцатой параллели южного полушария, шар внезапно повернул под острым углом на восток и весь день летел в этом направлении, оставаясь в плоскости лунного эллипса. Достойно замечания, что следствием этой перемены было довольно заметное колебание корзины, ощущавшееся в течение нескольких часов.

13 апреля. Снова был крайне встревожен громким треском, который так меня напугал десятого. Долго думал об этом явлении, но ничего не мог придумать. Значительное уменьшение диаметра Земли: теперь его угловая величина лишь чуть побольше двадцати пяти градусов. Луна находится почти у меня над головой, так что я не могу ее видеть. Шар по-прежнему летит в ее плоскости, переместившись несколько на восток.

14 апреля. Стремительное уменьшение диаметра Земли. Шар, по-видимому, поднялся над линией абсид по направлению к перигелию — то есть, иными словами, стремится прямо к Луне, в части ее орбиты, наиболее близкой к земному шару. Сама Луна находится над моей головой, то есть недоступна наблюдению. Обновление воздуха в камере потребовало усиленного и продолжительного труда.

15 апреля. На Земле нельзя рассмотреть даже самых общих очертаний материков и морей. Около полудня я в третий раз услышал загадочный треск, столь поразивший меня раньше. Теперь он продолжался несколько секунд,

постепенно усиливаясь. Оцепенев от ужаса, я ожидал какой-нибудь страшной катастрофы, когда корзину вдруг сильно встряхнуло и мимо с ревом, свистом и грохотом пронеслась огромная огненная масса. Оправившись от ужаса и изумления, я сообразил, что это должен быть вулканический обломок, выброшенный с небесного тела, к которому я так быстро приближался, и, по всей вероятности, принадлежащий к разряду тех странных камней, которые попадают иногда на нашу Землю и называются метеоритами.

16 апреля. Сегодня, заглянув в боковые окна камеры, я, к своему великому удовольствию, увидел, что край лунного диска выступает над шаром со всех сторон. Я был очень взволнован, чувствуя, что скоро наступит конец моему опасному путешествию. Действительно, конденсация воздуха требовала таких усилий, что она отнимала у меня все время. Спать почти не приходилось. Я чувствовал мучительную усталость и совсем обессилел. Человеческая природа не способна долго выдерживать такие страдания. Во время короткой ночи мимо опять пронесся метеор. Они появлялись все чаще, и это не на шутку стало пугать меня.

17 апреля. Сегодня — достопамятный день моего путешествия. Если припомните, 13 апреля угловая величина Земли достигала всего двадцати пяти градусов. Четырнадцатого она очень уменьшилась, пятнадцатого — еще значительно, а шестнадцатого, ложась спать, я отметил угол в $70^{\circ}15'$. Каково же было мое удивление, когда, пробудившись после непродолжительного и тревожного сна утром 17 апреля, я увидел, что поверхность, находившаяся подо мною, вопреки всяким ожиданиям увеличилась и достигла не менее тридцати девяти градусов в угловом диаметре! Меня точно обухом по голове ударили. Безграничный ужас и изумление, которых не передашь никакими словами, поразили, ошеломили, раздавили меня. Колени мои дрожали, зубы выбивали дробь, волосы поднялись дыбом. "Значит, шар лопнул! — мелькнуло в моем уме. — Шар лопнул! Я падаю! Падаю с невероятной, неслыханной быстротой! Судя по тому громадному расстоянию, которое я уже пролетел, не пройдет и десяти минут, как я ударюсь о землю и разобьюсь вдребезги." Наконец ко мне вернулась способность мыслить; я опомнился, подумал, стал сомневаться. Нет, это невероятно. Я не мог так быстро спускаться. К тому же, хотя я, очевидно, приближался к расстилавшейся подо мною поверхности, но вовсе не так быстро, как мне показалось в первую минуту.

Эти размышления несколько успокоили меня, и я наконец понял в чем дело. Если бы испуг и удивление не

отбили у меня всякую способность соображать, я бы с первого взгляда заметил, что поверхность, находившаяся подо мною, ничуть, не похожа на поверхность моей матери-Земли. Последняя находилась теперь наверху, под моей головой, а внизу, под моими ногами, была Луна во всем ее великолепии.

Мои растерянность и изумление при таком необычайном повороте дела непонятны мне самому. Этот *bouleversement* * не только был совершенно естествен и необходим, но я заранее знал, что он неизбежно свершится, когда шар достигнет того пункта, где земное притяжение уступит место притяжению Луны, — или, точнее, тяготение шара к Земле будет слабее его тяготения к Луне. Правда, я только что проснулся и не успел еще прийти в себя, когда заметил нечто поразительное; и хотя я мог это предвидеть, но в настоящую минуту вовсе не ожидал. Поворот шара, очевидно, произошел спокойно и постепенно, и если бы я даже проснулся вовремя, то вряд ли мог бы заметить его по какому-нибудь изменению внутри камеры.

Нужно ли говорить, что, опомнившись после первого изумления и ужаса и ясно сообразив, в чем дело, я с жадностью принялся рассматривать поверхность Луны. Она растянулась подо мною, точно карта, и, хотя находилась еще очень далеко, все ее очертания выступали вполне ясно. Полное отсутствие океанов, морей, даже озер и рек — словом, каких бы то ни было водных бассейнов — сразу бросилось мне в глаза, как самая поразительная черта лунной орографии. При всем том, как это ни странно, я мог различить обширные равнины, очевидно, наносного характера, хотя большая часть поверхности была усеяна бесчисленными вулканами конической формы, которые казались скорее насыпными, чем естественными возвышениями. Самый большой не превосходил трех - трех с четвертью миль. Впрочем, карта вулканической области Флегрейских полей даст нашим превосходительством лучшее представление об этом ландшафте, чем какое-либо описание. Большая часть вулканов действовала, и я мог судить о бешеной силе извержений по обилию принятых мной за метеоры камней, все чаще пролетающих с грохотом мимо шара.

18 апреля. Объем Луны очень увеличился, и быстрота моего спуска стала сильно тревожить меня. Я уже говорил, что мысль о существовании лунной атмосферы, плотность

---

* Переворот (фр.)

которой соответствует массе Луны, играла немаловажную роль в моих соображениях о путешествии на Луну, — несмотря на существование противоположных теорий и широко распространенное убеждение, что на нашем спутнике нет никакой атмосферы. Но, независимо от вышеупомянутых соображений относительно кометы Энке и зодиакального света, мое мнение в значительной мере опиралось на некоторые наблюдения г-на Шретера из Лилиенталя. Он наблюдал Луну на третий день после новолуния, вскоре после заката солнца, когда темная часть диска была еще незрима, и продолжал следить за ней до тех пор, пока она не стала видима. Оба рога казались удлинненными, и их тонкие бледные кончики были слабо освещены лучами заходящего солнца. Вскоре по наступлении ночи темный диск осветился. Я объясняю это удлиннение рогов преломлением солнечных лучей в лунной атмосфере. Высоту этой атмосферы (которая может преломлять достаточное количество лучей, чтобы вызвать в темной части диска свечение вдвое более сильное, чем свет, отражаемый от Земли, когда Луна отстоит на тридцать два градуса от точки новолуния) я принимал в 1356 парижских футов; следовательно, максимальную высоту преломления солнечного луча — в 5376 футов. Подтверждение моих взглядов я нашел в восемьдесят втором томе «Философских трудов», где говорится об оккультации спутников Юпитера, причем третий спутник стал неясным за одну или две секунды до исчезновения, а четвертый исчез на некотором расстоянии от диска*.

От степени сопротивления, или, вернее сказать, от поддержки, которую эта предполагаемая атмосфера могла оказать моему шару, зависел всецело и благополучный исход путешествия. Если же я ошибся, то мог ожидать только конца своим приключениям: мне предстояло разлететься на атомы, ударившись о скалистую поверхность Луны. Судя по всему, я имел полное основание опасаться подобного конца. Расстояние до Луны было сравнительно ничтожно, а обновление

---

* Гевелий пишет, что наблюдая Луну на той же высоте, в том же расстоянии от Земли и в тот же превосходный телескоп, при совершенно ясном небе, даже когда были видимы звезды шестой и седьмой величины, он, однако, не всегда находил ее одинаково ясной. Наблюдения показывают, что причину этого нельзя искать в нашей атмосфере, в свойствах телескопа или в глазу наблюдателя, а что она коренится в чем-то (в атмосфере?), присущем самой Луне.

Кассини часто замечал, что при оккультации Сатурна, Юпитера, неподвижных звезд их круглая форма сменяется овальной в момент сближения с лунным диском, хотя при многих оккультациях этого изменения формы не замечается. Отсюда можно заключить, что по крайней мере иногда, лучи планет и звезд встречают лунную атмосферу и преломляются в ней.

воздуха в камере требовало такой же работы и я не замечал никаких признаков увеличения плотности атмосферы.

19 апреля. Сегодня утром, около девяти часов, когда поверхность Луны угрожающе приблизилась и мои опасения дошли до крайних пределов, насос конденсатора, к великой моей радости, показал наконец очевидные признаки изменения плотности атмосферы.

К десяти часам плотность эта значительно возросла. К одиннадцати аппарат требовал лишь ничтожных усилий, а в двенадцать я решился — после некоторого колебания — отвинтить вертлюг, и, убедившись, что ничего вредного для меня не последовало, я развязал гуттаперчевый мешок и отогнул его края. Как и следовало ожидать, непосредственным результатом этого слишком поспешного и рискованного опыта была жесточайшая головная боль и удушье. Но, так как они не угрожали моей жизни, я решился претерпеть их в надежде на облегчение при спуске в более плотные слои атмосферы. Спуск, однако, происходил с невероятной быстротой, и хотя мои расчеты на существование лунной атмосферы, плотность которой соответствовала бы массе спутника, по-видимому, оправдывались, но я, очевидно, ошибся, полагая, что она способна поддержать корзину со всем грузом. А между тем этого надо было ожидать, так как сила тяготения и, следовательно, вес предметов также соответствуют массе небесного тела. Но головокружительная быстрота моего спуска ясно доказывала, что этого на самом деле не было. Почему?.. Единственное объяснение я вижу в тех геологических возмущениях, на которые указывал выше. Во всяком случае, я находился теперь совсем близко от Луны и стремился к ней со страшною быстротой. Итак, не теряя ни минуты, я выбросил за борт балласт, бочонки с водой, конденсирующий прибор, каучуковую камеру, и, наконец, все, что только было в корзине. Ничто не помогало. Я по-прежнему падал с ужасающей быстротой и находился самое большее в полумиле от поверхности. Оставалось последнее средство: выбросив сюртук и сапоги, я отрезал даже корзину, повис на веревках и, успев только заметить, что вся площадь подо мной, насколько видит глаз, усеяна крошечными домиками, очутился в центре странного, фантастического города, среди толпы уродцев, которые, не говоря ни слова, не издавая ни звука, словно какое-то сборище идиотов, потешно скалили зубы и, подбоченившись, разглядывали меня и мой шар. Я с презрением отвернулся от них, посмотрел, подняв глаза, на Землю, так недавно — и, может быть, навсегда, — покинутую мною, и увидел ее в виде большого

медного щита, около двух градусов в диаметре, тускло блестящего высоко над моей головой, причем один край его, в форме серпа, горел ослепительным золотым блеском. Никаких признаков воды или суши не было видно, — я заметил только тусклые, изменчивые пятна да тропический и экваториальный пояс.

Так, с позволения ваших превосходительств, после жестоких страданий, неслыханных опасностей, невероятных приключений, на девятнадцатый день моего отбытия из Роттердама я благополучно завершил свое путешествие, — без сомнения, самое необычайное и самое замечательное из всех путешествий, когда-либо совершенных, предпринятых или задуманных жителями Земли. Но рассказ о моих приключениях еще далеко не кончен. Ваши превосходительства сами понимают, что, проведя около пяти лет на спутнике Земли, представляющем глубокий интерес не только в силу своих особенностей, но и вследствие своей тесной связи с миром, обитаемом людьми, я мог бы сообщить Астрономическому обществу немало сведений, гораздо более интересных, чем описание моего путешествия, как бы оно ни было удивительно само по себе. И я действительно могу открыть многое и сделал бы это с величайшим удовольствием. Я мог бы рассказать вам о климате Луны и о странных колебаниях температуры — невыносимом тропическом зное, который сменяется почти полярным холодом, — о постоянном перемещении влаги вследствие испарения, точно в вакууме, из пунктов, находящихся ближе к Солнцу, в пункты, наиболее удаленные от него; об изменчивом поясе текучих вод; о здешнем населении — его обычаях, нравах, политических убеждениях; об особой физической организации здешних обитателей, об их уродливости, отсутствии ушей — придатков, совершенно излишних в этой своеобразной атмосфере; об их способе общения, заменяющем здесь дар слова, которого лишены лунные жители; о таинственной связи между каждым обитателем Луны и определенным обитателем Земли (подобная же связь существует между орбитами планеты и спутника), благодаря чему жизнь и участь населения одного мира теснейшим образом переплетаются с жизнью и участью населения другого; а главное — главное, ваши превосходительства, — об ужасных и отвратительных тайнах, существующих на той стороне Луны, которая, вследствие удивительного совпадения периодов вращения спутника вокруг собственной оси и обращения его вокруг Земли, недоступна и, к счастью, никогда не станет доступной для земных телескопов. Все это — и многое, многое еще — я

охотно изложил бы в подобном сообщении. Но скажу прямо, я требую за это вознаграждения. Я жажду вернуться к родному очагу, к семье. И в награду за дальнейшие сообщения — принимая во внимание, какой свет я могу пролить на многие отрасли физического и метафизического знания, — я желал бы выхлопотать себе через посредство вашего почтенного общества прощение за убийство трех кредиторов при моем отбывании из Роттердама. Такова цель настоящего письма. Податель его — один из жителей Луны, которому я растолковал все, что нужно, — к услугам ваших превосходительств, он сообщит мне о прощении, буде его можно получить.

Примите и проч. Ваших превосходительств покорнейший слуга

Ганс Пфааль”.

Окончив чтение этого необычайного послания, профессор Рубадуб, говорят, даже трубку выронил, так он был изумлен, а мингер Супербус ван Ундердук снял очки, протер их, положил в карман и от удивления настолько забыл о собственном достоинстве, что, стоя на одной ноге, завертелся волчком. Разумеется, прощение будет выхлопотано, — об этом и толковать нечего. Так, по крайней мере, поклялся в самых энергических выражениях профессор Рубадуб. То же подумал и блистательный ван Ундердук, когда, опомнившись наконец, взял под руку своего ученого собрата и направился домой, чтобы обсудить на досуге, как лучше взяться за дело. Однако дойдя до двери бургомистрова дома, профессор решился заметить, что в прощении едва ли окажется нужда, так как посланец с Луны исчез, без сомнения испугавшись суровой и дикой наружности роттердамских граждан, — а кто, кроме обитателя Луны, отважится на такое путешествие? Бургомистр признал справедливость этого замечания, чем дело и кончилось. Но не кончились толки и сплетни. Письмо было напечатано и вызвало немало обсуждений и споров. Нашлись умники, не побоявшиеся выставить самих себя в смешном виде, утверждая, будто все это происшествие сплошная выдумка. Но эти господа называют выдумкой, все, что превосходит их понимание. Я, со своей стороны, решительно не вижу, на чем они основывают такое обвинение.

Вот их доказательства.

Во-первых: в городе Роттердаме есть такие-то шутники (имярек), которые имеют зуб против таких-то бургомистров и астрономов (имярек).

Во-вторых: некий уродливый карлик-фокусник с начисто отрезанными за какую-то проделку ушами недавно исчез из соседнего города Брюге и не возвращался в течение нескольких дней.

В-третьих: газеты, которые всюду были наклеены на шар, — это голландские газеты, и, стало быть, выходили не на Луне. Они были очень, очень грязные, и типограф Глюк готов поклясться, что не кто иной, как он сам, печатал их в Роттердаме.

В-четвертых: пьяницу Ганса Пфааля с тремя бездельниками, будто бы его кредиторами, видели два-три дня тому назад в кабаке, в предместье Роттердама: они были при деньгах и только что вернулись из поездки за море.

И наконец: согласно общепринятому (по крайней мере, ему бы следовало быть общепринятым) мнению, Астрономическое общество в городе Роттердаме, подобно всем другим обществам во всех других частях света, оставляя в стороне общества и астрономов вообще, ничуть не лучше, не выше, не умнее, чем ему следует быть.

* * *

П р и м е ч а н и е. Строго говоря, наш беглый очерк представляет очень мало общего с знаменитым "Рассказом о Луне" мистера Локка, но, так как оба рассказа являются выдумкой (хотя один написан в шутовском, другой в сугубо серьезном тоне), оба трактуют об одном и том же предмете, мало того — в обоих правдоподобие достигается с помощью чисто научных подробностей, — то автор "Ганса Пфааля" считает необходимым заметить *в целях самозащиты*, что его "jeu d'esprit"* была напечатана в "Саутери литерери мессенджер" за три недели до появления рассказа мистера Локка в "Нью-Йорк сан". Тем не менее некоторые нью-йоркские газеты, усмотрев между обоими рассказами сходство, которого, быть может, на деле не существует, решили, что они принадлежат перу одного и того же автора.

Так как читателей, обманутых "Рассказом о Луне", гораздо больше, чем сознавшихся в своем легковерии, то мы считаем нелишним остановиться на этом рассказе, — то есть отметить те его особенности, которые должны бы были устранить возможность подобного легковерия, ибо выдают истинный характер этого произведения. В самом деле, несмотря на богатую фантазию и бесспорное остроумие автора, произведение его сильно хромает в смысле убедительности.

---

* Игра ума (фр.)

тельности, ибо он недостаточно уделяет внимания фактам и аналогиям. Если публика могла хоть на минуту поверить ему, то это лишь доказывает ее глубокое невежество по части астрономии.

Расстояние Луны от Земли в круглых цифрах составляет 240 000 миль. Чтобы узнать, насколько сократится это расстояние благодаря телескопу, нужно разделить его на цифру, выражающую степень увеличительной силы последнего. Телескоп, фигурирующий в рассказе мистера Локка, увеличивает в 42 000 раз. Разделив на это число 240 000 (расстояние от Луны), получаем пять и пять седьмых мили. На таком расстоянии невозможно рассмотреть каких-либо животных, а тем более всякие мелочи, о которых упоминается в рассказе. У мистера Локка сэр Джон Гершель видит на Луне цветы (из семейства маковых и др.), даже различает форму и цвет глаз маленьких птичек. А незадолго перед тем сам автор говорит, что в его телескоп нельзя разглядеть предметы менее восемнадцати дюймов в диаметре. Но и это преувеличение: для таких предметов требуется гораздо более сильный объектив. Заметим мимоходом, что гигантский телескоп мистера Локка изготовлен в мастерской г.г. Гартлей и Грант в Домбартоне; но г.г. Гартлей и Грант прекратили свою деятельность за много лет до появления этой сказки.

На странице 13 отдельного издания, упоминая о "волосяной вуали" на глазах буйвола, автор говорит: "Проницательный ум доктора Гершеля усмотрел в этой вуали созданную самим провидением защиту глаз животного от резких перемен света и мрака, которым периодически подвергаются все обитатели Луны, живущие на стороне, обращенной к нам". Однако подобное замечание отнюдь не свидетельствует о "проницательности" доктора. У обитателей, о которых идет речь, никогда не бывает темноты, следовательно не подвергаются они и упомянутым резким световым переменам. В отсутствие Солнца они получают свет от Земли, равный по яркости свету четырнадцати лун.

Топография Луны у мистера Локка, даже там, где он старается согласовать ее с картой Луны Блента, расходится не только с нею и со всеми остальными картами, но и с собой. Относительно стран света у него царит жестокая путаница; автор, по-видимому, не знает, что на лунной карте они расположены иначе, чем на Земле: восток приходится налево и т. д.

Мистер Локк, быть может, сбитый с толку неясными

названиями "Mare Nubium", "Mare Tranquillitatis", "Mare Fecunditatis"* , которыми прежние астрономы окрестили темные лунные пятна, очень обстоятельно описывает океаны и другие обширные водные бассейны на Луне; между тем отсутствие подобных бассейнов доказано. Граница между светом и тенью на убывающем или растущем серпе, пересекая темные пятна, образует ломаную зубчатую линию; будь эти пятна морями, она, очевидно, была бы ровною.

Описание крыльев человека — летучей мыши на стр. 21— буквально копия с описания крыльев летающих островитян Питера Уилкинса. Уже одно это обстоятельство должно было бы возбудить сомнение.

На стр. 23 читаем: "Какое чудовищное влияние должен был оказывать наш земной шар, в тринадцать раз превосходящий размеры своего спутника, на природу последнего, когда, зарождаясь в недрах времени, оба были игралищем химических сил!" Это отлично сказано, конечно; но ни один астроном не сделал бы подобного замечания, особенно в научном журнале, так как Земля не в тринадцать, а в сорок девять раз больше Луны. То же можно сказать и о заключительных страницах, где ученый-корреспондент распространяется насчет некоторых недавних открытий, сделанных в связи с Сатурном, и дает подробное ученическое описание этой планеты — и это для "Эдинбургского научного журнала"!

Есть одно обстоятельство, которое особенно выдает автора. Допустим, что изобретен телескоп, с помощью которого можно увидеть животных на Луне, — что прежде всего бросится в глаза наблюдателю, находящемуся на Земле? Без сомнения, не форма, не рост, не другие особенности, а странное *положение* лунных жителей. Ему покажется, что они ходят вверх ногами, как мухи на потолок. Невымысленный наблюдатель едва ли удержался бы от восклицания при виде столь странного положения живых существ (хотя бы и предвидел его заранее), наблюдатель вымысленный не только не отметил этого обстоятельства, но говорит о форме всего тела, хотя мог видеть только форму головы!

Заметим в заключение, что величина и особенно сила человека — летучей мыши (например, способность летать в разреженной атмосфере, если, впрочем, на Луне есть какая-нибудь атмосфера) противоречат всякой вероятности. Вряд

---

* Облачное Море, Море Спокойствия, Море Изобилия (лат.)

ли нужно прибавлять, что все соображения, приписываемые Брюстеру и Гершелю в начале статьи — “передача искусственного света с помощью предмета, находящегося в фокусе поля зрения”, и проч. и проч., — относятся к разряду высказываний, именуемых в просторечии чепухой.

Существует предел для оптического изучения звезд — предел, о котором достаточно упомянуть, чтобы понять его значение. Если бы все зависело от силы оптических стекол, человеческая изобретательность, несомненно, справилась бы в конце концов с этой задачей, и у нас были бы чечевицы каких угодно размеров. К несчастью, по мере возрастания увеличительной силы стекол, вследствие рассеяния лучей уменьшается сила света, испускаемого объектом. Этой беде мы не в силах помочь, так как видим объект только благодаря исходящему от него свету — его собственному или отраженному. “Искусственный” свет, о котором толкует мистер Л., мог бы иметь значение лишь в том случае, если бы был направлен не на “объект, находящийся в поле зрения”, а на действительный изучаемый объект — *то есть на Луну*. Нетрудно вычислить, что если свет, исходящий от небесного тела, достигает такой степени расстояния, при которой окажется не сильнее естественного света всей массы звезд в ясную, безлунную ночь, то это тело станет недоступным для изучения.

Телескоп лорда Росса, недавно построенный в Англии, имеет зеркало с отражающей поверхностью в 4071 квадратный дюйм; телескоп Гершеля — только в 1811 дюймов. Труба телескопа лорда Росса имеет 6 футов в диаметре, толщина ее на краях — $5 \frac{1}{2}$, в центре — 5 дюймов. Фокусное расстояние — 50 футов. Вес — 3 тонны.

Недавно мне случилось прочесть любопытную и довольно остроумную книжку, на титуле которой значится:

«L' Homme dans la Lune, ou le Voyage Chimerique fait au Monde la Lune, nouvellement decouvert par Dominique Gonzales, Advanturier Espagnol, autrement dit le Courier volant. Mis en notre langue par J. B. D. A. Paris, chez Francois Piot, pres la Fontaine de Saint Benoit. Et chez J. Goignard, au premier pilier de la grand' salle du Palais, proche les Consultations, MDCXLVIII» p. 176 *

---

* «Человек на Луне, или же Химерическое путешествие в Лунный мир, незадолго перед тем открытый Домиником Гонзалесом, испанским авантюристом, иначе именуемым Летучим Вестником. Переведено на наш язык Ж. Б. Д. А. Продается в Париже, у Франсуа Пио, возле фонтана Сен-Бенуа, и у Ж. Гуаньяра, возле первой колонны в большой дворцовой зале, близ Консультаций, MDCXLVIII», 176 стр. (фр).

Автор говорит, что перевел книжку с английского по-
длинника некоего мистера Д' Ависсона (Дэвидсон?), хотя
выражается крайне неопределенно.

«J'eu ai eu,— говорит он,— l'original de Monsieur
D'Avisson medecin des mieux versez qui soient aujourd'huy
dans la conoissance des Belles Lettres, et sur tout de la
Philosophie Naturelle. Je lui ai cette obligation entre les autres,
de m'auoir non seulement mis en main ce Livre en anglois, mais
encore le Manuscrit du Sieur Thomas D'Anan, gentilhomme
Eccossois, recommandable pour sa vertu, sur la version duquel
J'advoue j'ay tire la plan de la mienne»*

После разнообразных приключений во вкусе Жиль Бла-
за, рассказ о которых занимает первые тридцать страниц,
автор попадает на остров Святой Елены, где возмущившийся
экипаж оставляет его вдвоем с служителем-негром. Ради
успешнейшего добывания пищи они разошлись и поселились
в разных концах острова. Потом им вздумалось общаться
друг с другом с помощью птиц, дрессированных на манер
почтовых голубей. Мало-помалу птицы выучились перено-
сить тяжести, вес которых постепенно увеличивался. Нако-
нец автору пришло в голову воспользоваться соединенными
силами целой стаи птиц и подняться самому. Для этого он
построил машину, которая подробно описана и изображена
в книжке. На рисунке мы видим сеньора Гонзалеса, в кру-
жевных брыжах и огромном парике, верхом на каком-то
подобии метлы, уносимого стаей диких лебедей (*ganzas*), к
хвостам которых привязана машина.

Главное приключение сеньора обусловлено очень важ-
ным фактом, о котором читатель узнает только в конце книги.
Дело в том, что пернатые, которых он приручил, оказывают-
ся уроженцами не острова Святой Елены, а Луны. С незапа-
мятных времен они ежегодно прилетают на Землю; но в
надлежащее время, конечно, возвращаются обратно. Таким
образом, автор, рассчитывавший на непродолжительное пу-
тешествие, поднимается прямо в небо и в самое короткое
время достигает Луны. Тут он находит среди прочих курье-
зов— население, которое вполне счастливо. Обитатели Луны
не знают законов; умирают без страданий; ростом они от
десяти до тридцати футов; живут пять тысяч лет. У них есть

---

* Оригинал я получил от господина Д' Ависсона, врача, одного из наиболее
сведущих в области изящной словесности, особливо же в натурфилософии. Среди
прочего я обязан ему тем, что он не только дал мне сию англискую книгу, но
также и рукопись господина Томаса Д' Анана, шотландского дворянина, за свою
доблесть достойного хвалы, из коей я, должен признаться, заимствовал и план
собственного моего повествования (*искаж. фр.*).

император, по имени Ирдонозур; они могут подпрыгивать на высоту шестидесяти футов и, выйдя, таким образом, из сферы притяжения, летать с помощью особых крыльев.

Не могу не привести здесь образчик философствований автора:

“Теперь я расскажу вам, — говорит сеньор Гонзалес, — о природе тех мест, где я находился. Облака скопились под моими ногами, то есть между мною и Землей. Что касается звезд, то они все время казались одинаковыми, так как здесь вовсе не было ночи; они не блестели, а слабо мерцали, точно на рассвете. Немногие из них были видимы и казались вдесятеро больше (приблизительно), чем когда смотришь на них с Земли. Луна, которой недоставало двух дней до полнолуния, казалась громадной величины.

Не следует забывать, что я видел звезды только с той стороны Земли, которая обращена к Луне, и что чем ближе они были к ней, тем казались больше. Замечу также, что и в тихую погоду, и в бурю я всегда находился *между Землей и Луной*. Это подтверждалось двумя обстоятельствами: во-первых, лебеди поднимались все время по прямой линии; во-вторых, всякий раз, когда они останавливались отдохнуть, мы все же двигались вокруг земного шара. Я разделяю мнение Коперника, согласно которому Земля вращается с востока на запад не вокруг полюсов Равноденствия, называемых в просторечии полюсами мира, а вокруг полюсов Зодиака. Об этом вопросе я намерен поговорить более подробно впоследствии, когда освежу в памяти сведения из астрологии, которую изучал в молодые годы, будучи в Саламанке, но с тех пор успел позабыть”.

Несмотря на грубые ошибки, книжка заслуживает внимания как простодушный образчик наивных астрономических понятий того времени. Между прочим, автор полагает, что “притягательная сила” Земли действует лишь на незначительное расстояние от ее поверхности, и вот почему он “все же двигался вокруг земного шара” и т. д.

Есть и другие “путешествия на Луну”, но их уровень не выше этой книжки. Книга Бержерака не заслуживает внимания. В третьем томе “Америкен куотерли ревью” помещен обстоятельный критический разбор одного из таких “путешествий”, — разбор, свидетельствующий столько же о нелепости книжки, сколько и о глубоком невежестве критика. Я не помню заглавия, но способ путешествия еще глупее, чем полет нашего приятеля сеньора Гонзалеса. Путешественник случайно находит в земле неведомый металл, притяжение которого к Луне сильнее, чем к Земле, делает из него ящик

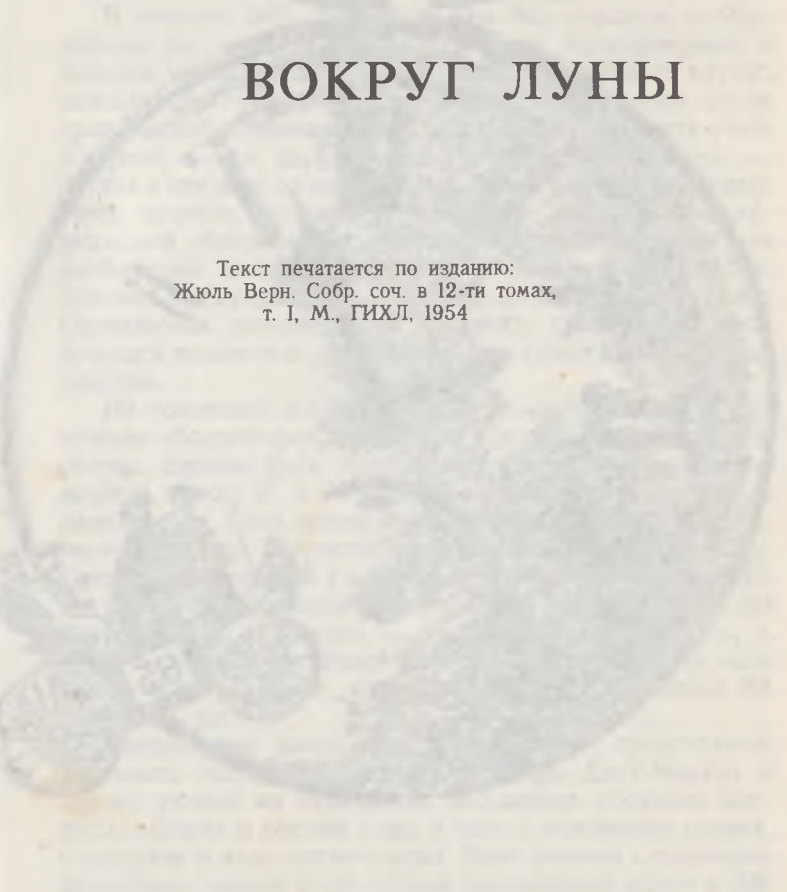
и улетает на Луну. "Бегство Томаса О'Рука" — не лишенный остроумия jeu d'esprit; книжка эта переведена на немецкий язык. Герой рассказа Томас, — лесничий одного ирландского пэра, эксцентричные выходки которого послужили поводом для рассказа, — улетает на спине орла с Хангри-Хилл, высокой горы, расположенной в конце Бантри Бей.

Все упомянутые брошюры преследуют сатирическую цель; тема — сравнение наших обычаев с обычаями жителей Луны. Ни в одной из них не сделано попытки придать с помощью научных подробностей правдоподобный характер самому путешествию. Авторы делают вид, что они люди вполне осведомленные в области астрономии. Своеобразие "Ганса Пфааля" заключается в попытке достигнуть этого правдоподобия, пользуясь научными принципами в той мере, в какой это допускает фантастический характер самой темы.

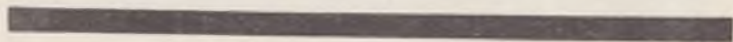

ЖЮЛЬ ВЕРН

ВОКРУГ ЛУНЫ

Текст печатается по изданию:
Жюль Верн. Собр. соч. в 12-ти томах,
т. I, М., ГИХЛ, 1954

ГЛАВА ВСТУПИТЕЛЬНАЯ

В течение 186... года весь мир был поражен необычайным по смелости научным опытом, беспримерным в истории ученых исследований. Члены "Пушечного клуба", основанного группой артиллеристов в Балтиморе после гражданской войны в Америке, задумали установить связь с Луной, — да, да, с Луной, не более и не менее, — пустив в нее ядро из пушки. Председатель клуба Барбикен, автор проекта, заручившись советами астрономов Кембриджской обсерватории, подготовил все необходимое для выполнения этого неслыханного предприятия, которое, впрочем, сведущие люди признали вполне осуществимым. Организовав повсеместную подписку, собравшую около тридцати миллионов франков, он приступил к грандиозным работам.

На основании докладной записки, составленной астрономами обсерватории, орудие, из которого будет выпущен снаряд, должно быть установлено в местности, расположенной между 0° и 28° северной или южной широты и нацелено на Луну прямо в зенит. Ядро должно обладать первоначальной скоростью в 12 тысяч ярдов в секунду. Снаряд, выпущенный 1 декабря в 10 часов 46 минут и 40 секунд вечера, должен достичь Луны через четыре дня после вылета, а именно 5 декабря ровно в полночь, в момент, когда Луна будет находиться в перигее, то есть ближе всего к Земле, иными словами на расстоянии 86 тысяч 410 лье.

Влиятельные члены "Пушечного клуба", председатель Барбикен, майор Эльфистон, секретарь Дж.Т.Мастон и другие ученые на нескольких заседаниях обсудили вопросы о форме и составе ядра, о типе и положении орудия, о качестве и количестве пороха. Было решено следующее. Во-первых, снаряд будет полым шаровидным ядром в 108

дюймов диаметром, с толщиной стенок в 12 дюймов и весом в 19 250 фунтов. Во-вторых, орудием будет пушка типа колумбиады, в 900 футов длиной, отлитая из чугуна и врытая отвесно прямо в землю. В-третьих, на пороховой заряд потребуется 400 тысяч фунтов пироксилина, который, выделив при взрыве шесть миллиардов литров газов, с достаточной силой вытолкнет снаряд по направлению к ночному светилу.

После того как эти вопросы были разрешены, председатель Барбикен с помощью инженера Мерчисона выбрал подходящее место на возвышенности во Флориде, на 27°7' северной широты и 5°7' западной долготы. На этой площадке после грандиозных работ была с успехом отлита колумбиада.

Так обстояли дела, когда неожиданное событие еще во сто крат усилило всеобщий интерес к этому великому предприятию.

Некий француз, предприимчивый парижанин, остроумный и отважный, художник в душе, объявил, что желает лететь внутри ядра, чтобы высадиться на Луне и произвести обследование земного спутника. Этого неустрашимого искателя приключений звали Мишель Ардан. Он прибыл в Америку, был встречен с энтузиазмом, выступил на митинге, откуда его с триумфом вынесли на руках, заставил председателя Барбикена помириться с его смертельным врагом капитаном Николем и, в знак полного примирения, убедил их обоих лететь вместе с ним внутри снаряда.

Предложение было принято. Форму снаряда решили изменить. Вместо круглого он стал цилиндро-коническим. Этот своего рода воздушный вагон снабдили мощными пружинными буферами и разбивными перегородками, чтобы ослабить силу толчка при выстреле. Упаковали запасы провизии на целый год, воды — на несколько месяцев и газа — на несколько дней. Особый аппарат автоматически вырабатывал и подавал кислород в количестве, достаточном для дыхания троих путешественников. В то же самое время по заданию "Пушечного клуба" был сооружен на одной из высоких вершин Скалистых гор гигантский телескоп, чтобы следить оттуда за полетом ядра в небесном пространстве. Словом, все было подготовлено.

И вот 1 декабря, в назначенный час, при громадном стечении народа, вылет состоялся, и три человека, впервые в истории покинув земной шар, устремились в межпланетное пространство, твердо уверенные, что достигнут цели

путешествия. Отважные исследователи, Мишель Ардан, председатель Барбикен и капитан Николь, должны были завершить свой перелет за 97 часов 13 минут и 20 секунд. Следовательно, их прибытие на поверхность лунного диска могло состояться только 5 декабря в полночь, в момент полнолуния, а не 4 декабря, как сообщалось в некоторых плохо осведомленных газетах.

Однако произошло непредвиденное явление: детонация, произведенная выстрелом колумбиады, повлекла за собой внезапное сотрясение земной атмосферы и скопление громадного количества водяных паров. Обстоятельство это вызвало всеобщее возмущение, так как Луна на много ночей скрылась за тучами от взоров наблюдателей.

Доблестный Дж.Т.Мастон, самый преданный друг троих путешественников, в сопровождении почтенного Дж.Бельфаства, директор Кембриджской обсерватории, отправился на Скалистые горы и прибыл в Лонгспик, где был установлен мощный телескоп, приближающий Луну на расстояние двух лье. Достойный секретарь "Пушечного клуба" пожелал лично проследить весь путь своих отважных друзей.

Скопление облаков в атмосфере сделало невозможным 5, 6, 7, 8, 9, и 10 декабря всякие наблюдения. Опасались даже, что наблюдения придется отложить до 3 января следующего года, так как Луна, вступив с 11 декабря в последнюю четверть, окажется на ущербе, что помешает следить за полетом снаряда.

Но вот, наконец, ко всеобщему удовлетворению, сильный ураган разогнал тучи в ночь с 11 на 12 декабря, и Луна, сильно ущербленная, ярко засияла на черном фоне неба.

В ту же ночь с наблюдательного поста в Лонгспике полетела телеграмма, отправленная Мастоном и Бельфастом в адрес бюро Кембриджской обсерватории.

Что же сообщалось в телеграмме?

Она гласила: снаряд, выпущенный колумбиадой в Сто-нзхилле, усмотрен Бельфастом и Мастоном 11 декабря в 8 часов 47 минут вечера; снаряд, отклонившись по неизвестной причине, не долетел до Луны, но пролетел настолько близко, что попал в сферу лунного притяжения; прямолинейное движение ядра превратилось в движение по кривой, и ныне, обращаясь по эллиптической орбите вокруг ночного светила, оно стало его спутником.

Телеграмма добавляла, что свойства нового небесного тела пока еще не могут быть установлены. Действительно,

чтобы окончательно определить его свойства, требовалось произвести три последовательных наблюдения над новым спутником в трех его различных положениях. Далее сообщалось, что расстояние отделяющее снаряд от лунной поверхности, можно приблизительно исчислить в 2833 мили, то есть в 4500 лье.

В заключение высказывались две гипотезы: или притяжение Луны возобладает, и тогда путники достигнут цели путешествия, или же снаряд, следуя по той же орбите, будет обращаться вокруг лунного диска до скончания веков.

Какая же судьба ожидает путешественников при лобой из двух возможностей? Правда, съестных припасов им хватит на некоторое время. Но даже если предположить, что их дерзкое предприятие увенчается успехом, каким образом они возвратятся обратно? Удастся ли им вообще вернуться? Узнают ли когда-нибудь люди, что с ними случилось? Все эти вопросы необычайно волновали публику и с жаром обсуждались в печати всеми современными авторитетами.

Здесь уместно сделать одно замечание, над которым не мешало бы подумать иным исследователям, склонным к поспешным выводам. Если ученый решает обнародовать какое-либо чисто теоретическое умозаключение, он должен действовать как можно осмотрительнее. Никто вас не принуждает открывать планету, или комету, или нового спутника, и тот, кто ошибается в подобном случае, неизбежно подвергнет себя насмешкам толпы. Значит, лучше подождать и именно так следовало поступить нетерпеливому Дж. Т. Мэстону, прежде чем пустить по всему свету пресловутую телеграмму, сообщающую, по его мнению, последнее слово о результатах знаменитого опыта.

В самом деле, в телеграмме были допущены двоякого рода ошибки, что и подтвердилось впоследствии. Во-первых, ошибки в наблюдении, касающиеся расстояния между поверхностью Луны и снарядом, ибо его немыслимо было усмотреть в указанный срок, 11 декабря, и то, что явилось или померещилось Дж.Т.Мэстону на небосклоне, никак не могло быть ядром колумбиады. Во-вторых, ошибки теоретические, касающиеся судьбы упомянутого ядра, ибо счесть его спутником Луны значило бы вступить в полное противоречие с основными законами механики.

Лишь одна из гипотез наблюдателей с Лонгспика могла подтвердиться, а именно, что путешественники — если

они еще живы — приложат все усилия, чтобы с помощью лунного притяжения достигнуть поверхности светила.

Как бы то ни было, но эти умные и отважные люди благополучно перенесли страшный толчок при вылете, и об их-то путешествии в вагоне-снаряде мы и собираемся рассказать со всеми удивительными и драматическими подробностями. Рассказ этот разрушит множество иллюзий и опровергнет немало догадок, но зато даст правдивую картину всех трудностей и неожиданностей, связанных с подобного рода опытом, а также покажет во всем блеске научные таланты Барбикена, находчивость практичного Николя и веселую отвагу Мишеля Ардана.

Кроме того, наш рассказ докажет, что их достойный друг Дж.Т.Мастон только даром терял время, когда, свесившись над трубой исполинского телескопа, наблюдал за движением Луны по звездным пространствам.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Между 10 часами 20 минутами и 10 часами 47 минутами вечера.

Ровно в десять часов Мишель Ардан, Барбикен и Николь распростились со всеми друзьями, которых они оставляли на Земле. Две собаки, предназначавшиеся для разведения собачьей породы на Луне, уже сидели в снаряде. Путешественники приблизились к отверстию огромной колумбиады. Подъемная машина тотчас спустила их в жерло вплоть до конической верхушки снаряда.

Отсюда через специальный люк они проникли в свой алюминиевый вагон. Канаты и блоки были тотчас же вытянуты наружу, и жерло колумбиады освободилось от всех лесов и площадок.

Очутившись с товарищами в снаряде, Николь немедленно принялся завинчивать его отверстие плотной металлической крышкой, укрепленной изнутри нажимными винтами; такие же плотно пригнанные крышки закрывали толстые выпуклые стекла иллюминаторов. Путешественники, герметически закупоренные в металлической тюрьме, погрузились в глубочайший мрак.

— Ну, дорогие попутчики, — сказал Ардан, — моя специальность — домашний уют, и я отличный хозяин. Пожалуйста, не церемоньтесь и чувствуйте себя как дома. Прежде всего надо как можно удобнее и уютнее расположиться в нашей новой квартире. Для начала я нахожу,

что у нас темновато. Не для кротов же, черт возьми, изобретен газ!

С этими словами беззаботный француз чиркнул спичкой о подошву своего сапога и поднес ее к газовому рожку на баллоне, в котором под сильным давлением хранился запас светильного газа. Этот запас был рассчитан для освещения и отопления снаряда в течение ста сорока четырех часов, или шести суток.

Газ загорелся, и при его свете пассажиры увидели комфортабельную комнату со стеганой обшивкой по стенам, круглым диваном и сводчатым подтопком.

Все находившиеся в снаряде предметы — оружие, посуда, приборы — были плотно пригнаны к стенам и укреплены на стеганых прокладках, так что могли выдержать самое сильное сотрясение. Для осуществления рискованного предприятия предусмотрели все, что только было в человеческих силах.

После тщательного осмотра Мишель Ардан заявил, что очень доволен новым помещением.

— Это, конечно, тюрьма, — сказал он, — но тюрьма летучая. И если бы только нам дозволено было хоть изредка высовывать нос из окна, я подписал бы на такую квартиру арендный договор сроком хоть на сто лет. Чему ты усмехаешься, Барбикен? Уж не думаешь ли ты, что этот снаряд станет нашим гробом? Да хоть бы и так, я все-таки не променяю его на Магометов гроб, который болтается из стороны в сторону на одном месте.

Пока Мишель Ардан разглагольствовал, Барбикен и Николь заканчивали последние приготовления.

Хронометр Николая показывал двадцать минут одиннадцатого вечера, когда три путешественника окончательно замуровались в снаряде. Этот хронометр был поставлен по часам инженера Мерчисона с точностью до десяти секунд. Барбикен взглянул на него и сказал:

— Друзья мои, теперь ровно двадцать минут одиннадцатого. В десять часов сорок семь минут и двадцать секунд Мерчисон пустит электрический ток по проводу, соединенному с зарядом колумбиады. В ту же минуту мы оторвемся от Земли. Значит, нам остается всего-навсего двадцать семь минут.

— Двадцать шесть минут и сорок секунд, — поправил педантичный Николь.

— Ну что ж, — воскликнул неунывающий Ардан. — За двадцать шесть минут можно еще наделать пропасть дел. Можно обсудить глубочайшие моральные и полити-

ческие проблемы и даже разрешить их. Двадцать шесть дельно использованных минут стоят двадцати шести лет безделья! Несколько секунд жизни Паскаля и Ньютона стоят целой жизни какого-нибудь глупца или бездельника.

— Так что же из этого следует, неутомонный болтун?— спросил Барбикен.

— Следует только то, что нам остается целых двадцать шесть минут.

— Теперь уже только двадцать четыре, — опять поправил Николь.

— Хорошо, только двадцать четыре, дорогой капитан. Двадцать четыре минуты, в течение которых можно с успехом углубить и обсудить...

— Мишель, — перебил его Барбикен, — у нас будет достаточно досуга для самых глубокомысленных рассуждений во время перелета, а теперь лучше бы заняться приготовлениями к отъезду.

— А разве не все готово?

— Разумеется, все готово, но следовало бы еще кое-что сделать, чтобы ослабить, насколько возможно, первоначальный толчок.

— А ты разве забыл воду в разбивных перегородках? Ее упругость предохранит нас от любого толчка.

— Я надеюсь, Мишель, — мягко сказал Барбикен, — но все-таки неуверен...

— Ну и шутник! Он "надеется"? Он "неуверен"! Он дожидался, пока нас совсем закупорят, чтобы сделать такое печальное признание! Я требую, чтобы меня сейчас же выпустили отсюда!

— Выпустили? Да как же это сделать? — спросил Барбикен.

— Действительно, теперь это трудновато. Мы сидим в вагоне и через двадцать четыре минуты услышим свисток кондуктора.

— Через двадцать, — поправил Николь.

Несколько мгновений путешественники молча глядели друг на друга; затем осмотрели все находившиеся при них вещи.

— Все в порядке, — сказал Барбикен, — все на месте. Теперь надо решить, как бы лучше разместиться, чтобы легче выдержать толчок от выстрела. Какое положение наиболее выгодно? Прежде всего надо предотвратить приток крови к голове.

— Совершенно верно, — заметил Николь.

— Ну так встанем вверх ногами, как клоуны в цирке!

Чего же лучше! — воскликнул Ардан, готовясь тотчас же привести в исполнение свою выдумку.

— Нет, нет, — возразил Барбикен, — лучше всего лечь на бок. Лежа на боку, мы легче перенесем толчок. Заметьте, что в момент выстрела никакого значения не будет иметь, находимся ли мы внутри снаряда, или впереди него.

— Ну, раз это не имеет никакого значения, я могу быть спокоен, — сказал Мишель Ардан.

— Одобряете ли вы мою мысль, Николь? — спросил Барбикен.

— Вполне, — отвечал Николь. — Остается тринадцать с половиной минут.

— Наш Николь не человек, — воскликнул Мишель Ардан, — а ходячий хронометр с секундомером на восьми камнях...

Но товарищи уже не слушали его; с непостижимым хладнокровием они заканчивали последние приготовления к вылету. Со стороны их можно было принять за двух аккуратных пассажиров, которые со всеми удобствами располагаются в железнодорожном купе. Спрашивается, из чего только сделаны сердца у этих американцев! Их пульс не ускоряется даже в минуту самой страшной опасности.

В снаряд были положены три толстых, туго набитых тюфяка. Николь и Барбикен вытащили их на середину диска, образующего подвижной пол. На эти тюфяки путешественники намеревались улечься за несколько минут до выстрела.

Неугомонный Ардан суетился и вертелся в своей тесной тюрьме, как он называл снаряд, словно дикий зверь в клетке. Он без умолку болтал с друзьями и с собаками — Дианой и Сателлитом, которым он незадолго до отъезда дал эти символические клички.

— Эй, Диана, сюда! Эй, Сателлит! — кричал он, подбадривая собак. — Ко мне! Мы с вами покажем лунным собакам, как ведут себя псы на Земле! То-то прославится ваша собачья порода! Черт возьми! Приведись нам только вернуться назад, мы уж, конечно, привезем с собой новую, скрещенную породу "лундогов", которая произведет здесь страшнейший фурор.

— Если только на Луне водятся собаки! — заметил Барбикен.

— Разумеется, водятся, — уверенно заявил Мишель Ардан. — Там водятся и лошади, и коровы, и ослы, и куры. Держу пари, что мы найдем там кур.

— Пари на сто долларов, что их там нет, — заявил Николь.

— Принимаю вызов, капитан! — воскликнул Ардан, пожимая руку Николью.

— Впрочем, ты уже трижды проиграл пари с нашим председателем: деньги для нашего полета собраны, выплавка снаряда удалась как нельзя лучше, и, наконец, зарядка колумбиады выполнена без малейшей аварии, — итого ты, стало быть, проиграл шесть тысяч долларов!

— Ну что ж, ну и проиграл, — согласился Николь. — Десять часов тридцать семь минут и шесть секунд!

— Прекрасно, капитан. Не пройдет, значит, и четверти часа, как тебе придется отсчитать председателю девять тысяч долларов: четыре тысячи за то, что колумбиаду не разорвало, и пять тысяч за то, что снаряд взлетит дальше, чем на шесть миль.

— Что ж, доллары со мной, — отвечал Николь, спокойно хлопнув себя по карману, — и я охотно расплачусь.

— Я вижу, Николь, что ты человек порядка, чего я никогда не мог сказать про себя. И все-таки позволь тебе заметить, что все твои пари — верный убыток.

— Почему?

— Да потому, что если ты выиграешь, значит колумбиада взорвется, а с ней и снаряд... И тогда Барбикен не сможет заплатить тебе свой проигрыш.

— Моя ставка внесена в Балтиморский банк, — вмешался Барбикен, — и если Николь погибнет, деньги достанутся его наследникам.

— Фу ты, что за практичные люди! — воскликнул Ардан. — Чем меньше я вас понимаю, тем более вам удивляюсь.

— Сорок две минуты одиннадцатого! — сказал Николь.

— Остается всего пять минут, — заметил Барбикен.

— Да, всего-навсего! — воскликнул Мишель Ардан. — А мы закупорены в снаряде, в стволе девятисотфутовой пушки! И под снарядом — четыреста тысяч фунтов пироксилина, что равняется шестнадцати тысячам фунтам обычного пороха. Наш приятель Мерчисон с хронометром в руке вперился сейчас в стрелку, положил палец на электрическую кнопку, отсчитывает секунды и готовится швырнуть нас в межпланетное пространство.

— Будет тебе шутить, Мишель! — серьезно сказал Барбикен. — Приготовимся! От торжественной минуты нас отделяет всего несколько мгновений. Пожмем друг другу руки, друзья!

— Да, да, всего несколько секунд, — подхватил Ардан, не в силах скрыть волнение.

Трое смельчаков обнялись в последний раз.

— Храни нас бог! — сказал набожный Барбикен.

Ардан и Николь растянулись на тюфяках, положенных в середине диска.

— Десять часов сорок семь минут! — прошептал капитан.

— Еще двадцать секунд!

Барбикен проворно погасил газ и улегся около товарищей.

Безмолвие прерывалось только стуком хронометра, отбивавшего секунды.

Вдруг друзья почувствовали страшной силы сотрясение, и снаряд под давлением шести миллиардов литров газа, образовавшегося от взрыва пироксилина, взлетел в пространство.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Первые полчаса

Что же произошло? Какие последствия имело это страшное сотрясение? Удалось ли остроумным конструкторам снаряда добиться желаемых результатов? Удалось ли смягчить удар благодаря пружинам, стеганым прокладкам? Выдержали ли они невероятный толчок скоростью в одиннадцать тысяч метров, которого было бы достаточно, чтобы в одну секунду пересечь весь путь от Парижа до Нью-Йорка? Вот какие вопросы занимали и волновали миллионы свидетелей необычайного события. В эти минуты никто уже не помнил о цели путешествия, все думали только о самих путешественниках. Что же увидели бы в снаряде провожающие вроде Дж.Т.Мастона, доведись им хоть одним глазком заглянуть в него?

Да ровно ничего.

В ядре царствовал глубочайший мрак. Но цилиндрико-конические стенки выдержали выстрел как нельзя лучше: ни одной трещинки, ни одного погиба, ни одной деформации. Чудесный снаряд ничуть не испортился от неимоверного взрыва — не расплавился, не пролился алюминиевым дождем на землю, как опасались иные скептики.

Внутри снаряда все было в порядке. Некоторые предметы только сильно подбросило кверху, но самые нужные

из них несколько не пострадали. Их крепления оказались в полной сохранности.

На подвижном диске, опустившемся до утолщенного дна снаряда, после того как сплющились перегородки и вылилась заполнявшая их вода, лежали три неподвижных тела. Живы ли были Барбикен, Николь и Ардан? Или же снаряд превратился в металлическую гробницу и унесил в пространство только их трупы?

Через несколько минут одно из тел зашевелилось. Руки задвигались, голова приподнялась. Человек встал на колени. Это был Мишель Ардан. Ощупав себя и испустив громкий вздох, он заявил:

— Мишель Ардан целехонек! Посмотрим, что с другими.

Бравый француз хотел встать, но не смог устоять на ногах. Голова у него кружилась, от бурного кровообращения он словно ослеп и шатался, как пьяный.

— Брр! — сказал он. — Точно выпил две бутылки кортона. Только, пожалуй, это не так приятно.

Ардан провел несколько раз рукой по лбу, потер виски.

— Николь! Барбикен! — крикнул он громко и со страхом прислушался.

Ответа не было.

Ни одного вздоха, который сказал бы ему, что сердца его товарищей еще бьются. Он позвал вторично. То же молчание.

— Черт возьми! — проговорил Ардан. — Они словно с пятого этажа вниз головой свалились! Ба! — прибавил он с обычной непоколебимой уверенностью. — Уж если француз мог стать на колени, то американцы-то уж наверняка вскочат на ноги! Однако прежде всего исследуем обстановку.

Ардан чувствовал, что жизнь быстро к нему возвращается: кровь отлила от головы, пульс бился ровнее. Несколько новых усилий вернули ему равновесие. Ему удалось встать на ноги и вынуть из кармана фосфорные спички.

От трения спичка зажглась, и он поднес ее к газовому рожку. Газовый баллон был цел: газ не улетучился. Впрочем, в случае утечки Ардан почувствовал бы запах газа, да и не мог бы безнаказанно зажечь спичку в помещении, наполненном светильным газом. Соединясь с воздухом, газ образовал бы взрывчатую смесь, и взрыв, может быть, довершил бы то, что начало сотрясение.

Как только газовый рожок вспыхнул, Ардан склонился

над своими товарищами. Они лежали друг на друге и казались бездыханными. Николь лежал сверху, Барбикен снизу.

Ардан поднял капитана, прислонил к дивану и принялся что есть мочи растирать его. Усердный и умелый массаж привел Николь в чувство. Он открыл глаза, и к нему тотчас же вернулось привычное хладнокровие. Схватив Ардана за руку и озираясь по сторонам, он спросил:

— А Барбикен?

— Всякому свой черед, — спокойно отвечал Ардан. — Я начал с тебя, потому что ты лежал сверху, а теперь примемся за Барбикена.

Они вместе приподняли председателя "Пушечного клуба" и положили его на диван. Барбикен, по-видимому, пострадал сильнее своих товарищей. Он был весь в крови. Николь, однако, скоро убедился, что кровотечение вызвано легкой раной в плече — пушечной царапиной, которую он тотчас же тщательно перевязал.

Однако Барбикен не скоро пришел в себя и перепугал друзей, не щадивших сил на растирание.

— Он еще дышит, — сказал Николь, прикладывая ухо к груди раненого.

— Да, — отвечал Ардан, — дышит, как человек, привыкший к этому ежедневному процессу. Растирай его, растирай сильнее!

Оба массажиста работали так усердно, что Барбикен, наконец, пришел в сознание. Он открыл глаза, приподнялся, взял за руки обоих друзей и первыми его словами были:

— Ну что, Николь, летим?

Николь и Ардан переглянулись.

Они еще не успели подумать о снаряде. Их первой заботой были пассажиры, а не вагон.

— В самом деле, где мы? — спросил Ардан. — Летим мы или нет?

— Может быть, мы преспокойно лежим на флоридской земле? — спросил Николь.

— Или на дне Мексиканского залива? — добавил Ардан.

— Что вы! — воскликнул Барбикен.

Обе догадки, высказанные друзьями, тотчас вернули его к действительности.

Как бы там ни было, пока еще невозможно было сказать что-нибудь достоверное относительно состояния снаряда. Кажущаяся неподвижность его и отсутствие всякого

сообщения с внешним миром не позволяли по траектории в межпланетном пространстве, а может быть, поднявшись на короткое время вверх, он упал на землю или в Мексиканский залив... Принимая во внимание незначительную ширину Флоридского полуострова, падение в Мексиканский залив представлялось вполне вероятным.

Дело было нешуточное, и задача чрезвычайно интересная. Надо было разрешить ее как можно скорее. Барбикен, взволнованный, усилием воли преодолевая физическую слабость, поднялся на ноги и прислушался. Снаружи — глубочайшее безмолвие. Стены были так толсты, что не пропускали ни малейшего звука. Но одно обстоятельство поразило Барбикена: температура внутри снаряда сильно повысилась. Барбикен вынул из футляра термометр: он показывал сорок пять градусов по Цельсию!

— Мы летим! — сказал Барбикен. — Мы летим! Эта удушающая жара проникает сквозь стенки снаряда! Она объясняется трением ядра об атмосферные слои. Скоро она спадет, потому что мы несемся уже в пустоте. И после того как мы чуть не задохнулись от зноя, нам придется вытерпеть жестокий холод.

— Почему же? — спросил Ардан. — По-твоему, Барбикен, мы уже за пределами земной атмосферы?

— Конечно, Мишель, разумеется. Слушай! Сейчас пятьдесят пять минут одиннадцатого. Мы вылетели восемь минут назад. Если бы скорость полета не уменьшилась от трения снаряда о воздух, нам было бы достаточно шести секунд, чтобы преодолеть шестнадцать лье земной атмосферы.

— Совершенно верно, — подтвердил Николь, — но насколько, по-вашему, снизилась от трения наша начальная скорость?

— На одну треть, Николь, — отвечал Барбикен. — Это снижение действительно громадно, но оно соответствует моим расчетам. Таким образом, если начальная скорость снаряда равнялась одиннадцати тысячам метров, то по выходе из атмосферы она должна была снизиться до семи тысяч трехсот тридцати двух метров. Что бы там ни было, этот перегон мы уже миновали и...

— И наш друг Николь проиграл оба пари, — перебил Ардан. — Четыре тысячи долларов за то, что колумбиада не взорвалась, и пять тысяч долларов за то, что снаряд поднялся выше шести миль. Ну-ка, Николь, раскошеливайся.

— Проверим сначала, — ответил капитан. — А за

расплатой дело не станет. Весьма возможно, что предположения и расчеты Барбикена совершенно верны и что я проиграл девять тысяч долларов. Но мне приходит в голову другое соображение, которое лишает смысла самое пари.

— Какое же? — встрепнулся Барбикен.

— А такое, что по той или по другой причине искра не попала в порох, и мы не взлетели.

— Черт возьми, капитан, — вскричал Мишель Ардан. — Вот гипотеза, которую даже такой невежда, как я, может мигом опровергнуть. Ты говоришь глупости. А толчок, который нас чуть было не прикончил? Не я ли приводил тебя в чувство? А рана на плече председателя, которая все еще кровоточит...

— Согласен, Мишель, — ответил Николь, — но позволь задать тебе один вопрос.

— Есть, капитан.

— Ты слышал выстрел, который, несомненно, должен быть оглушительным?

— Нет, — отвечал озадаченный Ардан, — я действительно не слышал выстрела.

— А вы, Барбикен?

— Я тоже не слышал.

— Ну так как же? — спросил Николь.

— В самом деле странно, — пробормотал председатель. — Отчего же мы не слышали выстрела?

Приятели недоуменно переглянулись.

Они столкнулись с необъяснимым явлением. Снаряд полетел, значит должен был быть и выстрел!

— Погодите, — сказал Барбикен, — сначала осмотримся, где мы. Откроем-ка ставни.

Эта простая операция была тотчас же выполнена. Гайки, которые сдерживали болты наружных ставен, поддались нажиму английского ключа; болты были выдвинуты наружу, и металлические пробки, обшитые каучуком, мгновенно заткнули болтовые отверстия. Наружная ставня, как крышка на шарнире, тотчас опустилась и обнажила вставленное в раму выпуклое стекло иллюминатора. Такое же окно имелось на другой стене снаряда. Третье — было устроено в куполе, четвертое — на полу, на дне снаряда. Таким образом через боковые окна можно было в двух противоположных направлениях наблюдать небо, а через верхний и нижний иллюминатор — Луну и Землю. Барбикен с товарищами кинулись к окну.

В окно не проникал ни один луч света. Снаряд был окружен полнейшим марком.

— Нет, друзья, мы не упали на Землю! — воскликнул Барбикен. — И не погрузились на дно Мексиканского залива! Нет, мы несемся в пространстве! Взгляните только на сверкающие во мраке звезды и на непроницаемую темноту, сгустившуюся между нами и Землей!

— Ура! Ура! — в один голос вскричали Николь и Ардан. Густой мрак действительно подтверждал, что снаряд покинул Землю, так как иначе путешественники видели бы земную поверхность, ярко освещенную в эту минуту лунным светом. Темнота доказывала также, что снаряд уже прорезал земную атмосферу, в противном случае рассеянный в воздушном слое свет отражался бы на его металлических стенках. Этот свет проникал бы и в окна, а они оставались неосвещенными. Сомнения не было. Путешественники действительно оторвались от Земли.

— Я проиграл, — признал Николь.

— С чем тебя и поздравляю! — сказал Ардан.

— Получите девять тысяч долларов, — сказал капитан, вынимая из кармана пачку банковых билетов.

— Прикажете расписку в получении? — спросил Барбикен, беря деньги.

— Если это не затруднит, — ответил Николь. — Порядок никогда не помешает.

И Барбикен серьезно и флегматично, словно он сидел у себя в конторе, вынул записную книжку, вырвал из нее чистый листок, набросал карандашом расписку по всем правилам бухгалтерии, расписался, проставил дату, приложил печать и вручил расписку Николу, который бережно спрятал ее в свой портфель.

Мишель Ардан, сняв фуражку, отвесил товарищам безмолвный поклон. Такой формализм в подобных условиях лишил его дара речи. Ардан отроду не видел ничего более "американского"...

Покончив с деловыми формальностями, Барбикен и Николь снова подошли к окну и принялись разглядывать созвездия. На черном фоне неба звезды выделялись яркими точками, но Луны с этой стороны нельзя было видеть, потому что, двигаясь с востока на запад, она мало-помалу приближалась к зениту. Ее отсутствие удивило Ардана.

— Где же Луна? — сказал он. — Неужели наше свидание с ней не состоится?

— Успокойся, — ответил Барбикен. — Наша будущая

“Земля” на своем месте, но с этой стороны мы не можем ее видеть. Отворим другое боковое окно.

Барбикен уже двинулся было к противоположному ставню, как вдруг его внимание было привлечено каким-то приближающимся блестящим предметом. Это был сверкающий шар, колоссальные размеры которого трудно было определить. Поверхность шара, обращенная к Земле, была ярко освещена. его можно было принять за какую-то маленькую Луну, отражавшую свет большой Луны. Шар двигался с необычной быстротой и описывал, по-видимому, вокруг Земли кривую, пересекавшую траекторию летящего снаряда. Поступательное движение этого тела дополнялось вращением его вокруг оси; таким образом, оно в своем полете ничем не отличалось от других небесных тел, движущихся в пространстве.

— Это еще что же такое? — воскликнул Мишель Ардан. — Еще один снаряд?

Барбикен не ответил. Появление этого громадного небесного тела удивило и встревожило его. Он понимал, что их ядро вполне могло столкнуться с неизвестным болидом и такая встреча грозила путешественникам самыми плачевными последствиями, либо отклонив снаряд с его пути, либо ударом повергнув его обратно на Землю; либо, наконец, этот астероид вследствие непреодолимой силы притяжения мог увлечь снаряд за собой.

Председатель Барбикен быстро оценил все три возможности, которые тем или иным путем привели бы его предприятие к роковому концу. Его спутники безмолвно уставились в пространство. Шар, приближаясь, все увеличивался, и вследствие известной оптической иллюзии путешественникам казалось, что снаряд летит прямо ему навстречу.

— Тысяча чертей! — воскликнул Мишель Ардан. — Поезда вот-вот столкнутся!

Путешественники инстинктивно подались назад. Их ужас был неописуем, но продолжался недолго. Астероид пронесся в нескольких стах метрах от снаряда и исчез так же внезапно, как и появился. Это объяснялось не столько быстротой его полета, сколько тем, что его поверхность, обращенная к Луне, быстро потухла в непроглядном мраке.

— Счастливого пути! — проговорил Мишель Ардан со вздохом облегчения. — Подумайте только! Неужели же вселенная так мала, что какое-то жалкое ядро не может

на свободе прогуляться по небу? Что это за важная особа, эта планета, которая чуть было нас не сшибла? Кто знает?

— Я знаю, — сказал Барбикен.

— Ты всегда все знаешь, чтоб тебе неладно было!

— Да, это простой болид, но болид очень крупный, который благодаря силе притяжения Земли превратился в ее спутника.

— Неужто? Стало быть, у Земли две Луны? Как у Нептуна!

— Да, Мишель, две Луны, хотя считается, что Луна— единственный спутник Земли. Вторая Луна так мала и скорость ее до того громадна, что жители Земли не в состоянии ее обнаружить. Французский астроном Пти на основании известных отклонений планет сумел установить наличие второго спутника Земли и дать его характеристику. По его наблюдениям этот болид якобы обращается вокруг Земли за три часа двадцать минут, то есть с неимоверной быстротой.

— Все ли астрономы признают существование этого спутника? — спросил Николь.

— Нет, не все, — отвечал Барбикен, — но если бы он им встретился, как сейчас нам, они перестали бы в нем сомневаться. А знаете, мне пришло в голову, что, этот болид, который здорово насолил бы нам, столкнись он со снарядом, поможет нам теперь определить наше положение в пространстве.

— Каким образом? — удивился Ардан.

— А вот каким. Расстояние его от Земли известно, значит в той точке, где мы его встретили, мы находились на расстоянии восьми тысяч ста сорока километров от поверхности земного шара.

— Ого, свыше двух тысяч миль! — воскликнул Ардан.— Куда же годятся перед такой скоростью поезда-экспрессы нашей жалкой планеты — Земли!

— Еще бы! — сказал Николь, взглянув на хронометр.— Сейчас одиннадцать часов, а мы покинули американский континент всего только тринадцать минут тому назад.

— Неужели же всего только тринадцать минут? — удивился Барбикен.

— Да, ровно тринадцать, — подтвердил Николь.— И если бы наша первоначальная скорость в одиннадцать километров оказалась постоянной, мы делали бы около двух тысяч лье в час.

— Все прекрасно, друзья, — проговорил Барбикен.—

но перед нами все еще стоит неразрешимый вопрос — почему мы не слышали выстрела колумбиады?

Не находя ответа, все замолчали, и Барбикен принялся опускать ставень второго бокового иллюминатора. Эта операция удалась ему как нельзя лучше, и через открытое окно полился лунный свет, ярко озаривший внутренность снаряда. Экономный Николь поспешил погасить ненужный теперь газ, который к тому же только мешал наблюдению межпланетных пространств.

Лунный диск сиял с поразительной яркостью. Лучи, уже не задерживаемые туманной атмосферой Земли, струились через окно и наполняли снаряд серебристыми бликами. Черная завеса неба оттеняла яркость Луны, которая в этой пустоте, не рассеивавшей света, уже не затмевала соседних звезд. Теперь небо представляло совершенно особое, невообразимое для земного жителя зрелище.

Легко понять, с каким интересом рассматривали наши смельчаки ночное светило — конечную цель своего путешествия. Спутник Земли в своем поступательном движении незаметно приближался к зениту — математической точке, которой он должен был достигнуть примерно через девяносто шесть часов. Горы, равнины, весь рельеф Луны казался ничуть не крупнее, чем с любой точки земного шара, но в пустом пространстве свет Луны достиг ослепительной яркости. Диск сверкал, словно платиновое зеркало.

О Земле, которая все дальше уходила от них, путники забыли даже и думать. Капитан Николь первый вспомнил о покинутой планете.

— Не будем неблагодарными. Наш последний взгляд должен быть обращен к нашей родине в минуту разлуки с ней. Я хочу еще раз увидеть Землю, прежде чем она совсем скроется из глаз, — сказал он.

Барбикен охотно согласился исполнить желание товарища и начал поспешно распечатывать окно в дне снаряда, откуда можно было наблюдать Землю. Подвижной диск, который при взлете снаряда был прижат к самому дну, друзья разобрали не без труда. Части его бережно расставили вдоль стен, — они могли еще пригодиться. Тогда в нижней части снаряда образовался круглый просвет в пятьдесят шесть сантиметров ширины. Этот просвет закрывало толстое стекло толщиной в пятнадцать сантиметров, укрепленное медной арматурой. Снаружи к окну была прилажена алюминиевая ставня на шурупах. Шурупы от-

винтили, болты ослабили, алюминиевая ставня отошла, и открылся вид на небо.

Мишель Ардан, став на колени, нагнулся над окном. Оно было темное, точно матовое.

— Что это! — воскликнул он. — Где же Земля?

— Земля? — переспросил Барбикен. — Да вот она?

— Как, эта узенькая полоска? Этот серебристый серп?

— Ну, конечно, Мишель. Через четыре дня, в полнолуние, в тот момент, как мы достигнем Луны, Земля будет находиться в фазе “новоземелия”. Сейчас мы видим Землю только в форме узкого серпа, который скоро исчезнет, и Земля на несколько дней погрузится в полнейший мрак.

— Вот тебе на! Вот так Земля! — повторял Ардан, глядя во все глаза на тонкий серп родной планеты.

Объяснение Барбикена было правильно. Земля по отношению к снаряду переходила в свою последнюю фазу. Ее серп, составляющий восьмую часть диска, ясно вырисовывался на фоне черного неба. Свет этого серпа, синеватый от плотного слоя атмосферы, был так же ярк, как и свет Луны, а самый серп можно было сравнить с огромным, растянутым по небу луком. Некоторые точки, особенно в его вогнутой части, были ярко освещены и свидетельствовали о наличии высоких гор; но эти точки по временам заволакивались темными мутными пятнами, каких мы никогда не видим на поверхности Луны. Это были кольца облаков, окружавших земной шар.

Впрочем, благодаря тому же закону, который проявляется и на Луне, находящейся в фазе новолуния, весь диск земного шара был хорошо различим на фоне неба. Диск светился пепельным светом, менее, однако, сильным, чем пепельный свет Луны. Причину этой меньшей яркости пепельного света понять легко. Пепельный свет Луны обусловлен солнечными лучами, отраженными от поверхности Земли. На Землю же, наоборот, отраженный свет Солнца падает с Луны. Стало быть, отражение с Земли в тринадцать раз сильнее лунного вследствие разницы объемов обоих небесных тел. Этим объясняется разница в силе пепельного света: темная часть Земли вырисовывалась менее четко, чем темный диск Луны, так как яркость освещения пропорциональна силе света обоих светил. Надо также добавить, что земной серп казался более

вытянутым в длину, что объяснялось явлением иррадиации.

В то время как путешественники вглядывались в глубокий мрак межпланетного пространства, перед ними внезапно рассыпался сверкающий букет падающих звезд. Сотни болидов, воспламеняясь от сопротивления атмосферы, прорезали темноту блестящим огненным дождем и исчертили сверкающими линиями темную часть земного диска. В этот период Земля находилась в перигелии, а декабрь всегда изобилует падающими звездами, которых астрономы насчитывают до двадцати четырех тысяч в час. Мишель Ардан, однако, пренебрегая научными объяснениями, предпочитал думать, что Земля этим искрометным фейерверком провожает в опасный путь своих троих детей.

Вот и все, что видели друзья от погруженного во мрак родного светила, одной из меньших планет нашей солнечной системы, восходящей и заходящей утром и вечером, как и остальные более крупные планеты. Земля была теперь едва заметной точкой в пространстве, бледным, исчезающим во мраке серпом — и это было все, что оставалось от планеты, на которой они покинули все дорогое сердцу.

Долго три друга, в полном молчании, но взволнованные одинаковыми чувствами, смотрели вдаль, между тем как снаряд уносил их от Земли с постепенно убывающей скоростью.

Наконец, путешественников стало непреодолимо клонить ко сну. Была ли то физическая усталость или упадок душевных сил? Естественно, что после того возбуждения, в котором они находились в последние часы на Земле, неизбежно должна была последовать реакция.

— Ну что ж, спать так спать, — сказал Мишель.

Друзья улеглись на тюфяках, и скоро все трое погрузились в глубокий сон.

Но не проспали они и сорока пяти минут, как Барбикен вскочил и начал будить товарищей.

— Понял! Понял! — кричал он.

— Что понял, что? — спросил Мишель Ардан, вскакивая с тюфяка.

— Понял, почему мы не слышали выстрела колумбиады!

— Ну? — спросил Николь.

— Потому что наше ядро летит быстрее звука и опередило его!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Путешественники устраиваются на новоселье.

После этого поразительного, но, конечно, вполне правильного объяснения, трое товарищей снова заснули глубоким сном. Да и где бы могли они отыскать более тихое и спокойное место для отдыха? На Земле и городские дома и сельские хижины воспринимают все сотрясения, какие только возможны на поверхности земного шара. На море корабль качается на волнах, находясь в постоянном движении. В воздухе аэростат непрерывно болтается вследствие разной плотности воздушных слоев. Только снаряд, летевший в полной пустоте, среди полного безмолвия, мог обеспечить своим обитателям полный покой.

Поэтому сон наших смельчаков продолжался бы, может быть, бесконечно, если бы внезапный шум не пробудил их в семь часов утра 2 декабря, через восемь часов после их вылета.

Этим звуком был самый обыкновенный собачий лай.

— Что это, собака? — воскликнул Мишель Ардан, сразу вскакивая. — Ах, это же наши собаки!

— Они проголодались, — заметил Николь.

— Черт возьми! Мы совсем забыли про них!

— Да где же они? — спросил Барбикен.

Все трое принялись за розыски и скоро обнаружили одну собаку, Диану, забившуюся под диван. Толчок при вылете так ошеломил ее, что она молча лежала в углу до тех пор, пока голод не заставил ее залаять.

— Диана, милочка, сюда, — говорил Ардан — поди ко мне дочка! Твоя история будет воспета в охотничьих летописях; язычники сделали бы тебя подругой Анубиса, а христиане — спутницей святого Роха; ты достойна, голубушка, чтобы бог Аида выковал тебе свинцовую статую, как тому псу, которого Юпитер уступил прекрасной Европе за один только поцелуй; твоя слава превысит славу героев Монтаргиса и горы Сен-Бернар; взлетев в межпланетные миры, ты, того гляди, станешь Евой лунного собачьего рода! Ты оправдаешь на Луне изречение Туссенеля: "Вначале бог создал человека и увидел, что он слаб, и дал ему собаку!" Сюда, Диана, ко мне!

Неизвестно, польстил ли Диане этот высокопарный дифирамб, но она, жалобно скуля, мало-помалу выползла из-под дивана.

— Так, — сказал Барбикен, — Ева налицо, а где же Адам?

— Адам? — повторил Ардан. — Адам, верно, недалеко. Он где-нибудь тут. Надо его покликать. Сателлит, сюда! Сателлит! Сателлит!

Но Сателлит не показывался, и Диана продолжала жалобно скулить.

Друзья установили, однако, что она не ранена и угостили ее аппетитным куском пирога, что сразу же прекратило ее жалобный вой.

Что же до Сателлита, то он исчез. Лишь после долгих поисков его удалось обнаружить в верхней части снаряда, куда он был самым непостижимым образом отброшен толчком при вылете снаряда. Бедный пес был в жалком состоянии.

— Экое горе, — воскликнул Мишель Ардан. — Вот тебе и акклиматизация!

Несчастливого пса бережно спустили вниз.

Он разбился головой о свод снаряда и едва ли мог поправиться после такого удара. Тем не менее раненого перенесли вниз и уложили на подушку.

— Бедный пес, мы будем ухаживать за тобой, — сказал Мишель Ардан. — На нас лежит ответственность за твою жизнь. Я предпочту потерять руку, чем допустить, чтобы бедняга Сателлит охромел хотя бы на одну лапу!

Мишель дал раненому псу несколько глотков воды. Пес с жадностью набросился на воду. После этого путешественники снова вернулись к своим наблюдениям над Луной.

Теперь Земля уже представлялась им в виде пепельного диска, который с одной стороны был окаймлен еще более узким серпом, чем накануне; но по сравнению с Луной, постепенно приобретающей очертания правильного круга, земной серп все еще казался огромным.

— Экая досада, что мы не вылетели в минуту "полноземелия", то есть тогда, когда наш земной шар был как раз против Солнца, — вздохнул Ардан.

— Почему? — удивился Николь.

— Потому что тогда мы увидели бы в совершенно новом свете наши материки и моря. Первые переливались бы под солнечными лучами всеми цветами радуги, а последние темнели бы и синели, как на географических картах. Мне бы также хотелось взглянуть на полюса Земли, которых никогда еще не видел человеческий глаз.

— Все это так, — сказал Барбикен. — Но если бы Зем-

ля была "полной", то в фазе новолуния находилась бы Луна. Другими словами, она была бы невидима в солнечных лучах. А для нас выгоднее видеть цель, к которой мы стремимся, чем точку нашего отправления.

— Вы совершенно правы, Барбикен, — согласился Николь. — К тому же, заметьте, что когда мы доберемся до Луны, то за долгие лунные ночи мы вдоволь успеем наглядеться на земной шар, где копошатся нам подобные.

— Нам подобные? — переспросил Мишель Ардан. — Они теперь такие же нам подобные, как и жители Луны — селениты. Ведь наш снаряд — новый мир, населенный только нами одними. Мне подобен Барбикен, Барбикен — Николу. Над нами и вне нас человечество кончается; мы трое — единственные жители этого мирка до той самой минуты, пока мы не превратимся в обыкновенных селенитов.

— Это случится почти через восемьдесят часов, — сказал Николь.

— А это значит? — спросил Мишель Ардан.

— Это значит, что теперь половина девятого, — ответил Николь.

— На мой взгляд, — заключил Мишель, — невозможно привести никаких возражений против завтрака; теперь самое время закусить.

Действительно, жители новой планеты не могли обойтись без еды, и их желудки повелительно заявляли о своих законных правах.

Мишель Ардан в качестве француза объявил себя шеф-поваром и главным распорядителем. По этой части ему не было соперников. Газ доставил необходимое тепло, а в ящике с провизией нашлись припасы для первой закуски в межпланетном пространстве.

Сначала были поданы три чашки превосходного бульона, который Мишель приготовил, распустив в горячей воде драгоценные таблетки Либига из лучших сортов говядины. За мясным бульоном последовало несколько ломтиков бифштекса, спрессованных под гидравлическим прессом. Бифштекс был так сочен и нежен, словно он только что вышел из кухни английского кафе. Мишель, отличавшийся чрезвычайно пылким воображением, уверял даже, что бифштекс этот "с кровью".

Вслед за мясом появились консервированные овощи — "первой свежести", по уверению Ардана, и, наконец, завтрак завершился превосходным чаем с печеньем, приготовленным по-американски. Этот напиток, признанный

друзьями восхитительным, был изготовлен из листиков первосортного чая, несколько ящиков которого предоставил в распоряжение путешественников российский император. Роскошный пир увенчался бутылкой великолепного бургундского, "случайно" обнаруженной Мишелем в ящике с припасами. Три друга выпили за союз Земли с ее спутником.

И Солнце, словно не довольствуясь участием в изготовлении этого благодетельного вина, напоенного его лучами и теплом на холмах Бургундии, само захотело присоединиться к компании трех собутыльников. Как раз в эту минуту снаряд вышел из конуса тени, которую отбрасывал земной шар, и лучи дневного светила озарили нижнюю часть снаряда благодаря углу, образуемому орбитами Земли и Луны.

— Солнце! — воскликнул Ардан.

— Конечно, Солнце! — ответил Барбикен. — Я все время дожидаюсь его появления.

— Однако же теневой конус, отбрасываемый Землей в пространство, простирается и по ту сторону Луны.

— И даже на довольно значительное расстояние, — подтвердил Барбикен, — если не учитывать преломления лучей в атмосфере. Но когда Луна окружена этой тенью, это значит, что центры трех светил — Солнца, Земли и Луны — находятся на одной прямой. Тогда точки пересечения их орбит совпадают с фазами полной Луны и происходит затмение. Отправься мы в момент лунного затмения, все наше путешествие совершилось бы в темноте. А это было бы крайне неприятно.

— Почему?

— Да потому, что хоть мы и несемся в пустоте, наш снаряд залит лучами Солнца, снабжающего нас светом и теплом. Благодаря этому мы можем экономить газ. А он нам еще пригодится.

Действительно, блеск и теплота солнечных лучей, не смягченные никакой атмосферой, освещали и согревали снаряд так, словно он внезапно перекочевал из зимы в лето. Снаряд был затоплен сверху лунным светом, а снизу — солнечным.

— А ведь у нас недурно! — заметил Николь.

— Еще бы! — подхватил Ардан. — Будь у нас в нашей алюминиевой квартире хоть горсточка земли, я бы за сутки вырастил сахарный горошек. Боюсь только, как бы стенки снаряда не начали плавиться.

— Успокойся, милый друг, — сказал Барбикен. — Ког-

да снаряд прорезал атмосферу, он выдержал температуру повыше теперешней. Я нисколько не удивился бы, если бы жители Флориды приняли наш снаряд за раскаленный болид.

— Значит, Мэстон считает, что мы изжарились?

— Я и сам удивляюсь, что этого с нами не случилось,— сказал Барбикен. — Вот опасность, которой никто из нас не предусмотрел.

— Ошибаетесь, я очень этого опасался,— просто сказал Николь.

— И ты ни слова не проронил об этом, доблестный капитан?— воскликнул Ардан, пожимая ему руку.

Тем временем Барбикен продолжал устраиваться в снаряде, словно он собирался остаться здесь навсегда. Воздушный вагон представлял в основании площадь в пятьдесят четыре квадратных фута, а в высоту достигал двенадцати футов. Он был очень искусно отделан внутри: каждому предмету — дорожной утвари, поклаже, приборам и инструментам — было отведено свое место, и поэтому, не загромождая снаряда, они оставляли пассажирам довольно большое пространство. Толстое стекло, занимавшее часть дна, могло выдержать большую тяжесть. Барбикен и его друзья спокойно расхаживали по стеклу, как по обыкновенному полу, а солнечные лучи, падая отвесно снизу, освещали внутренность снаряда, создавая самые фантастические световые эффекты.

Путешественники осмотрели бак с водой и ящик с провизией. Благодаря мерам, принятым для ослабления толчка, кладовые нисколько не пострадали. Провизия имела в изобилии, и ее хватило бы для троих путешественников на целый год. Барбикен позаботился запастись продуктами на тот случай, если бы снаряд опустился в совершенно бесплодных областях Луны. Что же касается водки и воды, запасы которой достигали пятидесяти галлонов, то они были рассчитаны всего на два месяца. По последним наблюдениям астрономов, атмосферное давление на Луне считалось очень низким, атмосфера была плотной и насыщенной парами, в особенности в глубоких низинах, где, несомненно, имелись многочисленные ручьи. Таким образом, во время путешествия и первого года пребывания на Луне мужественные исследователи не должны были испытывать ни голода, ни жажды.

Оставалась проблема воздуха внутри снаряда. Но и здесь все оказалось предусмотренным. Аппарат Рейзе и Реньо, предназначенный для производства кислорода, был

заправлен хлорноватоокислым калием с запасом на два месяца. Он, конечно, расходовал некоторое количество газа, так как калий подогревался до температуры свыше четырехсот градусов. Но и в этом отношении все было рассчитано с запасом. К тому же аппарат не требовал почти никакого обслуживания и работал автоматически. При указанной высокой температуре хлорноватоокислый калий, превращаясь в хлористый калий, отдавал весь содержащийся в нем кислород. Какое же количество кислорода можно получить из восемнадцати фунтов хлорноватоокислого калия? Семь фунтов — все что требовалось для дыхания обитателей снаряда.

Задача, однако, не ограничивалась только восполнением израсходованного запаса кислорода; надо было также позаботиться об удалении выделяемой при дыхании углекислоты. За двенадцать с лишним часов атмосфера внутри снаряда была перенасыщена этим газом, представляющим продукт соединения элементов крови с кислородом. Капитан Николь сразу же заметил по учащенному трудному дыханию Дианы, что воздух в снаряде тяжелый. Как и в знаменитой Собачьей пещере, углекислота вследствие своего веса собиралась на дне снаряда, и бедная Диана, лежавшая головой на полу, должна была гораздо раньше своих хозяев испытать действие этого вредного газа. Капитан Николь поспешил исправить дело. Он тотчас же расставил по дну снаряда несколько банок с раствором едкого натра, предварительно их встряхнув. Это вещество, жадно поглощающее углекислоту, быстро очистило воздух внутри ядра.

После этого друзья перешли к осмотру инструментов и приборов. За исключением одного минимального термометра, у которого разбилось стекло, все термометры и барометры уцелели. Превосходный металлический барометр был вынут из выложенного ватой ящика и повешен на стену. Он показывал, конечно, только давление воздуха внутри снаряда, но зато был снабжен гигрометром, определявшим влажность воздуха. В данную минуту его стрелка колебалась между 765 и 760 миллиметрами. Это означало хорошую, ясную погоду.

Взятые Барбиеном компасы тоже оказались в целости и исправности. Внутри снаряда их стрелки бешено вращались, не указывая никакого направления. Естественно, что на таком расстоянии от Земли магнитный полюс не мог оказывать ощутительного влияния на прибор. Но на Луне компасы могли бы обнаружить любопытнейшие яв-

ления. Во всяком случае, было очень интересно проверить, подчиняется ли спутник Земли тем же законам магнетизма, как и сама Земля.

Осмотрели и гипсометр — прибор для измерения высоты лунных гор, секстант для определения высоты Солнца, теодолит — геодезический инструмент, служащий угломером. И, наконец, проверили подозрные трубы, которые должны были сыграть важную роль во время приближения снаряда к Луне. Все эти инструменты и приборы после тщательного осмотра и проверки были найдены в хорошем состоянии, несмотря на резкий толчок при вылете.

Рабочие орудия — кирки, заступы и прочие, — о которых специально позаботился Николь, всевозможные семена и саженцы, которые Ардан мечтал пересадить на лунную почву, — все лежали на своих местах, в верхних помещениях снаряда. Здесь, под куполом, образовался своего рода чердак, который изобретательный француз завалил целыми горами какой-то утвари. Что именно там хранилось, было неизвестно. Мишель не считал нужным ставить об этом в известность своих товарищей. Они заметили только, что Мишель время от времени поднимался в этот тайник по вделанным в стене ступенькам и наводил там порядок. Он что-то раскладывал, переставлял, торопливо шарил в каких-то таинственных коробках, напевая старинную французскую песенку и при этом немилосердно фальшивя, чем несказанно веселил всю компанию. Барбикен придавал большое значение сохранности ракет и фейерверков. Эти важные приспособления с тяжелым зарядом предназначались для замедления скорости ядра, когда, пройдя нейтральную зону, оно должно было войти в область лунного притяжения и затем упасть на поверхность Луны. Впрочем, благодаря различию в массах Земли и Луны сила падения была в шесть раз слабее той силы, с которой ядро упало бы на Землю.

Итак, весь осмотр закончился ко всеобщему удовлетворению. Затем каждый из путешественников снова вернулся к наблюдениям межпланетного пространства через стекла боковых иллюминаторов.

Их глазам представлялось все то же зрелище. Все пространство небесной сферы усыпано было звездами и созвездиями необычайной яркости, способной свести с ума любого астронома. С одной стороны сверкало Солнце, как жерло громадной огнедышащей печи, как

ослепительный диск без сияния, на фоне совершенно черного неба. С другой стороны Луна отбрасывала отраженные солнечные лучи и казалась неподвижной среди окружающего ее звездного сонма.

Внизу виднелось темное пятно, словно глубокий колодезь в небе, окруженное серебристой каемкой: это была Земля. Там и сям проступали туманности, точно громадные комья звездного снега, а от зенита до надгиря тянулось исполинское кольцо, образованное из россыпи неисчислимых звезд — Млечный Путь, — в котором наше Солнце представляет светило всего лишь четвертой величины. Друзья долго не могли оторвать глаз от невиданного зрелища, не поддававшегося никакому описанию. Сколько новых мыслей, сколько неведомых доселе чувств рождала эта картина вселенной в их душах! Барбикен под свежим впечатлением решил приступить к путевым заметкам; он отмечал час за часом все события, сопровождающие осуществление его дерзкого замысла. Он писал спокойно, крупным, словно квадратным почерком, сухим слогом, напоминающим коммерческие отчеты.

Математик Николь тем временем проверял свои расчеты траекторий и с необычайной ловкостью орудовал астрономическими цифрами. Ардан то и дело заговаривал с Барбикеном, который ему не отвечал, или с Николем, который его не слушал, или, наконец, с Дианой, ничего не понимавшей в его рассуждениях. Он вел длинные диалоги сам с собой, задавая вопросы, сам же отвечая на них, вертелся, шмыгал то сюда, то туда, то приседая на корточки над нижним иллюминатором, то залезая под самый купол снаряда, — и при этом всегда напевал себе под нос. В этом микрокосмосе он олицетворял собою подвижность и способность приспособливаться к любым условиям, столь свойственные французской нации, и, надо сказать, что его родина имела в нем достойного представителя.

День, или, точнее говоря, двенадцатичасовой промежуток, составлявший день на Земле, закончился обильным, мастерски приготовленным ужином. Никакое событие до сих пор не нарушало беспечного настроения друзей, не поколебало их уверенности в успехе.

Так, полные надежд, не сомневаясь в удаче, они мирно заснули, в то время как снаряд со все убывающей скоростью летел по неведомым путям вселенной.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Немного алгебры.

Ночь прошла без приключений. Собственно говоря, слово "ночь" в данном случае не подходит.

Снаряд нисколько не изменил своего положения относительно Солнца. По астрономическому времени в нижней части снаряда был день, в верхней — ночь. Поэтому каждый раз, когда в нашем рассказе мы будем употреблять слова "день" и "ночь", их надо понимать как время от восхода до захода Солнца на Земле.

Глубокий сон наших путешественников был тем спокойнее, что снаряд, несмотря на громадную скорость полета, казался совершенно неподвижным. Никакое сотрясение не обнаруживало его движения в пространстве. Движение, с какой бы скоростью оно ни происходило, никак не отражается на человеке, когда оно совершается в пустоте или когда масса воздуха, окружающая тело, движется вместе с ним.

Кто из обитателей Земли замечает скорость ее движения? Однако же он несется вместе с нею со скоростью девяноста тысяч километров в час. Движение в таких условиях не ощущается так же, как и покой. Ни одно тело на него не реагирует. Если тело находится в покое, оно продолжает оставаться в покое, пока его не выведет из этого состояния какая-либо посторонняя сила. Если же тело в движении, оно не остановится до тех пор, пока ему не преградит путь какое-либо препятствие. Это безразличие к движению или к покою и есть инерция.

Барбикен и его спутники, заключенные в снаряде, чувствовали себя в полной неподвижности. Впрочем, их ощущение покоя не прекратилось бы, даже если бы они расположились на поверхности снаряда. Не будь Луны, которая все увеличивалась над ними, они могли бы побиться об заклад, что реют в какой-то совершенно неподвижной среде.

В это утро, 3 декабря, друзья были разбужены радостным, но совершенно неожиданным звуком. Это был крик петуха, раздавшийся в самом снаряде.

Первым вскочил Мишель и проворно вскарабкался на свой "чердак". Он поспешно запер какой-то приоткрытый ящик.

— Да замолчишь ли ты, — сказал он шепотом. — Эта тварь провалит всю мою затею!

Николь и Барбикен проснулись.

— Петух! — воскликнул Николь.

— Успокойтесь, друзья мои! — с живостью ответил Мишель. — Я просто захотел вас потешить сельской музыкой.

И он издал такое великолепное “кукареку”, которое сделало бы честь самому гордому представителю петушиной породы.

Оба американца разразились громким смехом.

— Необычайный талант, — сказал Николь, лукаво поглядывая на своего товарища.

— Такие шутки очень приняты у нас во Франции, — ответил Мишель. — Это совсем по-галльски. У нас кричат петухом даже в самом лучшем обществе.

Затем, желая перевести разговор на другую тему, он добавил:

— А знаешь, Барбикен, о чем я думал всю ночь?

— О чем? — спросил председатель.

— Я все думал о наших кембриджских друзьях. Ты, конечно, заметил, что я ни черта не смыслю в математике. Так вот я никак не могу понять, каким образом наши ученые в обсерватории могли вычислить скорость, которую должен иметь снаряд, чтобы долететь до Луны.

— Ты хочешь сказать, — перебил Барбикен, — до той нейтральной точки, где силы земного и лунного притяжения одинаковы, потому что с этой точки, которая находится почти на девяти десятых всего расстояния между обеими планетами, снаряд полетит на Луну сам собой, вследствие собственной тяжести.

— Ну да, именно это я и имел в виду, — сказал Мишель. — Но как же все-таки они вычислили эту скорость?

— Ничего нет легче.

— А ты сумел бы сам провести это вычисление?

— Ну, разумеется. Мы с Николем вычислили бы эту скорость и сами, если бы справка обсерватории не избавила нас от этого труда.

— Подумать только, — вздохнул Мишель. — А я бы не мог решить этой задачи даже под страхом смертной казни.

— Потому что ты не знаешь алгебры, — спокойно ответил Барбикен.

— Эх вы, “иксоеды”! Вы думаете, сказали: “Алгебра”, и этим все объяснили!

— Мишель, — сказал Барбикен, — ты, надеюсь, не

станешь отрицать, что нельзя ковать без молота или пахать без плуга?

— Не стану, конечно.

— Ну, так алгебра — такое же орудие, как соха или плуг, — и орудие весьма полезное для тех, кто умеет с нею обращаться.

— Не может быть.

— Сущая правда.

— А ты согласен воспользоваться этим орудием тут же при мне? Если тебе, конечно, не скучно.

— Разумеется.

— И показать мне, как вычислить начальную скорость нашего снаряда?

— Да, дорогой друг. Приняв в расчет все известные условия задачи: расстояние от центра Земли до центра Луны, радиус Земли, массу Земли, массу Луны, я могу с точностью установить начальную скорость нашего снаряда, и при этом с помощью самой простой формулы.

— Какая же это формула?

— А вот увидишь. Но только я не стану вычерчивать кривой, описанной нашим снарядом между Луной и Землей, учитывая их относительное движение вокруг Солнца. Предположим, что обе планеты неподвижны. Этого будет совершенно достаточно.

— Почему же?

— Потому что именно так решаются задачи, называемые "задачами трех тел", интегральный же метод для решения таких задач еще недостаточно разработан.

— Скажите, пожалуйста, — насмешливо произнес Мишель Ардан, — стало быть, математики еще не сказали своего последнего слова!

— Ну, разумеется, нет, — ответил Барбикен.

— Ну что ж! А в ось лунные жители довели интегральное исчисление до большего совершенства, чем вы! А кстати, что такое интегральное исчисление?

— Этот способ, противоположный дифференциальному исчислению...

— Благодарю покорно!

— Другими словами, это исчисление, дающее нам конечные величины, дифференциалы которых нам известны.

— Вот это по крайней мере понятно! — воскликнул Мишель с видом полного удовлетворения.

— А теперь, — сказал Барбикен, — дай мне кусочек

бумаги, огрызок карандаша, и через полчаса я покажу тебе нужную формулу.

С этими словами Барбикен принялся за вычисления. Николь продолжал изучать в окно необозримые межпланетные пространства, предоставив Мишелью заботу о завтраке.

Не прошло и получаса, как Барбикен, подняв голову, показал Ардану бумажку, исписанную алгебраическими знаками, среди которых выделялась следующая формула:

$$\frac{1}{2}(v^2 + v_0^2) = gr \left\{ \frac{r}{x} - 1 + \frac{m}{m} \left(\frac{r}{(d-x)} - \frac{r}{(d-r)} \right) \right\}.$$

— Что же это значит? — спросил Мишель.

— Это значит, — ответил Николь, — что одна вторая v в квадрате минус v нулевое в квадрате равно gr , помноженное на r , деленное на x , минус единица плюс m прим, деленное на m , умноженное на r , деленное на d минус x , минус r , деленное на d минус r .

— Икс плюс игрек на закорках у зета и верхом на r , — расхохотался Мишель. — И все это тебе понятно, капитан?

— Ничего нет понятнее.

— Ну еще бы! — сказал Мишель. — Да ведь это же ясно с первого взгляда; теперь мне больше ничего не требуется.

— Вечно ты издеваешься! — вмешался Барбикен. — Захотел алгебры, ну и получиай.

— Пусть уж лучше меня повесят!

— В самом деле, — сказал Николь с видом знатока, читая формулу. — Мне кажется, эта формула совершенно правильна. Это интеграл уравнения действующих сил, и я не сомневаюсь, что она приведет к искомому результату!

— Но я тоже хочу хоть что-нибудь понять! — вскричал Мишель. — Я готов отдать за это десять лет жизни... Николья.

— Ну так послушай, — начал Барбикен. — Половина v квадрат минус v нулевое в квадрате — это формула, дающая нам полувариацию действующей силы.

— Ну, допустим. А Николь тоже понимает, что это значит?

— Конечно, Мишель, — ответил капитан. — Все эти, кажущиеся тебе каббалистическими, знаки составляют самый простой, самый точный и логический язык для тех, кто им владеет.

— И ты полагаешь, Николь, — сказал Мишель, — что при помощи таких иероглифов, еще более непонятных, чем египетские “ибиcы”, ты сможешь найти начальную скорость, которую следовало сообщить снаряду?

— Безусловно, — ответил Николь. — При помощи этой формулы я смогу даже сказать тебе, с какой скоростью летит снаряд в любой точке пространства.

— Честное слово?

— Честное слово.

— Подумать только, ты, значит, ученый не хуже нашего председателя!

— Нет, Мишель. Барбикен сделал как раз самое трудное. Он нашел уравнение, определяющее все условия задачи. Остальное — вопрос арифметики, и требует только знания четырех правил.

— Ну это действительно пустяки! — ответил Мишель Ардан, хотя ни разу в жизни не одолел ни одной задачи на сложение и называл эти уравнения “китайскими головоломками, позволяющими получать бесконечно разнообразные итоги”.

Барбикен, однако, уверял, что Николь, поразмыслив, смог бы самостоятельно найти ту же формулу.

— Не знаю, — возразил Николь, — чем больше я ее изучаю, тем больше она меня восхищает.

— А теперь, — сказал Барбикен, обращаясь к своему невежественному другу, — слушай. Ты поймешь, что все эти буквы имеют определенные значения.

— Слушаю, — смиренно сказал Мишель.

— d означает расстояние между центрами Земли и Луны, — сказал Барбикен. — Эти точки нам нужны для вычисления сил притяжения.

— Понятно.

— r — радиус Земли.

— Радиус... Допустим.

— m — масса Земли, а m прим — это масса Луны. Эти величины приняты в формуле потому, что притяжение тел пропорционально их массам.

— g — сила тяжести, скорость, приобретаемая телом в течение секунды при падении на поверхность Земли. Ясно?

— Как божий день!

— Буквой x я обозначил то переменное расстояние, которое отделяет нас от центра Земли, а v — скорость снаряда при данном расстоянии.

— Прекрасно!

— Наконец, скорость снаряда по выходе из атмосферы обозначим v нулевое.

— Правильно, — сказал Николь, — до этой точки и следовало вычислять скорость, так как известно, что начальная скорость в полтора раза больше той, которую снаряд сохранил при выходе из атмосферы.

— Ничего не понял! — воскликнул Мишель.

— Это же так просто! — сказал Барбикен.

— Просто, да, видно, не для меня! — ответил Мишель.

— Это значит, что когда наш снаряд достиг границы земной атмосферы, он уже потерял треть своей начальной скорости.

— Так много?

— Да, милый друг, и притом только вследствие сопротивления воздуха: трения о воздух, понимаешь? Ты представляешь себе, что чем быстрее движется снаряд, тем большее сопротивление оказывает ему атмосфера?

— Это понятно, — согласился Мишель, — это я себе представляю, но все эти ваши v нулевое и v нулевое в квадрате отскакивают от моей тупой башки, как от стены горох...

— Первая естественная реакция на алгебру. Но погоди, голубчик, — сказал Барбикен, — сейчас, чтобы доконать тебя, мы вставим в эту формулу числовые значения, соответствующие каждой букве.

— Делать нечего, приканчивайте меня! — с отчаянием воскликнул Мишель.

— В этой формуле, — продолжал Барбикен, — есть величины известные, а есть и такие, которые еще придется вычислить.

— Этим займусь я, — сказал Николь.

— Итак, во-первых, r , представляет собой земной радиус, величина которого на широте Флориды — точке нашего отправления — равняется шести миллионам тремстам семидесяти тысячам метров; d — расстояние между центрами Земли и Луны, равное пятидесяти шести радиусам Земли, значит...

— Значит, — перебил Николь, уже успевший сделать вычисление, — это самое расстояние будет равно тремстам пятидесяти шести миллионам семистам двадцати тысячам метров в то время, когда Луна находится в перигее, то есть в наиболее близкой точке от Земли.

— Правильно, — подтвердил Барбикен. — Далее: m прим, деленное на M , есть отношение массы Луны к массе Земли, равное одной восьмьдесят первой.

— Отлично, — заметил Мишель.

— g , — сила тяжести, которая во Флориде равна девяти метрам и восьмидесяти одному сантиметру; отсюда следует, что gr равно...

— Шестидесяти двум миллионам четыреста двадцати шести тысячам квадратных метров, — подхватил Николь.

— А дальше что? — спросил Мишель Ардан.

— А дальше, — ответил Барбикен, — когда буквы заменены числовыми величинами, я могу приступить к определению v нулевого, то есть скорости, которую снаряд должен иметь при выходе из атмосферы, чтобы с нулевой скоростью достигнуть точки равного притяжения. Итак, если в этот момент скорость должна быть равной нулю, то x будет расстоянием, на котором находится эта нейтральная точка, и может быть выражено девятыми десятичными d , то есть мы получаем расстояние между двумя центрами.

— Сплошной туман, — вздохнул Мишель.

— У меня, стало быть, получится: x равно девяти десятиым d и v равно нулю, а тогда моя формула примет вид...

Барбикен быстро выписал формулу:

$$v_0^2 = 2gr \left\{ 1 - \frac{10r}{9d} - \frac{1}{81} \left(\frac{10r}{d} - \frac{r}{(d-r)} \right) \right\}$$

— Так! Именно так! — вскричал Николь, жадно впиваясь глазами в формулу.

— Все ли ясно? — спросил Барбикен.

— Чего же яснее! — воскликнул Николь.

— Ну и мудрецы! — прошептал Мишель.

— Понял ли ты, наконец? — спросил его Барбикен.

— Еще как! — воскликнул Мишель. — Того гляди, голова треснет...

— Итак, — продолжал Барбикен, — v нулевое в квадрате равно двум gr помноженным на единицу минус десять r , поделенных на девять d , минус одна восьмидесят первая, помноженная на десять r , деленных на d минут g , поделенных на d минус r .

— А чтобы получить искомую скорость снаряда по выходе его из атмосферы, — добавил Николь, — остается только произвести вычисление.

И капитан, не страшась никаких трудностей, с неизменной быстротой принялся за вычисление. Столбцы цифр вырастали из-под его карандаша, и скоро вся стра-

ница была испещрена делениями и умножениями. Барбикен внимательно следил за капитаном, а Мишель, сжав обеими руками голову, старался избавиться от начавшейся мигрени.

— Ну как? — спросил Барбикен после некоторого молчания.

— Готово! — ответил Николь. — Для того, чтобы снаряд мог долететь до нейтральной точки, где притяжения Земли и Луны уравниваются, скорость его при выходе из атмосферы должна быть равной...

— Чему? — с нетерпением спросил Барбикен.

— Одиннадцати тысячам пятидесяти одному метру в первую секунду.

— Как? — воскликнул Барбикен. — Сколько?

— Одиннадцать тысяч пятьдесят один метр, — повторил капитан.

— Проклятье! — воскликнул в отчаянии Барбикен.

— Что с тобой, дорогой? — спросил Мишель Ардан, не понимая волнения председателя.

— Что со мной? Если в данный момент скорость от трения уже уменьшилась на одну треть, то первоначальная скорость должна была равняться...

— Шестнадцати тысячам пятистам семидесяти шести метрам! — ответил Николь.

— А по расчетам Кембриджской обсерватории выходило, что достаточно скорости в одиннадцать тысяч метров. И именно с этой скоростью мы и вылетели из колумбиады!

— Ну так что ж? — недоумевал Николь.

— Да то, что эта скорость, значит, была недостаточной.

— Ну?

— И мы не долетим до нейтральной точки!

— Черт возьми!

— Мы не пролетим и половины пути!

— Проклятое ядро! — завопил Мишель Ардан, вскакивая с такой поспешностью, словно снаряд через несколько минут должен был грохнуться о Землю.

— Значит, мы упадем обратно на Землю!

ГЛАВА ПЯТАЯ

Холод межпланетных пространств.

Результат вычислений как громом поразил наших путешественников. Кому бы могла прийти в голову мысль о подобной ошибке? Барбикен все еще не верил в такую

возможность. Николь, однако, снова проверил все свои расчеты и убедился в их правильности. Точность же формулы, взятой в основу вычислений, не подлежала никакому сомнению. После вторичной проверки оказалось, что для достижения желаемой точки снаряду действительно нужно было сообщить начальную скорость в 16576 метров в первую секунду, в противном случае снаряд не мог долететь до намеченной цели.

Трое друзей молча переглянулись. О завтраке никто уже не думал. Барбикен, стиснув зубы и конвульсивно сжав кулаки, нахмурившись смотрел в окно. Николь, скрестив на груди руки, уставился на свои цифры.

— Вот тебе и ученые! Только положишься на них! — бормотал Мишель Ардан. — Я не пожалел бы двадцати золотых, если бы наш снаряд обрушился всем грузом на Кембриджскую обсерваторию и раздавил ее вместе с ее шарлатанами.

И вдруг Николя словно осенило.

— Стойте! — сказал он. — Сейчас семь часов утра. Стало быть, мы вылетели тридцать два часа тому назад. Значит, мы проделали больше половины всего пути и, как видите, не падаем!

Барбикен ничего не ответил. Быстро взглянув на Николя, схватил инструмент, которым пользовался на Земле в качестве угломера. Подойдя к нижнему окну, он произвел измерения с точностью, допускаемой кажущейся неподвижностью снаряда. Затем, вытирая со лба капли пота, он снова принялся за вычисления. Николь с тревогой глядел на него; он сообразил, что председатель хочет по величине земного диаметра определить расстояние снаряда от Земли.

— Нет! — воскликнул наконец, Барбикен после нескольких минут молчания. — Нет, мы не падаем! Мы находимся сейчас за пятьдесят тысяч лье от Земли! Мы уже миновали ту точку, в которой снаряд мог бы остановиться, если бы его начальная скорость была равной только одиннадцати тысячам метров!

— Это очевидно, — подтвердил Николь, — и, значит, начальная скорость от взрыва четырехсот тысяч фунтов пороха была значительно больше одиннадцати тысяч метров! Теперь понятно, почему мы встретили второго спутника Земли уже по истечении тринадцати минут: он обращается на расстоянии восьми тысяч ста сорока километров от Земли.

— Это объяснение тем более правдоподобно, — добавил Барбикен, — что, выбросив воду, находившуюся между разбивными перегородками, наш снаряд внезапно освободился от довольно значительного балласта.

— Верно, — подтвердил Николь.

— Ах, дорогой Николь, — воскликнул Барбикен, — мы спасены!

— А поэтому, — спокойной произнес Ардан, — раз мы спасены, давайте завтракать!

В самом деле, Николь не ошибся: начальная скорость снаряда была, к счастью, значительно больше той, которую вычислили кембриджские астрономы, но это не умаляло ошибки Кембриджской обсерватории.

Успокоившись после ложной тревоги, наши путешественники уселись за стол и весело принялись за завтрак. Много было съедено за этим завтраком, но еще больше сказано. После случая с алгеброй их уверенность еще возросла.

— Почему бы нам, собственно говоря, и не достигнуть цели? — твердил Мишель Ардан. — Ведь мы продолжаем лететь. Препград перед нами нет: дорога ровная, без единого камешка. Путь свободен. Куда свободнее, чем путь корабля, которому приходится рассекать волны океана: свободнее пути аэростата, борющегося с ветром. А раз корабли пристают, куда им полагается, и аэростаты поднимаются, куда им вздумается, почему бы и нам не добраться до намеченной цели?

— Мы и доберемся! — сказал Барбикен.

— Хотя бы для поддержания престижа американской нации! — прибавил Ардан. — Единственной нации, которая оказалась в силах поднять такое дело, единственной нации, способной породить нашего председателя Барбикена! А ведь знаете, когда нам больше не о чем беспокоиться, я боюсь, что нам придется скучновато. Не правда ли?

Барбикен и Николь запротестовали.

— Я это предвидел, дорогие друзья, — продолжал Мишель. — Скажите только слово, и к вашим услугам будут и шашки, и шахматы, и карты, и домино! Недостаёт только биллиарда!

— Как? — удивился Барбикен. — Неужели ты захватил с собою все эти пустяки?

— А то как же! — ответил Мишель. — И не только для собственного развлечения, но и для снабжения имитационных ресторанчиков.

— Друг мой, — сказал Барбикен, — если на Луне есть жители, то они, конечно, появились на свет на сотни тысяч лет раньше нас, потому что сама Луна, несомненно, старше нашей планеты. А если эти жители существуют уже сотни тысяч лет и их мозг устроен так же, как и наш, то они уже наверное не только давно изобрели все, что придумано нами, но даже и такие вещи, которые появятся у нас только через несколько столетий. Едва ли нам придется их учить чему-нибудь: скорее они многому нас научат.

— Как? — возразил Мишель. — Ты допускаешь, что у них были такие художники, как Фидий, Микельанджело и Рафаэль?

— Конечно.

— И такие поэты, как Гомер, Виргилий, Мильтон, Ламартин и Гюго?

— Я в этом уверен.

— Такие философы, как Платон, Аристотель, Декарт и Кант?

— Без сомнения.

— Такие ученые, как Архимед, Евклид, Паскаль. Ньютон?

— Могу в этом поручиться.

— И такие комики, как наш Арналь, такие фотографы, как... Надар?

— Разумеется.

— Однако, дружище Барбикен, если они так же умны, как и мы, а может и того умнее, то почему же им до сих пор не пришло в голову попытаться завести сношения с Землей? Почему они не запустили лунного снаряда на Землю?

— А кто тебе сказал, что они этого не сделали?

— В самом деле, — заметил Николь, — им это было легче сделать, чем нам, и по двум причинам: во-первых, сила притяжения Луны в шесть раз слабее силы притяжения земного шара, а это значительно облегчило бы взлет снаряда; во-вторых, им пришлось бы выбросить снаряд всего на восемь тысяч лье, а не на восемьдесят тысяч, что потребовало бы вдесятеро меньшей метательной силы.

— А тогда, я повторяю, — сказал Мишель, — отчего же они этого не делали?

— И я повторяю, — ответил Барбикен, — кто тебе сказал, что они этого не делали?

— Когда же?

— Да, может быть, за тысячи лет до нашего появления на Земле.

— А снаряд? Где же их снаряд? Покажи!

— Милый друг, — ответил Барбикен. — Пять шестых поверхности земного шара покрыты водой. Отсюда пять шансов из шести, что если такой снаряд и был пущен с Луны, то он погребен теперь на дне Атлантического или Тихого океана; а может быть, попал в какую-нибудь пропасть в те времена, когда земная кора еще не успела окончательно затвердеть.

— Дружище Барбикен, — воскликнул Мишель, — у тебя на все находится ответ! Я просто преклоняюсь перед твоей премудростью. И все-таки я выдвигаю гипотезу, которая мне больше по сердцу: хотя лунные обитатели и древнее и мудрее, чем мы, а пороха еще не выдумали!

В эту минуту громкий лай Дианы прервал разговор друзей; собака, по-видимому, требовала своей доли в завтраке.

— Батюшки! — воскликнул Мишель. — Мы так увлеклись спорами, что совсем позабыли о наших псах.

Диане был тотчас же предложен здоровенный кусок пирога, который она проглотила с большим аппетитом.

— Знаешь, Барбикен, нам следовало бы сделать из нашего снаряда второй Ноев ковчег и доставить на Луну каждой земной твари по паре.

— Ну, для этого у нас не хватило бы места, — ответил Барбикен.

— Пустяки, — возразил Мишель, — стоило бы только немного потесниться!

— Это было бы тем более остроумно, — заметил Николь, — что такие жвачные, как бык и корова, или лошадь оказались бы нам очень полезны на Луне. К несчастью, в нашем вагоне довольно мудроно устроить конышню или хлев.

— Можно было бы по крайней мере, — сказал Мишель, — взять с собой хотя бы осла, ну хоть бы самого маленького ослика, это мужественное и терпеливое животное, на котором так любил кататься верхом старичок Силен! Люблю я этих бедных ослов! Они сущие пасынки и неудачники среди прочих созданий природы. Их избивают не только при жизни, но даже и после смерти...

— Что ты хочешь сказать? — спросил Барбикен.

— Да ведь барабаны выделываются из ослиных шкур! Это глубокомысленное замечание Мишеля вызвало ве-

сельный смех друзей. Но внезапный крик Ардана скоро прервал общее веселье.

— Друзья мои, — сказал Мишель Ардан, заглянув в логово Сателлита. — Болезнь Сателлита прошла!

— Тем лучше, — сказал Николь.

— Да нет же, — отозвался Мишель, — я хочу сказать, что он издох. Вот это действительно печально, — продолжал он с огорчением. — Диана, бедняжка, боюсь, что тебе уже не придется стать родоначальницей лунной собачьей породы!

Несчастный Сателлит действительно так и не оправился от полученной раны. Он околел — в этом невозможно было сомневаться.

Мишель Ардан растерянно глядел на своих друзей.

— Теперь перед нами встает вопрос, — сказал Барбикен, — мы не можем на целые сутки оставлять труп пса в снаряде.

— Конечно, не можем, — ответил Николь, — но наши окна на шарнирах, их легко можно открыть; распахнем одно из окон и выбросим труп пса в пространство.

— Так мы и сделаем, — сказал Барбикен после некоторого раздумья, — но при этом мы должны быть осторожны.

— Почему же? — полюбопытствовал Мишель.

— По двум причинам, которые ты легко поймешь, — ответил Барбикен. — Первая причина касается воздуха, чтобы его улетучилось как можно меньше.

— Но ведь мы же возобновляем воздух!

— Да, возобновляем, но только частично, — возразил Барбикен. — Наш аппарат, дорогой Мишель, производит только кислород. Кстати, нам нужно следить за тем, чтобы количество вырабатываемого кислорода не превышало известного предела. Избыток кислорода может вызвать в нашем организме чрезвычайно нежелательные физиологические явления. Так вот, мы возобновляем кислород, но не можем возместить потери азота — газа, который не поглощается нашими легкими и содержание которого в воздухе должно оставаться неизменным. А именно азот-то и может быстро улетучиться через открытое окно.

— Много ли его улетучится, пока мы выбросим нашего бедного Сателлита, — возразил Мишель.

— Хоть и немного, а все-таки постараемся не мешкать.

— А вторая причина? — спросил Мишель.

— Вторая причина — нельзя напускать наружного

холода в наш вагон. Температура за стенками нашего снаряда настолько низка, что мы рискуем замерзнуть.

— А Солнце на что?

— Солнце согревает наш снаряд, потому что он поглощает его лучи, но Солнце не согревает пустого пространства, в котором мы летим. Там, где нет воздуха, нет и тепла, так же как нет и рассеянного света. Следовательно, там, куда не проникают непосредственно лучи Солнца, и темно и холодно. Здесь температура пространства определяется только излучением звезд; такая же температура установилась бы и на Земле, если бы в один прекрасный день наше Солнце погасло.

— Ну, уж этого опасаться не приходится,— ответил Николь.

— Кто знает,— возразил Мишель Ардан.— К тому же, даже если Солнце и не потухнет, разве не может случиться, что наша Земля отдалится от него?

— О господи!— воскликнул Барбикен.— У нашего Мишеля опять новые идеи!

— А то как же,— продолжал Мишель,— разве вы не знаете, что в тысяча восемьсот шестьдесят первом году Земля пересекла хвост кометы? Допустим, что притяжение какой-нибудь кометы оказалось бы сильнее солнечного притяжения. Тогда земная орбита изогнулась бы в направлении этого блуждающего светила, а Земля, став его спутником, умчалась бы на такое расстояние от Солнца, что его лучи уже не могли бы согревать земную поверхность.

— Это действительно может случиться,— согласился Барбикен,— но весьма вероятно, что последствия такого происшествия окажутся менее угрожающими, чем ты предполагаешь.

— Почему же?

— Потому что холод и тепло все же пришли бы на нашей планете в некоторое равновесие. Ученые рассчитали, что если бы Земля была увлечена кометой тысяча восемьсот шестьдесят первого года, то на самом большом расстоянии от Солнца она получала бы в шестнадцать раз больше того количества тепла, которое получает Земля от Луны. Такое тепло, даже сконцентрированное самыми сильными линзами, не дает никакого, сколько-нибудь ощутимого эффекта.

— Ну!— сказал Мишель.

— Погоди,— остановил его Барбикен.— Вычислено также, что в перигелии, когда Земля наиболее близка к Солнцу, она подвергалась бы действию температуры, в

двадцать восемь тысяч раз превышающей среднюю температуру нашего лета. Благодаря этой жаре, которая переплавляла бы в стекло все твердые вещества на Земле и испарила всю воду, вокруг Земли образовалось бы облачное кольцо и смягчало бы этот чрезмерный зной. А следовательно, холод, испытываемый Землей в афелии, и зной — в перигелии, были бы уравновешены, и в результате получилась бы какая-то средняя, более или менее выносимая температура.

— Какая же температура предполагается в межпланетных пространствах? — спросил Николь.

— Раньше считали, что эта температура беспредельно низка, — ответил Барбикен. — Вычисляя снижение температуры в межпланетных пространствах термометрическим способом, астрономы получали цифры порядка миллионов градусов ниже нуля. Знаменитый ученый Фурье, соотечественник Мишеля, член французской Академии наук, произвел более точные вычисления. По Фурье, температура вселенной не опускается ниже шестидесяти градусов.

Мишель насмешливо свистнул.

— Это приблизительно соответствует температуре наших полюсов, — продолжал Барбикен. — На острове Мелвилл или у форта Релианс температура достигает приблизительно пятидесяти шести градусов Цельсия ниже нуля.

— Остается доказать, — сказал Николь, — что Фурье не сбился в своих расчетах. Если я не ошибаюсь, другой ученый, Пуйэ, считает температуру межпланетных пространств равной ста шестидесяти градусам ниже нуля. Вот мы теперь и проверим, кто из них прав.

— Только не сейчас, — сказал Барбикен. — Сейчас солнечные лучи прямо падают на наш градусник, и поэтому мы, конечно, получим преувеличенные цифры. А вот когда мы доберемся до Луны, то в течение лунной ночи, равной пятнадцати суткам, у нас будет достаточно времени, чтобы произвести этот опыт — ведь спутник Земли вращается в пустоте.

— А что ты понимаешь под пустотой? — спросил Мишель. — Ты имеешь в виду абсолютную пустоту?

— Да, пустоту, абсолютно не содержащую воздуха.

— И в этой пустоте ничто не заменяет воздуха?

— Нет, заменяет — эфир, — ответил Барбикен.

— А что такое эфир?

— Эфир, дорогой мой, это смесь невесомых атомов, которые, согласно учению молекулярной физики, соответ-

ственно своим размерам, также удалены один от другого, как небесные тела во вселенной. И вместе с тем эти расстояния меньше трех миллионных долей миллиметра. Атомы-то вследствие своего движения и вращения и называются источником тепла и света. Они производят в одну секунду четыреста тридцать триллионов колебаний амплитудой от четырех до шести десятимиллионных миллиметра.

— Миллиарды миллиардов!— вскричал Мишель Ардан.— Подумать только, что люди не поленились измерить и сосчитать эти колебания. Ну, знаешь, дорогой друг, все эти цифры и выкладки твоих ученых потрясают слух, но ничего не говорят уму.

— И все-таки приходится прибегать к цифрам...

— Ну нет. Мне гораздо понятнее метод сравнений. Любой предмет, принятый за мерило, скажет нам гораздо больше. Например, если ты мне твердишь, что объем Урана больше объема Земли в семьдесят шесть раз, а объем Сатурна — в девятьсот раз, Юпитера — в тысячу триста раз, Солнца — в миллион триста тысяч раз, никакого наглядного представления эти цифры мне не дают. Я предпочитаю систему Льежской обсерватории, которая попросту и без дураков говорит: Солнце — это тыква диаметром в два фута, Юпитер — апельсин, Сатурн — анисовое яблоко, Нептун — черешня, Уран — крупная вишня, Земля — горошина, Венера — горошинка, Марс — булавочная головка, Меркурий — горчичное зернышко, Юнона, Церера и Паллас — песчинки. Это дает мне хотя бы некоторое представление о сравнительной величине планет.

После этого выпада Мишеля Ардана по адресу ученых и астрономических цифр, которыми они, не моргнув глазом, испещряют бесчисленные столбцы своих трудов, путешественники приступили к погребению Сателлита.

Надо было выбросить его труп в пространство так же, как моряки выкидывают в море мертвецов.

По указаниям Барбикена вся процедура похорон требовала крайней расторопности, чтобы предотвратить потерю воздуха, который благодаря своей эластичности мог быстро улетучиться в мировое пространство. Болты правого окна, шириной около тридцати сантиметров, были осторожно отвинчены, и Мишель, подняв на руки труп Сателлита, приготовился вышвырнуть его в окно. При помощи мощного рычага, позволявшего преодолеть давление внутреннего воздуха на стенки снаряда, стекло быстро по-

вернулось на шарнирах, и Сателлит был выброшен... Из снаряда улетучилось при этом самое большое несколько молекул воздуха, и вся операция была выполнена так удачно, что впоследствии Барбикен уже не боялся таким же манером отделяваться от всякого хлама, загромождавшего их вагон.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Вопросы и ответы.

4 декабря хронометры показывали пять часов земного утра, когда путешественники проснулись после пятидесятичетырехчасового путешествия. Они провели в снаряде только пятью часами сорока минутами больше половины предполагаемого срока, а между тем ядро успело пролететь уже семь десятых всего пути. Это несоответствие объяснялось непрерывным снижением скорости снаряда.

Когда друзья через нижнее окно поглядели на Землю, она показалась им темным пятном, померкшим в солнечном сиянии. Ни серпа, ни пепельного света—ничего уже не было. На следующий день в полночь нужно было ждать "новоземелия" в то самое время, когда Луна вступит в фазу полнолуния. Наверху ночное светило становилось все ближе и ближе к траектории снаряда, так что встреча должна была произойти точно в назначенный срок. Весь черный небосвод был испещрен множеством сверкающих точек, которые как будто медленно передвигались, но вследствие огромных расстояний, отделяющих их от снаряда, относительная величина их не изменялась. Солнце и звезды видны были так же, как и с Земли. Луна же, хотя и казалась значительно крупнее, но в сравнительно слабые подзорные трубы путешественников еще нельзя было наблюдать деталей ее поверхности, ни топографического или геологического строения.

Время протекало в непрерывных беседах. Говорили главным образом о Луне; каждый высказывал все, что знал: Барбикен и Николь, как всегда, делились научными сведениями, а Мишель угощал их своими неистощимыми фантазиями. Много толковали о самом снаряде, о его положении в пространстве и направлении пути, о возможных случайностях, о необходимых предосторожностях, которые следовало принять при падении на Луну.

Как-то раз во время завтрака один вопрос Мишеля о снаряде вызвал очень любопытный ответ Барбикена, который стоит здесь привести.

Мишеля интересовало, что случилось бы со снарядом, если бы при начальной скорости полета его остановило какое-либо препятствие.

— Я не представляю себе, — сказал председатель “Пушечного клуба”, — что могло бы остановить снаряд?

— Ну, все-таки предположим, что это случилось бы?

— Твое предположение совершенно невероятно, — ответил Барбикен. — Разве что сила толчка оказалась бы недостаточной; но в таком случае скорость снаряда стала бы снижаться постепенно, а внезапной остановки все-таки произойти не могло.

— Ну, а если бы он столкнулся с каким-нибудь телом?

— С каким же, например?

— Да хоть с тем же огромным болидом, который мы встретили.

— Тогда, — сказал Николь, — снаряд вместе со всеми нами разлетелся бы на тысячу кусков.

— Мало этого, — добавил Барбикен, — мы бы при этом заживо сгорели.

— Сгорели! — удивился Мишель. — А жаль, что ничего подобного не случилось: интересно было бы посмотреть.

— Много бы ты увидел! — отозвался Барбикен. — Теперь известно, что тепло есть особый вид движения; если ты нагреваешь воду, то есть сообщаем ей теплоту, это значит, что ты приводишь в движение частицы воды.

— Подумайте! — воскликнул Мишель. — Вот остроумная теория.

— И совершенно правильная, милый друг. Теплота — это движение молекул, то есть попросту движение мельчайших частиц тела. Если нажать тормоз железнодорожного поезда, он остановится. А куда же при этом денется движение? Движение превратится в теплоту, а тормоз нагреется. Почему смазывают оси колес? Чтобы предотвратить нагрев, иначе произойдет потеря движения, превращенного в тепло. Понимаешь?

— Еще бы! — воскликнул Мишель. — Прекрасно понимаю! Значит, например, если я очень долго бежал или плавал и с меня градом валит пот, почему я останавливаюсь? Очень просто: мое движение превратилось в теплоту!

Шутка Мишеля заставила Барбикена улыбнуться.

Затем он снова вернулся к своей теории.

— Таким образом, в случае столкновения нашего снаряда с каким-нибудь телом, случилось бы то же, что и с пулей, которая отскакивает горячей после удара о металлическую пластину. Ее движение превращается в теплоту. Я утверждаю, что если бы наше ядро столкнулось с болидом, резкое сокращение его скорости вызвало бы такую температуру, что снаряд в одно мгновение не только расплавился, а даже испарился бы.

— А что же случилось бы, если бы Земля внезапно прекратила свое поступательное движение? — спросил Мишель.

— Ее температура повысилась бы до такой степени, что наша планета тотчас превратилась бы в пар.

— Здорово, — сказал Мишель, — вот прекрасное средство покончить с нашим миром и избавить людей от всех земных несчастий.

— А если бы Земля упала на Солнце? — спросил Николь.

— По расчетам, — ответил Барбикен, — такое падение вызвало бы развитие теплоты, равной теплоте сгорания тысячи шестисот шаров угля, по объему равных земному шару.

— Недурная порция тепла для Солнца, — воскликнул Мишель. — Обитатели Урана и Нептуна вряд ли пожаловались бы на такую прибавку, ведь они, должно быть, замерзают от холода на своих планетах.

— Итак, друзья мои, — продолжал Барбикен, — всякое резко прерванное движение порождает теплоту. На основании этой теории можно допустить, что солнечное тепло поддерживается множеством болидов, которые непрерывным градом падают на поверхность Солнца. Вычислено даже, что...

— Берегись, осторожнее, — вставил Мишель, — мы опять подходим к цифрам.

— Вычислено даже, — продолжал невозмутимо Барбикен, — что при ударе каждого болида о поверхность Солнца развивается количество тепла, равное теплу от сгорания четырех тысяч единиц каменного угля того же объема.

— А какова теплота Солнца? — спросил Мишель.

— Если бы Солнце окружить слоем угля толщиной в двадцать семь километров, то сгорание его дало бы теплоту, равную солнечной.

— И эта теплота?..

— Посредством этой теплоты можно бы в час вскипятить два миллиарда девятьсот миллионов кубических мириаметров воды.

— Почему же мы до сих пор не изжарились! — воскликнул Мишель.

— Потому что атмосфера, окружающая земной шар, поглощает четыре десятых солнечного тепла. К тому же тепло, получаемое Землею, составляет не более одной двухмиллиардной доли всего солнечного тепла.

— Я вижу, — сказал Мишель, — что все к лучшему на этом свете и что эта ваша атмосфера — полезная штука, потому что она не только позволяет нам дышать, но и мешает нам изжариться.

— Да, — сказал Николь, — но на Луне, к несчастью, дело обстоит по-другому.

— Подумаешь! — воскликнул неунывающий Мишель. — Если там есть жители, они чем-то дышат. Если их уже нет, они, я надеюсь, оставили достаточно кислорода на троих человек хотя бы где-нибудь в долинах, где он мог скопиться благодаря своей тяжести. Ну что ж, мы не будем взбираться на горы, вот и все!

С этими словами он встал и направился к окну смотреть на сиявший ослепительным блеском лунный диск.

— Черт возьми! — воскликнул он. — Здорово же там жарко!

— Не говоря уже о том, — прибавил Николь, — что день на Луне длится триста шестьдесят часов.

— Но зато, — пояснил Барбикен, — и ночи там такие же длинные, а так как тепло теряется в пространство от излучения, ночная температура Луны не должна отличаться от температуры межпланетных пространств.

— Теплое местечко, что и говорить! — сказал Мишель. — Ну что же, не беда! Я бы хотел уже быть там! Эх, дорогие друзья, а ведь и впрямь забавно иметь Землю вместо Луны, видеть, как она встает из-за горизонта, угадывать очертания ее материков и говорить себе: "Вот тут Америка, а вон там Европа", потом следить, как она меркнет в солнечных лучах. Кстати, Барбикен, могут ли лунные жители наблюдать затмения?

— Да, солнечные затмения могут, — ответил Барбикен, — когда центры Солнца, Луны и Земли находятся на одной прямой линии и притом Земля стоит между обеими светилами. Но эти затмения частичные, потому что Земля, заслоняющая, как экран, солнечный диск, слишком мала и оставляет видимой большую часть Солнца.

— А почему же не может быть полного затмения? — спросил Николь. — Ведь теневой конус, отбрасываемый Землей, выходит далеко за пределы Луны!

— Да, если не учитывать преломления лучей в земной атмосфере. Обозначим дельтой прим горизонтальный параллакс, а p прим видимый диаметр...

— Ух! — вздохнул Мишель, — опять половина ϑ плюс ноль в квадрате. Говори, пожалуйста, так, чтобы тебя могли понять простые смертные, ходячая ты алгебра!

— Изволь! — согласился Барбикен. — Итак, говоря вульгарно, так как среднее расстояние от Луны до Земли равно шестидесяти радиусам Земли, то длина теневого конуса вследствие преломления сократится по крайней мере до сорока двух радиусов. А поэтому во время затмений Луна оказывается за пределами чисто теневого конуса и освещается не только периферийными, но и центральными солнечными лучами.

— Тогда почему же все-таки затмение происходит, раз, по-вашему, его быть не должно? — шутливо допытывался Мишель.

— Только потому, что эти солнечные лучи оказываются ослабленными преломлением и большая их часть поглощается атмосферой, через которую они проходят.

— Такое объяснение меня вполне удовлетворяет, — заявил Мишель. — К тому же мы все это проверим, когда окажемся на Луне. А теперь, Барбикен, скажи мне, веришь ли ты, что Луна — древняя планета?

— Что за идея?

— Представь, — сказал Мишель с забавной важностью, — мне тоже иногда приходят в голову разные идеи.

— Эта идея принадлежит не Мишелю, — сказал Николь.

— Ну и слава богу, значит, я плагиатор.

— Ну, конечно, — ответил Николь. — Если верить преданиям древних, жители Аркадии, например, считали, что их предки жили в те времена, когда Луна еще не была спутником Земли. На основании этого некоторые ученые считали Луну кометой, чья орбита однажды приблизилась к Земле настолько, что оказалась в сфере притяжения Земли.

— Ну, а что же в этой гипотезе соответствует истине? — спросил Мишель.

— Да ничего, — ответил Барбикен, — и доказательством тому служит тот факт, что на Луне не осталось и

следа той газообразной оболочки, которая всегда окружает кометы.

— А разве Луна, — предположил Николь, — прежде чем она стала спутником Земли, не могла, находясь в перигелии, настолько близко подойти к Солнцу, чтобы все ее газообразные вещества испарились?

— Могло быть и так, друг Николь, но это мало вероятно.

— Почему?

— Потому что... Впрочем, не знаю почему.

— Ага! — торжествовал Мишель. — О том, чего мы не знаем, можно написать сотни томов.

— А скажите, пожалуйста, который теперь час? — спросил Барбикен.

— Три часа, — ответил Николь.

— Как незаметно проходит время в беседах таких ученых, как мы, — сказал Мишель. — Я чувствую, как с каждым часом я становлюсь умнее и образованнее.

С этими словами он залез под свод снаряда, "чтобы лучше наблюдать Луну", как он выразился. Товарищи его в это время смотрели в нижнюю раму, где не видно было ничего нового.

Через несколько минут Ардан снова спустился вниз и, подойдя к боковому иллюминатору, вскрикнул от изумления.

— Что случилось? — спросил Барбикен.

Председатель "Пушечного клуба" поспешно подошел к окну и увидел нечто вроде сплющенного мешка, который летел в нескольких метрах от снаряда. Мешок, казалось, висел неподвижно. Следовательно, он летел с той же скоростью, что и ядро.

— Это еще что за штука, — спросил Ардан. — Может быть, это какая-нибудь межпланетная частица, которую наш снаряд захватил в сферу своего притяжения, и этот "спутник" будет сопровождать нас до самой Луны?

— Меня вот что удивляет, — заметил Николь. — Каким образом это тело, удельный вес которого несомненно намного меньше удельного веса нашего снаряда, может так стойко держаться на одном уровне с нами.

— Николь, — сказал Барбикен после нескольких минут размышления, — я не знаю, что это за тело, но могу вам объяснить, почему оно держится на одном уровне с нашим снарядом.

— Почему же?

— Потому, что мы теперь летим в пустоте, мой дорогой

капитан, а в пустоте все тела падают или движутся (что одно и то же) с одинаковой скоростью, независимо ни от формы тела, ни от его веса. Это воздух своим сопротивлением создает различия в весе. Если из длинной трубы выкачать насосом весь воздух, то всякий предмет, который вы введете в эту трубу, будь то пылинки или кусочки свинца, станет двигаться в ней с одинаковой скоростью. И здесь, в межпланетном пространстве, мы имеем ту же причину и те же следствия.

— Совершенно верно, — подтвердил Николь. — Значит, все, что бы мы ни выкинули из снаряда, будет лететь вместе с нами вплоть до самой Луны.

— Какие же мы дураки! — воскликнул Мишель.

— Чем же мы заслужили такую лестную характеристику? — спросил Барбикен.

— А тем, что мы не догадались наполнить наш вагон всякими полезными предметами: книгами, инструментами, орудиями и так далее. Мы теперь могли бы их выбросить, и все это следовало бы за нами к месту назначения. Вот это мысль! Почему бы нам самим не прогуляться, как этот болид? Почему бы не выпрыгнуть в пространство через одно из окон. Какое должно быть наслаждение парить в эфире! И при том в более выгодном положении, чем птица, которая должна работать крыльями, чтобы не упасть.

— Прекрасно, — сказал Барбикен. — А чем бы ты стал дышать?

— Проклятый воздух, его всегда не хватает там, где он нужен!

— Зато если бы воздуха хватило, Мишель, ты очень скоро отстал бы от нас, так как твой удельный вес меньше веса снаряда.

— Выходит, что это заколдованный круг?

— Самый что ни на есть заколдованный!

— Значит, придется еще посидеть взаперти в этом вагоне?

— Придется.

— Черт побери! — неистово закричал Мишель.

— Что с тобой? — спросил Николь.

— Я угадал, что это за мнимый болид. Никакой это не астероид и не осколок планеты!

— Что же это, по-твоему? — спросил председатель "Пушечного клуба".

— Это наш несчастный пес! Это супруг Дианы.

Действительно, этот предмет, сплюснутый, неузнава-

емый, плоский, как волынка, из которой выпустили воздух, был труп Сателлита, летевший вслед за снарядом к Луне.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Минута опьянения.

Это любопытное, но вполне логичное, странное, но объяснимое явление могло произойти только при данных необычайных условиях. Всякий предмет, выброшенный из вагона наружу, должен был следовать по той же траектории и мог остановиться только вместе со снарядом. Эта тема дала повод к беседам, которые затянулись до самой ночи. Волнение путешественников увеличивалось по мере их приближения к цели. Они готовились к неожиданностям, ждали новых "чудес" и находились в таком состоянии, что ничто не могло бы их удивить. Их воображение намного опережало снаряд, скорость которого, незаметно для пассажиров, уже значительно снизилась, и Луна с каждой минутой увеличивалась на их глазах. Казалось, им достаточно протянуть руку, чтобы дотянуться до нее...

На другой день, 5 декабря, все трое были уже на ногах с пяти часов утра. Если верить вычислениям, то этот день должен быть последним днем их странствия. Именно в этот день, ровно в полночь, в самый момент полнолуния, они должны были достигнуть блестящего диска Луны. В ближайшую же полночь должно было завершиться самое необычайное из всех путешествий, какие только предпринимались в древние или в новые времена. Поэтому уже ранним утром, сквозь окна, посеребренные лучами Луны, они приветствовали ночное светило радостными и дружескими возгласами: "Ура!"

Луна величественно плыла по звездному небу; еще несколько градусов — и она очутится именно в той точке пространства, где должна произойти ее встреча со снарядом. Барбикен на основе собственных расчетов установил, что снаряд упадет в северном полушарии, где тянутся обширные равнины и лишь кое-где попадаются редкие горы, — обстоятельство благоприятное, если лунная атмосфера, как полагали, действительно сохранилась только в лунных низинах.

— Равнина к тому же гораздо удобнее для нашей посадки, чем горы, — заметил Ардан. — Житель Луны, которого высадили бы в Европе на Монблане или в Азии

на вершине Гималаев, еще не вправе был бы сказать, что находится на Земле.

— Есть и еще одно удобство, — добавил капитан Николь, — если снаряд упадет на плоскую поверхность, он остановится тотчас же, как только прикоснется к ней. С горы же, наоборот, он покатится, как колесо, а так как мы не белки, то нам уже не выйти живыми из ядра. Стало быть, все к лучшему.

Успех дерзкого предприятия и в самом деле казался уже несомненным. Но Барбикен был все же чем-то озабочен, хотя и хранил молчание, не желая волновать своих спутников.

Дело в том, что движение снаряда по направлению к северному полушарию Луны доказывало, что его траектория несколько отклонилась. По математическим выкладкам, выстрел должен был нацелить снаряд в самый центр лунного диска. Отклонение было очевидным, но что же могло его вызвать?

Барбикен, не имея каких-либо исходных данных, не мог понять, ни даже определить степень такого отклонения. Однако он надеялся, что это отклонение не будет иметь иных последствий, кроме их посадки в северных областях Луны, как раз наиболее для этого благоприятных.

Поэтому Барбикен, не делясь ни с кем своими опасениями, довольствовался тем, что внимательно наблюдал Луну, стараясь по возможности уловить степень отклонения снаряда.

Что могло быть ужаснее предположения, что снаряд, не достигнув цели, начнет удаляться от Луны и унесется в межпланетное пространство!

Теперь Луна уже не казалась плоским диском, уже все яснее вырисовывались ее выпуклости и горы. Если бы солнечные лучи падали сейчас на Луну косо, а не отвесно, то благодаря отбрасываемой ими тени можно было бы ясно различить высокие кольцеобразные лунные горы, увидеть зияющие кратеры и причудливые трещины, бороздящие необозримые лунные равнины. Но сейчас весь этот рельеф стусевывался из-за яркого солнечного освещения. Можно было лишь с трудом разглядеть крупные темные пятна, которые придают Луне сходство с человеческим лицом.

— Лицо, да и только, — сказал Ардан. — Но я обижен за прекрасную сестру Аполлона — оказывается, она рябая!

Путешественники на таком близком расстоянии от цели, не отрываясь, вглядывались в этот неведомый мир. В

своём воображении они уже странствовали по новой стране. Они взбирались на высокие пики, спускались на дно широких кратеров. То тут, то там им чудились обширные моря, едва сдерживаемые в берегах давлением разреженной атмосферы, горные потоки, несущие свои воды в эти моря. Склонясь над бездной, они надеялись услышать хоть какой-нибудь звук с этого вечно безмолвного светила.

Этот день ярче всего запечатлелся в памяти друзей. Ни одна подробность не изгладилась из их воспоминаний. Безотчетная тревога овладевала ими по мере приближения к цели. Эта тревога, конечно, усилилась бы, если бы они только знали, насколько уменьшилась скорость снаряда: она показалась бы им явно недостаточной, чтобы долететь до цели.

В это время снаряд уже почти ничего не "весил". Вес его уменьшался непрерывно и должен был полностью исчезнуть; такое поразительное явление возможно лишь в точке, где лунное притяжение уравнивается земным.

Однако, несмотря на все волнения, Ардан с привычной ему аккуратностью не забыл приготовить завтрак. Друзья закусили с большим аппетитом. Что может быть вкуснее бульона, сваренного на газе? Что может быть лучше консервированного мяса? В довершение пиршества было выпито несколько стаканов отменного французского вина, причем Ардан не упустил случая заметить, что лунные виноградники — если они существуют — должны под палящими лучами Солнца давать самые прекрасные сорта вин. Предусмотрительный француз захватил с собою на всякий случай несколько драгоценных лоз Медока и Кот д'Ора, на которые он возлагал большие надежды.

Кислородный аппарат Рейзе и Реньо действовал с необычайной точностью. Воздух в снаряде был совершенно чистым. Ни одна молекула углекислоты не могла устоять против едкого натра, а кислород, по словам капитана Николя, был "самого первого сорта". Небольшое количество водяных паров, заключавшихся в снаряде, смешиваясь с воздухом, умеряло его сухость; немногие дома Парижа, Лондона, Нью-Йорка, немногие театральные залы находились в столь идеальных гигиенических условиях.

Но для правильного действия аппарата за ним требовался тщательный уход. Поэтому Мишель каждое утро осматривал регуляторы утечки, проверял краны и устанавливал температуру газа. До сих пор все шло как нельзя лучше, путешественники, подражая почтенному Дж. Т. Мэстону, начинали заметно полнеть, и, доведись им провести

в своей "тюрьме" еще несколько месяцев, они вышли бы из нее совершенно неузнаваемыми. Одним словом, с ними происходило то же, что и с цыплятами в клетке — они жирели с каждым днем.

Глядя в окно, Барбикен видел труп пса и прочие предметы, выкинутые из снаряда, которые неотступно следовали за ними. Диана грустно подвывала при виде останков Сателлита. Но весь этот хлам казался неподвижным, словно он лежал на земле.

— Знаете ли, друзья, — сказал Ардан, — если бы один из нас не перенес первого толчка при вылете, было бы очень трудно "предать земле" его останки, то есть я хочу сказать "предать эфиру", так как здесь эфир заменяет землю. Посмотрите на труп Сателлита, он преследует нас как угрызения совести!

— Да, это было бы невесело, — ответил Николь.

— Ах, — воскликнул Мишель. — Я жалею только о том, что здесь нельзя погулять! Какое было бы наслаждение парить в этом лучезарном эфире, купаться и кувыркаться в живительных солнечных лучах! Если бы Барбикен догадался заpastись скафандром и воздушным насосом, я бы рискнул вылезти из снаряда и уместился бы на нем в позе какой-нибудь "химеры" или "гиппогрифа".

— Неисправимый мечтатель, — рассмеялся Барбикен, — поверь, что ты недолго бы красовался в виде своего гиппогрифа, потому что, несмотря на скафандр, тебя раздуло бы от содержащего в тебе самом воздуха, ты лопнул бы как граната или как воздушный шар, залетевший слишком высоко в небо. Брось свои сожаления и запомни: пока мы парим в пустоте, всякие сентиментальные прогулки за пределами снаряда запрещаются.

Мишель Ардан нехотя поддался убеждениям товарища. Он согласился, что его мечты трудно выполнимы, но все же не невозможны, так как слова "невозможно" в его словаре не существовало.

Беседа переходила с одной темы на другую и не прерывалась ни на минуту.

Трем друзьям казалось, что в их головах рождаются самые разнообразные идеи с тою же быстротой, как распускаются молодые побеги под первыми лучами весеннего солнца. Они чувствовали себя просто переполненными "идеями".

Среди множества вопросов и ответов, обсуждавшихся в это утро, Николь затронул вопрос, который озадачил друзей.

— Вот что, — сказал капитан — лететь на Луну, конечно, очень интересно, а как-то мы вернемся назад?

Собеседники с изумлением переглянулись. Можно было подумать, что этот вопрос встал перед ними впервые.

— Что ты хочешь сказать? — серьезно спросил Барбикен.

— Мне кажется неуместным толковать о возвращении из страны, в которую мы даже еще и не прибыли, — добавил Мишель.

— Я же не говорю об отступлении, — возразил Николь, — но я повторяю свой вопрос: каким способом мы вернемся?

— Этого я не знаю, — ответил Барбикен.

— А я и знал бы, все равно не вернулся бы, — ответила Мишель.

— Вот так ответ! — воскликнул Николь.

— Я его одобряю — заявил Барбикен. — И прибавлю со своей стороны, что ваш вопрос в настоящую минуту не имеет никакого существенного значения. Впоследствии, если мы найдем нужным вернуться на Землю, мы и подумаем об этом. Если колумбиады на Луне и не будет, то снаряд-то ведь всегда останется с нами.

— Хорошо утешение! Пуля без ружья!

— Ружье всегда можно сделать, — возразил Барбикен, — порох тоже: ни в металлах, ни в селитре, ни в угле не может быть недостатка в недрах Луны. К тому же, чтобы возвратиться на Землю, нужно преодолеть лишь лунное притяжение: достаточно будет подняться над Луной на восемь тысяч лье, чтобы потом, в силу закона тяготения, снаряд сам собой упал на Землю.

— Довольно, — перебил Мишель, воодушевляясь. — И слышать не хочу о возвращении! Поговорили и будет. А вот что касается сообщения с нашими старыми земляками — по-моему, наладить его будет нетрудно.

— Каким же это образом?

— Посредством болидов, извергаемых лунными вулканами.

— Весьма остроумная идея. Мишель, — серьезно сказал Барбикен. — Лаплас высчитал, что для отправления болида с Луны на Землю совершенно достаточно силы, в пять раз превышающей метательную силу наших пушек. А ведь вулканы обладают гораздо большей силой извержения.

— Ура! — закричал Мишель. — Болиды — прекрасные

почтальоны и при этом еще даровые! Ну и посмеемся же мы над нашим почтовым ведомством! Но я думаю...

— О чем ты думаешь?

— Прекрасная идея! Как нам не пришло в голову прицепить к снаряду проволоку! Мы могли бы обменяться с Землей телеграммами!

— Черт возьми! — ответил Николь. — А вес проволоки длиной в восемьдесят шесть тысяч лье тебе ни о чем?

— Конечно, ни о чем! Можно было только удвоить заряд колумбиады! Его можно было бы утроить, учетверить, упятерить! — кричал Мишель, все больше разгораясь.

— Против этого проекта, — сказал Барбикен, — я выскажу только одно возражение. А именно, проволока при вращательном движении Земли наматывалась бы на снаряд, как цепь на вал, и, стало быть, неизбежно притянула бы нас обратно на Землю.

— Что за дьявольщина! — вскричал Мишель. — Значит, все мои нынешние идеи невыполнимы. Идеи, достойные Масто́на! Кстати, я уверен, что если мы не вернемся на Землю, то Масто́н непременно навестит нас на Луне!

— Не сомневаюсь в этом, — горячо подтвердил Барбикен. — Он верный и смелый товарищ. Да к тому же это не так уж трудно! Колумбиада прочно врыта в землю Флориды! Хлопка и азотной кислоты для пироксилина хватит! Луна снова пересечет зенит Флориды! Через восемнадцать лет она будет в точности в той же самой точке, что и сейчас.

— Ну, еще бы, — вторил Мишель, — Масто́н, конечно, навестит нас, а с ним и наши друзья: Эльфистон, Бломсбери, все члены "Пушечного клуба"... Ну и устроим же мы им прием! А там, глядишь, между Луной и Землей установятся уже регулярные рейсы поездов и снарядов! Ура Масто́ну!

Если уважаемый Масто́н и не был в состоянии слышать эти "ура", выкрикиваемые в его честь, то в ушах у него звенело навярянка. Что-то поддельвал он в это время? Стоял, бедняга, на своем наблюдательном посту в Скалистых горах, на астрономической станции Лонгспика, и старался разыскать в беспредельном пространстве снаряд колумбиады. Если он думал в эту минуту о своих дорогих друзьях, то надо сказать, что и они не оставались в долгу, и под влиянием какого-то странного возбуждения все их лучшие мысли и чувства были связаны с ним.

Чем же, однако, объяснялось это усиливавшееся с

каждой минутой возбуждение пассажиров снаряда? Лица их покраснелись, точно они сидели перед раскаленной печью: дыхание сделалось бурным; легкие работали, как кузнечные мехи, глаза горели, голоса звучали оглушительно громко; каждое слово вылетало из их уст, как пробка из бутылки шампанского. Их жесты стали беспокойными, им не хватало места, чтобы развернуться, и, что всего удивительнее, они даже не замечали своего странного нервного возбуждения. Однако они были трезвы, это не подлежало никакому сомнению. Следовало ли приписать это странное мозговое возбуждение необычайной обстановке, близости ночного светила, от которого их отделяло всего несколько часов пути, или таинственному влиянию Луны на их нервную систему?

— А теперь, — резко произнес Николь, — раз не известно, возвратимся ли мы с Луны, я хочу знать, что мы станем на ней делать.

— Что мы станем делать? — воскликнул Барбикен, грозно топая ногой, словно он находился в фехтовальном зале. — Я этого и знать не хочу!

— Ах, ты не знаешь? — взревел Мишель, и его крик вызвал громкое эхо в снаряде.

— Нисколько об этом не забочусь! — в унисон ему кричал Барбикен.

— А я знаю! — воскликнул Мишель.

— Ну и скажи! — завопил Николь, который тоже не в состоянии был сдерживать раскаты своего голоса.

— Захочу — скажу! — ответил Мишель, резко хватая товарища за руку.

— Говори сию минуту, — гремел Барбикен, сверкая глазами и грозя кулаком. — Ты увлек нас в это безумное путешествие, и мы желаем, наконец, знать, зачем!

— Да, — заорал Николь, — если я не знаю, куда иду, то хочу знать, зачем я иду!

— Зачем! — вскричал Мишель, подпрыгивая на целый метр. — Ты хочешь знать, зачем? Затем, чтобы именем Соединенных Штатов завладеть Луной! Чтобы присоединить к Союзу сороковой штат! Чтобы колонизовать Луну, обработать ее, заселить, насадить там все чудеса науки, искусства и техники! Чтобы цивилизовать селенитов, если они только не цивилизованнее нас, и, наконец, провозгласить у них республику, если они еще не догадались сделать это сами!

— Да существуют ли еще на Луне эти селениты? —

зарычал Николь, которым под влиянием непонятого опьянения словно овладел дух противоречия.

— Кто говорит, что селенитов нет? — угрожающе завопил Мишель.

— Я! — проревел в ответ Николь.

— Капитан! Посмей только повторить эту дерзость, и я заткну тебе глотку!

Противники готовы были кинуться с кулаками друг на друга, и нелепый спор грозил превратиться в побоище, если бы Барбикен, подскочив, не бросился их разнимать.

— Стойте, безумные! — крикнул он, разводя Николая и Мишеля. — Если селенитов нет, мы обойдемся и без них.

— Ну, конечно, — орал Мишель, уже позабыв все свои предшествующие утверждения. — Мы можем обойтись и без них! На черта нам селениты!... Долой селенитов!

— Луна будет наша! — кричал Николь.

— Мы втроем провозгласим республику!

— Я буду конгрессом! — вопил Мишель.

— А я сенатом! — орал Николь.

— А Барбикен президентом! — рычал Мишель.

— Президент должен быть избран народом! — крикнул Барбикен.

— Президент будет избираться конгрессом, — завопил Мишель. — А так как я и есть конгресс, то я единогласно избираю тебя президентом!

— Ура! Ура! Да здравствует президент Барбикен! — кричал Николь.

— Гип, гип, ура! — подхватил Мишель Ардан.

Затем "президент" вместе с "сенатом" громовыми голосами затагнули популярную песенку "Янки дудл", а конгресс вторил им, распевая в басовом регистре "Марсельезу".

Тут началась такая безудержная пляска, с иступленными жестами, дикими конвульсиями и клоунскими кульбитами, что Диана, присоединившись к этой вакханалии, неистово завывала и подпрыгнула к самому своду снаряда. Оттуда послышалось непонятное хлопанье крыльев и необычайно звонкий петушиный крик.

Пять или шесть кур, как обезумевшие летучие мыши, взлетели под потолок, ударяясь с размаху о стенки снаряда.

Тут путешественники пришли в состояние полного опьянения. Непонятно почему, воздух обжигал им легкие и

дыхательное горло. Наконец, в беспамятстве они замертво упали на дно снаряда.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Что же случилось? Что было причиной такого странного опьянения, грозившего, может быть, гибельными последствиями?

Причиной была ошибка забывчивого Мишеля, которую Николь, к счастью, вовремя заметил и успел исправить.

После полного изнеможения, продолжавшегося несколько минут, капитан очнулся раньше других и постарался привести в порядок свои мысли.

Несмотря на то, что он позавтракал всего лишь два часа тому назад, он чувствовал такой мучительный голод, точно не ел несколько дней. Весь его организм, от желудка до мозга, находился в высшей степени возбуждения.

Он поднялся на ноги и потребовал у Мишеля дополнительного завтрака, но обессиленный Мишель ничего не мог ответить. Тогда Николь решил сам заварить побольше чаю, чтобы запить дюжину сэндвичей. Прежде всего, разумеется, потребовался огонь, и Николь чиркнул спичкой.

Каково же было его изумление, когда серная спичка вспыхнула таким ярким огнем, что глазам стало больно. Из газового рожка, к которому Николь поднес спичку, вырвалось пламя яркое и ослепительное, как поток электрического света.

Тут-то Николь понял все. И яркое пламя газовой горелки, и странные физиологические явления, происходившие в его организме, и невероятное возбуждение всех душевных и физических способностей — все стало ему ясно.

— Кислород! — воскликнул он.

И, наклонясь к кислородному аппарату, он убедился, что из крана бьет струя этого бесцветного газа, не имеющего ни вкуса, ни запаха. Без него немислима жизнь, но избыток его в чистом виде может привести в полное расстройство человеческий организм. Беспечный Мишель по рассеянности оставил кран аппарата открытым!

Николь поспешил прекратить истечение кислорода, которым был настолько насыщен воздух в снаряде, что пассажиры могли в конце концов умереть, если не задохнувшись, то заживо сгорев.

Через час воздух очистился и вернул легким способ-

ность работать нормально. Мало-помалу три друга очнулись от опьянения. Но еще долго, как пьяницы после выпивки, они не могли стряхнуть с себя похмелье.

Мишель ничуть не смутился, узнав, что он один повинен во всем случившемся. Что за беда? Эта неожиданная оргия нарушила однообразие путешествия: под ее влиянием друзья наговорили кучу глупостей, но все это было забыто так же быстро, как и высказано.

— Ну, что ж, — весело сказал француз, — право, я нисколько не раскаиваюсь, что отведал этого хмельного газа. По-моему, друзья мои, очень забавно было бы открыть заведение с кислородными кабинками, где люди с ослабевшим организмом могли бы хоть несколько часов пожить более активной жизнью. Представьте себе, например, какое-нибудь собрание, где воздух был бы насыщен этим возбуждающим газом, или, положим, театр, куда администрация впускала бы его в увеличенных дозах: какой темперамент обнаружили бы актеры и зрители, сколько было бы огня, сколько восторгов! А если бы можно было подпоить кислородом не собрание, а целую нацию! Как закипела бы ее жизнь! Нацию истощенную можно было бы превратить в великую и могучую! Я думаю, что для поправления здоровья многие государства нашей старушки Европы не мешало бы подвергнуть подобному кислородному лечению!

Мишель рассуждал с такой горячностью, словно кран кислородного аппарата был все еще отвернут. Неожиданное замечание Барбикена умерило его восторг.

— Все это прекрасно, милый Мишель, — сказал он, — но не объяснишь ли ты нам, откуда взялись куры, принявшие столь деятельное участие в нашем концерте?

— Куры?!

— Ну да.

В самом деле, полдюжины кур во главе с красавцем петухом, подпрыгивая и кудахтая, бродили по снаряду.

— Эх, негодницы! — воскликнул Мишель. — Это кислород произвел такой переполох.

— Что ты хочешь с ними делать? — спросил Барбикен.

— Разводить их на Луне, черт возьми!

— Зачем же ты их прятал?

— Сюрприз, уважаемый председатель, неудавшийся сюрприз! Я хотел, не говоря ни слова, выпустить их на Луне. Воображаю ваше изумление, когда вы увидели бы, как эти земные пернатые преспокойно пасутся на лунных полях!

— Ах, озорник, ах, мальчишка! — воскликнул Барбикен. — Чтобы вскружить тебе голову, не нужно никакого кислорода; ты вечно в таком состоянии, которое мы пережили, нанюхавшись газа. Ты всегда как безумный.

— А кто знает, не были ли мы именно тогда умнее всего? — спросил Мишель.

После этого философского изречения друзья принялись наводить порядок в своем вагоне. Куры и петух были водворены в клетку. Но тут Барбикен и его товарищи заметили новое поразительное явление.

С той самой минуты, как они стали удаляться от Земли, их собственный вес, вес ядра и всех предметов, находившихся в нем, постепенно уменьшился.

Если они и не могли обнаружить уменьшения веса снаряда, то в конце концов должна была наступить минута, когда это странное явление они заметили бы на самих себе, на приборах и предметах, которыми они пользовались.

Обычные весы, конечно, не могли бы обнаружить этого уменьшения тяжести, потому что гири, при помощи которых взвешивается всякий предмет, потеряли бы такую же долю веса, что и самый предмет. Другое дело — пружинные весы: упругость пружины не зависит от земного притяжения, и такие весы позволили бы точно определить уменьшение веса.

Как известно, сила притяжения, или, другими словами, тяжесть, прямо пропорциональна массе и обратно пропорциональна квадрату расстояния. Отсюда вытекает, что если бы Земля была единственным телом во всей вселенной, а другие небесные тела по какой-либо причине внезапно исчезли, то снаряд, по закону Ньютона, весил бы тем меньше, чем дальше он находился бы от Земли. Но при этом он не потерял бы своего веса полностью, так как земное притяжение давало бы себя знать независимо от расстояния.

Но в данном случае должен был наступить момент, когда снаряд вышел бы из сферы действия законов всемирного тяготения, так как притяжение других небесных тел можно было считать равным нулю.

Путь снаряда лежал между Землей и Луной. По мере того как снаряд удалялся от Земли, земное притяжение изменялось обратно пропорционально квадрату расстояния. Лунное же притяжение изменялось прямо пропорционально. В какой-то точке пути оба притяжения — лунное и земное — должны были уравновеситься, и тогда снаряд

должен был потерять всякий вес. Если бы массы Луны и Земли были одинаковы, эта точка находилась бы как раз на середине расстояния между обеими планетами. Но так как массы их различны, то легко вычислить, что эта точка находилась на $\frac{47}{52}$ части всего пути, или в численном выражении в 78 114 лье от Земли.

В этой точке равновесия притяжений всякое тело, не имеющее никакой скорости и никакого двигателя, осталось бы навеки неподвижным, потому что оба светила притягивали бы его с равной силой и ничто не могло бы заставить его лететь в ту или другую сторону.

Если сила толчка была рассчитана правильно, снаряд должен был достигнуть этой точки при нулевой скорости, утратив какие бы то ни было признаки веса вместе со всеми находящимися в нем предметами.

Что же случилось бы после этого? Представлялись три возможности.

Либо снаряд, все же сохранивший некоторую скорость, пройдя точку равных притяжений, упал бы на Луну, так как лунное притяжение возобладало бы над земными.

Либо снаряду не хватило бы скорости для достижения нейтральной точки, и тогда он упал бы обратно на Землю, так как земное притяжение возобладало бы над лунным.

Либо, наконец, двигаясь с достаточной скоростью для достижения нейтральной точки, но недостаточной, чтобы перейти за нее, он навеки остановился бы, паря на этой линии, как легендарный Магометов гроб, между зенитом и надиром.

Таково было положение, возможные последствия которого Барбикен подробно объяснил своим спутникам, чрезвычайно заинтересовав их. Как же узнать, достиг ли снаряд этой нейтральной точки, расположенной в 78 114 лье от Земли? Действительно, как это сделать, когда ни сами, они, ни предметы, заключенные с ними в снаряде, уже ни в малейшей степени не подчинялись законам тяготения?

До сих пор путешественники, хотя и знали, что земное тяготение постепенно убывает, однако не могли еще заметить полного его исчезновения. Но как раз в этот день утром, около одиннадцати часов, Николь уронил стакан, и, к общему изумлению, стакан не упал, а повис в воздухе.

— Вот так штука! — воскликнул Ардан. — Вот тебе и законы физики!

Действительно: различные предметы, оружие, бутылки, брошенные и предоставленные самим себе, словно чудом держались в воздухе. Мишель поднял Диану, и собака без всякого труда воспроизвела чудесный фокус висения в воздухе, показанный в цирке Кастоном и братьями Робер-Гуден. Собака, кстати, даже и не заметила, что она парит в воздухе.

Путешественники, вступившие в этот новый мир чудес, изумленные, потрясенные, несмотря на все свои научные рассуждения, чувствовали, что телам их недостает веса. Вытянутые руки не опускались; головы качались на плечах; ноги не касались пола снаряда. Они вели себя, как пьяные, потерявшие равновесие и устойчивость. Человеческая фантазия создавала людей, лишенных отражения, лишенных тени! А тут сама реальность благодаря равновесию сил притяжения двух планет создала людей, лишенных веса!

Мишель вдруг подпрыгнул и, отделившись на некоторое расстояние от дна снаряда, повис в воздухе, как добрый монах в "Ангельской кухне" Мурильо. В одно мгновение оба приятеля присоединились к Мишелью, и в центре снаряда произошло своего рода "чудесное вознесение".

— Подумать только! На что ж это похоже! Невероятно! — кричал пораженный Мишель. — Непостижимо, и все-таки это так! Вот если бы Рафаэль увидел нас в таком положении! Мы послужили бы ему прекрасной натурой для его "Вознесения"!

— Это не может долго продолжаться, — сказал Барбикен. — Как только снаряд перейдет за нейтральную линию, тотчас же начнет действовать лунное притяжение, и мы начнем падать на Луну.

— Что же, тогда нам придется стоять на верхушке снаряда, кверху ногами? — спросил Мишель.

— Нет, этого не случится, — успокоил его Барбикен, — потому что снаряд, центр тяжести которого расположен в самом низу, начнет постепенно поворачиваться дном к Луне.

— Значит, и все наше хозяйство кувыркнется кверху дном?

— Успокойся, Мишель, — сказал Николь. — Бояться нечего. Ни один предмет не тронется с места, мы даже и не заметим, как перевернется снаряд.

— Совершенно верно, — добавил Барбикен. — Как только мы достигнем нейтральной точки, нижняя, относи-

тельно более тяжелая часть снаряда повернется перпендикулярно к поверхности Луны. Но чтобы это могло произойти, нам нужно пройти точку равного притяжения.

— Ах, вот как: мы пересекаем линию равного притяжения! — подхватил Мишель. — В таком случае мы должны последовать обычаю моряков, пересекающих экватор: вспрыснем это событие!

Одним движением Мишель достал со стены бутылку и стакан, расставив их в "пространстве" перед приятелями, и, весело чокаясь, они троекратным "ура" приветствовали переход границы земного притяжения.

Состояние равновесия лунного и земного притяжений продолжалось не более часа. Путешественники чувствовали, что мало-помалу опускаются на дно, и Барбикен стал замечать, что конический купол снаряда начинает уклоняться от прямой, направленной к Луне, а дно приближаться к ней. Это значило, что лунное притяжение преодолевало силу земного. Падение на Луну, пока что очень незаметное, началось. Скорость падения в первую секунду равнялась всего только трети миллиметра, или 590 тысячных линии.

Но мало-помалу притягательная сила Луны неизбежно увеличится, и снаряд, обращенный конической частью к Земле, начнет с возрастающей скоростью стремиться к Луне, пока не упадет на ее поверхность. Стало быть, цель будет достигнута. Ничто уже теперь не могло помешать успеху предприятия. Николь и Ардан разделяли радость Барбикена.

Друзья обсуждали все эти столь новые для них явления, которые поражали их на каждом шагу. Восторженный Ардан делал из всего самые фантастические выводы.

— Друзья! — воскликнул он. — Какой прогресс сулила бы Земле возможность каким-нибудь способом отделаться от закона тяготения, от этой грузной цепи, которой мы прикованы к Земле! Ведь это все равно, что дать свободу пленнику. Никакой усталости ни в руках, ни в ногах. Если теперь, чтобы держаться над Землею в воздухе одной только работой мускулов, нужна сила, в сто пятьдесят раз превышающая силу человека, то тогда, без законов тяготения, нам достаточно будет только усилия воли, чтобы по своей прихоти взлетать в пространство.

— Да, — заметил Николь смеясь, — если бы можно было уничтожить силу тяжести, как уничтожают боль при помощи наркоза, многое изменилось бы в нашей современной жизни!

— Решено, — вопил Мишель, воодушевленный своим фантастическим проектом, — уничтожим силу тяжести! Тогда не понадобится никаких лебедок, никаких кранов, тросов, рычагов, — все эти приспособления потеряют всякий смысл.

— Хорошо сказано, — заметил Барбикен, — но если все потеряет вес, то ничто и не сможет держаться на месте: ни шляпа на твоей голове, дорогой Мишель, ни дом на своем фундаменте, потому что камни, из которых он сложен, держатся только силой тяжести. Не существовало бы лодок, которые держатся на воде только силой земного притяжения. Не осталось бы даже океана, воды которого удерживаются в равновесии только благодаря силе тяготения! Наконец, от нас ушла бы и сама атмосфера, потому что ее частицы, ничем более не сдерживаемые, рассеялись бы в беспредельном пространстве...

— Какая жалость, — огорчился Мишель. — Уж эти мне положительные люди! Вечно стараются стащить меня с небес на землю!

— Утешься, Мишель — продолжал Барбикен. — Если и не существует на свете планеты, где бы не действовали законы притяжения, то все же ты побываешь на планете, где это притяжение гораздо слабее, чем на Земле.

— Это на Луне-то!

— Ну да, на Луне. Все предметы на ней весят в шесть раз меньше, чем на Земле, и это очень легко установить.

— И мы будем в состоянии заметить это?

— Разумеется, потому что сто наших килограммов на поверхности Луны весят только тридцать.

— А наша мускульная сила там не уменьшится?

— Нисколько. Если ты употребишь усилие, необходимое для прыжка на метр от земли, то на Луне при том же усилии ты подскочишь на восемнадцать футов.

— Стало быть, на Луне мы будем настоящими геркулесами! — вскричал Мишель.

— Да, тем более, — сказал Николь, — что если рост селенитов пропорционален массе их планеты, они будут казаться нам просто карликами, ростом не больше фута.

— Лилипуты! — обрадовался Мишель. — А я буду разыгрывать роль Гулливера! Мы воплотим в жизнь легенду о великанах. Подумайте только, как выгодно бросить собственную планету и пуститься в странствие по солнечной системе!

— Погоди, Мишель, — остановил его Барбикен. —

Если уж тебе непременно хочется быть Гулливером, советую тебе посещать только меньшие планеты нашей системы вроде Меркурия, Венеры или Марса, массы которых меньше массы Земли. Если же ты отважишься отправиться на планету вроде Юпитера, Сатурна, Урана, Нептуна, роли переменятся: там ты сам будешь лилипутом.

— А на Солнце?

— Плотность Солнца в четыре раза меньше земной, объем его в миллион триста двадцать четыре тысячи раз больше, а притяжение больше земного в двадцать семь раз. При таких условиях тамошние жители должны быть ростом по крайней мере футов в сто.

— Тысяча чертей! — вскричал Мишель. — Значит, сам я был бы на Солнце пигмеем, букашкой!

— Гулливером у великанов! — подсказал Николь.

— Именно так! — согласился Барбикен.

— Тогда не лишне было бы захватить с собой на Солнце несколько пушек.

— Ну, это напрасно! — сказал Барбикен. — Снаряды на Солнце не произвели бы никакого эффекта и не пролетели бы и нескольких метров.

— Вот это здорово!

— И вполне достоверно. Притяжение этого огромного светила так сильно, что предмет весом в семьдесят килограммов на Земле будет весить на поверхности Солнца тысячу девятьсот тридцать килограммов. Твоя шляпа — десяток килограммов! Твоя сигара — полфунта. И, наконец, если ты упадешь на солнечную "землю", твой вес будет настолько велик — около двух тысяч пятисот килограммов, — что ты не сможешь подняться и стать на ноги!

— Что за черт! — воскликнул Мишель. — Стало быть, там всегда надо таскать при себе небольшую карманную лебедку! Ну, дорогие друзья, на первый раз удовольствуемся Луной. Здесь по крайней мере мы будем важными особами. А там посмотрим, стоит ли отправляться на Солнце, где нужна подъемная машина даже для того, чтобы поднести ко рту стакан вина.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Результаты отклонения.

Барбикен больше не тревожился: если окончательный исход путешествия и не был еще ясен, то по крайней

мере в силе, с которой был пущен снаряд, нельзя было сомневаться. Скорость снаряда обеспечила пересечение им нейтральной линии. Стало быть, обратно на Землю снаряд упасть уже не мог. Не мог он и повиснуть в точке равного притяжения двух планет. Оставалась только одна возможность: снаряд должен был достигнуть своей цели под влиянием лунного притяжения.

Падение должно было произойти с высоты около восьми тысяч двухсот девяноста шести лье на планету, притяжение которой было, правда, слабее земного в шесть раз. Но и к такому падению надо было подготовиться, не мешкая.

Меры предосторожности были двух родов: во-первых, необходимо было ослабить удар в момент соприкосновения снаряда с Луной; во-вторых, заранее умерить быстроту падения и таким образом сделать его последствия менее ощутимыми.

Барбикен очень жалел, что для ослабления удара он не мог воспользоваться теми средствами, которые с таким успехом были применены, то есть водой, игравшей роль буфера, и разбивными перегородками. Перегородки сохранились, но воды не было. Нельзя же было расходовать драгоценный запас воды, сохранявшийся в снаряде на тот случай, если бы путешественники в первые дни своего пребывания на Луне не смогли добыть питьевой воды.

Слой воды, находившийся при вылете снаряда в деревянных перегородках, на которых держался водонепроницаемый диск, занимал не менее трех футов в высоту на площади в 54 квадратных фута. Объем этой воды достигал 6 кубических метров, а вес — 5750 килограммов. Теперь уже все сосуды в снаряде не содержали и пятой доли этого количества воды. Таким образом, от этого средства ослабления толчка приходилось отказаться.

К счастью, Барбикен, не ограничиваясь водой, снабдил подвижной пол очень крепкими пружинами, предназначенными для ослабления толчка при вылете после разлома горизонтальных перегородок. Эти буфера уцелели, их надо было только привести в порядок и укрепить на прежнем месте подвижной пол. Со всеми этими делами справились быстро и легко, тем более что каждая вещь была почти невесома.

Все было подготовлено. Все части хорошо пригнаны одна к другой, завинчены гайками и болтами. Все инструменты оказались налицо, и скоро восстановленный круг пола был укреплен на стальных пружинах, как стол на

ножках. Эта установка повлекла за собой только одно неудобство: нижнее окно оказалось zagrożенным, и путешественники лишились возможности наблюдать Луну в момент отвесного падения снаряда на ее поверхность. Но с этим им приходилось мириться. К тому же из боковых окон виднелись огромные лунные пространства, как бывает видна Земля из гондолы воздушного шара.

Установка диска потребовала часа работы. После полудня все приготовления были закончены. Барбикен произвел новые наблюдения и, к великому огорчению, установил, что снаряд еще не повернулся перпендикулярно к поверхности Луны: траектория ядра совпадала с кривой, параллельной окружности лунного диска.

Ночное светило ярко сияло на небе, между тем как с противоположной стороны снаряд заливали лучи дневного света.

Такое положение снаряда было далеко неутешительным.

— Долетим ли мы до Луны? — осведомился Николь.

— Будем действовать с тем расчетом, что мы непременно доберемся до нее, — ответил Барбикен.

— Трусы! — воскликнул Ардан. — Конечно, мы долетим, и даже скорее, чем нам этого хочется.

Этот решительный ответ заставил Барбикена снова приняться за работу. Он занялся приспособлениями, предназначенными замедлить падение снаряда.

Здесь следует вспомнить митинг, состоявшийся в городе Тампа, во Флориде, на котором выступал Николь, заняв позицию, совершенно противоположную и враждебную Барбикену, и резко возражая Мишелю Ардану. Николь утверждал, что при ударе о Луну снаряд разобьется, как стекло, а Ардан возражал, что он задержит падение при помощи своевременно пущенных ракет.

И в самом деле, мощные ракеты, имея точкой опоры дно снаряда и вылетая наружу, должны были вызвать обратное движение снаряда и тем самым до некоторой степени замедлить скорость его падения. Правда, этим ракетам пришлось бы гореть в безвоздушном пространстве, но кислорода им хватило бы, потому что он заключался в самих ракетах. Ведь извержению лунных вулканов никогда не препятствовал недостаток атмосферы вокруг Луны.

Барбикен перед отъездом запаса ракетам в маленьких стальных цилиндрах с нарезкой, которые ввинчивались в дно снаряда. Изнутри они были заделаны в уровень с

дном, а снаружи выступали на полфута. Их было двадцать штук. Специальное отверстие, проделанное в диске, позволяло зажечь фитили, которыми были снабжены ракеты. Самые взрывы ракет должны были произойти за пределами снаряда. Взрывчатая смесь была заблаговременно заложена в каждый цилиндр. Оставалось только вовремя вынуть металлические пробки, вставленные в дно снаряда, и вместо них ввинтить цилиндры с ракетами, плотно пригнанные к отверстиям.

Эта работа была закончена к трем часам. После этого путешественникам оставалось только ждать.

Снаряд между тем заметно приближался к Луне. Он уже несомненно испытывал до некоторой степени действие ее притяжения.

Однако собственная скорость снаряда увлекала его по кривой к лунной поверхности. В результате этих двух факторов — лунного притяжения и собственной скорости снаряда — могла получиться некоторая тангенциальная линия; во всяком случае, ясно было: что снаряд не упадет отвесно на лунную поверхность, потому что иначе его нижняя часть уже давно бы повернулась к Луне под действием собственной тяжести.

Беспокойство Барбикена усилилось, когда он обнаружил, что снаряд не подчиняется силе одного только лунного притяжения. Перед ним открывалась неизвестность, страшная неизвестность — в межзвездном пространстве. Он, серьезный ученый, казалось бы, предусмотрел все три возможности: возвращение на Землю, падение на Луну и повисание снаряда в точке равного притяжения обеих планет. И вот теперь совершенно неожиданно возникла еще какая-то неведомая четвертая возможность, чреватая всеми ужасами бесконечности. Чтобы не пасть духом перед этим открытием, надо было быть таким отважным ученым, как Барбикен, таким флегматиком, как Николь, или же таким отчаянным авантюристом, как Ардан.

Люди иного склада постарались бы решить вопрос с практической точки зрения: пытались бы разгадать, куда их уносит злополучный снаряд. Но наши путешественники и не думали об этом: они интересовались только причиной отклонения снаряда. Разговор перешел на эту тему.

— Итак, мы сошли с рельсов, — сказал Ардан, — но почему?

— Я опасаясь, — ответил Николь, — что, несмотря на все принятые меры предосторожности, колумбиада была неверно нацелена. Как бы ничтожна ни была ошибка,

ее совершенно достаточно, чтобы выбросить нас за пределы лунного притяжения.

— Плохо, стало быть, целили? — спросил Мишель.

— Не думаю, — возразил Барбикен. — Пушка была установлена точно по перпендикуляру и нацелена прямо в зенит. А так как Луна проходит теперь через зенит, то мы должны были попасть в самый ее центр. Тут есть какая-то другая причина, которой я не могу еще уловить.

— Не запаздываем ли мы? — предположил Николь.

— Запаздываем? — переспросил Барбикен.

— Да, — продолжал Николь. — В письме Кембриджской обсерватории говорилось, что путь наш должен завершиться за девяносто семь часов тринадцать минут и двадцать секунд. А это значит, что раньше этого срока Луна еще не подойдет к назначенной точке, а позже — уже удалится от нее.

— Совершенно верно, — подтвердил Барбикен. — Но мы вылетели первого декабря вечером, в десять часов сорок шесть минут тридцать пять секунд; на месте мы должны быть пятого в полночь, в момент полнолуния. Сегодня у нас пятое декабря, половина четвертого попудни; ясно, что восьми с половиной часов нам бы хватило для достижения цели. Почему же мы от нее уклоняемся.

— Может быть, от излишней скорости? — снова спросил Николь. — Теперь-то нам известно, что первоначальная скорость оказалась больше предусмотренной.

— Нет, нет! Ни в коем случае, — вскричал Барбикен. — Никакой избыток скорости не помешал бы нам достичь Луны, держись наш снаряд точного направления. Нет! Наш снаряд уклонился от своей первоначальной траектории. Что-то отклонило его с пути.

— Что же! Каким образом?

— Этого я и сам не знаю...

— Слушай, Барбикен, — нетерпеливо перебил Мишель, — хочешь я скажу тебе свое мнение об этом вопросе?

— Говори.

— Я не дал бы и полдоллара за такое открытие! Мы свернули с пути — это факт. Куда нас несет — не все ли равно? Рано или поздно мы все узнаем. Какого черта! Раз мы летим в беспредельное пространство, то попадем же мы в конце концов в сферу какого-нибудь притяжения!

Хладнокровие Мишеля Ардана не могло успокоить Барбикена. И не потому, чтобы его тревожило неизвестное будущее, — вовсе нет! Ему хотелось во что бы то ни стало

доискаться причины отклонения снаряда с намеченного пути.

Снаряд между тем продолжал лететь боком к Луне вместе со всей свитой выкинутых из него вещей. По выдающимся вершинам лунных гор Барбикен мог даже определить, что от Луны их отделяет меньше двух тысяч лье и что скорость снаряда остается почти неизменной. Это было еще новым доказательством того, что они не падают отвесно на Луну.

Собственная начальная скорость снаряда все еще преодолевала лунное притяжение, хотя траектория снаряда, видимо, приближалась к лунному диску и можно было еще надеяться, что на более близком расстоянии сила тяготения возьмет свое и заставит снаряд упасть на Луну.

За неимением более важного дела трое приятелей продолжали заниматься наблюдениями. Однако они еще не могли ясно различить топографию земного спутника. Все контуры сливались в ярких солнечных лучах.

Друзья наблюдали Луну через боковые иллюминаторы до восьми часов вечера. Луна увеличилась настолько, что закрыла собою половину небесной сферы. Снаряд был залит с одной стороны лучами Солнца, с другой — светом Луны.

В это время Барбикен установил, что от Луны их оглеяет всего лишь семьсот лье. Он выяснил, что скорость снаряда достигает двухсот метров в секунду, то есть около ста семидесяти лье в час. Нижняя часть ядра под влиянием центростремительной силы поворачивалась к Луне, но центробежная сила одеживала верх, и создавалось впечатление, что траектория снаряда выгнется в некую кривую, определить которую было еще невозможно.

Барбикен не переставал доискиваться разрешения неразрешимой задачи. Часы проходили. Снаряд явно приближался к Луне, но было совершенно очевидно, что, он ее не коснется. Расстояние, на котором снаряд пройдет мимо Луны, будет зависеть от взаимодействия притягательных и отталкивающих сил, которыми обуславливалось его движение.

— Я хочу только одного, — твердил Мишель, — как можно ближе подойти к Луне, чтобы проникнуть во все ее тайны!

— Будь же проклята та причина, которая заставила наш снаряд уклониться с пути! — негодовал Николь.

— Будь же проклят... — воскликнул Барбикен, пора-

женный озарившей его догадкой. — Будь же проклят тот болид, который встретился нам в пути!

— Что? — переспросил Ардан.

— Что вы хотите этим сказать? — воскликнул Николь.

— Хочу сказать, — продолжал Брбикен, — что нашим уклонением мы обязаны исключительно встрече с этим блуждающим телом.

— Но ведь оно даже не коснулось нас! — заметил Мишель.

— Это ничего не значит. Масса его по сравнению с нашим снарядом огромна, и притяжения его было вполне достаточно, чтобы повлиять на направление снаряда.

— Такой пустяк! — воскликнул Николь.

— На расстоянии восьмидесяти четырех тысяч лье от Земли, — ответил Барбикен, — достаточно и такого пустяка, чтобы мы пролетели мимо Луны!

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Наблюдения над Луной.

Барбикен действительно нашел единственную сколько-нибудь вероятную причину отклонения. Как бы ничтожна она ни была, только она и могла повлечь за собою отклонение снаряда от надлежащего направления. Она оказалась роковой. Смелая попытка из-за нелепой случайности оказалась обреченной на неудачу, и если не произойдет какого-нибудь нового, совершенно исключительного события, им не удастся попасть на Луну.

Пройдут ли они хотя бы настолько близко от нее, чтобы разрешить некоторые проблемы физики и геологии земного спутника, которые до сих пор оставались неясными? Вот единственный вопрос, занимавший наших путешественников в данную минуту. О своей судьбе они не хотели и думать. А между тем что ожидало их среди беспредельных пустынь, если не хватит воздуха, который они скоро должны израсходовать? Еще несколько дней — и они задохнутся в снаряде, который блуждал теперь по прихоти неведомых сил. Но эти несколько дней казались друзьям веками, и они каждую минуту посвящали наблюдениям над Луной, на которую уже не надеялись попасть.

Расстояние, отделявшее снаряд от Луны, определялось в это время в двести лье. С точки зрения видимости рельефа лунного диска путешественники были сейчас фак-

тически дальше от Луны, чем жители Земли, вооруженные мощными телескопами.

В самом деле, мы знаем, что телескоп, установленный Джоном Россом в Парсонстоуне, давая увеличение в 6500 раз, приближал Луну на расстояние шестнадцати лье от Земли; а благодаря мощному окуляру Лонгспика ночное светило, при увеличении в 48 тысяч раз, оказывалось приближенным почти на расстояние двух лье, что позволяло изучить во всех подробностях любой предмет диаметром не менее десяти метров.

Итак, без телескопа топография Луны на таком расстоянии не поддавалась сколько-нибудь точному изучению. Глаза улавливали лишь смутные контуры огромных низин, довольно произвольно называемых "морями", но характер этих низин установить было невозможно. Рельефы горных хребтов расплывались благодаря яркому отраженному свету солнечных лучей. Человек, ослепленный этими лучами, невольно отводил глаза, словно от блеска расплавленного серебра.

Вместе с тем теперь уже ясно обозначалась форма Луны в виде вытянутого шара. Она казалась гигантским яйцом, острый конец которого был повернут к Земле. В далекую эпоху своего образования Луна, в жидком или газообразном состоянии, представляла собой шар совершенно правильной формы. Но вскоре, притянутая к Земле под действием силы тяготения, Луна несколько вытянулась. Став спутником Земли, она утратила первоначальную строгость и чистоту формы: ее центр тяжести сместился по отношению к ее геометрическому центру. Именно из этого некоторые ученые вывели заключение, что на противоположном полушарии Луны, которого никогда не видно с Земли, могли сохраниться воздух и вода.

Этот общий контур Луны наши путешественники могли наблюдать лишь в течение нескольких минут. Расстояние снаряда от Луны очень быстро сокращалось: скорость снаряда, значительно снизившаяся, превосходила все же в восемь или девять раз скорость железнодорожных экспрессов. Наклонное положение снаряда порождало в Мишеле Ардане некоторую надежду, что они коснутся хотя бы какой-нибудь точки лунного диска. Мишель никак не мог помириться с тем, что снаряд не попадет на Луну, и непрестанно заговаривал об этом. Но Барбикен как более авторитетный ученый разубеждал его в этом со всей беспощадностью логики.

— Нет, Мишель, нет! — говорил он. — Попасть на

Луну мы могли бы только падая на нее, а мы не падаем. мы находимся под влиянием двух сил — центростремительной, которая притягивает нас к Луне, и центробежной, которая неумолимо отталкивает нас от нее.

Это было сказано таким убедительным тоном, что Мишель потерял, наконец, всякую надежду.

Снаряд направлялся к северному полушарию Луны, которое на лунных картах помещают внизу, так как эти карты сняты при помощи телескопа, дающего, как известно, перевернутое изображение. Одна из таких карт — *Marra selenographica** Бэра и Мэдлера — в настоящую минуту лежала перед Барбикеном. Северное полушарие представляло собою обширные равнины, на которых кое-где высились горные пики.

В полночь наступило полнолуние. В этот момент друзья находились бы уже на Луне, если бы злополучный болид не отклонил их от первоначального направления. Луна к этому времени уже достигала точки, точно вычисленной Кембриджской обсерваторией. Это была математическая точка лунного перигея в зените двадцать восьмой параллели. Наблюдатель, поместившийся в это время на дне колоссальной колумбиады, направленной перпендикулярно к горизонту, увидел бы Луну прямо над собой. Если бы продолжить ось орудия, она прошла бы в точности через центр Луны.

Нечего и говорить, что наши путешественники в эту ночь, с 5 на 6 декабря, не смыкали глаз. Да и можно ли было спать, находясь так близко от этого нового, неизвестного мира? Какое там! Все чувства друзей сосредоточились на одном-единственном желании: видеть, как можно больше видеть! Они были представителями Земли, представителями человечества всех эпох, и сейчас их глазами, через их посредство человеческий род проникал в тайны своего спутника! В сильном волнении путешественники переходили от одного иллюминатора к другому.

Они вели точные наблюдения при помощи подозрных труб, то и дело сверяясь с имеющимися картами. Барбикен записывал все подробности наблюдений.

Первым наблюдателем Луны был Галилей. В его распоряжении была очень слабая труба, дававшая приблизительно тридцатикратное увеличение. Несмотря на это, ему первому удалось установить, что пятна, испещряющие лун-

---

* Лунная карта (лат.)

ный диск, "как глазки павлиньего хвоста", — не что иное, как горы; он даже измерил некоторые высоты, которые, по его преувеличенным расчетам, оказывались равными приблизительно одной двадцатой диаметра лунного диска, или восьмистам метрам. Но Галилей не оставил после себя карты своих наблюдений.

Несколько лет спустя данцигский астроном Гевелий, измерения которого были правильны лишь дважды в месяц — первую и вторую четверть Луны, — высчитал, что высота лунных гор на самом деле значительно меньше, а именно — равна одной двадцать шестой диаметра Луны. Его цифры, в противоположность галилеевым, оказались преуменьшенными. Этому ученому мы обязаны первой картой Луны. Круглые светлые пятна на лунном диске представляют кольцеобразные горы, так называемые цирки, а темные — обширные моря, которые в действительности не что иное, как равнины. Гевелий дал этим горам и морям земные имена. Таким образом на Луне оказались, например, Аравия с Синаем, Сицилия с Этной в центре, Альпы, Апеннины, Карпаты, Средиземное и Мраморное моря, Черное море, Каспийское море. Эти названия мало применимы к лунным морям и горам, которые совершенно не похожи по очертаниям на своих земных соименников. Вряд ли в большом пятне с остроконечным мысом, граничащим на юге с обширными лунными материками, можно угадать Индийский полуостров, Бенгальский залив и Кохинхину. Поэтому естественно, что эти имена не сохранились. Другой картограф, глубже познавший человеческие слабости, предложил новые наименования, льстившие человеческому тщеславию, а потому быстро и охотно принятые и укоренившиеся в науке.

Это был отец Риччиоли, современник Гевелия, Его карта была выполнена неточно, со множеством грубейших ошибок. Но зато лунные горы он окрестил именами великих людей древности и современных ученых, что и вошло впоследствии в обычай.

В XVII столетии астроном Доминико Кассини составил третью лунную карту; хотя эта карта была выполнена лучше, чем риччиолева, но она не давала точных размеров. Несколько ее изданий разошлось, но затем медную доску, долго хранившуюся в Королевской типографии, продали на вес, как негодную вещь.

Другой знаменитый французский математик и гравер Лагир вычертил карту размером в четыре метра; но она никогда не была напечатана.

После него немецкий астроном Товия Майер, в середине XVIII столетия, начал было издание великолепной карты по точным, им самим проверенным измерениям, но смерть ученого в 1762 году прервала его замечательный труд.

Затем следует назвать Шретера из Лилиенталя, сделавшего наброски многочисленных лунных карт; далее, некий Лорман из Дрездена изготавил таблицы в двадцать пять листов, из которых четыре были гравированы, наконец в 1830 году Бэр и Мэдлер составили свою знаменитую. *Marra selenographica*. На этой карте совершенно точно изображен лунный диск в том виде, как он представляется земному наблюдателю; но расположение гор и равнин верны только в центральной части Луны, прочие же части—южная, северная, восточная и западная—даны в уменьшенном виде, и поэтому несравнимы с центральными областями Луны. Эта топографическая карта, размером в девяносто пять сантиметров, разделенная на четыре части, представляет шедевр лунной картографии.

После перечисленных ученых можно упомянуть о лунной карте немецкого астронома Юлиуса Шмидта, о топографических трудах отца Секки, о замечательных опытах английского любителя Уорена де ла Рю и, наконец, о карте Лекутюрье и Шапюи, выполненной в 1860 году в ортогональной проекции с удивительной точностью и отчетливостью.

Таков перечень различных лунных карт. Барбикен располагал двумя из них—картой Бэра и Мэдлера и картой Шапюи и Лекутюрье. Они должны были облегчить ему его наблюдения.

Что касается оптических приборов, то в распоряжении Барбикена имелись отличные морские подзорные трубы, специально приспособленные для этого путешествия. Они увеличивали объекты в сто раз и, стало быть, могли приблизить Луну к Земле на расстояние менее тысячи лье. Здесь же в снаряде, на расстоянии ста двадцати километров от Луны, и в среде, где атмосфера не препятствовала видимости, эти приборы приближали Луну на расстояние тысячи пятисот метров.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Фантазии и действительность.

— Видали ли вы когда-нибудь Луну? — насмешливо спросил одного из студентов некий профессор.

— Нет, — так же несмешливо отвечал студент, — но должен сознаться, что кое-что слышал о ней.

Шутливый ответ студента могла бы повторить большая часть обитателей подлунного мира. Сколько людей слышали о Луне и никогда не видели ее в окуляре зрительной трубы или телескопа. Сколько из них никогда даже не рассматривали карты нашего спутника!

В лунной карте нас прежде всего поражает одна особенность. Материки Луны в противоположность земным материкам и материкам Марса сгруппированы главным образом в южном полушарии. Очертания их не представляют тех четких, резких линий, которыми очерчены, например, Южная Америка, Африка или Индийский полуостров. Их угловатые и причудливо изогнутые берега изрезаны множеством заливов и полуостровов. Лунные материки напоминают Зондский архипелаг, где материк раздроблен на несчетное число частиц. И если на Луне когда-нибудь существовало мореплавание, то оно, вероятно, было необычайно трудным и опасным. Нужно пожалеть лунных моряков и гидрографов — первых, когда они огибали эти извилистые берега лунных материков, а вторых, когда они производили их измерения.

Мы заметим также по лунной карте, что на южном полюсе Луны больше суши, чем на северном.

На северном полюсе Луны имеется также небольшая группа островов, отделенных от прочих материков обширными морями. Под словом "морья" мы понимаем, конечно, те огромные пространства, которые, по-видимому, были когда-то покрыты водой, но теперь представляют лишь обширные низины. На юге почти все полушарие занимает суша. Весьма возможно, что селениты уже успели водрузить палатку на одном из своих полюсов, тогда как Франклин, Росс, Кан, Дюмон-д'Урвилль, Ламбер все еще не достигли полюсов Земли.

Что касается островов, то на Луне их чрезвычайно много. Все они имеют овальную или круглую форму, словно вычерченную циркулем, и представляют собой огромный архипелаг, напоминающий живописные островки, разбросанные между Грецией и Малой Азией, которые ми-

фология избрала когда-то центром самых поэтических легенд. При виде лунных островов невольно вспоминаются названия Наксос, Тенедос, Милос, Карпатос и глаза инстинктивно ищут корабль Одиссея или парусник аргонавтов. Таково было, во всяком случае, впечатление Мишеля Ардана: ему чудился на лунной карте греческий архипелаг. Его друзьям, менее склонным фантазировать, вид лунных побережий напоминал скорее изрезанные берега Нью-Брансуика и Новой Шотландии, и там, где француз искал следов мифических героев, американцы выискивали точки, наиболее благоприятные для торговых колоний, центры для развития лунной торговли и промышленности.

Чтобы покончить с описанием материковой части Луны, посвятим несколько слов ее орографии. На Луне всюду ясно видны горные цепи, кольцеобразные горы, цирки, кратеры и трещины. Весь лунный рельеф изобилует такими неровностями и так сильно пересечен, что на первый взгляд кажется какой-то громадной Швейцарией или необъятной Норвегией. Эта поверхность, столь неровная и изрезанная, — результат последовательных сжатий лунной коры в период ее формирования. Лунный диск представляет обширное поле для изучения интереснейших геологических явлений. Хотя, по мнению некоторых астрономов, лунная поверхность древнее поверхности Земли, но Луна все-таки лучше сохранилась. Здесь нет вод, изменяющих первобытное строение поверхности и сглаживающих ее общий рельеф; нет и воздуха, разрушительное действие которого изменяет профиль местности. На Луне всюду видна в первобытной чистоте работа плутонических сил без вмешательства нептунических стихий. Это Земля в том виде, какой она была, пока моря и реки не покрыли ее наносными слоями.

После обзора лунных материков взгляд устремляется к ее еще более обширным морям. Эти моря своим положением, очертаниями и внешним видом не только напоминают земные океаны, но, так же как и на Земле, занимают большую часть лунной поверхности. Однако "моря" и "океаны" не заполнены водой, это просто низменности, природу и свойства которых надеялись выяснить в ближайшее время наши путешественники.

Древние астрономы присвоили этим мнимым морям довольно-таки замысловатые названия, которые сохранились в науке и поныне. Мишель Ардан был совершенно прав, когда сравнивал лунные карты с картой "Страны

Нежности“, вычерченной некоей м-ль Скудери или Сирано де Бержераком.

— Но при этом,— добавлял он, — это не какая-нибудь сентиментальная карта семнадцатого века, это карта самой жизни, четко разграниченная на две части: женскую и мужскую. Женщинам отведено правое полушарие, мужчинам — левое.

В ответ на такие рассуждения прозаические друзья Мишеля только пожимали плечами. Барбикен и Николь рассматривали лунную карту с совершенно иной точки зрения, чем их восторженный друг. Между тем этот фантазер был до некоторой степени прав. Судите сами:

В левом полушарии Луны раскинулось море Облаков, в котором так часто блуждает человеческий разум. Немного поодаль расположено море Дождей, питаемое всеми тревожными волнениями жизни. Рядом с ним простирается океан Бурь, где мужчина беспрестанно борется со своими страстями, которые так часто одерживают над ним победу. И, наконец, обессиленный, измученный разочарованиями, предательствами, изменами и всеми земными испытаниями, что же находит он в конце своего пути?— море Тумана и освежающие капли залива Росы! Туманы, облака, дожди, бури — не в этом ли состоит вся жизнь мужчины?

В правом полушарии, “посвященном женщинам“, помещаются менее обширные моря, символические названия которых отражают все перипетии женской судьбы: море Ясности, над которым склоняется молодая девушка; озеро Снов, зеркало, чарующее ее картинами счастливого будущего. А далее море Нектара с его потоками нежности и ласковыми дуновениями ветерка! А вот море Плодородия, море Кризисов, море Вздохов, размеры которого, пожалуй, слишком малы, и, наконец, безбрежное море Спокойствия, поглощающее все обманы и разочарования страстей, все бесполезные мечты, все неутоленные желания, воды которого спокойно вливаются в озеро Смерти!

Как удивительно чередуются здесь названия! Какое странное разделение Луны на эти два полушария, связанные между собой так же неразрывно, как связаны мужчина и женщина, и символически передающие судьбу обоих. Не прав ли был увлекающийся Мишель, именно так толкуя фантастические имена, придуманные древними астрономами.

В то время как воображение Мишеля “бороздило лунные моря“, его ученые друзья изучали земного спутника

как географы. Они заучивали этот новый мир наизусть. Они измеряли его углы и диаметры.

Для Барбикена и Николя море Облаков представляло собой огромную равнину на лунной поверхности, испещренную там и сям кольцевыми горами, цирками. Занимая западную часть южного полушария, оно простирается на 84 800 квадратных лье, с центром, находящимся на 15 градусе южной широты и 20 градусе западной долготы. Океан Бурь (*Oceanus Procellarum*) — самая крупная измененность Луны — охватывает площадь в 328 300 квадратных лье с центром на 10 градусе северной широты и 45 градусе восточной долготы. Здесь возвышаются величественные сверкающие вершины Кеплера и Аристарха.

Далее к северу, отделенное от моря Облаков высокими горными хребтами, простирается море Дождей (*Mare Imbrium*), с центром на 35 градусе северной широты и 20 градусе восточной долготы; оно почти круглой формы и занимает площадь в 193 тысячи квадратных лье. Недалеко от него находится море Влажности (*Mare Humorum*) с небольшим бассейном в 44 200 квадратных лье, расположенное на 25 градусе южной широты и 40 градусе восточной долготы. И, наконец, на границе этого полушария вырисовываются три залива — залив Зноя, залив Росы и залив Радуг — небольшие впадины, зажатые между высокими горными цепями.

“Женское полушарие” по очертаниям, естественно, более причудливое, отличается большим количеством менее крупных морей. На севере — море Холода (*Mare Frigoris*) на 55 градусе северной широты и 0 градусе долготы, площадью в 7600 квадратных лье, примыкающее к озеру Смерти и озеру Снов; море Ясности (*Mare Serenitatis*) на 25 градусе северной широты и 20 градусе западной долготы, с площадью в 86 тысяч квадратных лье; море Кризисов (*Mare Crisium*), ясно очерченное, почти круглое, охватывающее площадь в 40 тысяч квадратных лье, от 17 градуса северной широты до 55 градуса западной долготы, — настоящее Каспийское море, окруженное поясом гор. Затем на экваторе, на 5 градусе северной широты и 25 градусе западной долготы, — море Спокойствия (*Mare Tranquillitatis*), занимающее 121 509 квадратных лье. Это море сообщается на юге с морем Нектара (*Mare Nectaris*) протяженностью в 28 800 квадратных лье, на 15 градусе южной широты и 35 градусе западной долготы, и на востоке — с морем Плодородия (*Mare Fecunditatis*), самым обширным в этом полушарии, занимающим 219 300 квад-

ратных лье, на 3 градусе южной широты и 50 градусе западной долготы. И, наконец, на самом севере и на самом юге имеются еще два моря — море Гумбольдта (*Mare Humboldtianum*) поверхностью в 6500 квадратных лье и Южное море (*Mare Australe*) поверхностью в 26 тысяч квадратных лье.

В центре лунного диска, на самом экваторе и нулевом меридиане, открывается Центральный залив (*Sinus Medii*)— своего рода звено между двумя полушариями.

Вот в каком виде представлялась Николу и Барбикену видимая с Земли поверхность земного спутника. Когда они подсчитали результаты своих измерений, оказалось, что поверхность лунного полушария занимала 4 738 160 квадратных лье, из которых 3 317 600 квадратных лье приходились на вулканы, горные цепи, цирки, острова, одним словом — все, что составляет сушу Луны, и 1 410 400 квадратных лье падали на моря, озера, болота, заливы, — все, что, казалось, должно быть заполнено водой. Ко всем этим вычислениям наш любимец Мишель был совершенно равнодушен.

Как известно, лунное полушарие в тринадцать с половиной раз меньше земного, но наши селенографы уже насчитывали на нем более пятидесяти тысяч кратеров. Это ноздреватая, изрытая, вздутая поверхность, похожая на шумовку, вполне заслужила мало поэтическое название “green cheese”, то есть “зеленого сыра”, данного Луне англичанами.

Ардан даже привскочил, услышав от председателя “Пущечного клуба” такое нелестное прозвище.

— Так вот как англосаксы девятнадцатого века именуют красавицу Диану, светлокудрую Фебу, очаровательную Изиду, величественную царицу ночи Астарту, дочь Латоны и Юпитера, юную сестру лучезарного Аполлона!...

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Поверхность Луны.

Принятое ядром направление, как мы уже заметили раньше, относило его к северному полушарию Луны. Путешественники давно уже пролетели бы ту точку, в которой снаряду следовало упасть, если бы траектория его полета не потерпела непоправимого отклонения.

Было половина первого ночи. По расчетам Барбикена, снаряд находился в расстоянии 1400 километров от Луны—

расстоянии, немного превышающем радиус Луны; оно должно было сократиться по мере приближения снаряда к лунному полюсу. Ядро в это время находилось не на высоте экватора, а пересекало его по десятой параллели; начиная с этой широты, аккуратно прочерченной на карте до самого полюса, Барбикен и оба его товарища могли наблюдать Луну в самых благоприятных условиях.

Действительно, при наблюдении в зрительные трубы Луна приблизилась к ним с расстояния в 1400 километров на расстояние 14 километров, то есть трех с половиной лье. Телескоп Скалистых гор давал еще большее приближение, но земная атмосфера значительно ослабляла его оптическую мощность. Поэтому Барбикен, усевшись у окна с зрительной трубой в руках, успел уже заметить некоторые подробности, почти недоступные для земного наблюдателя.

— Друзья мои,— сказал председатель “Пушечного клуба” проникновенным тоном,— я не знаю, куда мы летим, не знаю, удастся ли нам когда-либо увидеть наш земной шар. И все-таки будем вести себя так, как если бы нашими трудами когда-нибудь могли воспользоваться наши ближние. Пусть ваших мыслей не омрачают никакие заботы. Мы — прежде всего — астрономы. Наш снаряд — это тот же кабинет Кембриджской обсерватории, только перенесенный в межпланетное пространство. Займемся же наблюдениями!

С этими словами Барбикен принялся за работу с удвоенной энергией, точно вычерчивая рельеф лунной поверхности с различных расстояний, на которых снаряд последовательно пролетал над Луной.

Держась на высоте десятой параллели северной широты, снаряд, по-видимому, неуклонно шел по меридиану двадцати градусов восточной долготы.

Здесь, кстати, надо сделать одно важное замечание по поводу карты, которой пользовались путешественники в своих наблюдениях.

На лунных картах вследствие обратного изображения всех предметов в зрительных трубах юг оказывается наверху карты, а север внизу. Казалось бы, что по той же самой причине восток должен находиться налево, а запад — направо. На самом же деле это не так. Если лунную карту перевернуть так, чтобы Луна приняла положение, в котором мы ее наблюдаем с Земли простым глазом, то восток был бы налево, а запад — направо, в противоположность земным картам. Это объясняется тем, что на-

блюдатели, находящиеся в северном полушарии Земли, положим в Европе, видят полную Луну в южной части неба. Наблюдая ее, они спиной обращены к северу, — положение обратное тому, которое они занимают, рассматривая земную карту. А так как они находятся спиной к северу, восток оказывается у них слева, запад — справа. Для наблюдателей же, находящихся в южном полушарии, — например, в Патагонии, — запад оказался бы слева, а восток — справа, потому что они стоят лицом к северу, а спиной — к югу.

Такова причина кажущегося перемещения двух координат — востока и запада, — о котором всегда надо помнить, чтобы следить за наблюдениями Барбикена.

С помощью "Марра selenographica" Бэра и Мэдлера путешественники могли безошибочно распознавать ту часть Луны, которая находилась в поле зрения их трубы.

— Что же мы видим в данную минуту? — спросил Мишель.

— Северную часть моря Облаков, — разъяснил Барбикен. — Оно еще слишком далеко от нас, и поэтому трудно определить его природу. Состоят ли эти равнины из бесплодных песков, как утверждали древние астрономы, или же это обширные леса, как полагал Уорен де ла Рю, приписывавший Луне очень низкую и плотную атмосферу, — все это мы узнаем позднее. Не будем ничего утверждать, пока не получим на это права.

Границы моря Облаков обозначены на картах довольно неопределенно. Полагают, что эта обширная равнина усеяна глыбами остывшей лавы, изверженной вулканами, находящимися с правой стороны этого моря.

Снаряд заметно приближался к Луне, и уже можно было различить горные цепи, окаймлявшие море Облаков с севера.

— Что это? — спросил Мишель.

— Коперник, — отвечал Барбикен.

— Посмотрим, каков этот Коперник!

Эта гора, расположенная на девятом градусе северной широты и двадцатом градусе восточной долготы, возвышается на 3488 метров над уровнем лунной поверхности. Она хорошо видна с Земли и доступна изучению астрономов, особенно когда наблюдения производятся между последней четвертью Луны и новолунием, ибо в это время тень, отбрасываемая горой, тянется далеко с востока на запад и позволяет измерить ее высоту.

После горы Тихо, находящейся в южном полушарии,

Коперник представляет самую величественную вершину на всем лунном диске. Он стоит одиноко, как исполинский маяк, на границе моря Облаков и океана Бурь, освещая своими яркими лучами одновременно оба моря. Нет ничего великолепнее длинных светящихся полос, особенно ослепительных во время полнолуния, которые тянутся к северу за горные цепи и угасают, наконец, в море Дождей. В час земного утра снаряд, словно воздушный шар, унесенный ввысь, парил над этой величественной горой.

Барбикен мог ясно разглядеть ее очертания. Коперник принадлежит к разряду кольцеобразных гор первой величины, то есть к самым крупным циркам. Подобно Кеплеру и Аристарху, горам, которые господствуют над океаном Бурь, он кажется иногда сверкающей точкой на фоне пепельного диска, почему его и считали одно время действующим вулканом. На самом же деле Коперник — потухший вулкан, так же как и все прочие вулканы, расположенные на этой стороне Луны. Окружность его цирка равняется приблизительно двадцати двум лье в диаметре.

При помощи зрительной трубы на склонах Коперника можно было различить вулканические напластования — следы последовательных извержений вулкана; все вокруг было покрыто глыбами застывшей лавы, заметными также и на дне самого кратера.

— На Луне много разного рода цирков,— сказал Барбикен,— и цирк Коперника, очевидно, принадлежит к типу лучевых систем. Если бы мы подошли к нему ближе, мы заметили бы конусы, торчащие на его дне и бывшие некогда огнедышащими кратерами. Поразительная, характерная для всех лунных цирков особенность заключается в том, что уровень их дна гораздо ниже окружающей их равнины, в противоположность земным вулканам. Отсюда следует, что общая кривая дна таких цирков окажется меньшего диаметра, чем диаметр самой Луны.

— В чем же причина такой особенности?— спросил Николь.

— Этого никто не знает,— ответил председатель “Пушечного клуба”.

— Какой ослепительный блеск!— повторял Мишель.— Едва ли можно встретить где-либо более величественное зрелище.

— Погоди, что еще ты скажешь, если случайности путешествия увлекут нас к южному полушарию?

— Скажу, что там еще лучше!— ответил без запинки Мишель Ардан.

В эту минуту снаряд пронесился над самым кратером Коперника. Цирк имел форму почти правильного круга, и его крутые склоны выделялись очень отчетливо. Можно было даже заметить окружающую кратер двойную кольцеобразную горную гряду. Кругом расстилалась пустынная серая равнина, на фоне которой выделялись желтоватые холмы. На дне цирка, как в оправе, на мгновение сверкнули, словно громадные бриллианты, два-три конуса. Края цирка к северу постепенно понижались, опускаясь до уровня дна кратера.

Пролетая над окрестной равниной, Барбикен успел отметить огромное количество небольших гор, между прочим, невысокую кольцевидную гору, носящую название Гей-Люссак, диаметром в двадцать три километра. К югу равнина была совершенно плоской, без всяких возвышенностей. К северу, напротив, вплоть до того места, где она примыкает к океану Бурь, она напоминала водную поверхность, взволнованную ураганом; вершины гор и холмов казались рядами вздыбленных и окаменевших в своем движении волн. Всюду в разных направлениях равнину пересекали лучевые полосы, сходящиеся в одну точку на вершине Коперника. Некоторые из них имели до тридцати километров в ширину и уходили в беспредельную даль.

Путешественники рассуждали о природе этих световых полос, но, так же как и земные наблюдатели, не могли установить причину этого странного явления.

— А почему бы не допустить, что эти лучи — отроги гор, особенно ярко отражающие солнечный свет?

— Вряд ли,— ответил Барбикен.— Если бы это было так, то эти отроги при некоторых положениях Луны относительно Солнца отбрасывали бы тень, чего на самом деле нет.

И действительно, световые полосы появлялись только в то время, когда Солнце стояло прямо против Луны; при косых лучах полосы исчезали.

— Чем же все-таки объясняют эти белые лучи?— спросил Мишель. — Я не могу поверить, чтобы ученые признались в своем бессилии.

— Гершель высказал одно предположение, но не настаивал на нем,— ответил Барбикен.

— Что же это за предположение?

— Он считал, что световые полосы не что иное, как потоки застывшей лавы, которые блестят в то время, когда

солнечные лучи падают на них отвесно. Это возможно, но ручаться за правильность такого объяснения нельзя. Впрочем, если мы подойдем ближе к горе Тихо, нам, пожалуй, удастся открыть причину этих блестящих полос.

— А знаете ли, друзья, на что похожа эта равнина, если глядеть на нее с высоты, на которой мы сейчас находимся?— спросил Мишель.

— Не знаю,— ответил Николь.

— Все эти обломки лавы, вытянутые наподобие веретена, кажутся огромной грудой бирюлек, разбросанных в причудливом беспорядке. Недостает только крючка, чтобы вытащить их одну за другой.

— Перестань шутить!— остановил его Барбикен.

— Ну что ж, будем серьезны!— согласился Мишель.— И вместо бирюлек предположим кости. Тогда наша равнина превратится в огромное кладбище, усеянное останками тысяч вымерших поколений. Может быть, тебе больше нравится это мрачное сравнение?

— Одно стоит другого,— ответил Барбикен.

— На тебя не угодишь!— возмутился Мишель.

— Дорогой мой,— сказал положительный Барбикен,— что толку обсуждать, на что это похоже, если мы даже не знаем, что это такое.

— Основательный ответ!— воскликнул Мишель.— Вот что значит беседовать с ученым.

Ядро между тем летело вдоль лунного диска почти с неизменной скоростью. Всякий поймет, что путешественники не думали в это время об отдыхе. Ландшафт, пронесившийся перед их глазами, изменялся каждую минуту. Около половины второго утра они заметили вершину другой горы. Барбикен, справившись по карте, узнал Эратосфен.

Это была кольцеобразная гора, высотой в 4500 метров, один из чрезвычайно многочисленных на лунной поверхности цирков. По этому поводу Барбикен сообщил приятелям любопытное мнение Кеплера о происхождении лунных цирков. Знаменитый математик утверждал, что кратерообразные впадины вырыты человеческими руками.

— С какой же целью их вырыли?— спросил Николь.

— Цель-то понятна!— ответил Барбикен.— Селениты якобы предприняли эти грандиозные работы и вырыли колоссальные углубления для того, чтобы укрыться в них от солнечного зноя, так как Солнце жжет их по две недели подряд.

— А селениты не дураки,— заметил Мишель.

— По-моему, это странная идея,— сказал Николь. — Кеплеру, по-видимому, неизвестны были истинные размеры этих цирков, потому что вырыть подобные впадины могли бы только мифологические гиганты.

— Но ведь тяжесть-то на Луне в шесть раз меньше, чем на Земле,— возразил Мишель.

— А ты забыл, что и селениты сами в шесть раз меньше,— сказал Николь.

— Да и существуют ли вообще эти селениты! — заметил Барбикен.

На этом спор прекратился.

Эратосфен исчез раньше, чем снаряд успел подойти к нему настолько близко, чтобы его можно было исследовать точнее. Эта гора отделяла цепь Апеннин от Карпат.

В лунной орографии отмечено несколько горных цепей, расположенных главным образом в северном полушарии. Но есть несколько хребтов и в южном полушарии.

Приводим таблицу этих гор в порядке их расположения с юга на север, с указанием широт и долгот и высоты самых высоких пиков.

Горы Дерфель	84 градус	—	юж. ш.	— 7603 м
» Лейбниц	65 »	—	»	— 7600 »
» Роок	20 »	— 30 гр.	»	— 1600 »
» Алтайские	17 »	— 28 »	»	— 4047 »
» Кордильеры	10 »	— 20 »	»	— 3898 »
» Пиренеи	8 »	— 18 »	»	— 3631 »
» Уральские	5 »	— 13 »	»	— 838 »
» Аламбер	4 »	— 10 »	»	— 5847 »
» Гэмус	8 »	— 21 »	сев. ш.	— 2021 »
» Карпаты	15 »	— 19 »	»	— 1939 »
» Апеннины	14 »	— 27 »	»	— 5501 »
» Таврические	21 »	— 28 »	»	— 2746 »
» Рифейские	25 »	— 33 »	»	— 4171 »
» Герциньские	17 »	— 29 »	»	— 1170 »
» Кавказские	32 »	— 41 »	»	— 5567 »
» Альпы	42 »	— 49 »	»	— 3617 »

Из этих горных цепей наиболее крупная — Апеннины, простирающаяся на 150 лье и уступающая таким образом протяженности земных горных систем. Апеннины окаймляют восточный берег моря Дождей и переходят в Карпаты, тянущиеся почти на сто лье.

Путешественникам удалось лишь мельком взглянуть на вершины Апеннин, простирающихся от 10 градуса за-

падной долготы до 16 градуса восточной долготы. Цепь Карпатских гор развернулась под ними с 18 до 30 градуса восточной долготы, и они могли подробно ознакомиться с ее расположением.

Одна из научных гипотез показалась нашим друзьям чрезвычайно правдоподобной. Судя по тому, что в цепи Карпат наблюдались кольцеобразные вершины и пики, напрашивалось предположение, что в давние времена они представляли собой крупные цирки. Эти кольцеобразные горы были, по-видимому, частично разрушены какими-то катаклизмами, благодаря чему и образовалось море Дождей. Первоначально же Карпаты представляли собой отдельные цирки, подобно циркам Пурбаха, Арзахеля и Птолемея, левые склоны которых, разрушенные вследствие огромных сдвигов лунной коры, образовали горную цепь. Высота ее в среднем достигает 3200 метров, то есть приблизительно равна некоторым вершинам Пиренеев, например Порт де Пинед. Южные склоны этих гор круто обрываются в море Дождей.

Около двух часов утра Барбикен вел наблюдения на высоте двенадцатой лунной параллели, недалеко от большой горы Пифия, высотой в 1559 метров. От снаряда до Луны было всего 1200 километров, сокращенных благодаря зрительной трубе почти до трех лье.

Море Дождей расстилалось перед глазами путешественников в виде огромной равнины, еще плохо различимой в подробностях. Слева от них высилась гора Ламбер, равная около 1813 метров высоты, а поодаль, на границе океана Бурь, на 23 градусе северной широты и 29 градусе восточной долготы, сверкала сияющая гора Эйлер. Эта гора, возвышающаяся на 1815 метров над уровнем лунной поверхности, послужила предметом очень интересного труда астронома Шретера. Ученый, стремясь выяснить причину образования лунных гор, заинтересовался вопросом, равна ли емкость кратера объему окружающего его горного кольца. Оказалось, что такое соотношение действительно существует, откуда Шретер заключил, что достаточно было одного извержения, чтобы выбросить на поверхность материал, необходимый для образования цирка, многократные же извержения нарушили бы такое соотношение. Одна только гора Эйлер не подходила под этот общий закон — для ее образования потребовалось, по-видимому, несколько повторных извержений, потому что емкость ее кратера была в два раза больше объема окружающего его кольца.

Все эти гипотезы были простительны для ученых Земли, которые не обладали достаточно совершенными и точными приборами. Но Барбикен уже не желал довольствоваться подобными предположениями. Видя, что снаряд все больше приближается к лунному диску, он твердо рассчитывал проникнуть в тайну образования ее поверхности, даже если ему и не удастся ступить ногой на Луну.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Лунные ландшафты.

В половине третьего утра снаряд находился уже на тридцатой параллели северной широты, на расстоянии всего тысячи километров от Луны, а оптические приборы сводили это расстояние менее чем к десяти километрам. По-прежнему было ясно, что ядро не сможет соприкоснуться ни с одной точкой лунного диска. Барбикен недоумевал, почему снаряд летит с такой незначительной скоростью. Чтобы сопротивляться лунному притяжению на таком небольшом расстоянии от Луны, снаряд должен был обладать гораздо большей скоростью. Причина этого явления оставалась пока невыясненной. Да и времени для каких бы то ни было изысканий у Барбикена не хватало. Перед глазами путешественников разворачивалась панорама лунных ландшафтов, и они боялись упустить из виду хоть малейшую подробность.

Итак, в зрительную трубу Луна казалась всего на расстоянии двух с половиной лье. Что мог бы различить на поверхности Земли воздухоплаватель, поднявшийся на такую высоту над земным шаром? Ответить на этот вопрос трудно, потому что аэростаты поднимались до сих пор самое большее на восемь тысяч метров.

Вот точное описание всего того, что видели Барбикен и его друзья с указанной высоты.

Лунный диск, казалось, был усеян обширными пятнами самой разнообразной окраски. Исследователи Луны и астрономы по-разному объясняют окраску этих пятен. Юлиус Шмидт утверждает, что если высушить все земные океаны, то лунный наблюдатель не различил бы в окраске океанов и морей тех резко выраженных оттенков, какие представляются на Луне земному наблюдателю. По мнению Шмидта, общий цвет обширных равнин, носящих название "морей", темно-серый с примесью зеленого и коричневого

оттенков. Некоторые крупные кратеры имеют ту же окраску.

Это мнение немецкого селенографа, разделяемое Бэром и Мэдлером, было известно Барбикену. Его собственные наблюдения подтверждали это мнение в противовес другим астрономам, считавшим, что поверхность Луны имеет однообразную серую окраску. Некоторые лунные пространства отливали довольно ярким зеленым цветом, которым, по исследованиям того же Юлиуса Шмидта, окрашены и море Ясности и море Влажности. Барбикен различил широкие кратеры, не имеющие внутренних конусов; эти кратеры обладали синеватым оттенком, похожим на цвет только что отшлифованной стальной пластинки. Подобные оттенки действительно свойственны лунному диску, а вовсе не зависят от несовершенства объективов телескопов или от влияния земной атмосферы, как утверждали некоторые астрономы. У Барбикена не оставалось в этом никаких сомнений. Он производил наблюдения в безвоздушном пространстве, и никакой оптической ошибки тут быть не могло. Различие в оттенках он считал теперь научно установленной истиной. Но обусловливались ли зеленые оттенки тропической растительностью, которой благоприятствовала плотная и низкая атмосфера,— Барбикен утверждать еще не решался.

Далее он обнаружил довольно ясно выделяющийся красноватый оттенок. Эту окраску он уже наблюдал в глубине одиноко стоящего цирка, известного под именем цирка Лихтенберга, расположенного у Герценских гор на краю лунного полушария. Причину такой окраски Барбикен опять-таки установить не мог.

Столь же необъяснимой казалась ему и другая особенность лунной поверхности. Вот в чем она заключалась.

Мишель Ардан, стоявший во время наблюдений рядом с Барбикеном, заметил длинные белые линии, ярко освещенные отвесными солнечными лучами. Это были ряды светящихся борозд, совершенно не похожих на недавние сияющие полосы Коперника. Борозды тянулись параллельно одна другой.

Мишель с обычным апломбом не замедлил высказать свое мнение по этому поводу.

— Смотри-ка! Да это обработанные поля!

— Обработанные поля?— повторил Николь недоверчиво.

— Во всяком случае, вспаханные,— продолжал Мишель.— Какие же, однако, отличные пахари эти селениты!

Да и в плуги свои они, повидимому, впрягли каких-то гигантских быков,— иначе таких колоссальных борозд не проведешь!

— Ты ошибаешься,— возразил Барбикен.— Это не борозды, а трещины.

— Ну трещины так трещины, — кротко согласился Мишель. — А все-таки, что же понимают ученые под этими трещинами?

Барбикен тотчас же сообщил товарищу все, что ему самому было известно о лунных трещинах. Он знал, что они замечены во всех равнинных областях лунного диска; что они имеют от четырех до пятидесяти лье в длину и что ширина их достигает от тысячи до тысячи пятисот метров; что края их всегда строго параллельны. Но об их происхождении и природе он не знал решительно ничего.

Вооруженный зрительной трубой, Барбикен пристально рассматривал любопытные трещины. Он заметил, что их боковые грани имеют очень крутые скаты. Это было нечто вроде параллельных валов, и при некоторой фантазии их можно было принять за длинные ряды укреплений, сооруженные лунными инженерами.

Одни из трещин было совершенно прямые, словно вытянуты по шнуру, другие слегка изгибались, причем боковые их грани неизменно оставались параллельными; одни перекрещивались между собой, другие прорезали кратеры; там они бороздили кольцеобразные впадины Посейдона или Петавия, здесь испещряли гладь моря Ясности.

Это странное природное явление Луны не могло не разжечь любопытства земных астрономов. Первые наблюдения над Луной не обнаружили этих борозд. Ни Гевелий, ни Кассини, ни Лагир, ни Гершель, повидимому, их не разглядели. Впервые привлек внимание ученого мира к этому явлению в 1789 году Шрётер. Его последователи — Пасторфф, Грюйтгейзен, Бэр и Мэдлер — занялись их изучением. В данное время этих трещин насчитывается до семидесяти. Но если их и удалось подсчитать, то происхождение их до сих пор все-таки не установлено. Это, разумеется, не укрепления и не русла высохших рек; во-первых, потому что вода, обладающая очень незначительными удельным весом на Луне, не была бы в состоянии прорыть такие глубокие русла, во-вторых, потому что эти трещины часто пересекают на значительной высоте кратеры и цирки.

Мишель Ардан высказал предположение, случайно совпадавшее с мнением Юлиуса Шмидта:

— Может быть, эти непонятные линии представляют собой ряды каких-нибудь насаждений.

— Что ты хочешь сказать? — нетерпеливо перебил его Барбикен.

— Не горячись, уважаемый председатель, — отвечал Мишель. — Я хочу сказать, не состоят ли эти темные линии из рядов правильно рассаженных деревьев?

— Ты, значит, предполагаешь, что это растительность?

— Да, — настаивал Мишель. — Мне хочется объяснить то, чего до сих пор вы, ученые, не разгадали! Моя гипотеза по крайней мере объяснила бы, почему эти линии в определенные периоды исчезают или кажутся исчезнувшими.

— Почему же это бывает, по-твоему?

— Потому что деревья становятся невидимыми, когда опадает их листва, и делаются заметными, когда снова распускаются.

— Объяснение твое действительно очень остроумно, мой милый, — возразил Барбикен, — беда только в том, что оно никуда не годится.

— Почему же?

— Потому что на луне нет того, что называется временами года, а стало быть, нет и тех сезонных изменений в растительном мире, о которых ты говоришь.

Действительно, Барбикен был прав. При незначительном наклоне лунной оси Солнце неизменно стоит там почти на одной и той же высоте во всех широтах. В надэкваториальных областях оно почти всегда находится в зените, а в областях полярных — не подымается над линией горизонта. Таким образом, в каждой лунной области в зависимости от ее положения относительно Солнца вечно царит какое-нибудь одно время года: либо зима, либо весна, либо лето, либо осень. То же самое происходит и на Юпитере, ось которого имеет также очень небольшой наклон по отношению к орбите.

Как же все-таки объяснить происхождение этих трещин? Вопрос трудноразрешимый. Образование их, несомненно, относится к более поздним эпохам, чем образование кратеров и цирков, потому что кольцевые валы прорезаны этими бороздами. Возможно, что они возникли в новейшие геологические эпохи и объясняются разрушительной деятельностью стихий.

Снаряд между тем уже достиг сороковой лунной па-

раллели и находился на расстоянии не более восьмисот километров от Луны. В зрительную трубу все предметы представлялись не дальше, чем в двух лье. В эту минуту под снарядом вздымался на высоте пятисот метров Геликон, а налево тянулся ряд небольших гор, замыкающих часть моря Дождей, которая носит название залива Радуг.

Атмосфера Земли должна стать в сто семьдесят раз прозрачнее, чтобы астрономы были в состоянии производить точные наблюдения поверхности Луны. Но в безвоздушной среде, где летел снаряд, не заключалось никаких паров, которые могли бы препятствовать наблюдениям. Кроме того, Барбикен находился теперь на таком близком расстоянии от Луны, какого не могли дать даже самые мощные телескопы Джона Росса и обсерватории Скалистых гор. Итак, он был поставлен в наиболее благоприятные условия для разрешения вопроса, обитаема ли луна или нет. И все-таки он не в состоянии был ответить на этот вопрос. Он видел перед собой только пустынные равнины и на севере — цепи обнаженных гор. Нигде никаких следов работы человека. Никаких развалин, свидетельствовавших о его существовании. Никаких признаков животных, никаких указаний на присутствие хотя бы низших организмов. Никакого движения. Ни следа растительности. Из трех миров, населяющих земной шар, на луне был представлен только один мир минералов.

— Вот тебе на! — протянул Мишель Ардан с некоторым разочарованием. — Неужели же и вправду там ничего нет?

— По-видимому, нет, — ответил Николь. — Ни человека, ни животных, ни растений. Впрочем, если атмосфера и в самом деле скопится в ущелье, в глубине цирков, или, наконец, на противоположном от нас полушарии, то мы еще не можем ничего утверждать положительно.

— Известно, — заметил Барбикен, — что самый зоркий глаз не может различить человека на расстоянии более семи километров. Значит, если даже допустить существование селенитов, они видят наш снаряд, а мы их видеть не можем.

К четырем часам утра на пятидесятой параллели наших героев отделяли от Луны всего шестьсот километров. С левой стороны от них тянулась горная цепь самых причудливых очертаний, залитая ярким солнечным светом. С правой — напротив — зияла черная впадина, наподобие мрачного бездонного колодца, вырытого в почве Луны.

Это был цирк Платона, Черное озеро, которое можно

наблюдать и с поверхности Земли в промежуток между последней четвертью Луны и новолунием, когда тени на Луне падают с запада на восток.

Платон представляет собой кольцеобразную гору, расположенную на 51 градусе северной широты и 9 градусе восточной долготы. Кратер его имеет 92 километра в длину и 61 километр в ширину. Барбикен крайне досадовал, что снаряд не пролетел над самой впадиной цирка; может быть, в этой бездне они могли бы наткнуться на какое-нибудь таинственное явление. Но изменить направление снаряда было не в их власти. Приходилось безропотно подчиняться. Нельзя управлять воздушным шаром, а тем меньше — движением снаряда, в котором ты заперт, как в тюремной камере.

Часов около пяти утра путешественники миновали, наконец, северную границу моря Дождей. По левую руку от них осталась гора Кондамин, а по правую руку — гора Фонтенель. Эта часть лунного диска, начиная с 60 градуса, была сплошь покрыта горами. В зрительную трубу они виднелись с расстояния не более одного лье, что равняется приблизительно высоте Монблана над уровнем моря. Всюду возвышались пики и цирки. На 70 градусе вздымалась гора Филолай высотой в 3700 метров с кратером в форме эллипса, длиной в 16 и шириной в 4 лье.

На этом расстоянии Луна представляла весьма странное зрелище. Условия наблюдения Луны сильно разнились от условий, в которых мы ведем наблюдения на Земле.

На Луне нет воздуха, и отсутствие газообразной оболочки влечет за собой весьма любопытные последствия.

На Луне не бывает сумерек; ночь сменяется днем и день сменяется ночью мгновенно, подобно лампе, которая мгновенно гаснет и загорается в темноте. Нет постепенного перехода от тепла к холоду. Температура на луне сразу падает с точки кипения до температуры межпланетного пространства.

То же отсутствие воздуха влечет за собой еще одно явление: в областях Луны, не освещаемых непосредственно Солнцем, царит абсолютная темнота. На Луне не существует того явления, которое мы называем на Земле рассеянным светом, этого светящегося вещества, разлитого в воздухе и вызывающего вечерние и предраусветные сумерки, всю чарующую красоту постепенного перехода от дня к ночи. Отсюда необычайная резкость контрастов, допускающая только два цвета — черный и белый. Если житель Луны заслонит глаза от Солнца, небо покажется

ему совершенно черным, а звезды он увидит такими же яркими точками, как в самые темные ночи.

Можете себе представить, какое впечатление произвело на Барбикена и его друзей подобное зрелище! Глаза у них прямо разбегались. Они уже не в состоянии были улавливать относительные размеры различных областей. Земной пейзажист не сумел бы изобразить ни одного из лунных ландшафтов, так как они не смягчались переходами светотени: он видел бы повсюду только чернильные пятна на белом фоне.

Этот вид не изменился даже тогда, когда снаряд на восьмидесятом градусе снизился на расстояние ста километров от Луны; картина оставалась прежней и в пять часов утра, когда ядро пролетало на расстоянии менее пятидесяти километров над вершиной горы Джоюа,— причем зрительная труба сокращала это расстояние до одной восьмой лье. Казалось, что до Луны рукой подать. Трудно было поверить, что ядро не заденет лунной поверхности хотя бы у северного полюса, блестящий гребень которого уже ярко обрисовывался на черном небе. Неугомонный Мишель уже собирался отворить окно и выпрыгнуть на Луну. Прыжок с высоты двенадцати лье! Ему это было нипочем. Впрочем, такая попытка ни к чему бы не привела, потому что если снаряду не суждено было коснуться Луны хотя бы в одной точке, то и Мишель, увлеченный движением снаряда, не мог бы ее достичь. Ровно в шесть часов они пролетели над лунным полюсом. Путешественники видели теперь ярко освещенную половину лунного диска; другая его половина утонула во мраке. Снаряд перелетел границу, разделявшую ярко освещенную часть от совершенно черной, и мгновенно погрузился в непроницаемую тьму.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

*Ночь, длящаяся триста пятьдесят четыре
с половиной часа.*

В ту самую минуту, как снаряд погрузился в темноту, он пронесся над северным полюсом Луны в расстоянии менее пятидесяти километров от него. Несколько секунд оказалось достаточно для перехода из ослепительного света в непроглядный мрак. Эта перемена совершилась так неожиданно и быстро, без какого-либо перехода, словно Луна погасла от чьего-то мощного дуновения.

— Луна исчезла, испарилась! — воскликнул ошеломленный Ардан.

В самом деле — ни отблеска, ни тени, ровно ничего не осталось от диска, еще недавно сиявшего с такой ослепительной силой. Яркое сияние звезд еще резче подчеркивало черноту ночи.

Подобная темнота царила в течение трехсот пятидесяти четырех с половиной часов в каждой точке этого лунного полушария. Эта долгая ночь объясняется равенством поступательного и вращательного движения Луны вокруг Земли и вокруг собственной оси. Снаряд, войдя в конус тени, отбрасываемой Луной, не мог больше подвергаться действию солнечных лучей, так же как и вся невидимая половина Луны.

Внутри снаряда стоял полный мрак. Путешественники не видели друг друга. У них, естественно, явилось желание рассеять эту удручающую тьму, и как ни опасался Барбикен тратить газ, запасы которого были ограничены, ему все же пришлось прибегнуть к искусственному освещению.

— Проклятое Солнце! — кричал Ардан. — Заставляет нас тратить газ, вместо того чтобы заботиться о нашем даровом освещении.

— Не будем винить Солнце, — возразил Николь. — Виновато не оно, а Луна, которая, как экран, загородила от нас Солнце.

— Неправда, виновато Солнце! — настаивал Мишель.

— Нет Луна! — упорствовал Николь.

Бесполезный спор прекратил Барбикен.

— Друзья мои, — заявил он, — ни Солнце, ни Луна не виноваты. Виноват наш снаряд: вместо того чтобы точно лететь по сообщенному направлению, он уклонился в сторону. А еще справедливее было бы винить злополучный болид, который заставил наш снаряд уклониться от первоначального пути.

— Хорошо! — примирительно сказал Мишель. — Вопрос решен, и теперь, по-моему, нам остается только позавтракать. После целой ночи трудов не грех и подкрепиться.

Предложение Мишеля возражений не встретило, и через несколько минут завтрак был готов. Ели, однако, без аппетита, пили без взаимных здравниц и тостов. У каждого на душе было неспокойно. Непроглядная тьма безвоздушного пространства навевала смутную тревогу. Со всех сторон их окружал столь излюбленный Виктором Гюго "зловещий" мрак.

За завтраком только и было толков, что о долгой ночи в 354 часа, или в 15 суток, которую должны были терпеть, подчиняясь физическим законам, бедные жители Луны. Барбикен объяснил своим друзьям это интересное явление.

— Подумайте, как любопытно, — проговорил Барбикен. — Если каждое из лунных полушарий лишается солнечного света на целых пятнадцать суток, то одно из них, над которым мы проносимся в настоящее время, не может даже пользоваться и светом Земли, хотя она сейчас ярко освещена. Таким образом, если наша Земля и может служить Луной своему спутнику, то только для одной его половины. Если бы перенести те же условия на Землю, если бы Европа, например, никогда не видела Луны, можно представить себе удивление европейца, приехавшего, положим, в Австралию!

— Люди стали бы ездить в Австралию ради того только, чтобы посмотреть на Луну? — спросил Мишель.

— Вот именно, — сказал председатель "Пушечного клуба". — Такое же удивление пережил бы селенит, появившийся с той части Луны, которая противоположна Земле и никогда не видна нашим "землякам"...

— То же самое увидели бы и мы, если бы прибыли сюда во время новолуния, то есть на пятнадцать дней позже, — добавил Николь.

— Зато, — продолжал Барбикен, — природа балует жителей видимой части Луны в ущерб их антиподам. На долю селенитов невидимой части выпали как видите, ночи в триста пятьдесят четыре часа, ночи, темноту которых не прорезает ни один луч. А селениты видимой части Луны, как только Солнце, светившее им пятнадцать суток подряд, скроется за горизонтом, уже видят на противоположной стороне неба блестящее светило — Землю, чей диск в тринадцать раз больше Луны, а следовательно, и света дает в тринадцать раз больше. Свет Земли не поглощается атмосферой. Земля уходит с лунного горизонта только в ту минуту, когда на нем с противоположной стороны появляется Солнце.

— Хорошо сказано! — перебил Мишель. — Немного, пожалуй, академично, но здорово.

— Из этого следует, — продолжал Барбикен, не обращая внимания на шутки Мишеля, — что жить на видимой части лунного диска очень приятно — во время полнолуния видишь Солнце, в новолуние — Землю.

— А мне кажется, — сказал Николь, — что это преимущество теряет всякое значение из-за невыносимой жары, которую вызывают солнечные лучи.

— Это неудобство в равной мере испытывают оба полушария, потому что отраженный свет Земли не дает тепла. Напротив, невидимой стороне Луны приходится больше страдать от зноя, чем видимой. Я говорю это главным образом для вас, Николь, потому что Мишель, вероятно, этого не поймет.

— Благодарю, — расшаркался Мишель.

— Дело в том, — продолжал Барбикен, — что ведь невидимая сторона Луны пользуется солнечным светом и теплом во время новолуния, то есть тогда, когда Луна занимает положение между Солнцем и Землей. В это время Луна сравнительно с тем положением, в каком она бывает во время нашего полнолуния, находится ближе к Солнцу на отрезок, в два раза превышающий ее расстояние от Земли. Это расстояние может быть выражено двумя сотыми расстояния от Солнца до Земли, или в круглых числах это составит двести тысяч лье. Значит, невидимая сторона Луны на двести тысяч лье ближе к Солнцу в то время, когда она освещена его лучами.

— Справедливо, — заметил Николь.

— И наоборот... — продолжал Барбикен.

— Одну минуту, — перебил Мишель своего ученого друга.

— Что такое?

— Я прошу предоставить дальнейшее объяснение мне!

— Это зачем?

— Чтобы доказать, что и я кое-что понял.

— Ну, говори, говори, — улыбаясь, согласился Барбикен.

— Итак, наоборот, — начал Мишель, подражая интонациям и жестам председателя "Пушечного клуба", — когда видимая часть Луны освещена Солнцем, то есть в полнолуние, Земля находится между Луной и Солнцем. Стало быть, расстояние, отделяющее Луну от Солнца, увеличивается круглым счетом на двести тысяч лье, и тепло, получаемое Луной, уже гораздо менее значительно.

— Великолепно! — воскликнул Барбикен. — Знаешь, Мишель, для артиста ты очень сообразителен...

— Подумаешь! — пренебрежительно пожал плечами Мишель. — У нас все такие на Итальянском бульваре!

Барбикен важно пожал руку своему веселому спут-

нику, продолжая перечислять преимущества жителей видимого лунного полушария.

Между прочим, он упомянул о солнечных затмениях, которые происходят только для видимой части Луны, так как при солнечном затмении Луна должна быть непременно в противостоянии. Эти затмения, вызванные противостоянием Земли, Солнца и Луны, могут продолжаться два часа, в течение которых земной шар вследствие преломления солнечных лучей земной атмосферой должен казаться с Луны маленькой черной точкой на Солнце.

— Стало быть, — сказал Николь, — природа поспешила и обездолила одно из лунных полушарий.

— Пожалуй, — ответил Барбикен. — Хотя благодаря известной либрации, некоторому колебанию, покачиванию Луны вокруг своего центра, она обращает к Земле несколько больше половины своего диска. Она слегка похожа на маятник, центр тяжести которого наклонен к земному шару и непрерывно либрирует. Отчего возникает эта либрация? Оттого что вращательное движение Луны вокруг своей оси происходит с одинаковой скоростью, в то время как ее поступательное движение по эллиптической орбите вокруг Земли — неравномерно. В перигее преобладает поступательная скорость, и Луна повертывается к Земле частью своего западного края. В апогее, наоборот, преобладает вращательная скорость Луны, и благодаря этому она поворачивается к Земле большей частью восточного края. Таким образом, каждый раз показывается то с запада, то с востока тоненький серп Луны в восемь градусов. Отсюда получается, что из тысячи частей Луны видимыми оказываются пятьсот шестьдесят девять.

— Все равно, — заметил Мишель, — если нам когда-нибудь придется стать селенитами, то мы поселимся на видимой стороне Луны. Я не могу жить без света!

— Согласен, поселимся, — ответил Николь, — если только атмосфера не сосредоточена именно на невидимой стороне, как уверяют некоторые астрономы.

— Это резонное замечание, — согласился Мишель.

После завтрака путешественники принялись снова за наблюдения. Они погасили свет в снаряде и старались хоть что-нибудь разглядеть сквозь темные окна вагона. Но в окружающем их мраке нельзя было заметить ни одного светлого атома.

Барбикен все снова и снова задумывался над непонятным явлением, каким образом, пройдя на таком близком расстоянии от Луны, — всего в каких-нибудь пятидесяти

километрах, — снаряд все-таки не упал на Луну? Если бы ядро летело с большей скоростью, было бы понятно, что этого падения не произошло. Но при сравнительно небольшой его скорости сопротивление лунному притяжению казалось необъяснимым. Подвергался ли снаряд действию какой-то неведомой силы? Притягивало ли его в эфире какое-нибудь другое небесное тело? Так или иначе, было очевидно, что он не соприкоснется ни с одной точкой лунной поверхности.

Куда летел снаряд? Удалялся ли он от лунного диска, или приближался к нему? Или же в этом глубоком мраке его уносило куда-то в беспредельное неведомое пространство?

Все эти вопросы неотступно волновали Барбикена, но решить их он был не в состоянии. Может быть, невидимое светило находилось всего в нескольких лье, в нескольких милях, но ни он, ни его друзья не могли его видеть. Если какой-нибудь шум и раздавался на поверхности Луны, они этого шума не слышали. Воздуха, проводника звука, не было, чтобы донести до них “стоны” Луны, которую арабские легенды называют “человеком, наполовину окаменевшим, но все еще трепещущим и стонущим о боли”.

Понятно, что все это могло вывести из равновесия самого терпеливого наблюдателя. Наиболее интересное, таинственное, невидимое полушарие было сейчас так же недоступно для их глаз, как и с Земли! Полушарие, которое всего пятнадцать суток тому назад, или пятнадцатью сутками позднее, было или будет с избытком освещено солнечными лучами, теперь терялось в непроглядном мраке. А что станет со снарядом через пятнадцать суток? Куда увлекут его неведомые силы притяжения? Кто мог это сказать!

Астрономы полагают, что невидимое полушарие Луны по своему устройству совершенно сходно с видимым. Действительно, вследствие небольших либраций Луны, о которых рассказал Барбикен, открывается около седьмой части невидимого полушария и на этих участках наблюдаются такие же горы, и равнины, цирки и кратеры, что и на карте видимого полушария. Значит, можно с достоверностью предположить, что и там — та же природа, тот же мир, бесплодный и мертвый. Но что, если атмосфера существует именно на той стороне? Что, если воздух и вода породили жизнь на этих материках? Что, если там еще существует растительность? Что, если благодаря всем этим условиям там живет и человек? Сколько интересных

вопросов можно было бы разрешить, если бы хоть одним глазком взглянуть на невидимое полушарие! Сколько загадок было бы разгадано на основании подобных наблюдений! И какое было бы наслаждение хоть мельком полюбоваться миром, доселе скрытым от человеческих взоров!

Понятно поэтому, какую досаду испытывали наши путешественники, когда вокруг них сгустился глубокий мрак: наблюдение лунного диска было им совершенно недоступно. Одни только созвездия радовали их взоры, и надо заметить, что никогда астрономы, будь то Фэй, Шакорнак или Секки, не находились в столь благоприятных условиях для звездных наблюдений.

Поистине ничто не могло сравниться с великолепием звездного неба. Эти алмазы, как бы вправленные в небесный свод, переливались всеми цветами радуги. Глаз охватывал весь небосклон от Южного Креста до Полярной звезды. Эти созвездия через двенадцать тысяч лет, вследствие колебаний земной оси, должны будут уступить свою роль полярных звезд: первый — Канопусу — в южном полушарии, и вторая — Веге — в северном. Взор терялся в бесконечности вселенной, и снаряд летел, точно новое светило, созданное руками человека. По вполне понятным причинам все созвездия сияли ровным спокойным светом; они не мерцали, потому что здесь не было атмосферы, которая вследствие неодинаковой влажности и плотности слоев воздуха вызывает мерцание звезд. Здесь они сияли, как ясные, кроткие очи, устремленные в глубокий, непроницаемый мрак среди нерушимого безмолвия вселенной.

Путешественники долго не могли оторваться от звездного неба, на котором огромный диск Луны зиял громадной черной впадиной. Но постепенно их восторженное созерцание сменилось мучительным ознобом. От пронизывающего холода стекла окон скоро затянулись изнутри толстым слоем льда. Отвесные лучи Солнца уже не согревали снаряда, который мало-помалу утрачивал скопившуюся в стенках теплоту. Это тепло благодаря излучению быстро рассеивалось в пространстве. Температура в их вагоне сильно понизилась. Вследствие этого влага при соприкосновении со стеклами превращалась в лед, который препятствовал каким бы то ни было наблюдениям.

Николь посмотрел на градусник и обнаружил, что температура упала до семнадцати градусов ниже нуля! Барбикен, несмотря на требования экономии, вынужден был прибегнуть к газу, теперь уже не только для освещения,

но и для отопления снаряда. Холод становился нестерпимым. Путешественникам грозила опасность замерзнуть.

— Ну, мы не можем пожаловаться на однообразие нашего путешествия! — заметил Мишель Ардан. — Какое богатство ощущений — хотя бы в смысле температуры! То нас ослепляет яркий свет, и мы задыхаемся от невыносимой жары, как индейцы в пампасах, то погружаемся в непроницаемый мрак и дрожим от стужи, точно эскимосы! Жаловаться не приходится. Природа, можно сказать, на совесть заботится о наших развлечениях.

— А какова наружная температура? — спросил Николь у Барбикена.

— Та же, что и всегда в межпланетном пространстве, — ответил Барбикен.

— Значит, теперь как раз время произвести опыт, который мы не могли проделать при солнечном освещении, — сказал Ардан.

— Ты прав, теперь или никогда, — ответил Барбикен, — именно сейчас мы находимся в таком положении, что можем с большой точностью измерить температуру межпланетного пространства и проверить вычисления Фурье или Пуйэ.

— Во всяком случае, холод собачий, — заметил Мишель. — Смотрите, как влага осаждается на стеклах окон. Если понижение температуры будет продолжаться, нас скоро засыплет снегом от собственного нашего дыхания.

— Приготовьте термометр! — сказал Барбикен.

Понятно, что обыкновенный термометр не дал бы никаких показаний при столь исключительных обстоятельствах. Ртуть замерзла бы в трубке градусника, так как остается в жидком состоянии только до сорока двух градусов ниже нуля. Но Барбикен запасся прибором системы Уолфердина, который мог показывать чрезвычайно низкие температуры.

Прежде чем пустить в дело этот прибор, его надо было проверить при помощи обычного градусника и затем приступить к измерению наружной температуры.

— Как же это сделать? — спросил Николь.

— Нет ничего легче, — ответил Ардан, которого не смущали никакие затруднения. — Мы быстро отворим окно, выбросим наружу прибор, и он послушно полетит за нами, а через четверть часа мы его достанем...

— Чем? Рукой? — спросил Барбикен.

— Рукой, — ответил Мишель.

— Ну, мой друг, не советую тебе это делать: твоя

рука на этом страшном морозе тотчас же превратится в бесформенную ледышку.

— Да что ты!

— Ты почувствуешь жестокий ожог, как от прикосновения к раскаленному добела железу, — ведь наше тело одинаково реагирует на сильный холод и на сильный жар. К тому же я не уверен в том, что выброшенные нами предметы все еще следуют за нами.

— Почему же? — спросил Николь.

— Да потому, что если мы летим в лунной атмосфере, как бы ни была она разрежена, эти предметы должны от нас постепенно отставать. Темнота мешает нам удостовериться в их присутствии; поэтому, чтобы не рисковать термометром, привяжем его, тогда его легко будет втянуть обратно в снаряд.

Совет Барбикена был принят.

Окно быстро приотворили, и Николь кинул термометр, прикрепленный на короткой веревке.

Иллюминатор приоткрыли всего на одну секунду, на этой секунды было достаточно, чтобы в снаряд хлынул жесточайший мороз.

— Тысяча чертей! — воскликнул Мишель Ардан. — На таком морозе замерзли бы даже белые медведи!

Барбикен оставил термометр снаружи на полчаса; этого было более чем достаточно, чтобы прибор показал температуру окружающего снаряд пространства. Затем термометр быстро втянули обратно в кабину.

Барбикен вычислил количество ртути, перелившееся в маленькую ампулу, припаянную к внутренней части прибора и сказал:

— Пуйэ оказался прав в своем споре с Фурье. Сто сорок градусов Цельсия ниже нуля.

Такова ужасающая температура небесного пространства! Такова, может статься, и температура лунных материков, когда ночное светило вследствие излучения теряет всю теплоту, скопившуюся в нем в течение пятнадцатисуточного лунного "дня".

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Гипербола или парабола?

Многим, может быть, покажется удивительным, что Барбикен и его спутники так мало заботились о том, какую судьбу готовила им металлическая тюрьма, уносив-

шая их в бесконечность эфирных пространств. Вместо того чтобы поинтересоваться собственной участью, они проводили время за различными опытами, словно сидели в рабочих кабинетах какой-нибудь обсерватории.

На это можно было бы ответить, что люди такой закалки, как они, стоят выше повседневных забот и что у них есть занятия и цели поважнее собственной жизни.

Но главная причина в том, что они и не могли бы управлять снарядом, не могли ни остановить его полета, ни изменить его направления.

Моряк управляет рулем своего корабля; воздухоплаватель может регулировать по вертикали движение воздушного шара. Они же никакими средствами не могли воздействовать на свой экипаж. Управлять им было невозможно. Поэтому они и не проявляли бесполезного волнения и беспокойства и целиком положились, как говорят моряки, на "волю стихии".

Где находились они в данную минуту — в восемь часов утра того дня, который на Земле считается 6 декабря? На это можно было ответить, что находились они, несомненно, в соседстве с Луной и даже довольно близко от нее — так близко, что она представлялась им громадным черным кругом на небе. Но вычислить расстояние до Луны было немыслимо.

Снаряд, движимый неведомой силой, пронесся на расстоянии пятидесяти километров над северным полюсом Луны. Вот уже два часа, как они вошли в конус тени, и нельзя было установить, увеличилось ли это расстояние, или сократилось. Чтобы определить скорость и направление снаряда, у них не было никакой отправной точки. Может быть, он удалился от Луны и скоро должен был выйти из полной тени; а может быть, напротив, они значительно приблизились к Луне и могли бы налететь на какой-нибудь высокий пик невидимого лунного полушария, что, разумеется, прекратило бы их дальнейшее странствие к великому огорчению путешественников.

По этому поводу возник спор, и Мишель Ардан, всегда готовый дать любое объяснение, высказал мысль, что снаряд под влиянием лунного притяжения упадет, наконец, на Луну, как падает аэролит на поверхность земного шара.

— Прежде всего далеко не все аэролиты падают на Землю, — возразил Барбикен, — а только очень немногие. Так что даже если мы и окажемся в положении аэролита,

это еще вовсе не значит, что мы непременно упадем на Луну.

— Но раз мы так близко от нее...

— Заблуждение, — отрезал Барбикен. — Разве ты никогда не видел “падающих звезд”, которые в иные месяцы тысячами исчерчивают все небо?

— Ну, конечно, видел.

— Так вот эти звезды, или, вернее, небольшие небесные тела, светятся только благодаря тому, что сильно раскаляются, проходя через атмосферные слои. А раз они пересекают атмосферу, значит они не дальше шестнадцати миль от Земли и, однако же, очень редко падают на ее поверхность. То же применимо и к нашему снаряду. Несмотря на большую близость к Луне, он может все-таки не упасть на нее.

— А тогда меня интересует, как же поведет себя в пространстве наш блуждающий вагон? — допытывался Мишель.

— Как мне кажется, на этот вопрос могут быть два ответа, — сказал Барбикен после минутного размышления.

— Какие же?

— Снаряду предстоит выбор между двумя математическими кривыми, и оно последует по той или по другой, в зависимости от скорости своего движения, которую я еще не могу определить.

— Ну, разумеется, — сказал Николь, — он может пойти либо по параболе, либо по гиперболе.

— Верно, ответил Барбикен.— При одной скорости он пойдет по параболе, при другой, более значительной, — по гиперболе.

— Люблю громкие слова! — воскликнул Мишель Ардан. — Стоит их только услышать, как все тотчас же становится ясно. Что же такое парабола, позвольте вас спросить?

— Парабола, друг мой, — ответил Николь, — это незамкнутая кривая линии второго порядка, получающаяся от сечения конуса плоскостью, параллельной одной из его образующих.

— А, вот оно что? — произнес Мишель с притворным удовлетворением.

— Это, примерно, траектория бомбы, выпущенной мортирой, — пояснил Николь.

— Отлично. А гипербола? — спросил Мишель.

— Гипербола — тоже незамкнутая кривая второго порядка, образуемая сечением конуса плоскостью, парал-

лельной его оси. Она состоит из двух ветвей, уходящих в бесконечность.

— Скажите на милость, — воскликнул Ардан самым серьезным тоном, словно ему сообщили о каком-то необычайном происшествии. — А теперь, капитан Николь, заметил следующее: в твоей гипер...боле, я хотел сказать — гипер...бол...товне, мне больше всего нравится то, что она столь же непонятна, как и твое объяснение.

Николь и Барбикен мало обращали внимания на шутки Ардана. Они пустились в научный спор. Их больше всего волновал вопрос, по какой кривой полетит ядро. Один стоял за гиперболу, другой за параболу. Они разговаривали чистейшими формулами с бесконечным количеством иксов. Доказательства излагались таким языком, что Мишель выходил из себя. Спор действительно был горячий, и ни один из споривших, казалось, не желал уступать противнику облюбованную им кривую.

Ученый спор затянулся настолько, что Мишель потерял, наконец, всякое терпение.

— Хватит с вас, господа косинусы! — сказал он. — Перестанете ли вы, наконец, швыряться своими параболлами и гиперболами? В этом деле меня интересует только одно: ну, положим, наше ядро полетит по той или другой кривой. Куда же нас приведут эти кривые?

— Никуда, — ответил Николь.

— То есть как никуда?

— Разумеется, никуда, — сказал Барбикен. — Ведь это же незамкнутые кривые: ветви их уходят в бесконечность.

— Уж эти мне ученые! — вскричал Мишель. — Обожаю ученых! Да какое нам дело, полетит ли снаряд по параболе или по гиперболе, раз и та и другая занесут нас в бесконечное пространство?

Барбикен и Николь не могли удержаться от улыбки. Они действительно занимались "искусством для искусства". Никогда еще более бесполезный спор не происходил в столь мало подходящих условиях. Мрачная истина заключалась в том, что, независимо от того, полетит ли снаряд по параболе или по гиперболе, путешественники уже никогда не попадут ни на Луну, ни на Землю.

Что же могло ожидать отважных друзей в самом недалеком будущем? Если им и не придется умереть от голода или от жажды, если они не замерзнут от нестерпимого холода, то через несколько дней, когда будет из-

расходован весь газ, они неминуемо погибнут от недостатка воздуха.

Как ни старались друзья экономить газ, его все же приходилось тратить из-за невероятного понижения окружающей температуры. Они могли еще кое-как обходиться без света, но тепло им было жизненно необходимо. К счастью аппарат Рейзе и Реньо был весьма экономичным, и для поддержания температуры в снаряде на необходимом уровне не требовалось большого расхода газа.

Наблюдение через окна стало затруднительным, потому что влага в снаряде осаждалась на оконных стеклах и быстро превращалась в лед. Стекла приходилось то и дело протирать. Тем не менее друзьям все же удалось сделать некоторые очень интересные наблюдения.

В самом деле, если на невидимой стороне Луны есть атмосфера, то падающие звезды, проходя через нее, должны загораться. Если бы снаряд летел сквозь воздушные слои, то можно было бы уловить какой-нибудь звук, распространяемый лунным эхом, — раскаты грома, грохот падающих лавин или взрывы действующего вулкана. Если бы какой-нибудь кратер извергал пламя, можно было заметить его свет. Все подобные явления, тщательно проверенные наблюдениями, значительно облегчили бы решение проблемы лунной природы. Барбикен и Николь, поместившись у окна, с неистощимым терпением астрономов взглядывались в пространство.

Но диск Луны оставался по-прежнему нем и мрачен. Он не отвечал ни на один из вопросов пылких исследователей. Это вызвало довольно верное замечание Мишеля:

— Если мы снова когда-нибудь пустимся в такое же путешествие, мы взлетим в период новолуния.

— Ты прав, — ответил Николь, — при новолунии мы имели бы некоторые преимущества. Луна, померкшая в солнечном сиянии, была бы, конечно, невидимой в течение всего пути, но зато мы видели бы "полную" Землю. Кроме того, если бы нам опять пришлось так же облететь Луну с обеих сторон, как сейчас, невидимое ее полушарие было бы полностью освещено.

— Хорошо сказано, Николь. А ты что думаешь об этом, Барбикен? — спросил Мишель Ардан председателя.

— Вот что я думаю, — серьезно ответил председатель "Пушечного клуба". — Если мы когда-нибудь снова отправимся в подобное же путешествие, то мы вылетим именно в то же самое время и при тех же самых условиях, что и в этот раз. Предположите, что нам удалось бы

достигнуть цели, — тогда, бесспорно, лучше было бы высадиться на материке, освещенном ярким светом, чем очутиться в полушарии, погруженном в непроницаемую темноту. Ясно, что тогда наш первый бивуак на Луне нам удалось бы устроить в более выгодных условиях. Невидимую же сторону Луны мы посетили бы во время наших исследовательских экскурсий по лунному шару. Значит, мы правильно выбрали период полнолуния. Но прежде всего надо было достигнуть цели и предотвратить отклонения.

— На это нечего возразить, — сказал Мишель Ардан. — Что ни говори, а мы упустили заманчивую возможность осмотреть другую сторону Луны. Кто знает, может статься, что обитатели других планет знают гораздо больше о своих спутниках, чем наши ученые о спутнике Земли.

На это замечание Мишеля Ардана можно дать следующий ответ: действительно, некоторых спутников изучить легче благодаря их большей близости к своей планете. Обитатели Сатурна, Юпитера и Урана, если они только существуют, могут без труда установить связь со своими лунами. Четыре спутника Юпитера обращаются вокруг него на расстоянии в 108 260, 172 200, 274 700 и 480 130 лье. Эти расстояния вычислены от центра Юпитера, а за вычетом длины его радиуса, составляющей от 17 до 18 тысяч лье, мы увидим, что первый спутник Юпитера ближе к его поверхности, чем Луна — к поверхности Земли. Из восьми спутников Сатурна четыре — также ближе к своей планете: Диона — находится в 84 600 лье от Сатурна, Тэфия — в 62 966 лье, Энцелад — в 48 191 лье и, наконец, Мимас — в среднем всего лишь в 34 500 лье. Из восьми спутников Урана, первый — Ариель — находится всего лишь в 51 520 лье от своей планеты.

Таким образом, на поверхности этих трех планет наблюдения, задуманные Барбикеном на Луне, представили бы значительно меньшие трудности. И если бы обитатели этих планет отважились на такое же путешествие, как и наши друзья, им бы, возможно, и удалось исследовать невидимые полушария своих спутников.

Но если они никогда не покидали своей планеты, они знают о своих спутниках не больше, чем астрономы Земли.

Снаряд между тем описывал во мраке траекторию, для определения которой не имелось никаких данных. Барбикен никак не мог установить, изменилось ли направление ядра под влиянием лунного притяжения или под воздействием какого-то неизвестного небесного тела. Однако в

положении снаряда произошла явная перемена, в чем Барбикен убедился около четырех часов утра.

Перемена состояла в том, что ядро повернулось к поверхности Луны и таким образом встало перпендикулярно к ее оси. Это изменение было, несомненно, вызвано притяжением, то есть силой тяжести. Самая тяжелая часть снаряда, его дно, стала склоняться к невидимому диску, как бы падая на него.

Может быть, снаряд все-таки упадет на Луну? Может быть, путешественникам удастся достичь желанной цели? Увы, нет. На основании одного, правда не вполне объяснимого факта Барбикен понял, что снаряд не приближается к Луне, а движется вокруг нее по более или менее концентрической кривой.

Таким фактом явилось какое-то странное сияние, замеченное Николем на горизонте темного диска. Это зарево никак нельзя было принять за свет какой-нибудь восходящей звезды. Красноватое сияние постепенно усиливалось и расширялось; это, несомненно, доказывало, что снаряд не падает на Луну, а приближается к светящемуся пятну.

— Вулкан! — крикнул Николь. — Действующий вулкан! Извержение лунного вулкана! Значит, Луна еще не вполне остыла!...

— Да, это извержение, — подтвердил Барбикен, тщательно наблюдавший сияние в зрительную трубу. — Это может быть только вулкан!

— Но ведь для поддержания такого горения необходим воздух! — заметил Ардан. — Значит, эта часть Луны окружена атмосферой.

— Очень возможно, — ответил Барбикен. — Но необязательно. В вулкане благодаря распаду некоторых веществ образуется кислород, который и питает пламя, извергаемое в безвоздушное пространство. Мне даже кажется, что наблюдаемое нами пламя отличается именно той яркостью и силой, какие характерны для горения в чистом кислороде. А потому рано еще утверждать наличие лунной атмосферы.

Огнедышащая гора была расположена приблизительно на 45 градусе южной широты невидимого лунного диска. Но, к величайшему огорчению Барбикена, кривая, описываемая снарядом, увлекла их далеко в сторону от зарева извержения; поэтому путешественники и не смогли точнее установить причину виденного ими сияния. Не прошло и получаса с момента появления зарева, как оно скрылось

за темным горизонтом. Изучение этого вулкана имело бы огромное значение для селенографии! Оно доказало бы, что недра лунного шара еще не охладились. А там, где сохранилось тепло, могла сохраниться и растительность и даже животный мир, несмотря на действие разрушительных стихий. Существование действующего вулкана, точно установленное земными учеными, породило бы, без сомнения, немало теорий в пользу обитаемости Луны.

Барбикен задумался. Ему не давала покоя таинственная загадка земного спутника. Он пытался сопоставить свои отдельные наблюдения, как вдруг новая неожиданная встреча внезапно вернула его к действительности.

Это новое космическое явление представляло не только научный интерес, но и угрожало смертельной опасностью отважным путешественникам.

Внезапно в глубочайшем мраке окружающего их эфира появилась какая-то огромная масса, похожая на Луну, но Луну, сверкающую так ярко и нестерпимо, что ее свет резко пронизывал глубокий мрак неба. Эта масса шарообразной формы излучала такое сильное сияние, что снаряд был затоплен ее светом. Лица Барбикена, Николя и Мишеля Ардана, резко освещенные потоками этого ослепительного белого света, казались белесыми, безжизненными, призрачными. Подобный эффект дает искусственный свет горящего спирта с примесью некоторых солей.

— Черт возьми! — вскричал Мишель. — На нас просто страшно взглянуть! Это еще что за новая Луна!

— Это болид, — ответил Барбикен.

— Болид, горящий в пустоте?

— Да.

Появившийся в небе огненный шар был действительно болидом. Барбикен не ошибся. Свет этих космических метеоров, наблюдаемых с Земли, кажется обычно несколько слабее лунного. Но здесь, среди окружающего глубокого мрака, метеор слепил глаза. Источник горения блуждающих небесных тел заключен в них самих. Они не нуждаются в воздушном окружении. Некоторые болиды проходят через атмосферные слои в двух-трех лье от Земли, другие, напротив, описывают свою траекторию на такой высоте, где атмосферы уже нет. Таковы болиды, появившиеся — один 27 октября 1844 года на высоте в 128 лье, другой — 18 августа 1841 года, промелькнувший на расстоянии 182 лье от Земли. Некоторые метеоры диаметром от трех до четырех километров обладают скоростью, до-

стигающей 75 километров в секунду, двигаясь в направлении, обратном движению Земли.

По приблизительным расчетам Барбикена летящий шар, внезапно появившийся из темноты в ста лье от снаряда, должен был достигать двух тысяч метров в диаметре. Шар приближался со скоростью двух километров в секунду, или тридцати лье в минуту. Он летел наперерез снаряду и через несколько минут должен был неминуемо с ним столкнуться. По мере приближения болид непрерывно увеличивался.

Трудно вообразить и невозможно описать чувства наших путешественников. Несмотря на их мужество, хладнокровие, на презрение к опасности, они стояли безмолвные, неподвижные, оцепенев от ужаса. Каждый нерв, каждый мускул их был напряжен до предела. Снаряд, которым они не могли управлять, летел напрямик на эту пылающую массу, раскаленную, как разверстое жерло печи. Казалось, что снаряд низвергается в огненную бездну.

Барбикен схватил за руки друзей, и все трое, полузакрыв глаза, вперились в добела раскаленный астероид. Если при этом рассудок их еще был в состоянии работать, если они еще не утратили способности мыслить, они, конечно, должны были понимать, что несутся к неотвратимой гибели!

Две минуты, прошедшие с момента появления болида, показались им двумя веками смертельного ужаса! Снаряд должен был с минуты на минуту столкнуться с болидом. Вдруг огненный шар, как бомба, разорвался на их глазах, но при этом совершенно беззвучно. Никакого звука, возникающего в результате воздушных колебаний, в окружавшей их пустоте произойти не могло.

На крик Николая друзья бросились к окнам. Какое зрелище! Чье перо, чья кисть смогли бы описать все богатство красок развернувшейся перед ними картины!

Ее можно было сравнить с жерлом разверзшегося кратера или с грандиозным пожаром. Тысячи светящихся осколков всех размеров, всех цветов, всех оттенков пересекали и освещали пространство. Перед глазами друзей словно развернулся гигантский многоцветный сверкающий веер всех цветов радуги — желтого, оранжевого, красного, зеленого, серого. От страшного колоссального шара остались только разлетевшиеся по всем направлениям осколки, в свою очередь превратившиеся в мелкие астероиды. Некоторые из них сверкали как сталь, другие были окружены

беловатым облачком; за иными тянулся светящийся хвост космической пыли.

Горящие осколки скрещивались, сталкивались, дробились на более мелкие части. Некоторые из них ударялись о стенки ядра. Левый иллюминатор снаряда даже треснул от сильного удара одного из таких осколков. Снаряд, казалось, попал под дождь гранат, и каждая из них могла в одно мгновение превратить его в ничто.

Астероиды излучали во всех направлениях ослепительный свет, которым было пронизано все видимое пространство. В тот миг, когда этот свет стал нестерпимо ярким, Мишель привлек к своему окну Барбикена и Николая.

— Наконец-то невидимая Луна стала видимой! — воскликнул он.

И в течение нескольких мгновений трое друзей благодаря ослепительному потоку света ясно разглядели таинственный диск, который впервые предстал человеческому взору.

Что же различили они на расстоянии, которое невозможно было определить? Диск был окутан удлинёнными полосами, похожими на облака, образовавшимися в сильно разреженной атмосфере. Сквозь эти облака просвечивали не только горы, но и все мелкие неровности рельефа, пики, цирки, разверстые и причудливо разбросанные кратеры, такие же, как и на видимом полушарии Луны. Затем виднелись огромные пространства, но уже не бесплодных низин, а настоящих морей, многочисленных океанов, отражавших в зеркале своих вод сказочный ослепительный фейерверк, горевший над ними в эфире. И, наконец, на поверхности материков выступали обширные темные пятна, напоминавшие гигантские леса, освещенные на мгновения ослепительной молнией.

Был ли это мираж, иллюзия, оптический обман? Можно ли было эту, на мгновение приоткрывшуюся картину научно обосновать? И, наконец, давало ли такое поверхностное и мгновенное наблюдение невидимого диска право сделать вывод о его обитаемости?

Тем временем грандиозный фейерверк постепенно потухал; отблески его мало-помалу меркли; астероиды разлетелись в разных направлениях и скрылись в беспредельном пространстве. Вселенная вновь погрузилась во мрак; ненадолго померкшие звезды засияли на небе, и на мгновение осветившийся лунный диск снова канул в непроницаемую ночь.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Южное полушарие.

Неожиданная катастрофа, только что угрожавшая снаряду, миновала. Кто бы мог представить возможность таких встреч с болидами? Блуждающие тела угрожали нашим путешественникам самыми серьезными опасностями. Оказалось, что море эфира изобиловало подводными рифами, между которыми они не имели возможности лавировать, как моряки. Но наши исследователи вселенной и не думали жаловаться! Нет. Они были вознаграждены за все свои испытания величественным зрелищем грандиозного взрыва космического метеора, несравненным фейерверком, картиной, которой не мог бы передать никакой Руджиери. Им удалось хотя бы на несколько секунд заглянуть в тайну невидимой части Луны. Они увидели в этом мгновенном проблеске материки, моря, леса. Стало быть, атмосфера на этой части Луны содержала в себе какие-то животворные молекулы? Все это были неразрешимые вопросы, издавна занимавшие любознательное человечество!

Было половина четвертого пополудни. Снаряд летел по кривой вокруг Луны. Не изменилась ли еще раз его траектория благодаря встрече с метеором? Этого следовало опасаться. Ядро, однако, должно было описывать кривую, строго предопределенную законами механики. Барбикен склонялся к тому, что эта кривая — парабола, а не гипербола. Но, допустив это предположение, надо было ожидать, что снаряд скоро выйдет из конуса тени, отбрасываемой в сторону противоположную Солнцу. Этот конус действительно очень узок, так как угловой диаметр Луны неизмеримо мал по сравнению с диаметром нашего дневного светила. Тем не менее до сих пор снаряд все еще находился в глубокой тени. По-видимому, он продолжал лететь с довольно значительной скоростью, но какова бы она ни была, она продолжала убывать. Это представлялось очевидным. Между тем, в случае движения снаряда по параболе, этого не должно было происходить. Перед Барбикеном, терявшимся в заколдованном круге непонятных ему явлений, вставала новая проблема.

Никто из путешественников и не думал об отдыхе. Все подстерегали какое-нибудь новое явление, которое смогло бы пролить свет на их астрономические исследования. Около пяти часов пополудни Мишель Ардан вместо обеда угостил своих друзей несколькими кусками холод-

ного мяса и хлеба. Путешественники подкрепились, не отходя от окон, стекла которых беспрестанно покрывались ледяной корой.

Без четверти шесть вечера Николь, вооруженный зрительной трубой, заметил на южной оконечности Луны в направлении движения снаряда несколько сверкающих точек, которые резко выделялись на темном фоне неба. Эти точки были похожи на ряд остrokонечных вершин, профиль которых обозначался прерывистой светящейся линией. Они светились довольно ярко. То же самое наблюдается и с Земли, когда Луна находится в начале первой или в конце последней четверти.

Сомнений быть не могло. Это был не метеор — светящийся гребень не обладал ни цветом его, ни его подвижностью. Это не походило также на извержение вулкана. У Барбикена на этот счет не оставалось никаких сомнений.

— Солнце! — сказал он.

— Что? — в один голос спросили Николь и Мишель Ардан. — Солнце?

— Да, друзья мои, это само Солнце, которое с противоположной стороны освещает вершины гор, расположенных на южном полюсе Луны. Мы, очевидно, приближаемся к южному полюсу!

— Перемахнув через северный! — воскликнул Мишель Ардан. — Вот так ловко! Стало быть, мы облетели вокруг нашего спутника!

— Именно так, дружище Мишель.

— Значит, нам не страшны ни гиперболы, ни параболы, никакие другие незамкнутые кривые?

— Нет, но зато нам приходится опасаться замкнутой кривой.

— А как она называется?

— Эллипсом. Очень возможно, что снаряд, вместо того чтобы потеряться в межпланетных пространствах, будет описывать эллиптическую орбиту вокруг Луны.

— Вот тебе на!

— И следовательно станет ее спутником!

— Луной Луны! — воскликнул Мишель Ардан в восторге.

— Только позволь тебе заметить, милый друг, — добавил Барбикен, — что легче нам от этого не будет. Мы все равно погибнем.

— Но зато другим манером. Последний способ все же забавнее, — ответил беззаботный француз.

Барбикен был прав. Снаряд, описывая эллиптическую орбиту, должен был, очевидно, вечно обращаться вокруг Луны в качестве ее спутника.

В солнечной системе появилось новое небесное светило, микрокосм, населенный тремя обитателями, которым скоро предстояло задохнуться из-за отсутствия воздуха. Барбикен не видел ничего утешительного в этом новом положении снаряда, вступившего в сферу действия центробежных и центростремительных сил. Значит, его спутники и он сам снова увидят освещенное полушарие Луны. Может быть, они еще будут живы, когда перед ними в последний раз мелькнет освещенная Солнцем Земля! Может быть, они будут в состоянии сказать последнее прощание земному шару, на который им уже не суждено вернуться! А затем снаряд превратится в погасшую мертвую массу, похожую на безжизненные астероиды. Путешественники утешались только тем, что оставляют, наконец, непроглядную тьму и возвращаются в области, залитые солнечным светом.

Между тем горы, замеченные Барбикеном, все яснее обозначались на темной поверхности Луны. Это были Дерфель и Лейбниц, вздымающиеся возле южного полюса Луны.

Все горы видимого полушария измерены совершенно точно. Это может показаться невероятным, однако же нельзя сомневаться в правильности гипсометрических показаний. Можно даже утверждать, что высота лунных и земных гор установлена с одинаковой точностью.

Способ определения высоты, применяемый чаще всего, состоит в измерении тени, отбрасываемой горой с учетом высоты Солнца над горизонтом в момент измерения. Эти несложные измерения производятся посредством телескопа, снабженного сеткой с двумя параллельными нитями. При этом, конечно, предполагается, что в точности известен действительный диаметр лунного диска. Тот же метод позволяет измерять и глубину лунных кратеров и впадин. Этим методом пользовался Галилей; позднее его с большим успехом применяли Бэр и Мэдлер.

Другой метод, называемый методом тангенциальных лучей, также применим для измерения лунного рельефа. Им пользуются в те периоды, когда горные вершины образуют на темной части диска на границе с освещенной его частью светящиеся точки. Эти светящиеся точки представляют собой горные вершины, освещенные лучами солнца, проходящими выше лучей, определяющих границу

между освещенной и теневой частями лунной поверхности. Измерение темного промежутка между светящимися точками и ближайшей освещенной частью лунной поверхности позволяет точно определить высоту этих освещенных гор. Понятно, конечно, что такой метод измерения может быть применен только к горам, находящимся у границы света и тени.

Третий метод заключается в измерении профиля лунных гор при помощи микрометра; такой метод применим только к высотам, находящимся у самого края полушария. Естественно, что при всех способах — измерении теней, или промежутков между светящимися вершинами и границей тени, или, наконец, профиля гор — изучение рельефа может быть выполнено только при условии, если солнечные лучи по отношению к наблюдателю косо падают на Луну. Когда же солнечные лучи падают отвесно, то есть в полнолуние, все тени исчезают и наблюдение становится невозможным.

Галилей, который первым обнаружил существование лунных гор, определял их высоты, измеряя длину теней. Как уже говорилось он вычислил, что высота лунных гор достигает в среднем 4500 туазов. Гевелий приводит значительно меньшие цифры, а Риччиоли опять-таки дает цифры вдвое большие. Гершель, пользуясь усовершенствованными приборами, подошел гораздо ближе к гипсометрическим данным. Истинные же величины следует искать в трудах современных астрономов.

Бэр и Мэдлер, самые выдающиеся современные астрономы, провели измерение 1095 лунных гор. По их вычислениям выходит, что шесть вершин достигают высоты более 5800 метров, 22 горы — более 4800 метров. Самая высокая вершина на Луне имеет 7603 метра. Таким образом, лунные горы ниже земных, высота которых превышает их на 500-600 туазов. Однако здесь надо сделать одно замечание. Если эти горы сравнить с соответствующим объемом обоих светил, то лунные горы окажутся относительно выше земных. Первые составляют одну четверта семидесятую часть лунного диаметра, а вторые — всего только тысяча четверта сороковую часть диаметра Земли. Для того чтобы земная гора достигла относительных размеров лунной горы, высота ее должна иметь над уровнем моря около шести с половиной лье, между тем как самая высокая земная гора не имеет и девяти километров.

Итак, если воспользоваться методом сравнения, то Ги-

малайская горная цепь на Земле насчитывает три вершины, превышающие лунные: Эверест — высотой 8837 метров, Кинчинджунга — высотой 8588 метров и Даулагири — высотой 8187 метров. Лунные горы Дерфель и Лейбниц имеют высоту, равную Джевагиру в той же Гималайской цепи, то есть высота их достигает 7603 метров. Ньютон, Казат, Куртий, Шорт, Тихо, Клавий, Бланкан, Эндимион, главные вершины лунного Кавказа и Апеннин, выше Монблана, достигающего 4810 метров. Монблану равняются по высоте — Моэр, Теофил, Катарния; горе Монте-Роза — высотой 4636 метров — равны горы Пикколомини, Вернер, Гарпалус; горе Сервен — высотой 4522 метра — горы Макроб, Эратосфен, Альбатеск, Даламер; Тенерифскому пику — высотой 3710 метров — горы Бэкон, Сизат, Филолай и Альпийские вершины. Вершины Мон-Пердю Пиренеев — высотой 3351 метр — равны горам Ремер и Богуславского; Этне — 3237 метров — равны Геркулес, Атлант, Фурнерий.

Таковы цифры, позволяющие представить себе высоту лунных гор. Траектория снаряда как раз проходила над самой гористой областью южного полушария, где возвышались наиболее великолепные образцы лунной орографии.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Гора Тихо.

В шесть часов вечера снаряд проносился над южным полюсом на расстоянии менее шестидесяти километров от Луны. На таком же именно расстоянии он обогнул и северный полюс. Следовательно, он двигался точно по эллиптической орбите.

Путешественники опять вступили в животворный поток солнечных лучей. Они снова увидели звезды, медленно совершавшие свой путь с востока на запад.

Появление лучезарного светила они встретили троекратным "ура". Вместе со светом Солнце посылало тепло, которое скоро проникло внутрь сквозь металлические стенки снаряда. Стекла на окнах вновь стали прозрачными, — затянувший их слой льда исчез как по волшебству. Газ ради экономии тотчас же потушили. И только кислородный прибор должен был по-прежнему расходовать обычное количество газа.

— Ах, как хорошо, как тепло! — радовался Николь. —

С каким же нетерпением должны ждать селениты появления дневного светила после такой долгой ночи!

— Еще бы, — ответил Ардан, упиваясь солнечным светом и теплом, — тепло и свет — вот и все, что нужно для жизни!

В эту минуту дно снаряда несколько отклонилось от лунной поверхности, описывая, по-видимому, довольно вытянутый эллипс. Будь Земля “полной”, путешественники уже могли бы ее увидеть. Но Земля, потонувшая в солнечных лучах, все еще оставалась невидимой. Взоры друзей привлекло другое зрелище: картина южной части Луны, которую подзорные трубы приближали к ним на расстояние не более одной восьмой лье. Они не отходили от иллюминаторов и отмечали все особенности любопытного материка.

Горы Дерфель и Лейбниц образуют две отдельные группы, лежащие почти у самого южного полюса.

Первая группа гор тянется от полюса до 84 параллели, на восточной части Луны; вторая, примыкающая к восточной границе, идет к полюсу от 75 градуса южной широты.

Гребни этих причудливо изогнутых гор казались покрытыми ослепительными снегами, что было впервые замечено известным астрономом отцом Секки. Барбикен мог установить это с большей достоверностью, чем знаменитый римский астроном.

— Это снега! — воскликнул Барбикен.

— Снега? — удивился Николь.

— Да, да, Николь, это снег, поверхность которого оледенела на большую глубину. Поглядите, как она отражает солнечные лучи. Остывшая лава не могла бы светиться так ослепительно. Значит, на Луне есть вода, есть воздух. Пусть в ничтожном количестве, но есть. Теперь уже нельзя этого отрицать.

Действительно, сомневаться в этом не приходилось. И если Барбикену доведется когда-нибудь вернуться на Землю, его путевые заметки окажутся существенным вкладом в науку о Луне.

Горы Дерфель и Лейбниц возвышались среди небольшой равнины, окаймленной грядой цирков и кольцевых возвышенностей. Эти горные цепи — единственные, встречающиеся в этих областях. Не слишком протяженные, они вздымают ввысь там и сям несколько пиков, из которых наиболее высокий достигает 7603 метров.

Снаряд летел над этими возвышенностями, рельеф которых расплывался в ослепительном сиянии лунного диска.

Перед глазами путешественников разворачивались лунные пейзажи, с четкими очертаниями, без цветовых оттенков, без светотени, с резкими контрастами белого и черного цветов, что вызывалось отсутствием рассеянного света.

Путешественники проносились над этой хаотической страной, словно подхваченные дуновением урагана; под ними мелькали вершины, впадины, ущелья; они впивались глазами во все трещины, в каждое таинственное углубление, следя за каждым его изгибом или уступом. Но нигде не обнаруживалось ни малейшего признака растительности, ни следа жилья, — ничего, кроме напластований застывшей, отполированной поверхности изверженных пород, с невыносимым блеском отражавших солнечные лучи. Здесь не было ничего живого; то было царство смерти, где лавины, низвергаясь с горных вершин, бесшумно исчезают в бездонных пропастях. Движение здесь было, но звук отсутствовал.

Путем повторных наблюдений Барбикен установил, что края лунного диска, несмотря на то, что они подвергались действию иных сил, чем в центральных областях Луны, отличались столь же однообразной структурой. То же скопление цирков, те же возвышенности и холмы. Однако были основания предполагать обратное. В центре еще не вполне затвердевшая поверхность Луны должна была подвергаться двойному воздействию притяжений Луны и Земли, развившемуся по радиусу, продолженному от одной планеты к другой. По краям же диска притяжение было, так сказать, перпендикулярно притяжению Земли. Поэтому естественно было бы предположить, что рельеф лунной коры под влиянием столь различных условий должен был принять иную форму. Это предположение, однако, не оправдалось. Стало быть, образование и формирование поверхности Луны происходило только под влиянием скрытых сил, заключенных в самой Луне. Никаких посторонних воздействий она не претерпела. Это подтверждало интересную гипотезу Араго, гласившую: "Никакое внешнее воздействие не принимало участия в образовании лунного рельефа".

Как бы там ни было, в своем нынешнем состоянии этот мир казался символом смерти, причем даже не представлялось возможным сказать, была ли на нем хоть когда-нибудь жизнь.

Ардану почудились, однако, какие-то груды развалин, на что он обратил внимание Барбикена. Это было при-

мерно на восьмидесятой параллели и на тридцатом градусе долготы. Нагромождение камней, довольно правильно расположенных, имело вид огромной крепости, возвышавшейся над одной из тех больших трещин, которые в доисторические времена могли быть руслами рек. Невдалеке вздымалась кольцеобразная гора Шорта, высотой 5646 метров, равная высоте Кавказских вершин. Ардан с присущей ему горячностью уверял, что это "несомненная" крепость; ему виделись зубчатые городские стены, уцелевший свод портика и даже обломки двух-трех колонн под ним; далее ему мерещились ряды арочных сводов, на которых, может быть, были когда-то проложены акведуки; в другом месте — гигантские опоры разрушенного моста, укрепленные по берегам котловин. Все эти подробности были настолько приукрашены его воображением и он смотрел в такую фантастическую зрительную трубу, что полагаться на достоверность его наблюдений было совершенно невозможно.

А вместе с тем кто возьмет на себя смелость утверждать, что пылкий француз не видел всего того, чего не желали замечать его товарищи?

Каждая минута казалась им слишком драгоценной, чтобы тратить ее на бесполезные споры. Лунный город, мнимый или реальный, уже скрылся из их глаз. Расстояние между снарядом и лунным диском начало постепенно увеличиваться и подробности лунного пейзажа мало-помалу стирались. Одни цирки и кратеры да обширные равнины все еще отчетливо выступали на лунной поверхности.

В эту минуту с левой стороны снаряда обозначился один из самых красивых цирков Луны, одна из достопримечательностей этого материка. То был Ньютон — Барбикен тотчас же узнал эту гору, справившись по своей карте.

Ньютон находится точно на 77 градусе южной широты и 16 градусе восточной долготы. Он образует кольцеобразный кратер, гребень которого, возвышающийся на 7264 метра, кажется совершенно неприступным.

Барбикен сообщил друзьям, что высота Ньютона над окружающей равниной значительно уступала глубине кратера. Громадное отверстие кратера казалось бездонным: в эту мрачную пропасть никогда не проникали солнечные лучи. По словам Гумбольдта, на дне этого цирка царствует абсолютный мрак, не рассеиваемый ни солнечными лучами, ни светом Земли. Творцы мифов, конечно, усмотрели бы в этой пропасти адские врата.

— Гора Ньютон, — сказал Барбикен, — совершеннейший образец кольцевых лунных гор, которым нет равных на земле. Эти кольцевые горы доказывают, что образование поверхности Луны посредством охлаждения было следствием бурных катаклизмов: под влиянием деятельности расплавленных недр планеты горы вздыбились на значительную высоту, а впадины и углубления кратеров опустились гораздо ниже уровня лунной поверхности.

— Возможно, что и так, — заметил Ардан.

Через несколько минут, пролетев над Ньютоном, ядро оказалось непосредственно над кольцевой горой Морэ. Затем они оставили в некотором отдалении вершины Бланкана и достигли цирка Клавия.

Этот цирк — один из самых интересных на Луне — расположен на 58 градуса южной широты и 15 градуса восточной долготы. Высота его определяется в 7091 метр. Наши путешественники, находившиеся от него в расстоянии 400 километров, сведенных к четырем благодаря зрительным трубам, легко могли разглядеть величественные горные валы этого мощного кратера.

— Земные вулканы, — сказал Барбикен, — в сравнении с вулканами Луны, — просто кротовые норы. Кратеры Везувия и Этны, образовавшиеся после первых извержений, едва достигают шести тысяч метров в ширину. Кратер Канталь во Франции имеет десять километров в диаметре, вулкан на острове Цейлоне — семьдесят километров и считается самым крупным на Земле. Но что значат эти цифры по сравнению с диаметром Клавия, над которым в данную минуту пролетает наш снаряд?

— Какова же его ширина? — спросил Николь.

— Двести двадцать семь километров, — ответил Барбикен. — Правда, это самый большой цирк на Луне, но многие другие достигают двухсот, ста пятидесяти, ста километров ширины.

— Ах, друзья мои! — воскликнул Мишель. — Можете себе представить, что происходило на нашей "безмятежной Луне", когда громыхали все эти кратеры, извергая потоки лавы, град камней, тучи дыма и пламени! Вот это было зрелище! И что осталось от всего этого великолепия! Сейчас Луна — всего только жалкая головешка, обгорелый патрон, оставшийся от грандиозной ракеты! После всех взрывов, звездных дождей, фейерверков, после всех этих красот — остались только окурки, обгоревшие обрывки картонного патрона! Кто разгадает причину, источник, смысл всех этих катаклизмов?

Барбикен не слушал Ардана. Он смотрел на отроги Клавия, горные цепи, раскинувшиеся на несколько лье. В глубине громадной впадины виднелись сотни потухших мелких кратеров, которые испещряли почву, точно дырки шумовки. Над этими кратерами возвышался пик высотой в пять тысяч метров.

Расстилавшаяся кругом равнина представляла унылое зрелище. Что могло быть печальнее и тоскливее этих возвышенностей, этих полуразрушенных горных громад, этих осколков горных пиков и вершин, рассеянных по лунной поверхности? Казалось, что Луна в этом месте раскололась.

Снаряд летел вперед. Под ним расстилался все тот же перевозданный хаос. Цирки, кратеры, обвалившиеся горы беспрерывно следовали одни за другими. Никаких равнин, никаких морей уже не было. Под ними раскинулась какая-то бесконечная Швейцария или Норвегия.

Наконец, в центре этого взбаламученного хаоса, в наиболее высокой его точке показалась самая величественная лунная гора, ослепительная Тихо, за которой потомство сохранило имя славного датского астронома.

Кто наблюдал полную Луну на безоблачном небе, тот, несомненно, заметил эту блестящую точку южного полушария. Ардан пришел в неопишуемый восторг и осыпал гору всеми эпитетами, какие только могло подсказать ему пылкое воображение. По его словам, Тихо была пламенным источником света, центром излучения, ступицей огненного колеса, громадным сверкающим оком, кометой, распростертой на Луне и распластавшей по ней свои серебряные щупальцы; нимбом, выточенным для головы Плутона; звездой, сброшенной с небес рукою творца и разбившейся о лунную поверхность.

Тихо представляет собой такое скопление лучистой энергии, что обитатели Земли могут видеть ее даже без окуляра, даже на расстоянии ста тысяч лье. Какова же была ее яркость на расстоянии всего лишь ста пятидесяти лье, когда эта гора предстала перед нашими путешественниками! Ее сверкающее сияние, пронизывающее чистый эфир вселенной, было настолько ослепительно, что Барбикену и его друзьям пришлось закоптить стекла окуляров, чтобы вынести этот нестерпимый блеск. Остолбенев от удивления, лишь изредка обмениваясь восторженными возгласами, они не могли оторваться от созерцания горы. Все их ощущения, все мысли сосредоточились в одном взгляде,

и кровь прилиwała к сердцу, как в минуты душевных потрясений.

Тихо принадлежит к системе лучевых гор, подобных Аристарху и Копернику, являя собой наиболее совершенный, наиболее законченный образец таких гор. Она бесспорно свидетельствует о той могучей вулканической деятельности, которой Луна обязана своим образованием.

Тихо расположена на 43 градусе южной широты и 12 градусе восточной долготы. Центр горы занимает кратер в восемьдесят семь километров в поперечнике. Кратер эллиптической формы окружен кольцом гор, которые на пять тысяч метров возвышаются над расстилающейся на восток и на запад равниной. Это — скопище “монбланов”, расположенных вокруг одного центра и окруженных сияющей короной лучей.

Никакая фотография не способна передать облика этой несравненной горы, всех красот окружающего ее горного пейзажа, феерического калейдоскопа ее кратера.

Действительно, Тихо можно наблюдать во всем ее величии лишь во время полнолуния. Но тогда тени исчезают, перспектива теряется и снимки получаются бледные и невыразительные. Досадное обстоятельство, потому что передать с фотографической точностью всю эту поразительную область Луны представляло бы совершенно исключительный интерес. Но фотографии передают только скопление пропастей, кратеров, цирков, головокружительное переплетение горных цепей, а за ними — сеть вулканов, разбросанных там и сям по ноздреватой поверхности Луны. При виде этой картины понимаешь, что окаменевшая поверхность сохранила вид бурлившей и извергавшейся некогда лавы. Кристаллизовавшись под влиянием охлаждения, весь этот лунный пейзаж навеки запечатлел, как в стереотипе, состояние Луны в разгар ее плутонической деятельности.

Хотя расстояние, отделявшее путешественников от кольцеобразных вершин Тихо, было довольно значительным, они все же могли уловить ее основные очертания. К цирку, образующему кольцо Тихо, снаружи и изнутри лепились горы, громоздясь гигантскими террасами. На западе эти террасы казались на триста — четыреста футов выше, чем на востоке. Никакое создание стратегического искусства на Земле не могло сравниться с этими природными укреплениями. Город, сооруженный в глубине подобной кольцевой впадины, был бы совершенно неприступен, точно крепость, чудом воздвигнутая на этой взбала-

мученной извержениями почве! Природа не оставила пустым и плоским дно этого кратера. Это был обособленный, замкнутый мир, обладающий своей особой орографией, своей собственной горной системой. Путешественники ясно видели конусы, возвышенности, причудливые неровности почвы, словно самой природой подготовленные для архитектурных сооружений лунных зодчих. Здесь словно намечалась площадь для храма, там — так и чудился грандиозный форум; в одном месте, казалось, возвышался фундамент некоего дворца, в другом — опорная площадка крепости. И надо всем этим господствовали кольцеобразные горы высотой в тысячу пятьсот футов. Обширная равнина, на которой мог бы разместиться античный Рим, будь он вдесятеро больше.

— Боже мой, какой грандиозный город можно было бы построить в кольце этих гор! — воскликнул в восторге Мишель Ардан. — Непрístupная цитадель мира и покоя, огражденная от всех человеческих треволнений! Как привольно жилось бы здесь, в полнейшем покое и одиночестве, всем мизантропам, всем человеконенавистникам, всем врагам общества.

— Всем?! Ну, для всех бы места не хватило — пошутил Барбикен.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Важные вопросы.

Снаряд между тем уже миновал горные отроги Тихо. Барбикен и его товарищи с величайшим вниманием рассматривали блестящие лучи, которые по всем направлениям расходились от центра знаменитой горы.

Что это за сияющий ореол! Какие геологические процессы породили этот лучезарный веер? Этот вопрос чрезвычайно занимал Барбикена.

Перед его глазами во всех направлениях тянулись светящиеся полосы с приподнятыми краями и вогнутой серединой, иные шириною в двадцать, другие — в пятьдесят километров. В некоторых местах эти белые лучи тянулись на расстояние тысячи километров от Тихо и, казалось, покрывали собой всю половину южного полушария, особенно к востоку, северо-востоку и к северу. Один из таких лучей достигал цирка Неандра, расположенного на сороковом меридиане. Другой, закругляясь, бороздил море Нектара и через четыреста лье разбивался у подножий Пи-

ренеев. Другие полосы тянулись к западу и покрывали сверкающей сетью море Облаков и море Влажности.

Что порождало эти белые лучи, пересекающие равнины и прорезающие горы, независимо от их высоты? Все лучи расходились из одного общего центра — кратера Тихо. Они словно “излучались” из него. Гершель считал эти блестящие полосы потоками застывшей лавы, но его мнение не нашло себе приверженцев. Другие астрономы видели в загадочных лучах ряды огромных глыб и камней, своего рода морен, изверженных в эпоху образования Тихо.

— А почему бы и не так? — сказал Николь, которому Барбикен излагал различные мнения ученых, отвергая их одно за другим.

— Потому что невозможно себе представить той силы, которая перебросила бы вулканические породы на такие расстояния, и невозможно объяснить геометрически правильного расположения этих светящихся полос! — сказал Барбикен.

— Уж и невозможно! — возмутился Ардан. — А по моему, объяснить происхождение этих лучей нет ничего легче.

— В самом деле? — спросил Барбикен.

— Ну, конечно, — ответил Ардан. — На мой взгляд, это — звездообразная трещина, вроде трещины на оконном стекле от удара пули или камня.

— Бесподобно, — улыбаясь, ответил Барбикен. — Ну, а чья же могучая рука швырнула такой камень?

— Для этого не нужна никакой руки, — ответил Ардан, не сдаваясь, — а что касается камня, то его роль могла сыграть какая-нибудь комета.

— Комета? На кометы привыкли сваливать все! — воскликнул Барбикен. — Дорогой Мишель, объяснение твое недурно, но комета здесь ни при чем. Сотрясение, послужившее причиной подобной трещины, могло произойти в недрах самой планеты. Для такой гигантской звездообразной трещины достаточно сильного и быстрого сжатия поверхностной коры под влиянием охлаждения.

— Ладно, согласен и на сжатие. Видно, и у Луны бывали колики! — ответил Мишель Ардан.

— Это мнение одного английского ученого, Несмиса, — добавил Барбикен. — Оно, мне кажется, вполне удовлетворительно объясняет происхождение этих лучей.

— Несмис, как видно, не дурак! — заявил Мишель.

Путешественники не могли наглядеться на великолеп-

ное зрелище Тихо. Снаряд, утопавший в двойном сиянии— Луны и Солнца, должен был казаться со стороны раскаленным шаром. Итак, наши путешественники внезапно перешли из холода в зной. Сама природа подготавливала их к превращению в селенитов.

Превратиться в селенитов! Эта мысль снова вернула их к проблеме обитаемости Луны. Вправе ли они были решать эту проблему после всего виденного ими! Могли ли они решить ее в положительном или отрицательном смысле? Ардан приставал к товарищам и требовал, чтобы они без обиняков высказали, наконец, свое мнение, существуют ли на Луне животные или люди.

— Я думаю, что мы можем ответить на это,— сказал Барбикен.— Только, по-моему, вопрос должен быть поставлен несколько по-другому...

— Дело за тобой! Ставь вопрос, как хочешь,— ответил Ардан.

— Так вот, задача тут двойная и требует двойного решения: обитаема ли теперь Луна, или нет? Была ли Луна вообще когда-нибудь обитаема?

— Хорошо,— сказал Николь,— остановимся сначала на первом вопросе: обитаема ли Луна теперь?

— Говоря по совести; — вздохнул Мишель Ардан,— я ничего не могу сказать.

— А я отвечу отрицательно,— сказал Барбикен.— В ее теперешнем состоянии, с ее разреженной атмосферой, почти высохшими морями, недостатком воды, отсутствием растительности, резкими переходами от тепла к холоду, с ее ночами, длящимися в течение трехсот пятидесяти четырех часов, Луна кажется мне необитаемой; мало того, я думаю, что на ней отсутствуют условия, благоприятные для возникновения животного мира и хоть сколько-нибудь пригодные для жизни, в нашем понимании этого слова.

— Согласен,— ответил Николь.— Но, может быть, на Луне живут существа, имеющие совершенно особую организацию, не схожую с нашей?

— На этот вопрос ответить труднее, но я все-таки попытаюсь. Для этого я спрошу Николая, считает ли он движение необходимым и неизбежным следствием какой бы то ни было жизни, независимо от ее форм?

— Ну, разумеется,— ответил Николь.

— Так вот, мы наблюдали лунные материки, с расстояния не более пятисот метров и не обнаружили никакого движения на поверхности Луны. Присутствие человека вызвало бы какие-нибудь изменения лунной почвы,

от него остались бы какие-нибудь сооружения или хотя бы развалины. А что мы видели? Везде и повсюду только деятельность природы и никаких признаков труда человека. Значит, если представители животного мира на Луне и существуют, они укрываются где-нибудь в глубочайших впадинах, не доступных нашему взору. Этого я допустить не могу, потому что они оставили бы хоть какие-нибудь следы своих передвижений на равнинах, покрытых слоем воздуха, хотя бы и разреженного. Таких следов мы не обнаружили нигде. Остается одно: предположить, что здесь обитает порода живых существ, которым чуждо движение, то есть самая жизнь.

— Ну, это все равно, что сказать: живые существа, которые не живут,— возразил Мишель.

— Именно,— ответил Барбикен,— для нас это бессмыслица.

— Итак, можно подвести итоги прениям?— спросил Мишель.

— Можно,— ответил Николь.

— Хорошо, — продолжал Мишель Ардан. — Ученая комиссия, заседающая в снаряде "Пушечного клуба", на основании новых полученных фактов единогласно решила, что Луна в данное время необитаема.

Эта резолюция была занесена председателем "Пушечного клуба" Барбикеном в блокнот в виде протокола заседания от 6 декабря.

— Теперь,— взял слово Николь,— перейдем ко второму вопросу, неизбежно вытекающему из первого. Итак, я спрашиваю — была ли Луна вообще когда-либо обитаемой?

— Слово принадлежит гражданину Барбикену,— провозгласил Ардан.

— Дорогие друзья,— начал Барбикен.— Для решения этого вопроса — обитаемости Луны в ее далеком прошлом — мне не нужно было дожидаться нашего путешествия. Добавлю, что наши личные наблюдения только подтвердили мою уверенность. Полагаю, даже утверждаю, что Луна когда-то была населена человеческими существами, имевшими одинаковую с нашей организацию, что на Луне водились животные с таким же анатомическим строением, как и земные; но и эти человеческие существа и животные отжили свой век и исчезли навсегда.

— Так, значит, Луна более древняя планета, чем Земля?— спросил Мишель Ардан.

— Нет, — с убеждением ответил Барбикен.— Но она

гораздо раньше состарилась. Процессы ее образования и разрушения протекали значительно быстрее. Организующие силы материи внутри Луны развивались более бурно, чем в недрах нашего земного шара. Это со всей очевидностью доказывается изрытой, изборожденной, истерзанной поверхностью лунного диска. И Луна и Земля представляли собой первоначально газообразные массы. Затем, под воздействием различных причин, газ превратился в жидкость и, наконец, в твердую массу. Но можно с уверенностью утверждать, что наша Земля находилась еще в газообразном или жидком состоянии, когда Луна уже затвердела под влиянием охлаждения и стала обитаемой.

— Согласен,— сказал Николь.

— В ту эпоху,— продолжал Барбикен,— Луна была окружена атмосферой. Воды, удерживаемые газообразной оболочкой, не могли испаряться. Под влиянием воздуха, воды, света, солнечного тепла и собственного внутреннего тепла Луны растительность должна была быстро развиться на благоприятной для нее почве, и, вероятно, именно в этот период на Луне и появилась жизнь, потому что природа не расходует своих даров бесполезно, и в мире, пригодном для обитания, несомненно, должны были появиться обитатели.

— Однако,— возразил Николь,— некоторые условия лунного мира, связанные с движением Луны, должны были все же препятствовать развитию растительности и животного царства. Возьмем хотя бы, например, дни и ночи, продолжающиеся по триста пятьдесят четыре часа.

— На земных полюсах они длятся по шести месяцев,— заметил Ардан.

— Ну, это не возражение, потому что полюсы-то как раз и необитаемы.

— Заметьте, друзья мои,— сказал Барбикен,— что если в настоящее время эти долгие ночи и длинные дни создают резкие колебания температуры, невыносимые для организма, то в древние времена дело обстояло иначе. Тогда лунный шар был окружен атмосферой, и ее плотный покров смягчал зной солнечных лучей и сдерживал ночное излучение. Благодаря воздушной атмосфере свет и тепло рассеивались. А отсюда и равновесие этих влияний, нарушенное теперь, когда почти никакой атмосферы на Луне уже нет. Кроме того, я вас удивлю...

— Ну, ну, удиви!— заинтересовался Мишель Ардан.

— Я полагаю, что в эпоху, когда Луна была обитаема, продолжительность дня и ночи на ней была короче.

— Почему же?— усомнился Николь.

— Потому что тогда, вероятно, период вращения Луны вокруг своей оси не равнялся обращению ее вокруг Земли. А ведь именно благодаря этому равенству каждая точка лунного шара оказывается в течение пятнадцати дней обращенной к Солнцу.

— Согласен,— ответил Николь,— но почему же тогда не существовало этого равенства, раз оно имеется теперь?

— Потому что это равенство обусловлено земным притяжением. А кто может утверждать, что это притяжение в те далекие времена, когда Земля находилась еще в жидком состоянии, было настолько сильным, чтобы повлиять на движение Луны?

— В самом деле!— сказал Николь.— Кто сказал, что Луна всегда была спутником Земли?

— Вот и я говорю то же самое,— вмешался Мишель Ардан.— Кто сказал, что Земля возникла значительно позже Луны!

Воображение наших друзей разыгралось,— вопрос представлял широкое поле для любых гипотез.

— Не будем слишком увлекаться,— остановил их Барбикен,— все это совершенно неразрешимые проблемы. Не стоит в них углубляться. Допустим только слабость первоначального земного притяжения. А тогда при различной скорости движения вокруг оси и вокруг Земли долгота дня и ночи на Луне остались бы такими же, как и на Земле. А впрочем, жизнь была бы возможна и без этих условий.

— Итак, человечество совсем исчезло с Луны?— спросил Ардан.

— Да,— ответил Барбикен,— исчезло, просуществовав, вероятно, много тысяч веков. Затем атмосфера мало-помалу начала редеть. Луна стала необитаемой; такой же необитаемой станет когда-нибудь и наша Земля вследствие дальнейшего ее охлаждения.

— Вследствие охлаждения?

— Разумеется,— пояснил Барбикен.— По мере того как недра Луны остывали, ее внутреннее тепло уходило все глубже к центру, а поверхность затвердевала. Постепенно стали проявляться и последствия этого: исчезновение растительности. Вскоре затем почти полностью рассеялась и атмосфера, так сказать, сдернутая с Луны земным притяжением, а отсюда: исчезновение воздуха и испарение воды. К тому времени, как Луна стала необитаемой, исчезли и все населявшие ее существа. Она пре-

вратилась в тот мертвый мир, который мы можем наблюдать теперь.

— Ты думаешь, что та же участь ожидает и Землю?

— Весьма вероятно.

— Когда же?

— Когда она станет необитаемой вследствие охлаждения земной коры.

— А можно вычислить, когда наша злополучная планета начнет охлаждаться?

— Без сомнения...

— И тебе известны эти вычисления?

— В точности.

— Так что же ты молчишь, ученый сухарь,— воскликнул Мишель Ардан. — Я же сгораю от любопытства!

— Дорогой мой Мишель,— спокойно ответил Барбикен,— известно, насколько понижается температура Земли в течение одного столетия. Так вот, по некоторым расчетам, средняя температура Земли дойдет до нуля через четырехста тысяч лет!

— Четыреста тысяч лет!— вскричал Ардан.— Ну, так мы успеем еще пожить! А то ты перепугал меня до смерти. Послушать тебя, окажется, что нам осталось всего каких-либо пятьдесят тысяч лет!

Опасения Мишеля рассмешили его товарищей.

Педантичный Николь, любивший во всем порядок, снова вернулся к "повестке дня".

— Итак, мы считаем, что в прошлом Луна была обитаема?— осведомился он.

Ответ последовал единогласный и утвердительный.

Пока друзья предавались обсуждению этих несколько смелых теорий, отражавших в основном уровень современных им научных достижений, снаряд стремительно приближался к лунному экватору, все время мало-помалу отдаляясь от Луны. Они оставили позади себя цирк Виллема и сороковую параллель на расстоянии восьмисот километров от диска. Затем, оставляя справа Питат на 30 градусах, они проследовали вдоль южного берега моря Облаков, после того как в первую половину пути обогнули северную его границу. Среди ослепительной белизны полной Луны, как в тумане, пронеслись чередой цирки: Буйо, Пурбах, с кратером квадратной формы, затем Арзахель, со своим конусом, сверкающим неопишущим блеском.

И, наконец, контуры стерлись в отдалении, горы стали неразличимы, и от всего изумительного, необычайного, причудливого облика земного спутника у наших путеше-

стенников не осталось ничего, кроме неизгладимых воспоминаний.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Борьба с невозможным.

Долгое время Барбикен и его спутники безмолвно и задумчиво, как некогда Моисей на рубеже земли Хананской, глядели на этот мир, от которого они безвозвратно удалялись. Положение ядра относительно Луны изменилось, и теперь дно его было обращено к Земле.

Эта перемена озадачила Барбикена. Если снаряд вращался вокруг Луны по эллиптической орбите, почему же он не был обращен к ней своей наиболее тяжелой частью, как это происходит при вращении Луны вокруг Земли?

Наблюдая за движением снаряда, можно было заметить, что, отдаляясь от Луны, он следовал той же кривой, которую описывал при своем приближении к ней. Он летел по очень вытянутому эллипсу и, по-видимому, вращался к точке, где лунное притяжение уравнивалось земным.

Так по крайней мере решил Барбикен на основании своих наблюдений. Его мнение разделяли и оба друга. Снова вопросы посыпались градом:

— Что же с нами будет, когда мы достигнем этой мертвой точки?— спросил Ардан.

— Неизвестно,— ответил Барбикен.

— Но можно же сделать какие-нибудь предположения?

— Всего два: либо скорость снаряда окажется недостаточной, и он навсегда останется в этой мертвой точке двойного притяжения...

— Я заранее могу сказать, что предпочитаю вторую возможность, в чем бы она ни заключалась,— прервал его Мишель.

— Либо скорость окажется достаточной, и снаряд будет вечно вращаться вокруг Луны по эллиптической орбите.

— Мало утешительная перемена,— вздохнул Мишель.— Превратиться в скромных спутников Луны, когда мы привыкли в этой подчиненной роли видеть Луну! Нечего сказать, завидная участь!

Ни Барбикен, ни Николь ему не ответили.

— Что же вы молчите?— нетерпеливо воскликнул Мишель.

— Мне нечего сказать,— ответил Николь.

— И мы ничего не можем поделать?

— Ничего,— ответил Барбикен.— Разве можно бороться с невозможным?

— Неужели ты допускаешь, что один француз и два американца могут испугаться этого слова?

— Да что же можно сделать?

— Стать господином собственного движения! Управлять им!

— Управлять?

— Ну да,— отвечал Ардан, воодушевляясь.— Приостановить наше движение, изменить его: одним словом, заставить его служить нашим целям!

— Да как же это сделать?

— Это уж ваше дело. Если артиллеристы не умеют справиться со своими снарядами, они недостойны быть артиллеристами. Если снаряд командует канониром, такого канонира надо самого сунуть в пушку вместо заряда! Хороши ученые, нечего сказать!.. Сами заманили меня, а теперь не знают, что делать...

— Заманили!— вскричали Барбикен и Николь в один голос.— Что ты хочешь этим сказать?

— Теперь не время препираться. Я не жалуясь. Прогулка мне нравится! Снаряд тоже по мне. Но теперь надо попытаться сделать все, что только в человеческих силах, чтобы попасть если уж не на Луну, так хоть куда-нибудь.

— Мы бы и рады что-нибудь сделать,— ответил Барбикен,— но у нас нет никаких возможностей.

— Мы не можем изменить движения снаряда?

— Нет!

— Не можем уменьшить его скорости?

— Нет!

— А что, если мы облегчим его, как облегчают перегруженное судно?

— Что же можно выбросить?— спросил Николь.— На нашем судне никакого балласта нет. К тому же я полагаю, что облегченный снаряд полетит еще быстрее.

— Нет, тише,— сказал Ардан.

— Нет, быстрее,— возразил Николь.

— Ни тише, ни быстрее,— прервал их Барбикен,— потому что мы несемся в пустом пространстве, где силы тяжести не существует.

— Ну, значит, остается только одно!— решительно воскликнул Мишель.

— Что же?

— Завтракать,— невозмутимо ответил француз, всегда прибегавший к этому спасительному средству в самых затруднительных и безвыходных обстоятельствах.

Действительно, если завтрак и не мог оказать никакого влияния на движение ядра, им все же не следовало пренебрегать, хотя бы ради здоровья. Что ни говори, а идеи Мишеля всегда оказывались наиболее удачными.

Итак, в два часа утра друзья позавтракали: впрочем, время уже не имело значения. Предложенное Мишелем меню было обычным, но его увенчала бутылка доброго вина, извлеченная из потайного погребка. Если уж после нее в головах наших путешественников не возникло никаких идей, значит вино шамбертен 1863 года никуда не годилось.

Подкрепив свои силы, они возобновили наблюдения.

Вокруг ядра, на неизменном от него расстоянии, летели выброшенные предметы. Обращаясь вокруг Луны, снаряд, очевидно, не пересек никакой атмосферы, потому что в противном случае различный вес этих предметов изменил бы их относительное движение.

Со стороны Земли ничего не было видно, поскольку только накануне в полночь наступило "новоземелие". Только через два дня после этого, когда ее серп выйдет из солнечного освещения, Земля может снова служить своего рода часами обитателям Луны: ведь каждая точка Земли при ее вращательном движении через каждые сутки пересекает один и тот же лунный меридиан.

Совершенно иную картину представляла Луна. Она сияла в полную силу среди бесчисленных созвездий, яркость которых не меркла от ее света. Лунные равнины уже приобретали тот пепельный оттенок, который наблюдается с Земли. Остальная часть диска сверкала по-прежнему, и среди этого сияния, подобно Солнцу, горела гора Тихо.

Барбикен никак не мог определить скорости снаряда, но, по его соображениям, эта скорость должна была в соответствии с законами механики постепенно уменьшаться.

Действительно, если допустить, что снаряд будет описывать орбиту вокруг Луны, то эта орбита должна неизбежно принять форму эллипса. Так утверждала наука. Этому закону подчинялось всякое тело, вращающееся вок-

руг другого тела, обладающего притяжением. Все орбиты, описываемые телами в пространстве, — эллиптические: по эллипсу движутся спутники планет, по эллипсу движутся планеты вокруг Солнца, и само Солнце движется по эллипсу вокруг какого-то неведомого светила, служащего ему осью. Не было никаких оснований предполагать, что этому закону не подчинится и снаряд “Пушечного клуба”.

Раз притягивающее тело находится всегда в одном из двух фокусов эллиптической орбиты, следовательно снаряд в известный период должен быть ближе, в другой — дальше от светила, вокруг которого он обращается. Когда Земля приближается к Солнцу, она находится в перигелии, и, наоборот, в афелии она оказывается в точке, наиболее удаленной от Солнца. Точно так же и Луна — наиболее близка к Земле в перигее и наиболее удалена — в апогее. Если изобрести в отношении снаряда аналогичные термины, которые, несомненно, только обогатят астрономическую терминологию, то можно сказать, что, став спутником Луны, снаряд находится в “апоселене”, когда он будет дальше всего от Луны, и в “периселене”, когда он будет к ней ближе всего.

В этом последнем случае снаряд должен достигнуть наибольшей скорости, в первом случае — наименьшей.

Сейчас он, очевидно, приближался к “апоселену”, и Барбикен был прав, предполагая, что вплоть до этой точки скорость снаряда будет все время убывать, а затем снова увеличится по мере приближения к Луне. И, наконец, эта скорость должна свестись к нулю, если “апоселеническая” точка совпадет с точкой равных притяжений.

Барбикен обдумывал, как отразятся все приведенные возможности на судьбе снаряда. Его размышления прервал возглас Мишеля.

— Какие же мы болваны, черт нас возьми! — вскричал Ардан.

— Не смею с этим спорить, — ответил Барбикен, — но за что именно ты нас так величаешь?

— Да ведь у нас же есть очень простое средство, чтобы умерить скорость снаряда, которая удаляет нас от Луны! А мы им не пользуемся.

— Какое же это средство?

— Сила отдачи наших ракет.

— Ты думаешь? — спросил Николь.

— Это верно! Мы до сих пор еще не применяли этого средства, — ответил Барбикен, — но мы им скоро воспользуемся.

— Когда же?— спросил Мишель.

— Когда придет время. Заметьте, друзья, что при те-перешнем положении снаряда, то есть при его наклоне к Луне, ракеты, изменив его положение, могут только от-далить его от Луны, а не приблизить к ней. А ведь вы непременно хотите попасть на Луну?

— Ну, разумеется,— ответил Ардан.

— Тогда имейте терпение. Под каким-то необъясни-мым влиянием снаряд начинает поворачиваться дном к Земле. Очень вероятно, в точке равного притяжения его коническая верхушка направится прямо к Луне. Можно надеяться, что в этот миг скорость его будет равна нулю. Вот тут-то и настанет время действовать: взрыв ракет, пожалуй, сможет бросить снаряд прямо на Луну...

— Bravo!— воскликнул Мишель.

— Мы не сделали и не могли бы этого сделать при нашем первом перелете через мертвую точку, потому что снаряд летел тогда с очень значительной скоростью.

— Совершенно верно,— подтвердил Николь.

— Будем же терпеливы,— продолжал Барбикен.— Воспользуемся всеми имеющимися у нас возможностями. После стольких разочарований я снова начинаю верить, что мы достигнем цели!

Это заключение вызвало восторженные возгласы Ар-дана.

И при этом никому из безумцев не пришел в голову вопрос, на который сами же они только что ответили отрицательно: нет, Луна необитаема. Нет, Луна, по всем признакам, не может быть обитаема! И тем не менее они все-таки собирались сделать все возможное, чтобы попасть на эту необитаемую Луну!

Их занимал только вопрос, в какой именно момент снаряд достигнет точки равного притяжения, когда они собирались поставить на карту все, что было в их силах. Чтобы вычислить этот момент с точностью до одной се-кунды, Барбикену достаточно было справиться в своих путевых заметках и припомнить различные высоты, засе-ченные на лунных параллелях. Таким образом он вычислил, что для преодоления расстояния между мертвой точкой и южным полюсом нужно столько же времени, сколько и для перелета с северного полюса до мертвой точки. Время пройденного пути было точно зафиксировано по часам, что облегчало расчет. Барбикен заявил, что точки равного притяжения они достигнут ровно в час ночи с 7 на 8 декабря. В данную минуту было три часа ночи с 6 на 7

декабря. Стало быть, если ничто не помешает, снаряд должен долететь до мертвой точки через двадцать два часа.

Первоначально ракеты предназначались для того, чтобы ослабить падение снаряда на Луну, теперь же отважные путешественники собирались пустить их в ход с совершенно противоположной целью.

Ракеты были готовы; оставалось дожидаться назначенной минуты.

— Ну, теперь нам нечего больше делать,— сказал Николь,— поэтому я предлагаю...

— Что?— спросил Барбикен.

— Лечь спать.

— Вот тебе на!— вскричал Ардан.

— Мы уже сорок часов не смыкали глаз! Несколько часов сна восстановят наши силы.

— Ни за что не лягу! — воскликнул Мишель.

— Ну что ж! Вольному — воля. А я уже сплю!

И, растянувшись на диване, Николь тотчас же захрапел.

— Николь прав,— решил Барбикен.— Я последую его примеру.

Через несколько минут басовый храп председателя вторил баритону Николя.

— И у практичных людей иногда бывают дельные мысли,— сказал Мишель Ардан, очутившись без собеседников.

И, вытянув длинные ноги, подложив под голову мускулистые руки, он присоединился к друзьям. Но сон наших путешественников не мог быть спокойным и продолжительным. Все трое были слишком озабочены. Около семи часов утра они уже проснулись и вскочили на ноги.

Ядро продолжало удаляться от Луны, все больше поворачиваясь к ней своей верхушкой. Явление это благоприятствовало планам Барбикена, хотя он и не мог найти ему объяснения.

До намеченного ими срока пуска ракет оставалось семнадцать часов.

Этот день показался нашим друзьям нескончаемым. Как ни велика была их отвага, сердца путешественников невольно замирали при мысли, что скоро наступит минута, когда решится вопрос — суждено ли им упасть на Луну, или вечно вращаться вокруг нее. Они считали часы и минуты, казавшиеся им бесконечными, Барбикен и Николь

погрузились в расчеты. Ардан ходил взад и вперед по тесной каюте снаряда и поглядывал на бесстрастную Луну.

Время от времени путников охватывали воспоминания о Земле; они видели перед собой своих друзей, членов "Пушечного клуба", и прежде всего самого дорогого их сердцу Дж. Т. Мастопа.

В эту минуту почтенный секретарь, вероятно, занимал свой пост в Скалистых горах. О чем он думал, если гигантский окуляр его телескопа позволял ему наблюдать за снарядом? Он, несомненно, видел, как ядро скрылось за южным полюсом Луны, а теперь, вероятно, обнаружил, как оно заворачивает из-за северного полюса. Он решил, должно быть, что снаряд превратился в спутника Луны! Распространил ли Мастопа эту новую сенсацию по всему свету? Как отнесся он к столь неожиданной развязке их дерзкого предприятия?..

День прошел без приключений. Наступила полночь. Начинаясь день 8 декабря. Еще час — и точка равного притяжения будет достигнута. С какой скоростью летел сейчас снаряд? Вычислить это было невозможно. Но Барбикен не ошибался в расчетах. В час ночи скорость ядра должна была равняться нулю.

К тому же момент остановки снаряда в нейтральной точке должен был ознаменоваться характерным явлением: здесь находилась линия равновесия земного и лунного притяжения. В этом месте предметы не должны иметь веса. Этот интересный факт, так сильно поразивший Барбикена и его друзей в начале путешествия, должен был повториться и на обратном пути в соответствующих условиях. Именно в эту самую минуту и следовало действовать.

Коническая верхушка ядра уже заметно повернулась к лунному диску. При таком положении снаряда сила отдачи ракет бросит ядро прямо на Луну. Итак, все благоприятствовало успеху задуманного друзьями плана. Если в нейтральной точке скорость снаряда дойдет до нулевой, будет достаточно самого легкого толчка, чтобы вызвать падение снаряда на Луну.

— Без пяти минут час, — прошептал Николь.

— Все в порядке, — ответил Ардан, поднося заготовленный фитиль к горячей газовой горелке.

— Подожди, — сказал Барбикен, посмотрев на хронометр.

В эту минуту вес почти не ощущался. Путешественники могли обнаружить полное исчезновение силы тяже-

сти на самих себе. Если они еще и не находились в мертвой точке, то были где-то совсем рядом.

— Час! — сказал Барбикен.

Ардан поднес зажженный фитиль к запальному шнуру, к которому были присоединены все ракеты. Из-за отсутствия воздуха детонации не последовало, но Барбикен увидел в окно пламя взрыва, которое очень скоро погасло.

Снаряд содрогнулся, и путешественников изрядно встряхнуло.

Трое друзей, безмолвные, еле переводя дыхание, напрягли все свое зрение, весь слух. Среди полной тишины казалось, что слышно, как бьются их сердца.

— Ну, что, падаем? — спросил, наконец Мишель.

— Нет! — ответил Николь. — Дно снаряда не поворачивается к лунному диску...

В эту минуту Барбикен, стоявший у окна, обернулся к своим спутникам. Лицо его покрывала смертельная бледность, брови были нахмурены, губы стиснуты.

— Мы падаем, — сказал он.

— Наконец-то! На Луну? — вскричал Мишель.

— На Землю! — ответил Барбикен.

— Черт возьми! — воскликнул Мишель, но тут же философски добавил: — Ну, что делать! Залезая в это ядро, мы ведь не очень-то рассчитывали выбраться из него целыми и невредимыми.

С этой минуты действительно началось стремительное падение снаряда на Землю. Благодаря некоторой скорости, все еще сохранявшейся снарядом, он успел пересечь нейтральную линию, прежде чем друзья зажгли ракеты, и поэтому взрыв их уже не мог изменить его направления.

Та же скорость, которая благоприятствовала снаряду при прохождении нейтральной линии по пути на Луну, увлекла его теперь за эту линию и на обратном пути. Законы физики требовали, чтобы, описывая эллиптическую орбиту, ядро снова прошло по раз уже пройденному пути.

И вот теперь снаряд летел на Землю, притом со все возрастающей скоростью, вследствие непрерывно усиливающегося земного притяжения. Страшное падение с высоты 78 тысяч лье, которого уже ничто не в состоянии было ослабить! По законам баллистики снаряд должен был удариться о Землю со скоростью, равной его первоначальной скорости по вылете из колумбиады, то есть достигающей 16 тысяч метров в секунду.

Чтобы более наглядно представить себе эту цифру, вспомним, что согласно проведенным расчетам предмет,

брошенный с одной из башен Собора Парижской богородицы, высотой в 200 футов, упадет на мостовую со скоростью 120 лье в час. Снаряд же должен был удариться о Землю со скоростью 57600 лье в час.

— Мы погибли! — хладнокровно произнес Николь.

— Ну что ж, — отозвался Барбикен в каком-то религиозном экстазе. — Это только еще больше углубит наш опыт. Теперь уже сам бог посвятит нас в тайны своего творения. На том свете наша душа уже не будет нуждаться для познания вселенной ни в машинах, ни в приборах! Она сольется воедино с вечной мудростью!

— И то верно, — ответил Мишель. — На "том свете" мы уж во всяком случае будем вознаграждены за неудачу с какой-то жалкой планетишкой, называемой Луной.

Барбикен с видом глубочайшей покорности судьбе скрестил руки на груди.

— Предаю судьбу свою на волю неба! — сказал он.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Промеры "Сускеганнь".

— Ну что, лейтенант, как идут работы?

— Полагаю, что дело подходит к концу, — ответил лейтенант Бронсфильд. — Но кто бы предположил, что у самой суши может быть такая глубина: всего в какой-нибудь сотне лье от американского берега.

— Действительно, здесь очень глубокая впадина, — сказал капитан Бломсбери. — В этом месте находится подводная долина, размытая течением Гумбольдта, которое омывает берега Америки вплоть до самого Магелланова пролива.

— Такие большие глубины затрудняют прокладку телеграфного кабеля. Плоское дно, по которому проложен американский кабель между Валенцией и Нью-Фаундлендом, куда удобнее.

— Не спорю, Бронсфильд. А осмелюсь спросить, лейтенант, как обстоит дело в данную минуту?

— Сейчас у нас размотано уже двадцать одна тысяча футов троса, а ядро которое тянет лот, еще не

коснулось дна, потому что иначе лот поднялся бы наверх сам собой.

— Остроумнейшая машина — этот снаряд Брука. С какой точностью позволяет он измерять глубины!

— Дно! — крикнул один из матросов, наблюдавший за работой.

Капитан и лейтенант направились к кромке.

— Ну, что, какова глубина? — спросил капитан.

— Двадцать одна тысяча семьсот шестьдесят два фута, — ответил лейтенант, записывая эту цифру в блокнот.

— Отлично, Бронсфильд! Я нанесу эти показания на карту. А теперь прикажите выбрать лот. С ним еще будет возни на несколько часов. Тем временем механик распорядится развести пары, и, как только вы кончите, мы снимемся с якоря. Уже десять часов вечера, и я, с вашего позволения, отправляюсь спать.

— Спокойной ночи! — любезно ответил лейтенант. Капитан "Сускеганна" — отличный человек и добрейший начальник — отправился в свою каюту, выпил грогу, осыпав буфетчика нескончаемыми похвалами, лег на кровать, поблагодарив слугу за умение стелить постель, и заснул сном праведника.

Было десять часов вечера. Одиннадцатый день декабря постепенно переходил в самую упоительную южную ночь.

Корвет "Сускеганна" мощностью в пятьсот лошадиных сил, принадлежащий национальному флоту Соединенных Штатов, производил промеры дна Тихого океана приблизительно в ста лье от американского берега против узкого полуострова, вытянувшегося со стороны Мексиканского берега.

Ветер мало-помалу стих. Воздух словно замер. Флаг неподвижно висел на мачте корвета.

Капитан Джонатан Бломсбери — родственник полковника Бломсбери, одного из активнейших членов "Пушечного клуба", женатого на урожденной Горшбидден — тетки капитана и дочери почтенного коммерсанта из Кентукки, — капитан Бломсбери не мог нарадоваться на прекрасную погоду, способствующую успешному завершению измерительных работ.

Ряд промеров, произведенных "Сускеганной", имел целью исследовать глубины, наиболее благоприятные для прокладки подводного кабеля между Гавайскими островами и американским материком.

Эти работы выполнялись по проекту одной крупной компании, директор которой — предприимчивый Сайрус Филд — предполагал охватить сетью телеграфных проводов все острова Океании — грандиозное предприятие, достойное американцев.

Корвету “Сускеганна” были поручены первые промеры. В ночь с 11 на 12 декабря корвет находился на $27^{\circ} 7'$ северной широты и $41^{\circ} 37'$ западной долготы по Вашингтонскому меридиану.

Луна в последней своей четверти начинала подниматься над горизонтом.

По уходе капитана Бломсбери лейтенант Бронсфильд и кое-кто из офицеров собрались на юте. При появлении Луны их мысли устремились к ночному светилу, на которое в те дни были обращены глаза всего полушария.

Даже лучшие морские трубы не могли бы обнаружить снаряда, блуждавшего где-то вокруг Луны, но телескопы всего мира были в эту минуту направлены на нее, и миллионы людей не отводили глаз от ее сверкающего диска.

— Вот уже десять дней, как они улетели, — сказал лейтенант Бронсфильд. — Где-то они сейчас?

— Прибыли к месту назначения! — воскликнул молодой мичман. — И сейчас они, должно быть, как всякий путешественник, прибывающий в новое место, заняты прогулкой по окрестностям.

— Не смею сомневаться в ваших словах, — ответил, улыбаясь, лейтенант.

— Сомневаться в их прибытии действительно невозможно, — заметил другой офицер. — Снаряд должен был достигнуть Луны в момент ее полнолуния, пятого числа, в полночь. Теперь у нас одиннадцатое декабря, прошло, стало быть, шесть суток. А за шесть суток можно вполне успеть устроиться со всеми удобствами на новом месте. Мне ясно представляется, как наши отважные земляки расположились где-нибудь в глубокой долине, на берегу лунного ручья, около снаряда, наполовину ушедшего при падении в вулканическую почву. Я вижу, как Николь, вооружившись нивелиром, измеряет рельеф местности, Барбикен приводит в порядок свои путевые заметки, а Мишель Ардан разгуливает по лунным полям, покуривая душистую сигару.

— Да! да! Так оно и должно быть! — воскликнул

мичман в восторге от идиллической картины житья-бытья лунных новоселов.

— Дай бог, чтоб это было так, — сказал лейтенант Бронсфильд, не проявляя никакого восторга. — К несчастью, мы никогда не сможем получить никаких непосредственных известий от наших друзей.

— Извините, лейтенант, разве Барбикен разучился писать? — спросил мичман.

Шутка мичмана была встречена всеобщим смехом.

— Не письма, — с живостью подхватил мичман, — не письма, конечно! Почта тут ни при чем.

— Может быть, вы ждете телеграммы? — с иронией осведомился один из офицеров.

— Нет, и не телеграммы, — ответил мичман, нимало не смущаясь. — Сообщение с Землей им очень легко установить графическим способом.

— Как же это так?

— При помощи лонгспикского телескопа. Вы знаете, что он приближает Луну к Скалистым горам на расстояние двух лье и позволяет видеть на ее поверхности все предметы диаметром не менее девяти футов. Наши лунные герои должны смастерить исполинскую азбуку, начертить слова длиной в сто туазов, а фразы — длиной в целые лье. Таким способом они легко могли бы ознакомить нас со своим положением.

Все громко заплодировали изобретательному мичману. Лейтенант Бронсфильд признал его мысль вполне выполнимой. Кроме того, он предложил еще один способ непосредственной связи с Землей при помощи пучков ярких лучей, отраженных параболическими зеркалами. Эти лучи были так же видимы с Венеры или Марса, как планета Нептун видима с Земли. В заключение он заявил, что блестящие точки, не раз наблюдавшиеся на ближайших планетах, возможно, были сигналами, которые подавали оттуда Земле. Впрочем, лейтенант оговорился, что если описанным способом и можно получить известия с Луны, то сообщения с Земли посылать нельзя, разве только обитатели Луны имеют в своем распоряжении приборы для дальних наблюдений.

— Самое интересное, по-моему, — это узнать, что случилось с путешественниками, что они делают, что видят, — вмешался один из офицеров. — Впрочем, если этот первый опыт удастся, в чем я не сомневаюсь, его, конечно, повторят. Колумбиада ведь по-прежнему

врыта в землю во Флориде. Значит, дело только в снаряде да в порохе; всякий раз, как Луна будет проходить через зенит, в нее можно будет выпалить зарядом... экскурсантов.

— Мэстон, без сомнения, на днях присоединится к своим друзьям! — сказал лейтенант.

— Пусть только скажет слово, я охотно полечу вместе с ним! — воскликнул мичман.

— Ну, в охотниках недостатка не будет, — возразил Бронсфильд, — дай только волю, половина обитателей Земли эмигрирует на Луну!

Разговоры офицеров затянулись до часу ночи. Трудно пересказать все фантастические теории, все невероятные проекты, предлагавшиеся молодыми смельчаками. После попытки Барбикена слово "невозможно" перестало существовать для американцев. Строились планы отправить на Луну не только комиссию ученых, но целую армию с пехотой, артиллерией и кавалерией для завоевания лунного мира.

К часу ночи работы по подъему лота еще не были закончены. Оставались невыбранными десять тысяч футов, и эта операция требовала еще нескольких часов.

По распоряжению капитана огни в топках были разведены, давление в котлах поднималось. "Сускеганна" была готова к немедленному отплытию.

В эту минуту — в 1 час 17 минут ночи — лейтенант Бронсфильд направился было к своей каюте, как вдруг его внимание было привлечено отдаленным свистом.

Лейтенант и его товарищи подумали сначала, что свист вызван утечкой пара, но, подняв голову, они удостоверились, что звук доносится с очень большой высоты.

Сила этого странного звука нарастала с ужасающей быстротой, и не успели офицеры обменяться мнениями о его происхождении, как перед их ослепленными глазами показался громадный болид, докрасна раскаленный от трения об атмосферные слои.

Огненная масса продолжала расти на глазах и, наконец, с невероятным грохотом обрушившись на бушприт корвета, разбила его и с оглушительным шипением исчезла в волнах...

Упади эта масса несколькими футами ближе, — и "Сускеганна" была бы опрокинута в океан со всем своим экипажем.

Капитан Бломсбери выскочил полуодетый на бак, куда бросились и все офицеры.

— Будьте так добры, скажите, что случилось, господа?— спрашивал капитан. — Что такое?

— Капитан, "они" вернулись! — воскликнул мичман.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Снова Дж.Т. Мэстон.

Смятение на борту "Сускеганны" было немалое. Офицеры и матросы и не думали об опасности, которая им только что угрожала, хотя судно могло быть раздавлено или же получить пробоину и затонуть. Нет, все их мысли были поглощены катастрофой, завершившей дерзкое предприятие.

— "Они" вернулись! — воскликнул молодой мичман, и все тотчас же поняли, кого он имеет в виду. Никто не сомневался в том, что болид, исчезнувший в волнах, был снарядом "Пушечного клуба".

— Они погибли! — утверждали одни.

— Они сгорели! — решил кто-то. — Снаряд, пролетая через атмосферу, превратился в раскаленную массу.

— Как бы там ни было, живых или мертвых, их необходимо вытащить! — решили, наконец, все в один голос.

Капитан Бломсбери собрал на совещание всех офицеров. Надо было немедленно на что-нибудь решиться. Прежде всего следовало, конечно, вытащить снаряд. Операция — трудная, но возможная. Однако для этого корвет не обладал достаточно мощным и точным оборудованием. Решено было тотчас же отправиться в ближайший порт и известить "Пушечный клуб" о падении снаряда.

Это решение было принято единодушно и оставалось только выбрать порт. На ближайшем берегу на 27° широты такой пристани не имелось. Несколько выше, за полуостровом Монтеррей, был расположен крупный город, давший название полуострову. Но этот город, стоящий на рубеже пустыни, не соединялся с материком телеграфной линией, а такое важное сообщение можно было передать с надлежащей быстротой только при помощи телеграфа.

Несколькими градусами выше находился порт Сан-Франциско. Из столицы золотоносного края легко было снестись с центром Соединенных Штатов. Если корвет

пойдет на всех парах, он прибудет в Сан-Франциско без малого через двое суток. Следовало немедленно отправляться в путь.

Корвет стоял под парами и был готов к немедленному отплытию. В воде еще оставалось две тысячи броссов троса, но капитан, не желая терять ни минуты драгоценного времени, решил его перерезать.

— Мы прикрепим конец троса к бую,— сказал он,— который, кстати, поможет нам найти место падения снаряда.

— Координаты этого места известны — мы находимся на двадцать седьмом градусе седьмой минуте северной широты и сорок одном градусе тридцать седьмой минуте западной долготы, — заметил лейтенант.

— Прекрасно, мистер Бронсфильд,— отвечал капитан.— Будьте так добры, прикажите перерезать трос.

Огромный буй, снабженный для устойчивости тяжелыми шестами, был спущен на воду. Конец троса был накрепко привязан к бую, чтобы волнение не могло отнести буй слишком далеко от места падения снаряда.

Механик уведомил капитана, что корвет готов к отплытию. Капитан, поблагодарив его, приказал держать курс на северо-восток. Корвет на всех парах понесся к бухте Сан-Франциско. Было три часа утра.

Пройти двести двадцать лье для такого быстроходного судна, как "Сускеганна", было нипочем. Судно покрыло это расстояние за тридцать шесть часов и 14 декабря в 1 час 27 минут пополудни вошло в бухту Сан-Франциско.

При виде корвета, идущего под всеми парами, с обломанным бушпритом и поврежденной мачтой, жители города заволновались, и огромная толпа любопытных мгновенно собралась на набережной.

Бросив якорь, капитан Бломсбери и лейтенант Бронсфильд спустились в восьмивесельную шлюпку, которая тотчас же доставила их на берег.

— Телеграф? Где телеграф? — спрашивали они, не отвечая ни на какие вопросы.

Портовый офицер сам проводил их на телеграфную станцию. Толпа бросилась за ними.

Бломсбери и Бронсфильд вбежали в контору. Телеграмма была послана в четырех экземплярах следующим адресатам: во-первых, секретарю морского ведомства в Вашингтон, во-вторых, вице-председателю "Пушечного клуба" в Балтимор, в-третьих, почтенному Дж. Т. Мастоу в

Лонгспик, на Скалистые горы, и, наконец, в-четвертых, помощнику директора Кембриджской обсерватории.

Телеграмма гласила:

“На $27^{\circ} 7'$ северной широты и $41^{\circ} 37'$ западной долготы, 12 декабря, в 1 час 17 минут пополуночи, упал в Тихий океан снаряд колумбиады. Ждем инструкций.

Капитан “Сускеганны” Бломсбери”.

Через пять минут новость облетела весь город. До шести часов вечера о потрясающей катастрофе узнала вся Америка; а после полуночи подводный телеграф оповестил о результатах знаменитого американского предприятия всю Европу.

Мы отказываемся привести отклики на неожиданную развязку дерзкого путешествия, ежеминутно поступавшие со всего света.

Получив телеграмму, секретарь морского ведомства передал приказ капитану “Сускеганны” ждать дальнейших распоряжений в бухте Сан-Франциско, не спускать паров и быть готовым к выходу в море.

Астрономы Кембриджской обсерватории собрали чрезвычайное совещание и с невозмутимостью, свойственной ученым корпорациям, мирно и не спеша принялись обсуждать происшествие с научной точки зрения.

В “Пушечном клубе” телеграмма произвела форменный взрыв. Все артиллеристы как раз были в сборе. Вице-председатель клуба, почтенный Уилкам, только что огласил телеграмму Масто́на и Бельфа́ста, извещавших, что снаряд находится в поле зрения их гигантского лонгспикского телескопа. Кроме того, в телеграмме было сказано, что снаряд, задержанный лунным притяжением, перешел на роль второстепенного спутника солнечной системы.

Нам-то уже известно истинное положение дела.

Таким образом, при обсуждении одновременно полученных и совершенно противоречивых телеграмм Дж.Т.Масто́на и капитана Бломсбери все члены клуба раскололись на два лагеря: одна партия утверждала, что снаряд упал в океан, — значит, путешественники так или иначе возвратились; другая партия, основываясь на сообщениях Масто́на, считала, что капитан Бломсбери ошибся. По мнению этой партии, мнимый снаряд был попросту болидом, падучей звездой, которая и повредила нос корвета. Последнее утверждение было трудно оспаривать, так как падающее тело летело с такой быстротой, что разглядеть его было немислимо. Капитан “Сускеганны” и его офицеры легко могли ошибиться. Впрочем, один факт го-

ворил в их пользу: если бы снаряд действительно упал на Землю, то его столкновение с земным шаром должно было произойти именно на 27 градусе северной широты между 41 и 42 градусами западной долготы, если учитывать срок, истекший с момента вылета снаряда и вращательное движение Земли.

Как бы то ни было, в "Пушечном клубе" было единогласно решено, что брат Бломсбери, Билсби и майор Эльфистон немедленно отправятся в Сан-Франциско и примут все необходимые меры для того, чтобы извлечь снаряд из глубин океана.

Преданные друзья, ни минуты не медля, отправились в путь. Железная дорога, которая в скором времени пересечет всю Центральную Америку, быстро доставила их до Сен-Луи, где их уже дожидался дилижанс-экспресс.

В ту самую минуту, когда секретарь морского ведомства, вице-председатель "Пушечного клуба" и заместитель директора обсерватории читали телеграмму из Сан-Франциско, почтенный Мастон переживал самое сильное в своей жизни волнение. Это волнение не могло сравниться даже с чувствами, испытанными им в момент выстрела знаменитой колумбиады, и едва не стоило ему жизни.

Секретарь клуба тотчас после выстрела колумбиады и почти с такой же быстротой, как и самый снаряд, направился к своему посту в Лонгспике в Скалистых горах. Ему сопутствовал директор Кембриджской обсерватории Бельфаст. Прибыв на место, оба приятеля заняли пост у громадного телескопа и неотлучно дежурили при нем.

Рефлекторы гигантского телескопа были установлены для front view*, как говорят англичане. При такой установке получалось только одно отражение наблюдаемого объекта, но, с другой стороны, оно обеспечивало более четкую его видимость. Вследствие этого Мастон и Бельфаст во время наблюдений должны были находиться на площадке у верхней части телескопа, а не у нижней. Они взбирались вверх по винтовой лестнице, представлявшей по своей легкости чудо инженерного искусства, — так что огромная металлическая труба глубиной в двести восемьдесят футов с метал-

---

* Фронтальное обозрение (англ.).

лическим зеркалом, вделанным в его дно, оказалась у них под ногами.

Таким образом, ученые проводили все свое время на узенькой площадке над телескопом, проклиная дневной свет, скрывавший от них Луну, и облака, которые упорно застилали ее ночью.

Какова же была их радость, когда, наконец, после нескольких дней тщетных поисков и ожиданий, в ночь с 5 на 6 декабря, они обнаружили снаряд, в котором странствовали по вселенной их друзья. Однако их радость быстро сменилась глубоким разочарованием. Положившись на это первое наблюдение, они и распространили по всему свету в своей телеграмме ложное сообщение о том, что снаряд обращается по эллиптической орбите вокруг Луны и превратился в ее спутника.

С этой минуты снаряд исчез из их поля зрения, что легко было объяснить его прохождением позади лунного диска. Можно себе представить, с каким нетерпением пылкий Мэстон и его товарищи ждали появления снаряда с другой стороны диска. В течение всей ночи им то и дело мерещилось, что снаряд вот-вот появится из-за Луны, но он не появлялся!

По этому поводу между ними не замедлили возникнуть нескончаемые горячие споры и стычки. Бельфаст утверждал, что снаряда не видно. Мэстон же уверял, что снаряд виден "как на ладони".

— Это снаряд! — говорил Мэстон.

— Нет, — отвечал Бельфаст. — Это лавина, сорвавшаяся с лунной горы!

— Увидим, завтра увидим!

— Нет, больше мы его уже не увидим! Он исчез в пространстве!

— Нет!

— Да!

В минуты подобных споров раздражительность и запальчивость секретаря "Пушечного клуба" представляли серьезную опасность для уважаемого Бельфаста.

Жизнь вдвоем в Скалистых горах скоро сделалась бы невыносимой для обоих ученых, если бы неожиданное событие не положило конец их вечным спорам.

В ночь с 14 на 15 декабря оба "непримиримых друга" занимались своими обычными наблюдениями лунного диска. Мэстон по обыкновению разносил Бельфаста, который, со своей стороны, тоже не оста-

вался в долгу. Секретарь клуба в сотый раз утверждал, что он видел снаряд и в одном из его окон даже разглядел лицо Ардана. В жару спора вспыльчивый Мэстон размахивал железным крюком, заменявшим ему руку, что было далеко не безопасно для его собеседника.

Внезапно, ровно в десять часов вечера, на наблюдательной площадке появился слуга Бельфаста и подал ему телеграмму. Это было извещение капитана "Сускеганны". Бельфаст разорвал конверт, прочитал текст телеграммы и вскрикнул.

— Что такое? — крикнул Мэстон.

— Снаряд!

— Ну?

— Упал на Землю!

Ответом ему был дикий вопль Мэстона.

Бельфаст быстро обернулся и увидел, что его злополучный товарищ, свесившись над трубой телескопа, не удержал равновесия и провалился туда, как в колодезь. Падение с высоты двухсот восьмидесяти футов! Бельфаст опрометью кинулся к отверстию рефлектора.

Заглянув в трубу, он с облегчением вздохнул: Мэстон, зацепившись металлическим крюком за одну из внутренних подпорок телескопа и повиснув на ней, испускал громкие вопли.

Бельфаст позвал помощников, которые при помощи грузоподъемных блоков не без труда извлекли из телескопа неосторожного Мэстона. Он появился, наконец, целым и невредимым у верхнего отверстия трубы телескопа.

— Что, если бы я разбил зеркало?! — сказал он.

— Вам пришлось бы за него заплатить, — строго ответил Бельфаст.

— Так, значит, этот проклятый снаряд упал? — спросил Мэстон.

— В Тихий океан!

— Едем!

Через четверть часа Мэстон и Бельфаст спускались по склонам Скалистых гор и через два дня, загнав по дороге пятерых лошадей, прибыли одновременно со своими друзьями из "Пушечного клуба" в Сан-Франциско.

Эльфистон, Бломсбери-брат и Билсби кинулись к ним навстречу.

— Что делать? — кричали они.

— Вытащить снаряд, — отвечал Мэстон, — и как можно скорее!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Спасение.

Место, где снаряд погрузился в волны, было точно известно, но какими средствами выловить его и поднять на поверхность океана?

Эти средства надо было тут же изобрести и изготовить. Такая безделица не могла, конечно, затруднить американских инженеров. Они были уверены, что при помощи якорей и паровых машин им удастся поднять снаряд, вес которого к тому же должен был значительно уменьшиться благодаря плотности воды.

Но дело заключалось не только в подъеме снаряда, Надо было спасти путешественников. Никто не сомневался в том, что они еще живы.

— Они живы, живы! — беспрестанно повторял Мэстон, заражая всех своею уверенностью.— Наши друзья — люди ловкие и сообразительные. Не могли же они упасть как последние дураки. Они живы, но времени терять нельзя. Еда и питье — пустяки, всего этого им хватит надолго. Но воздух! Воздух! Вот в чем скоро может оказаться недостаток! Скорее, скорее! Не теряйте ни минуты.

И времени действительно не теряли.

На "Сускеганне" велись приготовления к новым работам. Все ее машины были присоединены к подъемным лебедкам. Алюминиевый снаряд весил всего 19250 фунтов и, следовательно, гораздо легче трансатлантического кабеля, который корвет поднял со дна Атлантического океана. Единственное затруднение представляла коническая форма снаряда и его гладкие стенки, за которые трудно было ухватиться.

Инженер Мерчисон немедленно прибыл в Сан-Франциско, чтобы изготовить громадные автоматические железные захваты, которые, зацепив снаряд своими мощными лапами, уже не выпустили бы его, поднимая до самой палубы корвета. Кроме того, Мерчисон распорядился заказать скафандры, которые благодаря своей прочности и водонепроницаемости позволяют водолазам исследовать морское дно. На корвет была также доставлена очень остроумно сконструированная камера со сжатым воздухом. Это была настоящая комната с иллюминаторами вместо окон. При наполнении ее резервуаров водой она могла погрузиться на очень большую глубину. Такие камеры, к счастью, уже

применялись в бухте Сан-Франциско при постройке подводной плотины, и это значительно сократило срок подготовительных работ для подъема снаряда.

Однако, несмотря на совершенство оборудования, на все искусство ученых, которым предстояло им пользоваться, успех подъемных работ был сомнителен. Подъем снаряда с глубины двадцати тысяч футов мог представить много непредвиденных трудностей. Кроме того, вставал и другой вопрос: как вынесли обитатели снаряда страшный удар от соприкосновения с Землей, который вряд ли был в достаточной степени смягчен слоем воды в двадцать тысяч футов?

А главное, надо было торопиться. Мэстон день и ночь подгонял рабочих. Сам он готов был на все: и напялить водолазный скафандр и залезть в воздушную камеру, лишь бы поскорее отыскать своих отважных друзей.

Однако, несмотря на быстроту изготовления различного оборудования, несмотря на крупные суммы, предоставленные правительством Соединенных Штатов "Пушечному клубу", прежде чем все подготовительные работы были закончены, прошло пять долгих дней, показавшихся всем пятью веками! За это время всеобщее нетерпение накалилось до предела. По проводам и электрическим кабелям по всему свету шел непрерывный поток телеграмм. Спасение Барбикена, Николя и Мишеля Ардана превратилось в международное дело. Все страны, подписавшие под займом "Пушечного клуба", были непосредственно заинтересованы в благополучном спасении путешественников.

Но вот подъемные цепи, воздушная камера и автоматические захваты были доставлены на борт корвета. Мэстон, Мерчисон и делегаты "Пушечного клуба" заняли свои каюты. Оставалось только отправиться в путь.

21 декабря, в восемь часов вечера, корвет при благоприятной погоде вышел в море: дул северо-восточный ветер, было довольно холодно, и море было спокойно. Все население Сан-Франциско высыпало на набережную и безмолвно провожало отплывающих, приберегая овации к их возвращению.

"Сускеганна", быстро набирая пары, вышла из бухты.

Не будем передавать всех разговоров между офицерами, матросами и пассажирами корвета. Все думали только об одном, все сердца волновало только одно чувство: что испытывают Барбикен и его товарищи в то время, как идет подготовка к их спасению?! В состоянии ли они сами что-нибудь предпринять, чтобы высвободиться из

снаряда? Все эти вопросы оставались, конечно, без ответа. Да и что бы ни предприняли мужественные путешественники, все их попытки неминуемо потерпели бы крах. На дне океана, на глубине около двух лье, все старания наших пленников были заранее обречены на неудачу.

23 декабря в восемь часов утра корвет должен был прибыть к месту рокового происшествия. Для точной ориентировки пришлось дожидаться полдня. Буй, к которому прикрепили трос, еще не был найден.

В полдень капитан Бломсбери с помощью офицеров, проверявших наблюдения в присутствии делегатов "Пушечного клуба", определил географические координаты судна. Томительная минута! "Сускеганна" находилась в нескольких километрах к западу от того места, где снаряд погрузился в волны.

Судно тотчас направилось к этой точке.

В сорок семь минут первого показался буй. Он был в полной исправности и его почти не отнесло.

— Наконец-то! — воскликнул Мاستон.

— Что ж, начнем? — спросил капитан Блосмебери.

— Не теряйте ни секунды! — ответил Мастон.

Приняты были все меры, чтобы корвет держался на воде неподвижно.

Прежде всего по мнению инженера Мерчисона, требовалось определить, где именно находится снаряд. Начали воздух в подводные машины, предназначенные для поисков. Управление этими машинами представляло некоторую опасность: на глубине двадцати тысяч футов под водой машины подвергались очень значительному давлению, и любая их неисправность могла повлечь за собой гибельные последствия.

Мастон, Бломсбери-брат и Мерчисон, не думая об опасности, заняли места в подводной воздушной камере; капитан стал на мостике корвета для наблюдения за спасательными операциями, готовый при первом же сигнале застопорить или отдать цепи. Винт корвета выключили, все машины переключили на лебедку, которая должна была в случае необходимости поднять камеру на борт.

Спуск камеры начался в 1 час 25 минут дня; под тяжестью наполненных водой резервуаров камера погрузилась в воду. Теперь весь экипаж корвета был в равной мере обеспокоен как участью спасаемых, так и судьбой спасителей. Что касается последних, то они, совершенно забыв о себе, прильнули к окнам камеры, внимательно глядясь в толщу окружавшей их воды.

Спуск совершился быстро. В 2 часа 17 минут Масто́н и его два спутника достигли дна Тихого океана. Но они ничего не увидели, кроме бесплодной пустыни, не оживляемой никакими признаками морской флоры или фауны. Свет ламп, снабженных сильными рефлекторами, позволял вести наблюдения на значительном пространстве. Снаряда нигде не было видно.

Невозможно передать нетерпение отважных водолазов. Камера имела электрическое сообщение с корветом. Подали условный сигнал, чтобы "Сускеганна" переместила камеру, отстоявшую на несколько метров от самого дна океана, на милю дальше.

Водолазы обследовали подводную равнину, то и дело поддаваясь зрительным иллюзиям и тотчас же разочаровываясь. Они принимали за снаряд то подводную скалу, то какую-нибудь неровность дна.

— Где же они? Где они? — восклицал Масто́н.

Бедняга громко призывал Николая, Барбикена, Ардана, как будто его злополучные друзья могли услышать и ответить ему сквозь непроницаемую толщу воды. Поиски продолжались до тех пор, пока в камере не вышел весь кислород. Когда дышать стало трудно, водолазам пришлось возвратиться на поверхность.

Они начали подниматься около шести часов вечера, а на палубу корвета взошли только около полуночи.

— До завтра! — сказал Масто́н, едва успев ступить на палубу.

— Да, до завтра, — ответил капитан Бломсбери.

— Будем искать в другом месте.

— Хорошо.

Масто́н по-прежнему не сомневался в успехе, но его товарищи после первых часов воодушевления и надежд поняли всю трудность задуманного предприятия. То, что казалось таким легким и возможным в Сан-Франциско, здесь — в открытом океане — представлялось почти несуществимым.

Шансы на успех с каждой минутой таяли, и приходилось рассчитывать только на волю слепого случая.

На следующий день 24 декабря, несмотря на вчерашнюю усталость, розыски возобновились. Корвет переместился на несколько минут к западу, и наполненный воздухом воздушный колокол вместе с водолазами снова погружился в океан.

Снова целый день прошел в бесплодных поисках. Мор-

ское дно было пустынно. В таких же тщетных розысках прошли дни 25 и 26 декабря.

Подумать только, злополучные узники снаряда были заключены в нем уже двадцать шесть дней... Может быть, как раз в эти минуты они переживали первые приступы удушья, если только они уцелели и выдержали страшный удар при падении? Вместе с воздухом их покидали и мужество и душевные силы!

— Воздух — допускаю, — неизменно отвечал на подобные догадки Мاستон, — но мужество их не оставит никогда!

28 декабря, после новых двухдневных поисков, никакой надежды на спасение друзей уже не оставалось. В неизмеримой бездне океана снаряд был ничтожной песчинкой. Приходилось отказаться от бессмысленных розысков.

Но Мастон и слышать не хотел о возвращении. Он отказался тронуться с места, прежде чем не найдет хотя бы могилы своих друзей. Капитан Бломсбери, однако, уже не мог задерживаться дольше и, несмотря на вопли и протесты секретаря "Пушечного клуба", отдал приказ готовиться к отплытию.

29 декабря, в девять часов утра, "Сускеганна", держа курс на северо-восток, снова двинулась к бухте Сан-Франциско.

Было десять часов утра. Корвет удалялся с небольшой скоростью, словно с сожалением покидая место катастрофы. Вдруг матрос, наблюдавший с брам-стенги море, крикнул:

— На траверсе, под ветром буй!

Все офицеры схватились за подзорные трубы. Они разглядели в указанном направлении предмет, с виду похожий на бакен, служащий для указания фарватера в гаванях и на реках. Но, как это ни странно, на конической верхушке этого бакена, выступавшего на пять-шесть футов над водой, развевался по ветру флаг. В солнечных лучах буй сверкал, точно выплавленный из серебра.

Капитан Бломсбери, Дж. Т. Мастон, делегаты "Пушечного клуба" поднялись на мостик и безмолвно рассматривали странный, несущийся по прихоти волн предмет.

Все глаза с еле сдерживаемым лихорадочным волнением были устремлены на замеченный буй. Никто не осмеливался высказать догадку, вертевшуюся у всех на языке.

Корвет приблизился к бую на расстояние двух кабель-

товых. Весь экипаж корвета вздрогнул как один человек. Флаг был американский.

В эту минуту раздалось какое-то странное рычание, и почтенный Мэстон снопом повалился на палубу. Забыв о том, что его правая рука заменена железным крюком, и о том, что череп его покрыт лишь тонким гуттаперчевым колпачком, он изо всех сил хватил себя крюком по голове.

Все бросились к нему. Его подняли, привели в чувство.

— Ах! трижды болваны! четырежды идиоты! пятикратно дураки! — выкрикивал он, едва придя в сознание.

— Что? Кто? Почему? — посыпалось на него со всех сторон. — Что такое?

— Как что такое?

— Да объясните же, наконец! В чем дело!

— Да в том, безмозглые головы, что снаряд весит всего-навсего девятнадцать тысяч двести пятьдесят фунтов! — проревел пылкий секретарь "Пушечного клуба".

— Ну и что?

— А то, что он вытесняет двадцать восемь тонн воды или пятьдесят шесть фунтов, и, следовательно, должен был всплыть на поверхность.

Трудно передать, с какой неподражаемой интонацией произнес почтенный секретарь это слово "всплыть"!..

Он был совершенно прав.

Все! Да, все ученые забыли основной закон, по которому снаряд благодаря своему весу, погрузившись при падении вглубь океана, вскоре должен был непременно всплыть на поверхность!.. И вот теперь снаряд преспокойно колыхался на морских волнах.

На море были тотчас же спущены шлюпки; в одну из них вскочили Мэстон и его приятели. Волнение достигло высшего предела. В то время как шлюпки приближались к снаряду, все сердца готовы были разорваться. Что случилось с пассажирами снаряда! Живы ли они, или умерли? Ну, конечно, живы! Живы, если только смерть не настигла Барбикена и его товарищей уже после того как они выкинули флаг!

На шлюпках царило глубокое безмолвие. Сердца замирали. В глазах темнело.

Одно из окон снаряда было отворено. Осколки стекла, торчавшие в раме, доказывали, что оно было разбито. Это окно находилось сейчас на высоте пяти футов над водой.

Шлюпка, где сидел Мэстон, причалила к снаряду. Мэстон рванулся к разбитому окну.

В эту минуту послышался веселый и звонкий голос Ардана, который победоносно возглашал:

— Пустышки, Барбикен, со всех сторон — пустышки!
Барбикен, Мишель Ардан и Николь играли в домино.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Заключение.

Читатель может себе представить с каким волнением и сочувствием все провожали смелых путешественников. Если начало дерзкого предприятия вызвало такое возбуждение и в Новом и Старом Свете, то с каким же энтузиазмом должно было встретить население обоих полушарий Земли их возвращение?! Миллионы наводнивших Флоридский полуостров приезжих готовы были ринуться навстречу славным исследователям. Никто из несметного множества иностранцев, съехавшихся со всех концов света к американским берегам, не допускал и мысли, что покинет территорию Соединенных Штатов, не повидав Барбикена, Николя и Мишеля Ардана. Нет, конечно, — и это страстное желание людей было достойным ответом на благородный подвиг. Три представителя человеческого рода, покинувшие земной шар и возвратившиеся из необычного путешествия по пространствам вселенной, принимались с таким же восторгом, с каким был бы встречен сам пророк Илия, спустись он с небес на Землю в своей колеснице. Только бы их увидеть, только бы их услышать, — таково было всеобщее желание.

Это желание поголовно всех граждан Соединенных Штатов необходимо было удовлетворить и при этом как можно скорее.

Барбикен, Ардан и Николь в сопровождении друзей немедленно отправились в Балтимор, где были встречены с неописуемым энтузиазмом. Путевые заметки Барбикена были тотчас же подготовлены к печати. "Нью-Йорк геральд" не замедлил купить эту рукопись за цену, еще не установленную достоверно, но, должно быть, баснословную. И то сказать, пока на страницах газеты печаталось "Путешествие на Луну", тираж ее достиг пяти миллионов экземпляров. Через три дня после того как путешественники возвратились на Землю, малейшие подробности их странствований были уже известны всему свету. Теперь публика жаждала видеть трех героев сверхчеловеческого подвига.

Исследования, произведенные Барбикеном и его спутниками, дали возможность проверить различные теории, относящиеся к земному спутнику. Ведь эти ученые все наблюдали *de visu** и в совершенно особых условиях. Теперь стало ясно, наконец, какие из гипотез относительно строения, происхождения и обитаемости Луны должны быть отброшены, а какие приняты; путешественники открыли последние тайны прошлого Луны, ее настоящего и будущего. Трудно было спорить с исследователями, которые видели гору Тихо, самое поразительное орографическое явление лунного диска, с расстояния сорока километров; трудно возражать ученым, чьи глаза погружались в пропасти цирка Платона. Что можно было противопоставить показаниям трех храбрецов, которые благодаря случайностям своего странствия пролетели над невидимым полушарием лунного диска, до сих пор недоступного зрению человека? Они имели теперь право диктовать законы науке, воссоздающей лунный мир, как в свое время Кювье воссоздавал скелеты ископаемых животных. Они могли сказать: Луна была тем-то и тем-то — обитаемым миром в эпохи, предшествующие появлению жизни на Земле! Теперь Луна — то-то и то-то — мир, непригодный для жизни и потому необитаемый.

Желая отпраздновать возвращение знаменитейшего своего члена и его товарищей, "Пушечный клуб" решил задать пир, но пир такой, который был бы достоин и отважных исследователей и американского народа, — пир, в котором могли бы принять участие все американцы.

Все основные линии железных дорог Америки были соединены рельсами между собою. На всех станциях железных дорог были вывешены одинаковые флаги, сооружены одинаковые пиршественные столы, с совершенно одинаковой сервировкой. В точно вычисленное время, по электрическим часам, отбивавшим секунды во всех концах Америки одновременно, все население приглашалось занять места за столами этого небывалого пира. В продолжение четырех дней, с 5 до 9 января, все движение железных дорог было приостановлено, как это бывает в Соединенных Штатах по воскресеньям, и все пути оказались свободными.

И в течение четырех дней один только паровоз, с прицепленным к нему почетным вагоном, с неимоверной

---

* Воочию (лат.).

быстротой курсировал по железным дорогам Соединенных Штатов.

На этом паровозе, кроме машиниста и кочегара, было разрешено в виде особой милости поместиться и уважаемому секретарю "Пушечного клуба" — Дж. Т. Мастоу.

Почетный вагон предназначался для председателя "Пушечного клуба" Барбикена, капитана Николя и Мишеля Ардана.

По свистку машиниста поезд тронулся с Балтиморского вокзала, сопровождаемый оглушительным "ура" и всеми восторженными междометиями, какие только существуют у американцев. Поезд летел со скоростью восьмидесяти миль в час. Но что значила такая скорость по сравнению с вылетом наших героев из Колумбиады?

Герои торжества мчались из города в город, встречая на своем пути за пиршественными столами все население, которое приветствовало их восторженными кликами. Таким образом они прокатились по восточным штатам, через Пенсильванию, Коннектикут, Массачусетс, Вермонт, Мэн и Нью-Брансуик; пересекли с севера на запад Нью-Йорк, Огайо, Мичиган и Висконсин; пронеслись на юг через Иллинойс, Миссури, Арканзас, Техас и Луизиану; перерезали юго-восток через Алабаму и Флориду, через Джорджию и обе Каролины; они посетили центры Теннесси, Кентукки, Виргинии, Индианы и, наконец, через Вашингтон возвратились в Балтимор.

Нашим друзьям казалось, что в течение четырех дней вся Америка, восседавшая за одним общим колоссальным пиршественным столом, в одну и ту же секунду приветствовала их мощным единогласным "ура".

Апофеоз был достоин героев. Живи они в древнейшие времена, мифы, несомненно, причислили бы их к полубогам.

Какой же практический результат дало это путешествие на Луну, не сравнимое ни с одним путешествием, увековеченным в летописях человечества? Есть ли возможность завязать когда-либо непосредственные сношения с Луной? Установится ли особого рода воздушное сообщение по солнечной системе? Возможен ли перелет с планеты на планету, с Юпитера на Меркурий, а впоследствии — со звезды на звезду, например с Полярной звезды на Сириус? Какой способ передвижения даст людям возможность посетить все светила, которыми усеян свод?

Ответить на все эти вопросы трудно, но, принимая в соображение неисчерпаемую изобретательность англосаксонской расы, никто не удивится, если американцы попытаются извлечь пользу из первого опыта Барбикена.

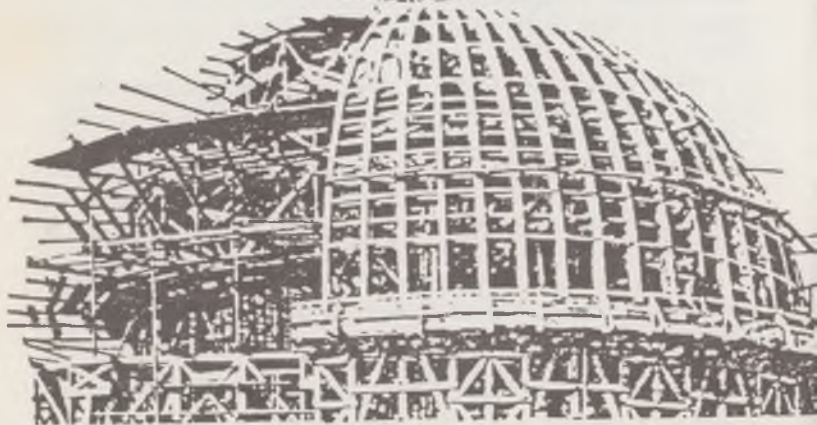
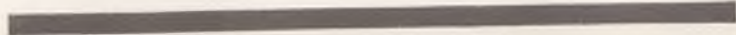
Спустя некоторое время после возвращения путешественников с Луны появились объявления о создании "Национального общества межзвездных сообщений" с капиталом в сто миллионов долларов, выпустившего сто тысяч акций. Председателем общества был избран Барбикен, вице-председателем — капитан Николь, секретарем по административной части — Мэстон, а директором службы движения — Мишель Ардан.

Население Соединенных Штатов отнеслось к этому начинанию чрезвычайно благосклонно, однако, со свойственной американцам деловой предусмотрительностью, была заранее создана, на случай банкротства, и арбитражная комиссия во главе с судьей-комиссаром Гарри Тролоппом и его помощником синдиком Фрэнсисом Дайтоном.

Часть первая
НЕОБЫЧАЙНЫЙ ПРОЕКТ

АНДРЭ ЛОРИ ИЗГНАННИКИ ЗЕМЛИ

Текст печатается по изданию:
Андрэ Лори. Изгнанники Земли,
"Молодая Гвардия", 1928

Часть первая

НЕОБЫЧАЙНЫЙ ПРОЕКТ

Глава I

ТАИНСТВЕННОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ АСТРОНОМА МООНИ

Обед пришел к концу, и все вышли на широкую террасу. Отсюда была видна неподвижная гладь Красного моря, слегка затуманенная призрачным январским сумраком.

В этот вечер французский консул в Суакиме Керсэнь принимал у себя молодого астронома Норбера Моони, особо рекомендованного ему министром иностранных дел.

В официальном письме консулу предлагали оказать возможное содействие Моони при выполнении его ученой миссии, а в интимной записке упоминалось, что эта миссия имеет громадное значение и носит секретный характер. Вот почему Керсэнь пригласил сегодня, кроме молодого ученого, только своего шурина, доктора Бриэ.

На обеде присутствовала также дочь Керсэня, Гертруда, красивая двадцатитрехлетняя девушка, очень мило и приветливо выполнявшая роль хозяйки.

Консул был вдов. Жена его умерла от туберкулеза еще во Франции, и он боялся, что та же участь постигнет и Гертруду. Из-за этого, главным образом, Керсэнь и попросил назначить его консулом в Судан, сухой и мягкий климат которого, по совету врачей, был наиболее благоприятен для слабого здоровья его дочери.

Жизнь в Суакиме текла довольно однообразно, и поэтому Керсэнь и его дочь обрадовались приезду молодого ученого и с интересом расспрашивали его обо всех новостях. Правда, сначала разговор носил несколько официальный характер, но после обеда беседа оживилась, и Керсэнь стал расспрашивать Моони о его работах.

— Министр сообщил мне в своем письме, — начал он, — что вы — астроном Парижской обсерватории и один из самых выдающихся ученых нашего времени...

— Господин министр значительно преувеличил мои заслуги, — скромно ответил молодой человек. — Я обратил к нему с просьбой оказать мне поддержку в случае надобности, и он очевидно считал для этого необходимым всячески расхваливать меня перед вами.

— Нет, уж вы не скромничайте! — вмешался доктор Бриэ. — Даже я, человек, никакого отношения к астрономии не имеющий, знаю, что вы представили ряд ценных работ по спектральному анализу и открыли две новых планеты: Присциллу и... простите, я уже забыл как называется вторая?

— Она пока еще не имеет никакого названия и обозначается номером. В настоящее время открывают так много планет, что право трудно найти для всех них названия, — улыбаясь ответил молодой ученый.

— А вы назовите ее Гертрудией! — сказал Бриэ, лукаво взглянув на свою племянницу.

— Ах, дядя! — воскликнула она. — С какой стати вы навязываете г. Моони мое имя.

— Нет, почему же, эта прекрасная мысль, я буду очень рад воспользоваться ею, если только вы ничего не будет иметь против этого. Для этих маленьких планет именно и нужны такие имена, которые не были бы похожи на другие.

— В таком случае, у меня будет собственная звезда! — обрадовалась молодая девушка, — и вы покажете ее мне?

— Очень охотно! Но ее можно будет увидеть только месяцев через семь или восемь, если погода будет благоприятствовать.

— Вот подарок, который не всякий в состоянии преподнести! — засмеялся доктор Бриэ.

Теперь Керсэнь нашел удобным предложить Моони вопрос, очень интересовавший всех присутствовавших.

— Мне уже известно, что вы приехали в Судан с научной целью, но скажите, не будет ли нескромным с моей стороны спросить вас, какого рода эта миссия?

— К сожалению, — ответил, улыбаясь, Моони, — в данный момент я не могу удовлетворить вашего любопытства, так как дело это, по возможности, должно остаться абсолютной тайной для всех. Могу вам сказать только, что я приехал сюда для того, чтобы изучить способы и средства осуществления довольно смелой экспедиции. Но я предпочитаю пока никому не говорить о моем проекте, так как даже мои сотрудники по Парижской обсерватории

считают этот проект химерическим, сумасбродным и совершенно неосуществимым. Если мне удастся достигнуть цели, об этом узнают все; в противном же случае — к чему вызывать скептические насмешки, которые ничем делу не помогут или даже повредят ему, поставив на моем пути новые препятствия.

— В своем письме, — продолжал Керсэнь, — министр просит меня оказать вам содействие и облегчить осуществление вашей трудной задачи. Поэтому я считаю своим долгом предложить вам еще один вопрос: не имеет ли ваша миссия связи с политикой?

— О, нет, смею вас уверить в этом! Я являюсь представителем одного совершенно частного акционерного предприятия, организованного на английские капиталы. Все мои сотрудники, прибывшие вместе со мною на пароходе "Dover-Castle", иностранцы и никакого отношения к политике не имеют. Для того, чтобы у вас не было никаких сомнений на этот счет, я скажу, что главной моей целью является только устройство астрономической станции на плоскогорье Тэбали в пустыне Байуда...

— Опытная станция в пустыне Байуда?! — воскликнул доктор.

— Нечего сказать, прекрасное выбрали время... Ну, вы — наивный человек, господин Моони. — Неужели вы думаете, что суданцы так и позволяют вам беспрепятственно построить вашу опытную станцию? Теперь опасно даже пробраться к верховьям Нила, а вы хотите переправиться через него и проникнуть в самую глубь Дарфура... Извините, но я должен вам сказать, что это — безумное предприятие!

— Ведь я уже говорил вам, что с первого же слова меня назовут сумасшедшим! — с улыбкой произнес Моони. — Теперь вы сами видите, что я не ошибся.

— Как хотите, а я от своих слов не отказываюсь, — продолжал добродушно возмущаться доктор Бриэ, — забираться теперь в самое сердце Судана, это, по крайней мере, так же рискованно, как отправиться к туарегам. Вы, вероятно, забыли, какая участь постигла всех, кто решался проникнуть южнее Триполи: Дурно в 1874 году, полковника Флаттерс в 1881 г., капитана Массон, доктор Гюгар, инженеров Рош и Берингер и многих других, — все эти отважные смельчаки погибли в пути, не достигнув цели.

— Знаю и помню обо всем этом, — спокойно ответил молодой астроном, — но те геологические и астрономические условия, которые мне необходимы, я могу найти

только на плато Тэбали, и это заставляет меня, не взирая ни на какие опасности, отправиться в пустыню Байуда!

— Я очень хорошо знаком со здешними условиями, — сказал Керсэнь, — и должен предупредить вас, что в настоящее время в Дарфур можно отправиться только с полком алжирских стрелков и конвоем в три тысячи верблюдов — не иначе.

— Я не могу даже вообразить себя во главе целого полка стрелков и такого огромного каравана, — заметил Моони. — Даже будучи на военной службе я никогда не добирался выше чина капрала и не командовал более чем четырьмя человеками. Поэтому для моей экспедиции мне вполне достаточно будет слуги моего, Виржиля, бывшего африканского стрелка, и хорошего проводника, если я сумею найти такого; это, мне кажется, заставит суданцев понять, что я являюсь к ним, как друг, а не как неприятель.

— Как друг?! Гяур-то?! Посмотрим, как они вас встретят? Вы сможете о многом рассказать, если они только оставят вам язык!

— Право, доктор, по вашим словам можно подумать, что я предпринимаю нечто сверхъестественное. Неужели эти суданцы в самом деле так свирепы?

— Да, они решили не выпускать живым из своих лап ни одного европейца, кто бы он ни был. Их, по меньшей мере, две-три тысячи человек, прекрасно вооруженных, дисциплинированных и слепо повинующихся своему вождю Махди. Разве вы не слышали о нем?

— Махди? Кажется, он объявил себя мусульманским пророком и организовал восстание на берегах Бахр-эль-Газалья, в двух или трехстах лье отсюда?..

— Совершенно правильно. Так вот этот самый Махди, если мы только не будем настороже, в течение года изгонит всех нас из Суакима, Хартума и Ассуана. Мало того, он, быть может, доберется даже до Каира и Александрии...

— Год — срок порядочный. Быть может, мне понадобится меньше времени для осуществления моей идеи.

Гертруда молча слушала этот разговор, в глубине души восхищаясь спокойным мужеством Моони и его непоколебимой решимостью выполнить принятую на себя задачу.

Воспользовавшись перерывом в общем разговоре, Керсэнь взял под руку Моони и пригласил его в свой кабинет. Оставшись наедине с ним, Керсэнь сказал:

— Признаюсь, что мне будет очень трудно оказать вам помощь и поддержку. Я заранее убежден, что в луч-

шем случае ваше предприятие только не увенчается успехом и вы будете принуждены вернуться назад, а в худшем — вас ждет гибель в глухой пустыне, где никто не окажет вам помощи.

— К сожалению, — спокойно возразил Моони, — я не могу отказаться от доверенного мне дела. На него уже затрачены значительные капиталы, а ни в каком другом месте я не найду тех исключительно благоприятных для осуществления моего проекта условий, которые имеются в пустыне Байуда. Даже самая анархия, которой, по вашим словам, охвачена вся страна, является в данном случае фактором положительным, так как это избавляет меня от необходимости испрашивать у кого бы то ни было различного рода разрешения, а получить их было бы, вероятно, не легко...

— И вы все же надеетесь, что вам удастся победить непримиримую враждебность туземцев ко всем европейцам?

— Приложу все старания для этого, потому что, повторяю, другого выхода у меня нет.

— Во всяком случае, предупредив вас о грозящей опасности, я целиком на вас самих возлагаю ответственность за это безумное предприятие. Но, поскольку решение ваше непоколебимо, необходимо принять все возможные меры предосторожности. В первую очередь вы должны разыскать в Суакиме старого негра Мабруки-Спика. Этот человек — лучший проводник, который будет для вас чрезвычайно полезен, так как он прекрасно знаком с нравами, обычаями и характером туземцев. В свое время он служил проводником многим путешественникам, в том числе Буртону, Гордону и знаменитому Ливингстону. Если желаете, я вас познакомлю с ним.

— Буду весьма благодарен и заранее извиняюсь за беспокойство, так как мне, вероятно, еще не раз придется обращаться к вам за помощью и содействием.

— Сделайте одолжение, — сказал консул, дружески пожимая руку своего гостя, — я рад служить всем, чем могу.

Они вернулись в гостиную, где их ожидал чай.

Гертруда тотчас же подошла к ним с чашкой чая, которую предложила Моони.

— Итак, вы скоро уезжаете от нас? — спросила она с видимым сожалением.

— Да, недели через две-три. Мне еще необходимо сделать некоторые приготовления.

В этот теплый и ясный вечер все небо было усыпано звездами, яркими искорками, отдававшимися в темном зеркале моря. Гертруда вышла на террасу и, задумавшись о чем-то, устремила взгляд на небо, точно надеясь отыскать среди ярких звездочек планету, окрещенную ее именем.

Глава II

ГОСТИ НА "DOVER-CASTLE"

— Этот молодой астроном мне очень нравится, — сказал на следующий день Керсэнь своей дочери за утренним чаем. — По словам доктора Бриэ, он — выдающийся ученый с блестящей будущностью...

— Словом, он тебя победил, папа! — смеясь прервала его молодая девушка, улыбкой желая скрыть легкое смущение.

— А ты уже, вероятно, успела подметить в нем какой-нибудь недостаток. Ну, что же, если он тебе несимпатичен, я приму это к сведению. Он приглашает меня и тебя сегодня на свое судно "Dover-Castle". Я, конечно, могу туда поехать один и извиниться за тебя, придумав какой-нибудь предлог...

— Придумывать предлог, чтобы не ехать на "Dover-Castle"? Ты шутишь, папа! Я скорее стала бы искать предлог, если бы это было нужно, для того, чтобы туда поехать.

— А, вот как вы изволите рассуждать, сударыня! Ну, прекрасно. В таком случае приготовься к пяти часам; перед закатом солнца шляпка будет ожидать нас у набережной.

В назначенное время Керсэнь с дочерью были уже на набережной, где Моони поджидал их в обществе какого-то незнакомца.

— Очень благодарен вам, что вы приняли мое приглашение, — сказал астроном, пожимая руки гостям. — Разрешите представить вам моего друга, Буцефала Когхилль, являющегося участником нашей экспедиции.

Несмотря на свой молодой возраст, — ему было лет двадцать пять, — Когхилль был очень опытным путешественником, исколесившим вдоль и поперек всю Африку. Познакомившись с Керсэнем и его дочерью, он стал оживленно рассказывать Гертруде о своих многочисленных приключениях, а Моони вместе с Керсэнем подошли к группе арабов, громко споривших о чем-то с негром и тремя европейцами.

— Да, это — Мабруки-Спик! Очень хорошо, что вам удалось разыскать его, — произнес Керсэнь, указывая на негра. — О чем же он с ними спорит?

— Мабруки должен нанять верблюдов для нашей экспедиции, но, кажется, не может придти ни к какому соглашению с ними...

В самом деле, арабы кричали, спорили, божились, ругались; словом, происходило все то, что происходит на Востоке каждый раз, когда приходится решать хотя бы самое пустяшное дело. Громадный тощий араб, с ястребиным взглядом, крючковатым носом и длинной черной бородой, горячился больше всех, призывая в свидетели своей добросовестности самого Аллаха и клянясь сединой отца и головами потомства. Но его красноречие мало действовало на европейцев, один из которых подошел к Моони и сообщил:

— Они просят по десяти пиастров за верблюда и ни за что ни хотят уступить...

— Господин Игнатий Фогель, один из комиссаров нашей экспедиции, — холодно представил его Моони и, извинившись перед гостями, отошел со своим собеседником в сторону.

Надо заметить, что комиссар был человек вида весьма непривлекательного. Увешанный брелоками, со множеством колец на пальцах, в клетчатом костюме, с крошечной шапкой, едва державшейся на макушке, с постоянной неприятной улыбкой над желтыми зубами и маленькими бегающими глазками, — он производил весьма невыгодное впечатление.

— По десяти пиастров, говорите вы? — повторил Моони. — А сколько верблюдов они могут дать?

— Пятьдесят, но я нахожу, что это безобразная цена.

— Напротив, это крайне дешево. Ведь они должны пройти громадное расстояние. Я жалею только о том, что мы не можем достать за эту цену пятьсот верблюдов вместо пятидесяти. Соглашайтесь скорее и оставьте их за нами.

— Хорошо, — недовольным тоном пробормотал Фогель и поспешно удалился к группе верблюжатников.

“Странный сотрудник у господина Моони и его приятеля”, — подумали г. Керсэнь и Гертруда, глядя на Фогеля.

Через несколько минут приглашенные уже находились на “Dover-Castle”, где их очень любезно и радушно встретил капитан.

На корме парохода гостей уже ждал стол, украшенный цветами и заставленный мороженым, фруктами, пирожным и печениями.

— Всем этим угощением мы всецело обязаны заботам Когхилля, — смеясь заметил Моони.

— Господину Когхиллю, во всяком случае, свойственно уметь прекрасно сервировать стол, — с улыбкой похвалила его Гертруда.

Когда гости расселись и занялись веселой и оживленной беседой, к столу подошел Игнатий Фогель в сопровождении двух незнакомцев, которых гости уже видели мельком на набережной. Норбер поспешил тотчас же представить их:

— Г. Питэр Грифинс... г. Костерус Вагнер, — комиссары экспедиции.

Товарищи Фогеля так же, как и он, производили весьма неблагоприятное впечатление, "Очевидно, г. Моони не особенно счастлив в выборе своих комиссаров", — невольно подумала Гертруда.

— Что же, вам удалось уладить ваше дело с верблюжатниками? — осведомился консул.

— Черт их возьми — этих проклятых туземцев! — воскликнул, хлопнув себя по колену, Питэр Грифинс. — Нам едва удалось собрать тридцать пять верблюдов вместо обещанных пятидесяти.

— Эти подлецы сговорились и буквально издеваются над нами, — продолжал Игнатий Фогель. — Я сильно сомневаюсь, чтобы нам удалось собрать необходимое количество верблюдов.

— А сколько вам требуется верблюдов и вожakov? — спросил консул.

— Да по меньшей мере восемьсот верблюдов и соответствующее количество людей, — ответил Моони. — Мы должны выгрузить весь наш материал и перевезти его по пустыне на возвышенность Тэбали, т.е. приблизительно на расстояние ста двадцати миль отсюда, вглубь страны. Я вполне понимаю, что это не легко, но, во всяком случае, это было бы возможно, если бы недоверие туземцев не создавало нам ежеминутных препятствий и затруднений.

— Почему же вы мне раньше не сказали об этом? — воскликнул консул. — Я бы избавил вас от множества бесполезных хлопот... Знайте, что для таких громадных транспортов вы ничего не получите здесь, в Суакиме, и ближайшей к нему местности, если предварительно не обратитесь к настоящему господину этой страны, к мес-

тному “святому” Сиди-Бэн-Камса, радамехскому могаддему, вождю многочисленного племени шерофов... Без его содействия и разрешения вы не найдете верблюдов. Поэтому я рекомендую вам заручиться расположением этой великой персоны или совершенно отказаться от своей затеи.

— Но каким образом это сделать? Мне кажется, что привлечь его симпатии еще труднее, чем собрать верблюдов.

— Не беспокойтесь: ведь золотой ключ отворяет почти все двери.

— Неужели его можно подкупить?

— Не только можно, но и должно. Сиди-Бэн-Камса каждое утро с восходом солнца дает аудиенцию проходящим к нему за советом по самым разнообразным делам. На этих приемах бывает очень много посетителей, но никто не является к нему с пустыми руками.

— Ну, за этим дело не станет!— весело воскликнул Моони.— Я готов на всевозможные расходы, если только он согласится помочь нам. А далеко ли отсюда до его резиденции?

— Около двух дней или вернее двух ночей пути.

— Мне кажется, нам не мешало бы завтра же отправиться к этому великому могаддему. Как вы думаете, Когхилль?

— Я полагаю, что это путешествие будет истинным наслаждением, если наши гости согласятся отправиться вместе с нами.

— Я буду очень рада!— воскликнула Гертруда.— Право, вы не могли бы предложить мне ничего более приятного. Я уже давно хотела посмотреть на этого знаменитого могаддема...

— Если мы не будем лишними, то я с удовольствием приму ваше приглашение,— сказал консул.— Доктор Бриэ давным-давно предлагал совершить эту интересную поездку. Если вы ничего не имеете против, то и он присоединится к нам.

— Прекрасно! Итак, необходимо приготовиться к этому путешествию. Я полагаю поручить заботу об этом Мабруки-Спику и, если это для вас удобно, назначить отъезд на завтра.

— На завтрашний вечер, понятно: ведь вам, вероятно, известно, что из-за невыносимой жары здесь можно путешествовать только вечером и ранним утром... Если хо-

тите, мы назначим сборным пунктом посольский дом, а время — шесть часов вечера.

— Шесть часов? Хорошо! — ответил Моони и, призвав Мабруки-Спика, сделал ему необходимые распоряжения.

Глава III

НЕПРИЯТНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ В ПУСТЫНЕ

Маленький караван, под предводительством Мабруки-Спика, сначала направился прямо к востоку, по дороге к Берберу, а затем свернул на юг — к Радамехскому оазису. Дорога эта сначала пролегла по гористой и разнообразной местности, а потом путешественникам пришлось идти по волнистым бесплодным дюнам, сливавшимся с горизонтом. Такова Нубийская пустыня на всем своем протяжении между Нилом и Красным морем. По внешнему виду она еще более безотраднa, однообразна и печальна, чем знаменитая Сахара.

После весьма продолжительных переговоров все три "комиссара" — Вагнер, Фогель и Грифинс, первоначально намеревавшиеся отправиться в это путешествие, единогласно решили остаться в Суакиме. Хотя Моони заподозрил, что под этим решением скрывается какая-то недоброжелательная мысль, но общество этих людей было так неприятно, что он в душе был рад их решению. Таким образом, в экспедиции участвовали: Керсэнь, его дочь, доктор Бриэ, Когхилль и Моони; все они ехали верхом в сопровождении нескольких слуг.

Люди с различными походными предметами и провиантом, распределенным на семи верблюдах, составляли арьергард, придавая маленькому каравану еще более живописный вид. Впереди ехали пять арабов, ловко примостившихся на самой шее своих верблюдов, среди тюков и всякой клади. Далее следовали две совершенно различные фигуры: худой и вытянутый, как палка, Тиррель Смис, слуга Когхилля, и громадный черномазый детина с веселым и довольным лицом — Виржиля, слуга Моони.

Выражение крайнего недовольства, сказавшееся на гладко выбритой физиономии Тирреля, по-видимому ужасно забавляло Виржиля.

— Ну, что же, друг! — сказал он, бесцеременно хлопав англичанина по плечу. — Вы бы предпочли, конечно, вагончик первого класса на железной дороге, не так ли?

Такого рода фамильярность вовсе не входила в привычки строгого Тирреля Смиса. Кроме того, он плохо понимал французский язык и поэтому ответил презрительной гримасой, не проронив ни слова. Но Виржилль нимало не смутился этим: он даже не обратил внимания на величавое высокомерие Тирреля.

— Попробуйте-ка этого, приятель, и тогда вы скажете мне спасибо!— весело сказал он, протягивая Тиррелю флягу с французской водкой, к которой англичанин питал особое уважение.

Водка очень благотворно подействовала на почтенного Смиса, развязав ему язык и пополнив все его познания во французском языке.

— В котором часу мы прибудем в отель?— важно осведомился он, делая усилие казаться любезным.

— В отель?! — со смехом воскликнул Виржилль.— Вы, вероятно, думаете, что отели, подобно грибам, вырастают на каждом шагу в Нубийской пустыне. Мы сами смастерим себе отель из палаток и сделаем привал около полуночи, часика на три-четыре, а потом двинемся дальше.

— Но эти джентльмены?.. и леди?..

— Ну, и они, наши джентльмены и леди, сделают точно так же, как мы: проспят часок-другой на своих пледах и одеялах, съедят по корке хлеба и тоже поедут дальше.

Вероятно почтенный Тиррель Смис продолжал бы еще долго возмущаться, если бы маленький караван, по знаку Мабруки, не сделал бы привал на том месте, где перекрещивались дороги в Радамах и Бербер. В несколько минут арабы развели костры, зажгли факелы, вбили колья, раскинули палатки и разостлали ковры. Все расселись кругом и с аппетитом принялись за ужин, после которого Гертруда и ее служанка Фатима удалились в особо приготовленную для них палатку, а трое французов и Когхилль расположились в другой палатке. Все думали только об отдыхе и сне.

Но отдых этот был непродолжителен. Через час после того, как наши путешественники заснули, они внезапно были разбужены шумными криками. Фатима боязливо выглянула из палатки, чтобы узнать в чем дело.

— Это берберийские пилигримы, отправляющиеся на поклонение к могаддему радамахскому,— сообщила она Гертруде, возвратившись в палатку.

Горя любопытством, Гертруда тотчас же встала и при-

соединилась к отцу и остальным путешественникам, также вышедшим из своей палатки.

Берберы ехали верхами на мелкорослых осликах, которыми управляли простыми недоузками. Были среди них и женщины, и совершенно нагие дети, которые, увидев лужу стоячей воды вблизи лагеря, тотчас же принялись барахтаться в ней. Очевидно, пилигримы намеревались расположиться здесь на отдых.

Соскочив со своих мулов, они улеглись прямо на землю и тотчас же уснули.

Тишина и спокойствие воцарились над спящей пустыней. Но едва наши путешественники улеглись в своих палатках, как резкий крик снова нарушил их покой.

Это кричал один из осликов, вероятно, обрадованный тем, что ему посчастливилось найти клочок зеленой травки. Крик ослика не был так резок и пронзителен, как у его европейских собратьев, но все же наши путешественники искренно обрадовались, когда он прекратил свой концерт.

Но радость их была преждевременна, потому что вслед за этим раздался крик другого осла.

— Увы! — воскликнула Фатима. — Теперь нам не дожидаться конца. Я уже знаю их привычку. Если только один начнет, то все последуют его примеру, а ведь их более шестидесяти... Этот концерт, наверное, будет продолжаться более трех часов.

— В таком случае, нам нечего и думать о сне.

— Ну, конечно, какой же тут сон!

Подобного же рода разговоры происходили, вероятно, и в соседней палатке, а ослы один вслед за другим продолжали тянуть свои монотонные серенады.

Наиболее гневным и нетерпеливым слушателем этого ослиного концерта был Тиррель Смес. Схватив первую попавшуюся ему под руку палку, он устремился с ней туда, где находились ослы, и принялся изо всех сил тузить очередного певца.

Но ослами, очевидно, овладело музыкальное бешенство. Услышав жалобные крики избиваемого товарища, все они хором завели такой громкий концерт, что он сделался положительно нестерпимым. А Тиррель Смес, ослепленный яростью и своим великим усердием, принимал это *crescendo* за личный вызов. Беспощадно избивая несчастного концертанта, он не обращал внимания на крики и угрозы берберов, страшно рассердившихся на англичанина.

В это время Виржилль подбежал к месту происшествия.

— Оставьте, перестаньте!— кричал он Смису.— Вы только еще больше раздразните их. Я знаю, как успокоить ослов и заставить их замолкнуть.

К величайшему удивлению всех путешественников, через несколько минут ослы сразу успокоились, и в пустыне воцарилась полнейшая тишина.

Виржиль очень легко и безболезненно для ослов добился таких блестящих результатов. Зная, что ослы только тогда кричат с полным удовольствием, когда задирают хвосты вверх, Виржиль весьма остроумным способом заставил их опустить хвосты. Он пригнал всех ослов к тому месту, где были свалены вещи путешественников, и с помощью своих товарищей стал привязывать к их хвостам концы веревок, которыми были перевязаны тюки.

После этого ослиный концерт прекратился, и наши путешественники, посмеявшись над остроумным средством находчивого Виржиля, отправились на отдых. В четыре часа утра Мабруки разбудил всех, торопя в дальнейший путь. Вдруг послышались сердитые ругательства Виржиля:

— Проклятые собаки арабы! Этакие негодяи! Уж заплатите вы за это!

— В чем дело, Виржиль? Что случилось?— с беспокойством спросил Моони, выбежавший на его крики.

— Эти каналы арабы удрали отсюда раньше нас и захватили с собою все наши ящики и тюки с провизией.

— Неужели? Что же мы будем делать?

— Эти черти увезли решительно все: мясо, все консервы, сухари, печенье... не исключая даже бурдюков с водой, которая была им вовсе не нужна, потому что здесь больше воды, чем им нужно. Они нарочно забрали нашу воду, чтобы досадить нам; этакие мерзавцы!

— Мы отправимся за ними в погоню,— решил Моони.— Все это случилось недавно, и они не могли далеко уйти за это время.

— Как вы думаете, Мабруки,— обратился к проводнику Керсэнь,— успеем мы их догнать?

— Я полагаю, что это будет бесполезно,— ответил старик.— Даже если мы нагоним их, то они успеют к тому времени припрятать всю нашу провизию в песок и, как только завидят нас, тотчас же бросятся врассыпную.

— Ну, что же делать в таком случае? Ведь не умирать же нам с голода!

— Придется отправиться в Даис и купить там съестные припасы.

— А далеко отсюда до Даиса?

— Около трех миль,— ответил Мабруки,— но эта дорога слишком плоха для лошадей. Я отправлюсь туда с двумя верблюдами и их жожаками и догоню вас на следующей остановке. А вы отправляйтесь в путь. Сбиться с дороги вы здесь не можете, так как вам следует идти все время прямо на юг. Любой из наших арабов укажет вам дорогу.

Так как другого выхода не было, то Мабруки сейчас же отправился с двумя арабами и двумя верблюдами в Даис, а остальные путешественники принялись убирать палатки.

В этот момент появилось какое-то странное существо, в котором очень трудно было узнать всегда столь чисто-плотного Тирреля Смиса.

Мокрый и облепленный грязью с головы до ног, он имел очень жалкий и смешной вид.

Общий взрыв хохота приветствовал его появление.

— Я положительно не понимаю, что со мной случилось... Я, вероятно, попал... под ливень...

Новый взрыв смеха.

— Сейчас мы узнаем,— пробормотал Виржиль и, не сказав никому ни слова, побежал в ту палатку, где ночевал Смис. Вся палатка была затоплена и представляла собою сплошную лужу, в которой плавали пустые бурдюки.

— Это мечь проклятых берберов,— сказал Виржиль.— Они отблагодарили Смиса за избиение их ослов.

— Хорошо еще, что они бурдюки-то нам оставили!— весело воскликнул доктор Бриэ.— По крайней мере, мы можем наполнить их водою из этой лужи.

— Из этой лужи?!— возмутился Виржиль.— Ведь в ней барахтались грязные арабчата.

— Как так?

— Они все так прекрасно выкупались в этой луже, что теперь в ней не осталось ни одной капли чистой воды.

Все с прискорбием согласилось с Виржилем, но гнев Тирреля Смиса положительно не знал границ.

— Нет воды, ни одной капли воды!— отчаянно восклицал он, задыхаясь от злобы и негодования.

— Да, ни капли...

— Но как же я приготовлю ванну для сэра Буцефала?

— Ну вот!— засмеялся Виржиль.— Это самая последняя из всех наших забот; будьте уверены, что сэр Буцефал без ванны, наверное, не умрет.

Но это нисколько не успокоило негодование почтенного Тирреля Смиса.

Двинулись в путь; настроение у путешественников было не очень веселым, потому что все они порядком проголодались. Перед отъездом Виржилль усердно занялся собиранием остатков топлива, сухой травы и сухих прутьев, связывая их в большую вязанку.

— Разве вы боитесь замерзнуть в пути, или собираетесь развести костер на луке вашего седла?— насмешливо спросил Виржиля Тиррель, озлобленный на него за насмешки.

— Вот именно, вы угадали!— отозвался, нисколько не смущаясь, Виржилль.

Усердный парень до тех пор не тронулся с места, пока не нагрузил своего верблюда двумя большими вязанками топлива и четырьмя пустыми бурдюками.

Солнце еще не показалось на горизонте; воздух был чист и прохладен; в пути наши друзья совершенно забыли о том, что они остались без раннего завтрака и что на второй завтрак, ожидавшийся в будущем, надежды было мало.

Доктор Бриэ, которого по-прежнему ужасно интересовало таинственное предприятие Норбера Моони, пытался еще раз выведать у него кое-что об этом, но молодой ученый очень осторожно избегал и обходил все такого рода расспросы.

После трехчасового странствования наши путешественники подъехали к небольшой купе жидких и редких деревьев, которые были расположены на значительном расстоянии друг от друга.

Это место было назначено Мабруки для остановки. Солнце успело уже высоко подняться, жара становилась томительной, и все ощущали сильный голод.

— Но, ведь, у нас есть ружья, и я положительно не понимаю, зачем нам ждать завтрака?— сказал Виржилль.

Прежде, чем кто-либо успел спросить его, что он хочет этим сказать, Виржилль вскинул ружье и двумя выстрелами убил наповал двух птиц из породы фазанов, которых он заметил на вершине одной из пальм. Этого было достаточно для того, чтобы взволновать все пернатое население маленького оазиса; с неистовым криком оно взвилось в воздухе, но потом снова опустилось на прежнее место. В то время, как Виржилль разводил огонь и проворно ощипывал своих фазанов, Буцефал и Норбер последовали его примеру, и вскоре с полдюжины птиц были ощипаны. Этого было более чем достаточно для жаркого. Но кусочек хлеба

не испортил бы обеда, как весьма основательно заметила Гертруда.

— Нет ничего легче, как добыть хлеба,— воскликнул Виржилъ,— это дело четверти часа... Эй, приятель! — позвал он Смиса и вместе с ним отправился в маленький овраг, где рос тростник, метра в два или три вышины.

— Как вы думаете, что можно сделать с этим?— спросил Виржилъ, лукаво посматривая на англичанина.

— Из этих тростников... Право, не знаю, на что они годятся...

— Это совсем не тростники: в Алжире это называется сорго, а здесь у арабов — дурра... Правда, это не первый сорт, но, если нет выбора, приходится довольствоваться и этим... Прежде всего, приступим к жатве, а затем обратимся в хлебопеков.

Вынув нож, Виржилъ принялся проворно срезать сорго и связывать их в снопы. Потом, взвалив их на спину, он вернулся в лагерь. Зерна сорго были совершенно зрелы, так что их без труда можно было давить между двумя камнями.

— Но, ведь, для того, чтобы изготовить хлеб, необходимо иметь воду,— заметил доктор.

— Ну, что ж, раздобудем и воду!— весело отозвался Виржилъ и стал осматривать деревья, с особым вниманием вглядываясь в громадную финиковую пальму, оголенную от ветвей и листвы. Затем, подняв ружье, Виржилъ прицелился в самую середину и спустил курок.

— Здорово!— воскликнул Тиррель Смис.— Этот Виржилъ так осатанел от жары, что начинает уже стрелять в деревья...

Но, к величайшему удивлению всех путешественников, пуля пробила ствол финиковой пальмы — и в тот же момент из этого отверстия полилась струя чистой, свежей воды.

Фатима, широко раскрыв глаза, готова была принять добродушного Виржиля за колдуна и волшебника, а наш герой, не теряя времени, схватил один из пустых бурдюков, взятых им с прежней стоянки, и наполнил его водою у своего импровизированного источника.

— Вот что значит практический ум!— восхищался доктор Бриэ.— Ведь я тоже знаю, что жители Судана выдалбливают стволы старых деревьев и наполняют их водой, тщательно закупоривая свои водохранилища. Но мне никогда не пришло бы в голову, что такого рода цистерной является и эта пальма, не говоря уже о том,

что я, наверное, не догадался бы откупорить эту цистерну так просто и так ловко.

— О, прием этот выдумал не я,— скромно отозвался Виржилъ.— Я заимствовал его от туарегов. Однако, мой бурдюк уже почти полон... Мистер Смес, потрудитесь поддержать его одну минуту, пока я сбегая за остальными тремя бурдюками.

Вернувшись в палатку, где остальные путешественники укрывались от палящих лучей солнца, доктор Бриэ рассказал им о новом подвиге Виржиля. Все тотчас же отправились к диковинному дереву, чтобы утолить жажду несколькими глотками свежей холодной воды.

Около пальмы стоял Виржилъ в крайне возбужденном состоянии.

— Что случилось? В чем дело?— спросили его сразу несколько человек.

— Я не знаю, куда девалась вода,— волновался Виржилъ.— Где этот Смес? Ведь я ему отдал почти полный бурдюк... Смес... Смес...

— Я здесь, — спокойно ответил англичанин, находившийся в одной из палаток.

— А где же вода?

— Вода? Да здесь, конечно. Где же ей быть?— столь же хладнокровно ответил Смес, и его флегматическая, исполненная сознания собственного достоинства, физиономия показалась у входа палатки. Виржилъ тотчас же побежал туда, а за ним последовали и остальные.

Неожиданное зрелище представилось глазам удивленных зрителей.

Примерный слуга, достав из одного чемодана Когхилля великолепную каучуковую ванну, расправил ее и наполнил водою, находившейся в бурдюке. Он вылил в ванну все, до последней капли. Затем, бросив в ванну громадную греческую губку, он с довольным видом почтительно склонился перед Буцефалом и произнес обычным торжественным тоном:

— Ванна готова, сэр!

Пришлось силою удержать Виржиля, бросившегося на корректного и самодовольного Смиса.

— Идиот!— искренно выругал своего слугу Когхиль.— Который раз ты мне устраиваешь подобные штуки. Господа, я право не знаю, чем оправдать себя в ваших глазах. Я бы с удовольствием швырнул его самого в эту ванну вниз головой и держал бы под водою до тех пор, пока он не захлебнется.

Тиррель Смес был больше удивлен, чем огорчен всем происшедшим. Бедный англичанин не знал, за что, собственно, его упрекают. То, что он сделал, было вполне естественно и в порядке вещей. Разве не лежит на его обязанности готовить каждое утро ванну для Когхилля. Чего же он ругается?

К счастью для Смеса и всех остальных путешественников, в это время вернулся Мабруки-Спик.

Его задержали в пути неудобная дорога, а также медлительность и неповоротливость жителей Даиса. Но все же он привез с собой большие запасы всякой провизии, свежей воды, хлеба, словом, всего, что только требовалось нашим путешественникам... Теперь уже сам Виржилль смеялся над забавным происшествием, но дал себе слово отныне смотреть в оба за своим приятелем-англичанином, убедившись на опыте, что ему нельзя доверять.

С закатом солнца маленький караван двинулся в путь, а около полуночи сделал новый привал. На этот раз ночь прошла благополучно, а в четыре часа утра все поднялись и снова отправились, чтобы по возможности раньше прибыть в резиденцию могаддема.

Глава IV

РАДАМЕХСКИЙ МОГАДДЕМ И ТАИНСТВЕННЫЙ ОРАКУЛ

Было около семи часов утра, и солнце начинало уже палить нещадно, когда путешественники заметили вдаль, на вершине небольшого холма, мечеть, минарет и длинные ряды ослепительно белых стен, мелькавших в яркой зелени садов.

Это был Радамех.

— Через сорок минут мы будем там!— обнадежил всех Мабруки-Спик.

— Вот хорошо!— обрадовалась Гертруда.— Этот воинственный головной убор положительно давит меня, а снять его под этими палящими лучами солнца я все-таки не решаюсь.

— Пожалуйста, не делайте этого!— заботливо воскликнул Норбер,— вы рискуете получить солнечный удар.

— По-моему, вы должны были бы позаботиться обо мне,— смеясь, заметил доктор Бриэ, утиравший пот обеими руками.— Удивительно, как не предусмотрительны эти молодые ученые. Скажите, что стало бы с вашей экс-

педицией, если бы она лишилась своего главного врача... А, между тем, вас совсем не беспокоит, что я все время снимаю свою полотняную каску.

Через полчаса маленький караван прибыл к подножию холма, на вершине которого раскинулся Радамех. Кони и верблюды бодро поднялись по крутой каменистой дороге и остановились на площади, или, вернее, пустыре, ограниченном с восточной стороны зауиа.

Здесь путешественники сошли с коней. Тотчас же их окружила громадная толпа пилигримов, состоявшая из людей разнородных национальностей, сословий и возрастов. Все они пришли за советом и наставлениями к прославленному могаддему.

Здесь можно было увидеть негров из Дарфура и Кордофана, арабов в длинных бурнусах, турок в сборчатых шальварах и евреев.

В этой громадной толпе, пестревшей всевозможными нарядами, были и берберы, быть может, даже те самые, которые повстречались нашим путешественникам в первую ночь их пути. Впрочем, никто теперь об этом и не думал: все заботились лишь о том, как бы поскорее устроить свои дела и увидеть могаддема.

Этот почтенный человек принимал своих посетителей в громадной зале, широкая двустворчатая дверь которой выходила прямо на площадь. Вход в это святилище был доступен для каждого, и наши путешественники вошли туда вместе с другими.

Когда европейцы очутились в высоком сводчатом зале, напоминавшем христианский собор с узкими окнами из цветных стекол, их охватило состояние какого-то физического довольства и истомы. Здесь царила прохлада и приятный полумрак; это было особенно приятно после томительного зноя и трудного пути под горячим солнцем, слепившим глаза.

В противоположном конце залы, на дорогом редкого рисунка квадратном ковре неподвижно сидел могаддем, обличенный в просторный халат с широкими рукавами. По внешнему виду ему можно было дать лет сорок, хотя в его густой черной бороде уже пробивалась седина. Он был необычайно худ и напоминал иссушенную мумию. Своими тонкими пальцами могаддем медленно перебирал тяжелые янтарные четки. Если бы не это едва заметное движение, его можно было бы принять за статую.

Вокруг ковра теснились посетители, жадно следившие за каждым движением могаддема. Изредка группа музы-

кантов, чинно сидевших вдоль левой стены, принимались мерно ударять ладонями по своим там-тамам (бубны).

Но сам могаддем оставался безучастным ко всему, как будто он находился в состоянии экстаза. Чтобы привлечь его внимание, требовались подарки высокой ценности: кусок дорогой шелковой ткани, слоновая кость, ложка золотого песку, словом, что-нибудь выходящее из ряда обычных подношений. Тогда он издавал глубокий вздох, медленно подымал свои отяжелевшие веки и бормотал несколько слов в ответ на вопрос, предлагаемый ему посетителем.

Первое место по правую его руку занимало странное, безобразно кривлявшееся существо, привлекавшее внимание посетителей, едва ли не больше, чем сам могаддем.

Ростом это существо было не выше четырехлетнего ребенка, но его плечи были необычайно широки даже для взрослого человека. Сильно мускулистые руки, свидетельствовавшие о необычайной силе этого крошечного человека, висели вдоль туловища, почти прикасаясь к громадным ступням его ног. Если прибавить ко всему этому угольно-черный цвет кожи, рот до ушей, широкий, сильно вздернутый кверху нос и узкие в виде щелок глаза, скрытые громадными очками, то получится довольно точный портрет этого уroda. Наряд его состоял из широкой шелковой блузы ярко-красного цвета, ниспадавшей на белые шальвары и стянутой вокруг пояса широким синим шарфом; желтые сафьяновые сапоги и громадный белый тюрбан, из-под которого выбивалась его густая борода, дополняли его одеяние.

Стоя на краю ковра, он не спускал глаз с могаддема и казалось вовсе не замечал многолюдной толпы, собравшейся вокруг него. Время от времени могаддем и его карлик обменивались какими-то таинственными знаками, заменявшими им слова. Внимательно присмотревшись к этим знакам, доктор Бриэ шепнул Моони, что он узнает в них азбуку глухонемых.

В тот момент, когда наши путешественники приблизились к могаддему, обычная неподвижность карлика на мгновение изменила ему. Нечто похожее на удивление промелькнуло на его безобразном лице, но почти тотчас же он снова успокоился.

Между тем, Мабруки положил на ковер перед могаддемом дары европейцев, без которых нельзя было являться к магометанскому пророку. Заметив дорогие подарки, могаддем сразу оживился и удостоил своих новых почитателей коротким благодушным взглядом.

Тогда Моони выступил вперед и при посредстве переводчика изложил пророку свою просьбу.

Могаддем снова погрузился в полнейший покой. Закрыв глаза и скрестив руки над четками, он, казалось, застыл в этой позе. Но через несколько минут он открыл глаза и взглянул на своего уродливого карлика, сделав несколько таинственных знаков. Карлик распростерся на полу и трижды ударился лбом о землю.

После этого могаддем пробормотал несколько слов, выражая со своей стороны полное согласие и готовность предоставить в распоряжение путешественников своих верных сынов, храбрых и смелых детей племени шерофа, и их верблюдов, но для окончательного решения следовало еще допросить оракула...

— Какого оракула? — удивился Моони.

— Оракула Шейха Сиди-Магомета-Жерайба, — таинственно пояснил Мабруки, в то время, как могаддем, снова погрузившийся в свою глубокую думу, не подавал ни малейших признаков жизни.

— А где же он торчит, этот новый святой? — сердито спросил Моони.

— В своей усыпальнице, на расстоянии каких-нибудь пятисот шагов отсюда, — ответил старый проводник. — Но за это нужно будет заплатить...

— Ну, что же поделаешь? Лишь бы поскорее кончились все эти церемонии.

Выйдя из приемной залы могаддема, наши путешественники тотчас же направились к могиле Шейха, находившейся в четырехстах метрах, за оградой зауиа, на совершенно открытом месте.

Минут через десять общество подошло к усыпальнице, представлявшей собой сооружение кубической формы и высеченной из цельного громадного камня. Она была украшена небольшим куполом, над которым возвышались три развесистые пальмы.

У входной двери посетителей ожидали два дервиша с пергаментными лицами и наголо обритыми головами. Узнав, что посетители желают обратиться к оракулу, дервиши потребовали с них предварительную контрибуцию в размере пяти пиастров с человека. Получив требуемую сумму и поспешно прикарманив ее, они попросили путешественников снять обувь, без чего нельзя войти в самое святылице. Волей-неволей пришлось подчиниться.

Потом дервиши не захотели пропустить Гертруду и Фатиму, так как женщины на Востоке не имеют права

входить в святые места. Чтобы удалить и это препятствие, потребовалась еще одна золотая монета.

Когда все препятствия были устранены и путешественники наконец вошли в круглую залу, где стояла урна с прахом Шейха, один из дервишей сказал:

— Пусть чужеземец обратиться с вопросом к самому Сиди-Магомету-Жерайбу...

— Черт побери! — воскликнул Моони вполголоса. — Этот оракул, кажется, мог бы говорить по-французски.

— Я говорю по-французски, — ответил тотчас же какой-то замогильный голос, который, казалось, исходил из серой мраморной урны.

Посетители, не ожидавшие ничего подобного, были совершенно ошеломлены, но Моони быстро овладел собой и произнес с улыбкой:

— Сиди-Магомет-Жераиб, если ты так хорошо владеешь французским языком, то я буду говорить тебе все откровенно. Мы нуждаемся в твоём всемогущем содействии, чтобы получить от племени шерофов средства для перевозки. Согласен ли ты предоставить их мне?

Между тем, оба дервиша бросили в маленькие кадилницы по щепотке мирры. Вскоре маленькие голубые струйки дыма поднялись от кадилниц к сводам, и вся зала наполнилась острым ароматом.

— Прежде всего, — ответил голос из мраморной чаши, — скажи мне, что привело тебя сюда.

Молодой астроном не ожидал этого вопроса, но после минутного колебания ответил:

— Я приехал сюда изучать небесные явления и с этой целью намереваюсь устроить обсерваторию на возвышенности Тэбали.

— Ты говоришь мне не всю правду, — возразил оракул, — твоя цель гораздо отважнее и смелее.

На мгновение Моони смутился и ничего не ответил.

— Ведь я все знаю, — продолжал оракул, — и ничто не может утаиться от меня. Если хочешь, я сейчас же заставлю тебя в этом убедиться и скажу тебе то, что ты скрыл от меня.

— Пожалуйста! — весело смеясь, ответил Моони.

— Не смейся... смеяться здесь не к чему... Предприятие твое положительно безумно... Ты явился сюда, чтобы бороться с природой, против ее вечных законов, правящих миром. Если ты нам друг, то нам остается только пожалеть тебя, потому что ты выйдешь побежденным из этой борь-

бы... Если же ты нам враг, то природа сама отомстит тебе за нас...

Теперь даже Моони перестал смеяться.

— Неужели ты думаешь, что для меня хоть что-либо может остаться тайной, — продолжал оракул грозным тоном. — Не успел еще план созреть в твоей безумной голове, как он уже стал известен мне... Ты хочешь остановить течение луны, приблизить ее к земле и сделать ее доступной для алчности человеческой... Вот твой безумный замысел.

Моони и Когхилль удивленно переглянулись. Каким образом их тайна стала известна этому мнимому оракулу? Вероятно один из их комиссаров, оставшихся в Суакиме, проговорился кому-либо, а шарлатан, исполняющий обязанности оракула, через своих агентов узнал обо всем.

Доктор Бриэ, Керсэнь и Гертруда с удивлением смотрели на Моони. Совершенно случайно они узнали тайну молодого ученого, который так тщательно оберегал ее от них.

Только один Виржилль философски относился ко всему этому и спокойно смотрел на присутствующих.

Но Моони быстро овладел собой.

— Тем лучше. Если тебе известны наши намерения, то ты знаешь, что в них не кроется ничего враждебного или вредного для твоего народа... Следовательно, ты можешь согласиться исполнить мою просьбу.

— Хорошо, я согласен, — ответил оракул и сейчас же занялся меркантильными расчетами.

— Ты уплатишь вперед по десяти пиастров за каждого верблюда и каждого человека. По прошествии семи суток необходимые тебе восемьсот верблюдов с их вожаками будут ждать твоих приказаний под стенами Суакима...

— Вот это я называю — говорить толково! — обрадовался Моони. — Этот оракул не дурной коммерсант и хорошо обделывает свои дела. Кому я должен уплатить эти шестнадцать тысяч пиастров?

— Посланному могаддема, который явится с его распиской во французское консульство в Суакиме.

— Прекрасно. А теперь скажи мне, Сиди-Магомет-Жераиб, продолжится ли союз, который мы сейчас заключаем с тобой, и после доставки моей клади на возвышенность Тэбали?

— Он продлится до тех пор, пока ты исправно будешь платить могаддему соответствующую дань.

— Какую дань? За что?

— Дань, которую ты должен могоадему уплачивать, если желаешь, чтобы сыны его охраняли тебя в пустыне и предоставили в твое распоряжение рабочих, в которых ты нуждаешься.

— Как? — с иронией воскликнул Моони. — Неужели они согласятся содействовать успеху того предприятия, которое ты осуждаешь?

— Да, если ты будешь аккуратно уплачивать подать; какое им дело до твоих планов и намерений!

— А как велика будет сумма этой дани?

— Двадцать раз двадцать пиастров в месяц.

— Хорошо, я согласен и на это.

— Ну, так прощай... и Аллах да сопутствует тебе.

Выйдя из усыпальницы шейха, путешественники направились в обратный путь, к тому отдаленному местечку, где Мабруки уже распорядился разбить палатки, принести припасы и прохладительные напитки. Все свидетели разговора с оракулом, за исключением самого Моони, погруженного в какие-то серьезные размышления, оживленно обменивались своими впечатлениями и замечаниями.

Открытие оракулом таинственного намерения молодого астронома возбуждало всеобщее любопытство. Особенно был заинтересован доктор Бриэ, который обратился к Буцефалу с вопросом:

— Послушайте, сэр Когхилль, ведь вы один из тайных заговорщиков. Племянница моя буквально сгорает от желания узнать разгадку вашей тайны. Или, быть может, вы желаете предоставить самому Моони удовольствие сообщить ей об этом.

— Говорите за себя, дядя! — задорно остановила его Гертруда. — И не пытайтесь прикрыть ваше непростительное любопытство моим желанием.

— Во всяком случае, наш молодой ученый не отрицал того, на что намекал или указывал оракул, — заметил Керсэнь. — Но если он не считает почему-либо удобным доверить нам свои планы и намерения, то право же не стоит насиловать его.

— Да, но, ведь, теперь это уже стало тайной полишинеля.

В этот момент к собеседникам подошел Норбер Моони.

— Как вы думаете, — обратился к нему доктор Бриэ, — где находился этот оракул и каким образом он слышал наши слова?

— Вероятно, он сидел в подземелье, которое сое-

диняется слуховой трубой с могилой шейха, — через эту трубу могаддем может слышать вопросы, предлагаемые оракулу, и отвечать на них. А, может быть, это просто голос какого-нибудь чревовещателя. Во всяком случае, я крайне удивлен тем, что этот оракул так свободно изъясняется по-французски, а затем совершенно не могу понять, как он успел пронюхать о моих намерениях. Ведь я, действительно, приехал в Судан с намерением построить специальную обсерваторию, чтобы приблизить луну к земле. И вот теперь, чтобы вы не считали меня сумасшедшим, — сказал он, обращаясь к Керсэню и его дочери, — я должен объяснить вам, каким образом я намерен попытаться достигнуть этого. Не так ли, Буцефал?

— Да, конечно? — поддержал его Когхилль.

— Если вы согласитесь уделить мне немного терпения и внимания, я за завтраком расскажу, каким образом у меня зародилась мысль, которая на первый взгляд может показаться бессмысленной и сумасбродной...

Больше всех обрадовался предстоящему объяснению доктор Бриэ. Он с нетерпением ожидал конца завтрака и прямо впился в лицо молодого астронома, когда он начал свой рассказ. Мы передадим этот рассказ в кратких словах, добавив лишь некоторые необходимые подробности, которые Моони, вследствие врожденного ему чувства деликатности и сдержанности, не считал возможным высказывать, так как они относились к его компаньонам.

Глава V

ТРИ АВАНТЮРИСТА ОРГАНИЗУЮТ “ОБЩЕСТВО ДЛЯ ЗАВОЕВАНИЯ ЛУНЫ”

За семь месяцев до прибытия “Dover-Castle” в Суаким три человека собрались в нижнем этаже одного большого дома на Королевской улице в городе Мельбурне. Несмотря на то, что было уже около полудня, т.е. самое деловое и горячее торговое время во всех англо-саксонских городах, эти три человека лениво и небрежно почитывали утренние газеты “Аргус”, “Герольд” и “Трибуна” развалившись в покойных зеленых сафьяновых креслах перед пюпитрами. Они сидели в большой зале, отдаленной от высокого, светлого вестибюля перегородкой из матовых стекол, а от

улицы — большими витринами, на которых можно было прочесть:

“Electric Transmission Company (Limited).
Peter Griphins, Vogel and C^o
Sole agents”.

У правой стенки стоял великолепный несгораемый шкаф с тяжеловесными стальными дверцами и замысловатыми запорами. Налево находился пузатый мраморный камин, на котором стояли модели различных электрических машин и подводных телеграфов. На стенах висели в раскошных рамах разнообразные планы и чертежи. В одном из углов, как будто ожидая конфиденциальных сообщений, скромно притаился телефон... Паркет был устлан дорогим турецким ковром.

По всей обстановке можно было заключить, что это контора хорошо обеспеченного и прибыльного предприятия, особенно, если принять во внимание благодушное с виду спокойствие трех находившихся здесь компаньонов.

— Фогель, — произнес вдруг один из них.

— Что скажете, Грифинс?

— Сколько в кассе наличных денег?

— Семь фунтов стерлингов, одиннадцать шиллингов и три пенса.

— Что можем мы получить до конца этого месяца?

— Мы имеем от Вольфа вексель на двадцать фунтов, по которому он, вероятно, так же не уплатит, как и в прошедший месяц; Иоханзен должен нам четыре фунта, да еще мы имеем получить у Крузе восемнадцать шиллингов.

— А сколько нам придется уплатить?

— Три тысячи фунтов стерлингов, шесть шиллингов и два пенса.

— Это неотложный долг?

— Безусловно!

— В эту сумму не вошли ни квартирная плата, ни отсроченные счета?

— Нет, Грифинс.

— Ни твой оклад, ни мой, ни оклад Вагнера, ни жалование Мюллера.

— Нет, тут нет даже и вознаграждения миссис Кюмбер, нашей экономке.

— Плохо дело! Кажется, фирма Грифинс, Фогель, Вагнер и К^o числа 7-го будущего месяца будет фигурировать в официальном списке банкротов.

— И притом, в списке умышленных, злостных банкротов!

После этого разговора оба компаньона снова спокойно погрузились в чтение своих газет.

Третий компаньон, который до сих пор не проронил ни слова, отложил в сторону свою газету и сказал:

— Мы сами виноваты. Нельзя было включать в наше предприятие все возможные и невозможные применения электричества. Это мало привлекает публику. Нет, господа, нам следовало удовольствоваться одной простой мыслью, — продолжал Костерус Вагнер, — будь она даже совершенно невозможной и нелепой, лишь бы только она была проста и нова, главное — нова! Что-нибудь в роде, например, "эксплоатации волн и прибоя". Публика поняла бы это. Да, если бы можно было начать опять сначала!

— Ну, вот, Костерус опять уже пустился сумасбродствовать, вечно у него одна дурь в голове! — рассердился Грифинс.

— Эх, черт возьми! Да вы же сами знаете, какие из всех этих компаний на акциях в наше время идут хорошо и успешно... Ведь все эти "Платиновые прииски на "Конго", "Ласточкины гнезда на Формозе", "Фальшивые волосы из Герцеговины", и все т.п. авантюры — чистейшая фантазия! А, между тем, только на них теперь и ловятся все мухи. А ваши трансатлантические телеграфы, электрические аккумуляторы, — что все это говорит воображению мелких и даже крупных держателей акций? Ничего! Их нужно ошарашить — вот что!

Звонок, внезапно раздавшийся у вестибюля, прервал эти излияния.

Через минуту в контору вошел какой-то запыхавшийся субъект, физиономия которого была украшена густыми рыжими бакенбардами.

Игнатий Фогель, не спеша, отворил одну из форточек и вежливо спросил неожиданного посетителя:

— Чем могу служить?

— Я должен видеть директора, господина Питера Грифинса...

— В настоящую минуту его здесь нет.

— Он постоянно отсутствует! Очень странно! Когда же он вернется?

— Как только закончит одно очень важное дело в Сиднее.

— Я явился сюда относительно того неуплаченного вами счета за несгораемый шкаф... Не можете ли вы уп-

латить мне по этому счету? Я уже одиннадцатый раз предъявляю его вам.

— Мы не получали ордера. Но если вы очень спешите и сильно нуждаетесь в деньгах, то мы можем испросить у господина директора разрешения уплатить вам следующую вам сумму. Мы будем писать ему сегодня же и — если хотите...

— Дело не в том, что я нуждаюсь в деньгах, я вовсе не так нуждаюсь в них, как вы думаете, сказал господин с рыжими бакенбардами, видимо обиженный, — но...

— В таком случае вы не желаете, чтобы мы писали г. директору в Сидней? Прекрасно! Мы ничего не будем ему писать, — с величайшей поспешностью проговорил Игнатий Фогель таким тоном, точно этим улаживались все затруднения и больше говорить было не о чем.

Он проворно захлопнул форточку и снова уселся в свое покойное кресло.

Послышались нерешительные шаги, несколько сердитых фраз, и непрошенный посетитель удалился.

Прошло еще четверть часа. Снова раздался звонок. На этот раз с посетителем вступил в беседу Грифинс. Это был посыльный, который принес пакет от мистера Симпсона, менялы на улице Геркулеса, 27.

Питер Грифинс печально взглянул на своих товарищей, расписался в получении и прочел письмо вслух:

“Весьма сожалею, что принужден возвратить вам прилагаемые при сем пятьсот акций компании, которые вы поручили мне продать. Несмотря на все мои старания, мне не удалось продать ни одной из них по какой бы то ни было цене. Кроме того, состояние рынка не позволяет рассчитывать даже в близком будущем на более благоприятный оборот дела. Примите уверения в совершенной моей готовности служить вам.

Артур Реджинальд Симпсон”.

— Это, кажется, последние акции, какие у нас еще находились в чужих руках? — спросил Питер Грифинс.

— Последние! Все остальные давно уже вернулись к нам обратно и лежат в чинном порядке в этом шкафу, — отозвался Игнатий Фогель, отворяя дверцы шкафа, искусно замаскированного в стене.

— Десять тысяч прелестных акций, отпечатанных на

лучшей английской бумаге, каждый лист которой стоил бы два пенса, если бы на нем ничего не было напечатано. А теперь все они вместе не стоят ни одного пенса, потому что на них красуется наша виньетка, — добавил он с глубоким вздохом.

Убрав присланные г.Симпсоном акции на единственную, оставшуюся еще свободной полку, он закрыл дверцы потайного шкафа и вернулся к своему пюпитру.

— Ну скажите, — жаловался Вагнер, — право, можно подумать, что акции эти заколдованы или отравлены. Я понимаю, что он не мог пристроить все, — ну, продал бы, скажем, сто акций, пятьдесят, наконец. Но ни одной — ведь это что-то совсем невероятное. Неужели во всей Австралии не нашлось решительно ни одного человека который отнесся бы сочувственно к нашему делу и пожертвовал бы двадцать фунтов стерлингов!

В этот самый момент, — как будто укоризненный ропот Вагнера, подобно заклинанию, вызвал из недр все-ленной ту редкую птицу, о которой он мечтал, — звонок снова возвестил о посетителе.

— Electric Transmission Company? — спросил господин с желтоватым, свежесбрившим лицом, выплывавшим из высокого накрахмаленного воротничка безукоризненной белизны.

— Здесь! — произнес Вагнер, на обязанности которого лежало давать все справки.

— Разве подписка уже закрыта? — с видимой тревогой осведомился посетитель.

— Какая подписка?

— На акции компании — limited...

— Да, милостивый государь, — недовольным тоном ответил Вагнер, предполагая в словах незнакомца мистификацию.

— Ах как я жалею!... Я только вчера прочел ваше объявление в старом номере "Герольда", но надеялся, что еще успею подписаться на несколько акций. Очень жалко!

Несмотря на все уверения, Костерус Вагнер продолжал подозревать в его словах злую шутку, но он все же решил попытаться всучить несколько акций посетителю.

— Если я говорю, что подписка закрыта, — заговорил он тоном опытного дипломата, — то имею в виду общую подписку... У нас не осталось на руках ни одной акции нашего общества и нам пришлось сильно ограничить число требований, поступающих к нам со всех сторон с первого же дня открытия подписки...

Незнакомец еще больше опечалился.

— Но,— продолжал Вагнер, — если бы вы пожелали кое-чем пожертвовать и уплатить хотя бы небольшую премию за громадное преимущество стать обладателем наших бумаг, то, быть может, я мог бы устроить вам несколько акций... Много ли вы хотите купить?

— О нет, совсем немного... штук тридцать, сорок... не больше...

Сорок акций... Это составляло восемьсот фунтов стерлингов... Вагнер обменялся многозначительным взглядом со своими двумя компаньонами, онемевшими от недоумения и радости.

— Я полагаю, что сумею вам это устроить, — покровительственным тоном продолжал Вагнер, — если вы согласитесь уплатить за каждую акцию по двадцать одному фунту стерлингов вместо номинальных двадцати. Но для этого необходимо будет произвести расчет.

— Я имею всю эту сумму при себе, — сказал посетитель, вытаскивая из бокового кармана пачку банковых ассигнаций.

— Прекрасно. Я сейчас приму от вас деньги... Игнатий Фогель, будьте любезны приготовить расписку... Потрудитесь перейти вон к тому окну, милостивый государь. Позвольте узнать ваше имя, фамилию и общественное положение.

— Тиррель Смес, камердинер сэра Буцефала Когхилль. Адрес: Лондон, Керзон-стрит, 29, в настоящее время — отель "Виктория", в Мельбурне.

— Превосходный дом, — одобрительно произнес Вагнер. В случае, если бы сэр Когхилль пожелал приобрести еще несколько акций на тех же условиях, мы будем очень счастливы служить ему, предоставив желаемое количество наших бумаг. Вот ваша расписка, милостивый государь... Вы не имеете при себе марки?.. Нет?.. Игнатий Фогель, будьте любезны передать марку г-ну Смес... До скорого, приятного свидания, г. Смес... По прошествии двух-трех дней акции будут готовы к вашим услугам.

Форточка закрылась, поглотив банковые билеты Тирреля Смеса.

Восемьсот сорок фунтов стерлингов, — такого богатства никогда еще не видала касса "Electric Transmission Company".

— Прежде всего, — воскликнул Фогель, — я предлагаю устроить небольшой завтрак в честь нашего первого клиента.

— Я думаю, — начал Грифинс, — что нам следует немедленно же приступить к разделу дивиденда и сегодня же вечером тихонько улизнуть. Тот акционер, о котором мы так долго и тщетно мечтали, наконец, явился, но я уверен, что он единственный в своем роде и нет ему подобных. Ни на какие другие взносы мы не можем рассчитывать и поэтому самое разумное — воспользоваться той щедрой лептой, которая выпала нам сегодня на долю.

— Вполне одобряю! — поддержал его Фогель.

— На долю каждого из нас придется по семьдесят шесть тысяч девятьсот франков, или пятьдесят тысяч шестьсот двадцать немецких марок. Это довольно кругленькая сумма. Она не принесла бы никакой пользы нашим кредиторам, но для каждого из нас эти деньги окажутся весьма и весьма полезны.

— А по-моему, это будет нелепый дележ, — вмешался Вагнер. — Неужели, имея в своем распоряжении прекраснейшую контору на одной из лучших улиц и восемьсот сорок фунтов стерлингов в кассе, да еще приобретенный нами за это время опыт, мы не сумеем как должно воспользоваться всем этим? Нет! Это было бы непростительно глупо!

Остальные компаньоны с удивлением посмотрели на него.

— Да, это было бы непростительно глупо, — повторил он еще раз. — Как я недавно говорил вам, нашему обществу недостает только того, что действует на воображение публики. Нажмите эту кнопку — и вы увидите, что найдете не одного, какого-то лунатика — акционера, как сегодня, а десять тысяч, двадцать тысяч акционеров... Вам принесут не восемьсот фунтов стерлингов, а восемьсот тысяч фунтов, восемьсот миллионов! Вот что я вам говорю! А что для этого надо сделать? — спросите вы. — Сейчас вам скажу. У меня уже есть идея, которая, несомненно, притянет к нам всю публику.

— Интересно знать, какая это идея?! — в один голос воскликнули Фогель и Грифинс.

Здесь следует сказать, что Костерус Вагнер имел на своих компаньонов громадное влияние. История этого авантюриста весьма любопытна.

Обладая выдающимися способностями, он в двадцать лет уже окончил Геттингенский университет, и ему предстояла блестящая карьера ученого, если бы... если бы еще в университете он не приобрел пагубной привычки пить.

Этот порок, а также целый ряд отрицательных черт

его характера, явилась главной причиной всех его неудач, которые, в конце концов, довели Вагнера до последней степени нищеты и общественного презрения.

Не имея возможности устроиться на своей родине, в Германии, он эмигрировал в Австрию и, прибыв в Мельбурн, встретился здесь со своим соотечественником Игнатием Фогелем и американцем Питером Грифинсом. Последний скопил немного денег, будучи антрепренером странствующего цирка, в котором публику особенно привлекал какой-то необычайно уродливый карлик. И вот, в компании со своими австралийскими приятелями, Фогелем и Грифинсом, Вагнер открыл уже знакомое читателю бюро на Королевской улице. На этот раз успех также не увенчал его надежд. Вскоре три компаньона истожили до тла небольшие имевшиеся у них запасы капиталов, предприимчивости и энергии. По прошествии шести месяцев они совершенно израсходовались и стояли на рубеже разорения и злостного банкротства.

В этот-то роковой момент явился Тиррель Смес со своими восемьюстами сорока фунтами. На эти деньги Вагнер собирался начать новое дело, снова рассчитывая, главным образом, на людскую доверчивость и алчность.

— Прежде, чем объяснить вам, в чем заключается моя идея, — продолжал Вагнер, — я должен спросить вас, имеете ли вы хоть какое-нибудь представление об астрономии?

Оба компаньона отрицательно покачали головами.

— Нет? ни малейшего?.. Тем хуже, или, вернее, тем лучше, потому что вы будете находиться именно в положении публики, которую нам следует заманить в наши сети... Прежде всего, должен вам сказать, что земля — одна из планет, которые вращаются вокруг солнца, получая от него свет и тепло. Земля — шар, не имеющий, собственно говоря, особого значения в мире. Некоторые из остальных планет солнечной системы находятся на таком близком расстоянии от Земли, что можно надеяться в недалеком будущем установить сношения с этими планетами путем оптических телеграфов или же каким-нибудь иным путем.

— Неужели? — с удивлением спросил Грифинс.

— Да. Быть может, даже настанет время, когда люди найдут средства и возможность путешествовать с одной из этих планет на другую. Так вот, продолжаю, ближайшей к нам из всех планет является постоянная спутница земли луна. Это наш ближайший сосед в мировом пространстве:

луна находится на очень близком, по сравнению с обычными астрономическими числами, расстоянии от земли — всего на расстоянии 384.400 километров. Телеграмма, посланная на луну, могла бы дойти туда в полторы секунды. Не подлежит сомнению, что много путешественников прошли пешком по земле большее расстояние, чем то, которое отделяет нас от луны и которое только в двадцать раз больше расстояния между Лондоном или Парижем — и Мельбурном.

Оба компаньона с большим вниманием, молча, слушали лекцию Вагнера, стараясь понять, к чему он клонит.

— Так вот, — продолжал Вагнер, воодушевляясь своими планами, — не кажется ли вам странным, что никто до сих пор не попытался еще отправиться на луну и не установил сообщения между нею и землей?

— Помнится, уже была сделана такая попытка в Америке, — сказал Питер Грифинс.

— Совершенно, верно, но она не увенчалась успехом. Это предприятие не имеет для нас никакого значения. Нам необходимо только заманить публику. Мы учредим "Общество для завоевания луны", которое поставит своею целью установление сообщения с луной для эксплуатации всех ее сокровищ и богатств.

— Но разве это осуществимо? — подозрительно осведомился Игнатий Фогель.

— Осуществимо это или нет — совершенно не важно. Позвольте мне заметить, мои наивные друзья, что это не имеет никакого значения... Всякое дело переводится на наличные деньги, как говорят умные люди. Для нас самое важное заключается в том, чтобы основать компанию на акциях для завоевания луны. Дело отнюдь не в том, возможно ли это на самом деле, а в том, чтобы оно только "казалось возможным". Ну, а за это берусь я. Кстати, то путешествие на луну, о котором упоминал Грифинс, также сослужит нам пользу и поможет внушить нашим клиентам уверенность в полнейшей реальности и осуществимости нашей цели.

— Но какой же может быть интерес для владельца подобных акций?

— Вы совершенно не деловой человек, Грифинс. Положим, вам предложат новый мир, совершенно еще неисследованный, девственный, изобилующий самыми разнообразными минеральными богатствами: золотом, серебром, платиной, драгоценными камнями, углем, мрамором,

солями и т.п. Как вы полагаете, неужели все это недостаточно заманчиво, чтобы возбудить алчность людей, жаждущих обогащения?

— А разве все эти богатства действительно имеются на луне?

— Несомненно. Все это и еще многое другое, чего мы, быть может, еще не знаем. В настоящее время луна уже настолько хорошо изучена астрономией, что мы можем начертить ее точную и подробную географическую карту; мы измерили высоту ее гор, сфотографировали ее наружный вид, нам известен по аналогии ее химический состав... Короче говоря, остается только завладеть этим новым миром, о котором мы имеем более подробные описания, чем даже о центральной Африке или центральной Австралии, Новой Гвинее и полярных странах земного шара.

— Ну, так отправимся туда. Я готов взять сейчас же билет! — улыбаясь воскликнул Грифинс.

— Билет этот пока обойдется нам слишком дорого, — заметил Вагнер, — а потому, друзья мои, мы обратимся к нашим будущим акционерам, которые возместят нам все расходы по этому путешествию.

— Костерус! — восторженно воскликнул Грифинс и Фогель. — Позвольте обнять и расцеловать вас. Если только нам удастся проделать эту шутку, то мы можем считать себя богачами!

После этого разговора три авантюриста стали составлять объявление о "Selene-Companу" (лунное общество), которое появилось на следующий день во всех мельбурнских газетах.

Глава VI

РАЗОБЛАЧЕНИЕ АВАНТЮРИСТОВ

Костерус Вагнер не ошибся, когда говорил, что в делах акционерных обществ самое главное — это умение разжечь алчность и жадность публики. Организованное им предприятие было обязано своим невероятным успехом именно своей необычайности, граничившей с безумием. Об этом предприятии очень скоро заговорили все не только в Австралии, но и в Европе. Два самых крупных и серьезных органа печати, конечно, не без соответствующей мзды со стороны инициаторов этого предприятия, посвятили по несколько столбцов рассмотрению и обсуждению

дел "Selene-Companу", создав около этого дела шумиху и привлекая к нему общественное внимание всех сословий. В результате люди, даже не верившие в возможность осуществления подобного предприятия, все же радовались тому, что эта мысль зародилась в Австралии. Спрос на акции этого общества возрастал с каждым часом: публика толпами валила в бюро Королевской улицы, и деньги в кассе нового общества прибывали, как вода во время наводнения.

Самым странным в этом деле было то, что Костерус Вагнер даже не потрудился указать, каким именно способом он рассчитывал осуществить свой план. Больше того — эта скрытность сослужила ему прекрасную службу: недоброжелатели и враги, которых встречает на своем пути всякое новое предприятие, должны были, при данных условиях, довольствоваться одними догадками и предположениями; они не могли серьезно ополчиться и разгромить план, которого они не знали и о котором не могли сами сказать решительно ничего положительного.

Вагнер безапелляционно заявил, что его план составляет тайну и что он, до поры до времени, намерен сохранить ее. Он объяснил это опасением, что кто-нибудь воспользуется его мыслью. Большинство акционеров весьма одобрили такой образ действия, считая инициаторов чрезвычайно разумными и предусмотрительными людьми, и с еще большей охотой и готовностью несли свои деньги на дело, находившееся в руках столь мудрых людей.

В сущности же, единственный план основателей "Selene-Companу" заключался только в том, чтобы собрать в кассу компании сумму в два миллиона фунтов стерлингов, а если можно, и больше. И надо признаться, что только такую цель в нашем подлунном мире ставит себе громадное большинство различных финансовых обществ.

Требование акций было так велико, что на этот раз, действительно, пришлось отвечать отказом, а в день, назначенный для выборов правления общества, пришлось снять самую большую в Мельбурне залу Victoria Hotel. Заседание это должно было состояться под председательством лорда Рандольфа Клэдероу, одновременно подписавшегося на пятьсот акций и, кроме того, державшего крупное пари с сэром Буцефалом Когхиллем. Последний так верил в возможность осуществления этой идеи, что обязался уплатить 30.000 фунтов стерлингов, если бы это дело не увенчалось успехом, соглашаясь в противном случае получить всего лишь 1.000 фунтов. Такого рода пари,

предложенное самим сэром Буцефалом Когхиллем, достаточно ясно доказывало, как он был уверен в осуществимости предприятия "Лунной Компании".

В день заседания зал гостиницы "Виктория" был битком набит. Здесь были и биржевики, и крупные негоцианты, и судовладельцы, и биржевые маклеры, и представители самых различных профессий. В конце залы, перед столом, покрытым зеленым сукном, сидел в кресле высокий худощавый блондин с моноклем — лорд Клэдероу. Рядом с ним важно восседали два крупных акционера.

Покончив с различными вступительными церемониями и провозгласив лорда Клэдероу председателем, Костерус Вагнер получил слово и выступил с речью, которую сам он назвал "программною".

— В настоящее время, — начал он, — все материки, острова и даже океаны поделены между крупнейшими государствами. Необходимо открыть новое поле для колонизации и приложения английских капиталов. Великобритания имеет владения в Северной и Центральной Америке, ей принадлежит вся Австралия, почти вся Индия, самые богатые колонии в Африке. Теперь на земном шаре уже нет объектов для дальнейших завоеваний. Между тем, в ближайшем соседстве от земли, всего в каких-нибудь нескольких десятках тысяч миль от нее, существует другой мир, еще нетронутый и неисследованный, мир, где сосредоточены несметные богатства и сокровища. (Слышится гром рукоплесканий). Этот мир, в сущности, является нашей неотъемлемой собственностью и поэтому его необходимо присоединить к земле. (Новые рукоплескания, новые возгласы одобрения в толпе).

Далее Костерус Вагнер стал распространяться о том, что поверхность луны равняется тринадцатой доле поверхности земного шара. Так как она в четыре раза больше Европы, или в сорок один раз больше Франции, то представляет собой весьма завидную колонию. Что же касается расстояния, отделяющего луну от земли, то это сущие пустяки, о которых и говорить не стоит. Ну что же такое 384.000 километра, если кругосветные путешественники совершают 38.000 километров, а расстояние между Мельбурном и Лондоном составляет 18.000 километров.

Костерус Вагнер не постеснялся сказать жадно внимавшим ему слушателям, что в настоящее время, благодаря средствам, какими располагает теперь техника, луна несравненно ближе к нам, чем были мыс Доброй Надежды

или остров Куба от Греции времен Перикла или римлян времен Августа.

Слушатели приветствовали речь авантюриста бешеными аплодисментами и требовали, чтобы он немедленно приступил к выборам правления.

— Прежде, чем приступить к выборам, — сказал Вагнер, когда шум аплодисментов и крики утихли, — я воспользуюсь честью и удовольствием объявить вам, господа, что те десять тысяч акций, которые мы выпустили, уже давно разобраны и что мы были принуждены, к великому нашему сожалению, отвечать отказами на множество требований! (Новый взрыв аплодисментов). Приступая к выборам, я считаю своим долгом, согласно существующему в подобных случаях обычаю, предоставить слово лицам, желающим сделать какие-либо возражения или высказать свое мнение.

Но никто из присутствовавших не пожелал воспользоваться приглашением Вагнера. Выждав минуты три, лорд Клэдероу встал и торжественно провозгласил:

— Господа, честь имею объявить, что сейчас будет поставлен вопрос о выборе правления и утверждении устава "Selene-Compaу", — анонимной компании на акциях для исследования и разработки минеральных богатств луны, с основным капиталом в два миллиона фунтов стерлингов, разделенных на десять тысяч акций!

Снова раздался гром аплодисментов.

— Разрешите мне, — продолжал лорд Клэдероу, — принять аплодисменты за единодушное выражение согласия и приступить к чтению устава, который, согласно закону, должен быть подвергнут голосованию по отдельным статьям. Итак, статья 1-я: "Заведывание делами компании до полного осуществления задуманного плана возлагается на Костеруса Вагнера и его помощников: гг. Питера Грифинса и Игнатия Фогеля, инициаторов этого предприятия". Ставлю этот 1-й параграф устава на голосование: приглашаю всех, кто с этим постановлением согласен...

— Прошу слова! — послышался в конце зала голос с весьма заметным французским акцентом. Какой-то молодой человек подошел к столу, покрытому зеленым сукном, и передал свою карточку председателю, который тотчас же провозгласил:

— Слово имеет доктор астрономии, господин Норбер Моони, командированный Парижской обсерваторией в Новую Зеландию и Тасманию.

Глаза всех присутствующих впились в молодого ученого, поднимавшегося на эстраду.

— Господа, — начал он, — я просил слова, чтобы сделать одно небольшое замечание. Я подписался на двадцать акций "Selene-Company". Уже одно это обстоятельство может служить несомненным доказательством того, что я считаю это предприятие вполне осуществимым и надеюсь видеть его осуществившимся. Но если я вполне понимал до настоящего момента, почему гг. инициаторы считали нужным хранить молчание относительно способов осуществления задуманного ими предприятия, то теперь я положительно не могу понять, как можно переходить к голосованию отдельных статей и параграфов устава, не ознакомившись предварительно, хотя бы в общих чертах, с планом "завоевания луны". И вот по этому-то поводу я и желал бы попросить некоторых объяснений, прежде чем вручить наши общие интересы, а главным образом — интересы науки в руки комитета инициаторов.

Справедливость и скромность этого требования как-то разом поразили всех присутствующих.

— Он прав. Он прав... — слышалось несколько голосов в толпе.

Вагнер видимо раздосадованный этим вмешательством чужеземца, все же принужден был выступить с ответом.

— Господа, — смело сказал он, — одним из первых и необходимейших условий в такого рода предприятиях является абсолютная, безусловная тайна. До настоящего времени вы удостаивали меня вашим доверием; позвольте же мне и далее требовать такого же доверия, как единственной надежной гарантии против всякого рода подражателей и недоброжелателей...

— Есть средство совместить и то и другое, — возразил на это Моони.

— Пусть гг. инициаторы сообщат свой план не всему собранию, а избранным этим собранием компетентным делегатам, которые сделают нам краткий отчет в общих чертах, сохранив в тайне все то, что найдут нужным не сообщать. Только тогда сможем мы сознательно приступить к голосованию устава общества во всех его мельчайших подробностях.

— Совершенно правильно! — крикнули несколько акционеров.

— Нет! Нет! Мы не хотим делегации... Мы требуем ясных и точных объяснений в присутствии всего собрания, а отнюдь не в отдельной комнате! — кричали другие.

Председатель вынужден был для порядка прибегнуть к колокольчику. Потом он произвел голосование, в результате которого оказалось, что большинство присутствовавших требует объяснения при всем собрании.

Костерус Вагнер, после непродолжительного совещания со своими компаньонами, довольно неохотно примирился с необходимостью.

— Могу вас уверить, господа, — начал он весьма развязно, — что я предпочел бы, несомненно, полнейшую тайну, потому что это было бы самым лучшим и разумным, а главное, — самым осторожным во всех отношениях. Тем не менее, признавая вполне естественным и законным ваше требование, я считаю необходимым, поскольку общество наше окончательно утверждено, удовлетворить это требование.

(Гул аплодисментов).

— Итак, я перехожу к объяснениям:

Расстояние от луны до земли равняется 90.000 миль. А что такое, в сущности, эти 90.000 миль? Это тридцать раз взятый диаметр земного шара; это менее, чем общая протяженность всех железнодорожных линий на поверхности нашей планеты. Может ли это остановить сынов конца девятнадцатого века, то поколение, которое сумело провести туннель под Сен-Готардом и прорыть Суэцкий и Панамский перешейки. Конечно, нет! Я просто не могу даже допустить. Весь вопрос, по моему мнению, заключается в том, чтобы построить воздушный туннель в виде трубы, достаточно надежно утвержденной на земле и простирающейся в пространство по направлению к луне. Этот туннель или труба, — называйте его как хотите, — должен быть построен из чугунных сегментов, соединенных между собою. Понятно, что такого рода предприятие может для многих показаться смелым, но тем не менее оно вполне осуществимо. Собственно говоря, это не что иное, как утвердить на апельсине, имеющим шесть сантиметров в диаметре, тонкую, как волосок, трубочку длиной в один метр и 42 сантиметра... Попробуйте заменить этот маленький апельсин земным шаром, а тонкую, как волосок, трубочку — трубою требуемых размеров и задача останется практически совершенно одна и та же... Вот в общих чертах моя мысль, господа... при чем я, конечно, оставляю за собой право сохранить, до поры до времени, в тайне

все те мелкие детали, которые облегчат осуществление этой задачи, на первый взгляд столь трудной. Простой здравый смысл подскажет вам, господа, что было бы крайне неуместно и даже небезопасно говорить обо всем этом здесь. Я полагаю, что вполне достаточно будет, если скажу вам, что все планы уже готовы и весьма основательно обдуманы.

Несколько аплодисментов приветствовали речь Вагнера, но аплодисменты эти были немногочисленны и как-то нерешительно-робки. Ясно было, что в общем собрание было несколько разочаровано и даже недовольно объяснениями оратора.

Все слушатели снова взглянули на Норбера Моони, слушавшего Вагнера с плохо скрываемым пренебрежением.

— Позвольте еще один простой вопрос, — сказал молодой ученый, — к какого рода средствам намерены вы прибегнуть, чтобы путешествовать в вашей трубе? Уж не к веревке ли, как трубочисты?

— Эта задача может иметь несколько различных решений, — серьезно, как будто не замечая иронии, ответил Вагнер. — Можно будет заняться их рассмотрением во время постройки тоннеля.

— Да, у вас действительно хватит на это времени, — насмешливо согласился Моони, — потому что сооружение этого гигантского воздушного тоннеля, если даже и считать его возможным, во всяком случае потребует тысячелетий для своего осуществления.

— Вы можете утверждать подобную вещь только потому, что совершенно незнакомы с нашим планом, — я берусь окончить всю эту работу в течение пяти лет...

— В пять лет? Ну, нет, это совершенно невозможно! Если не ошибаюсь, вы, ведь, собираетесь построить нечто в роде Вавилонской башни, не так ли? Громадный маяк, воздвигнутый на очень широком и высоком основании, где-нибудь на Гималаях, например. И этот-то маяк должен вырастать, этаж за этажом, вплоть до луны. Я уже не буду настолько нескромным, чтобы спросить вас, откуда вы добудете нашим рабочим нормальный воздух, когда им придется строить на такой высоте, где воздух уже сильно разрежен. Но я должен вам сказать — и сказать не голословно, а на основании самых точных математических данных — следующее: допустим, что ваша башня в течение первого года достигнет высоты в сто метров, — что будет уже выше всех донныне существовавших зданий, кроме

двух-трех исключений, — и тогда, знаете ли, сколько вам потребуется времени на окончание вашей постройки? — 3.600.000 лет. Допустим даже, что вы ежегодно будете строить по целой миле в высоту, — что почти невероятно, — тогда на ваше сооружение потребуется 90.000 лет. При условии, что вы будете строить по 125 миль в год, вам все же необходимо будет потратить на это 726 лет. При условии — 1.000 миль (что составляет четыре миллиона метров), вам потребуется 90 лет... — Для того же, чтобы выстроить вашу башню в пять лет, вы должны ежегодно строить по 17.000 миль в высоту, иначе говоря, по 68 миллионов метров. Вот результаты самого элементарного арифметического расчета!.. Итак, с этой точки зрения план ваш прямо-таки фантастичен и непригоден, если допустить даже, что во всех других отношениях он вполне осуществим.

Холодный душ, который вдруг окатил бы почтенное собрание, конечно, произвел бы на аудиторию меньшее впечатление, чем хладнокровная аргументация Моони. Вагнер чувствовал себя совершенно пришибленным и не мог возразить ни слова.

— Надо признать голосование недействительным и потребовать назад наши деньги, — крикнул вдруг один крупный хлеботорговец.

— Да... Да... Да... потребовать назад наши деньги! — точно эхом загудели разом сотни голосов.

— Вы не можете этого сделать. Вы не имеете на это никакого права! — зарычал Питер Грифинс, выскочив вперед к самому краю эстрады и грозя кулаками почтенному собранию. — Раз дело решено голосованием и составлен протокол, то и сам парламент не может изменить принятого решения... Все акции принадлежат компании... Кто не доволен дирекцией этой компании, может уйти, но деньги останутся в кассе общества.

— А для вас это самое главное, не так ли? — крикнул чей-то злобный, резкий голос, заглушая общий шум и гам. Председатель тщетно пытался водворить порядок. Он собирался уже объявить заседание закрытым, но Моони сделал знак, что он еще не кончил.

Тотчас же водворилась тишина и молчание.

— То, что я сейчас сказал, еще вовсе не означает нелепости и неосуществимости задуманного предприятия, — продолжал молодой оратор. — Должен вам сказать, что, еще не зная об организации "Selene-Corporation", я был уже убежден, что мысль эта осущест-

ствима. Вот уже несколько лет, как сам я занимаюсь той же задачей, которая стоит перед нашим обществом, и на основании своих изысканий могу сказать, что завоевание луны не только возможно, но положительно необходимо. Вот почему, как только я узнал из газет о "Selene-Companу", — я тотчас же внес в это предприятие свою малую лепту и сам поспешил сюда. Прошу принять к сведению, что я критиковал отнюдь не самую идею общества, а то решение поставленной им задачи, которое нам было предложено. Я считаю его неосновательным, необдуманым и неосуществимым. Но все эти трудности можно преодолеть иным путем...

— Ах, так! — прервал его Вагнер. — Вам следовало сказать с самого начала, что вы имеете свой маленький план на этот счет.

— Да, я имею свой план, и если уважаемое собрание разрешит мне, то позволю себе тут же изложить его вкратце. Именно с этой целью я и приехал в Мельбурн. Но прежде всего, чтобы меня не приняли за какого-нибудь мечтателя-утописта или шарлатана, я считаю нужным сказать, кто я такой! — и ободряемый аплодисментами Норбер Моони в кратких чертах рассказал о своей работе.

Занимаясь в последнее время изучением луны, он мечтал о путешествии на эту планету и, не довольствуясь одними мечтами, пробовал заговаривать об этом. Но большинство старых астрономов относились скептически или насмешливо к его затее. Напрасно молодой астроном указывал им на громадные успехи, какие делает ежегодно техника, — они с негодованием отвергали все его фантазии, как они называли проект "завоевания луны".

Он давно уже нашел разрешение этой трудной задачи, но для осуществления его планов требовался крупный капитал, которого он не имел в своем распоряжении. Теперь можно использовать для этой цели капитал, собранный "Selene-Companу". Хотя по законам акционеры потеряли право вернуть обратно свои деньги, но они, во всяком случае, сохранили за собой право располагать этими деньгами по своему усмотрению. Теперь весь вопрос заключался в том, одобрит ли и примет ли собрание то решение вопроса, какое он, Норбер Моони, собирается предложить.

— Говорите! Говорите! — кричали ему со всех сторон.

— В таком случае я изложу вам свой план достижения поставленной "Selene-Comrapu" цели, план, который я, по своему глубокому убеждению, считаю вполне осуществимым.

Глава VII

ПЛАН МООНИ. ОТЪЕЗД ЭКСПЕДИЦИИ В АФРИКУ

— Прежде всего нам следует выяснить себе самый характер задачи, которая предстоит нам.

Чего все мы, собравшиеся здесь, собственно говоря, желаем? "Съездить" на луну с чисто научной целью и вернуться оттуда с большой тетрадью любопытных записок и заметок? Конечно, многие удовольствовались бы и этим, но я думаю, что акции "Лунной Компании" нашли стольких охотников отнюдь не в виду этой прекрасной цели... (одобрительные улыбки на всех лицах). Нет! Громадное большинство наших акционеров ждет от "Компании" установления постоянного сообщения с луной, которое дало бы каждому из нас возможность ездить туда и обратно во всякое время. Наша цель — заняться исследованиями и изысканиями минеральных богатств луны, чтобы иметь возможность эксплуатировать эти богатства. Кроме того, необходимо, чтобы этот способ сообщения не представлял собою никаких особых затруднений, чтобы он был практичен и доступен для многих так же, как мореплавание или путешествие по железным дорогам.

На нашем пути к изобретению подобного способа сообщения с луной, господа, стоят два препятствия: во-первых — расстояние между землей и луной, совершенно незначительное в теории, но весьма серьезное на практике; во-вторых — вопрос относительно атмосферы луны. Существует ли эта атмосфера? Возможно ли человеку жить и двигаться в этой атмосфере? В данный момент наука не может дать положительного ответа на этот вопрос. Во всяком случае, осторожность требует, чтобы мы, отправляясь на луну, имели при себе достаточный запас необходимого нам для дыхания воздуха, как это делают водолазы, спускающиеся на дно океана. Уж из одного этого следует, что при таких условиях дело это неосуществимо для большого числа людей и, следовательно, непригодно для промышленных целей.

Такого рода соображения заставили меня искать другое

разрешение этой задачи. Прежде всего необходимо создать на луне такую же атмосферу, как наша, а единственное средство достигнуть подобного результата это — “заставить луну спуститься в нашу атмосферу”. (Невольные восклицания, выражения удивления и неожиданности). При этом заметьте, что мы одновременно в предельной степени сократим расстояние, отделяющее нас от луны, и вместе с тем удалим и множество других затруднений. Если это нам удастся, наш спутник станет доступен для всех: ничто не помешает нам тогда отправляться на луну на воздушных шарах или даже в поездах воздушных железных дорог, устоять там горные работы, прииски, шахты, рудники для эксплуатации недр луны и ее нетронутых еще минеральных богатств. А если мы пожелаем окончательно устроиться и поселиться на луне, то сможем основать там постоянную цветущую колонию. (Громкие аплодисменты и веселый смех).

Но теперь, господа, вы, в свою очередь, можете спросить меня, каким образом предполагаю я заставить луну приблизиться к земле. На это я мог бы ответить, как некогда ответил Архимед: дайте мне рычаг достаточной длины и надежную точку опоры — и я подыму весь мир. И вот я могу сказать, что мы имеем в своем распоряжении такую силу, которая может повлиять на луну и заставить ее приблизиться к нам. (Признаки усиленного внимания в толпе слушателей). Эта сила — магнетизм или электричество. Каким же образом можем мы воспользоваться этой силой? Для того, чтобы объяснить вам это, я попрошу вас представить себе земной шар и луну в виде двух шаров, вращающихся в пространстве.

В своем движении вокруг земли и вместе с последней вокруг солнца луна зависит от многих сил, из которых важнейшими являются центробежная и центростремительная. Первая из этих сил стремится вырвать луну из сферы земного притяжения и умчаться ее в беспредельное пространство; вторая, — наоборот, притягивает луну к земле и при отсутствии или ослаблении центробежной силы заставила бы луну упасть на нашу планету. Но если земля оказывает огромное влияние на луну, то, в свою очередь, известен целый ряд явлений на земле, находящихся в прямой связи с воздействием луны. Таковы, например, приливы и отливы, находящиеся в непосредственной зависимости от притяжения луны; затем, целый ряд неправильностей, так называемых возмущений, в движении земли по ее орбите вокруг солнца, объясняющихся тем,

что луна в первую четверть тянет нас за собой, а в последнюю — заставляет нас запаздывать или отставать в нашем движении. И не одна луна подчиняет нас своему влиянию, нет, мы находимся еще под влиянием многих других планет. Наш земной шар, кажущийся нам таким невероятно громадным и тяжелым, в действительности в беспредельном пространстве является лишь едва заметной точкой, одним из тех маленьких игрушечных шаров, какими забавляются дети.

Так, например, когда планета Венера проходит между нами и солнцем, земной шар тотчас же чувствует усилившееся притяжение к солнцу и заметно приближается к нему. Юпитер, находящийся на расстоянии более шестисот миллионов километров от нашего земного шара, оказывает на него влияние, притягивая его к себе и изменяя его орбиту. На расстоянии целого миллиарда миль Нептун подвергается силе притяжения солнца так же, как и наша планета на расстоянии тридцати семи миллионов миль. И та же непреодолимая сила, действуя на кометы, отстоящие на тридцать и сорок миллиардов миль от солнца в невидимой и неведомой дали беспредельного пространства, заставляет их повиноваться себе — и они послушно вращаются вокруг него, как бабочки вокруг лампы. На расстоянии триллионов и квадрильонов миль миры, в миллион раз более обширные и тяжеловесные, чем наш земной шар, взаимно поддерживают друг друга в пространстве все той же силою взаимного тяготения. Что это за таинственная сила? Я отвечу вам на этот вопрос словами знаменитого итальянского астронома Секки:

“Сила, связующая в одно гармоническое целое бесчисленные миры вселенной, — магнетизм. Нет во вселенной ни единого тела, которое не подвергалось бы его влиянию. Все миры обладают этой силой и взаимно действуют друг на друга, подобно громадным магнитам необычайной силы”.

Этот вывод самого выдающегося из современных астрономов не включает в себе ничего удивительного. По элементарным учебникам физики вы знаете, что земля есть магнит, который, подобно другим магнитам, имеет магнитный экватор, два магнитных полюса, магнитные меридианы и параллели. Интенсивность магнитной силы, как вы знаете, увеличивается от экватора к полюсам. Это оказывает влияние на компасную стрелку, которая весьма чутко воспринимает все колебания в силе земного притяжения, отклоняясь от своего обычного положения под

влиянием различных физических условий, как, например, близости гор, содержащих железо в большем или меньшем количестве... Несомненно, что и на луну воздействует эта сила. Целый ряд астрономов обнаружили, что наш спутник влияет на магнетометр.

Гениальный немецкий математик и астроном Гаусс нашел возможным измерить и определить силу гигантского магнита, который представляет собою земля, и по его вычислениям эта сила равняется 8.464 триллионам железных шестов, каждый весом в один фунт и намагниченных до насыщения.

Господа, теперь я подхожу к основной моей мысли. Мы не только знаем, какая сила приковывает к нам луну, заставляя ее держаться на расстоянии 90.000 миль, нам не только известна интенсивность этой силы, но мы, кроме того, имеем еще возможность увеличить эту силу при помощи электромагнита. Из этого следует, что для сокращения расстояния, отделяющего земной шар от его верной спутницы — луны, достаточно искусственным образом увеличить силу земного притяжения.

Гром рукоплесканий и громкие одобрительные возгласы прервали речь молодого ученого.

Вся аудитория, только что так глубоко разочарованная и обескураженная внезапным разрушением всех своих мечтаний и надежд, снова возликовала после объяснений Моони.

— Господа! — продолжал он, когда председателю собрания удалось, наконец, водворить тишину и порядок. — Как я уже сказал, естественная сила земного притяжения равняется 8.464 триллионам железных шестов, весом в один английский фунт каждый и намагниченных до насыщения. Хотя некоторые ученые предполагают, что эта цифра является преувеличенной, но мы примем ее за вполне точную и будем считать основной для дальнейших вычислений.

Итак, 8.464 триллиона английских фунтов или 3.834 триллиона килограммов, принимая во внимание плотность железа, равную 7,7, представляет собой огромную массу объемом в 500 миллиардов кубических метров. Если мы вообразим себе эту массу имеющей один метр в высоту, или в толщину, то занимаемая ею площадь выразится пятьюдесятью миллионами гектаров; далее, при высоте в 10 метров эта площадь будет равна 5 миллионам гектаров и, наконец, при высоте в 100 метров — 500.000 гектаров.

Вот что должен представлять собою искусственный

магнит, сила которого будет равна естественному притяжению земли. Устроить такой магнит было бы очень трудным и безумно дорогим предприятием.

Но, судя по всему, нам нет и надобности в добавочном магните такой громадной силы, чтобы повлиять требуемым образом на луну и нарушить равновесие космических сил, держащих ее на расстоянии 90.000 миль от земли. Принимая во внимание все пертурбации и изменения, происходящие в движении луны вследствие простого прохождения какой-нибудь планеты, мы имеем основание думать, что добавочный магнит, равный по силе своей всего лишь одной тысячной доле земного притяжения, имел бы вполне достаточную притягательную силу, чтобы оказать необходимое нам влияние на такую маленькую планету, как луна.

А магнит такой силы, по приведенному мною расчету, будет представлять собой массу объемом в 500 миллионов кубических метров, или — при высоте в 100 метров — площадь всего лишь в 500 гектаров, а при желании эту площадь можно уменьшить даже до 50 гектаров, увеличив высоту этого искусственного магнита до тысячи метров, или одного километра.

Таким образом, мы окончательно приблизились к масштабу работ, вполне доступных в настоящее время современному строительному искусству. При проведении самой незначительной линии железных дорог зачастую встречается надобность в более значительных затратах.

Но и такой искусственный магнит, построенный из мягкого железа, должен стоить очень больших денег, — приблизительно около двух или трех миллиардов франков. Хотя человечество вообще не скупится, когда дело идет о расходах на какую-нибудь более или менее глупую и бессмысленную войну; хотя ежегодные военные расходы в Европе в мирное время превосходят во много десятков раз эту цифру, — то же самое человечество не решится пожертвовать двумя-тремя миллиардами на предприятие, преследующее общую пользу... Поэтому нам придется устроить наш магнит более дешевым способом.

К счастью, мы можем воспользоваться для нашей цели одним веществом, которое довольно часто встречается на земле в естественном виде. Я имею в виду магнитный пирит или сернистое железо. Этот магнитный пирит в некоторых местностях можно приобрести за цену, равную стоимости самой разработки. Я предлагаю устроить наш магнит в виде искусственной горы из железного пирита.

Избрав для этой цели местность, изобилующую пиритом, где мы могли бы безвозмездно разрабатывать этот минерал, мы построим электромагнит, обладающий требуемой для нашего предприятия силой. И все это будет стоить 10 или 12 миллионов франков, что не составит даже и четвертой части нашего общего основного капитала. Само собою разумеется, это эта сумма необходима лишь на предварительные и основные расходы. Кроме того, придется приобрести машины для вырабатывания электричества и другое оборудование. Но, во всяком случае, 15 или 16 миллионов франков будет вполне достаточно, на покрытие всех расходов. А, между тем, что значит подобная сумма в сравнении с теми результатами, на которые можно рассчитывать в случае удачи. Эта сумма менее годового дохода какого-нибудь лорда Англии или известного банкира. Это менее, чем одна семьдесят пятая часть того, что только Англия ежегодно тратит по бюджету своего военного министерства. Мы имеем с избытком всю сумму, требуемую для осуществления нашего предприятия. Надо только умючи расходовать ее. Таков, господа, в общих чертах тот план, который я предлагаю вам. Для осуществления его необходимо найти местность, изобилующую магнитным железом и мало возделываемую, чтобы разработка пиритной руды не могла стоить дорого в случае, если нам нельзя будет получить право на это совершенно бесплатно. Если вы согласитесь принять мой проект, я с удовольствием предложу свои услуги.

— Возьмете ли вы на себя лично управление всем этим делом? — спросил кто-то из акционеров.

— Охотно! — ответил Моони. — Но с одним только условием: я должен совершенно свободно распоряжаться в технических вопросах этого дела, а для контроля надо мною в денежных делах можно избрать особый контрольный комитет, на обязанности которого лежала бы вся финансовая отчетность.

После выступления Моони председатель, лорд Клэдероу, поставил на голосование вопрос о том, как отнестись к предложению молодого ученого. Под гром аплодисментов и восторженные восклицания предложение это было единогласно принято.

— В таком случае, — продолжал Клэдероу, — я ставлю на голосование статью I устава настоящего общества, заменив именем господина Норбера Моони имена трех гг. инициаторов этого общества, которых я называл раньше.

— Вы не имеете на это никакого права! — крикнул Вагнер, весь побледнев от гнева.

— Я не стану оправдываться перед вами, — с достоинством произнес председатель. — Скажу только, что мы, учредители общества для завоевания и исследования луны, имеем право доверить управление тому, кто по нашему убеждению кажется нам наиболее способным хорошо вести это дело и довести его до желанного конца. (Дружные аплодисменты). Вот почему я полагаю, что являюсь выразителем единодушного желания всего уважаемого собрания, ставя на голосование статью первую устава, измененную, как я уже указывал.

Если я ошибся, то голосование, без сомнения, докажет это. Итак, господа, прошу тех, кто желает избрать г. Моони директором акционерного общества “Лунной компании”, поднять руки.

Все присутствовавшие, за исключением трех человек, подняли руки вверх.

— Обратный вопрос! — провозгласил председатель.

Три руки одиноко поднялись над толпой; это были Вагнер, Фогель и Грифинс.

— Г. Норбер Моони избран директором “Лунной компании”! — снова провозгласил лорд Рандольф Клэдероу. — Он просит слова.

— Просим, просим, просим...

Лорд Клэдероу жестом пригласил Моони.

— Господа, благодарю вас за честь, которую вы сейчас оказали мне, — начал молодой астроном, — но позвольте мне еще раз напомнить вам, что я согласен принять возлагаемые на меня обязанности и материальную ответственность лишь при условии, что все расходы по этому предприятию по моему предложению будут утверждаться контрольным комитетом. Капиталы могут оставаться в том банке, где они находятся в данный момент, а все расходы будут производиться по чекам за мою подписью и подписями гг. членов контрольного комитета. В виду того, что гг. Вагнер, Грифинс и Фогель являются инициаторами этого предприятия, я позволю себе предложить уважаемому собранию избрать их членами контрольного комитета...

Все присутствующие оценили по заслугам деликатность и такт, которые заставили г. Моони сделать это предложение, и оно было принято незначительным большинством голосов.

После этого председатель предложил в члены того же

комитета сэра Буцефала Когхилля, который, по его словам, должен был явиться превосходнейшим контролером действий общества, так как он был весьма заинтересован в осуществлении этого предприятия.

Это предложение было встречено с большим воодушевлением и тотчас же единогласно принято, после чего были избраны делегаты, которым и были вручены необходимые полномочия для решения всех остальных вопросов, согласно с требованиями устава общества.

Таким образом, смелое предприятие, задуманное Вагнером с исключительной целью заманить легковверную публику и приобрести возможно большее число акционеров, теперь совершенно неожиданно перешло в руки человека порядочного, честного и в то же время серьезного ученого, всецело преданного своей науке.

После тщательных обсуждений Норбер Моони решил, наконец, избрать Судан для осуществления поставленной обществом задачи. Из одного отчета научной экспедиции о своем путешествии в восточную Африку Моони узнал, что пустыня Байуда, а главным образом горная возвышенность Тэбали, лежащая на восток от Бербера, к северу от Хартума, представляет собою все необходимые ему геологические условия.

Правда, туда было не легко проникнуть, но до Суакима можно было провезти все необходимые орудия, инструменты и материалы морем.

В пустынной стране, где не было никаких властей, организаторам этого удивительного предприятия не нужно было испрашивать специальное разрешение от местных властей, которого, кстати говоря, при здешней анархии, было бы очень трудно добиться. Единственным недостатком избранной местности было полное отсутствие топлива, но это обстоятельство не особенно беспокоило Моони, так как он надеялся пользоваться энергией солнечной теплоты в качестве двигателя для своих машин. При таких условиях с трудом переносимая тропическая жара африканской пустыни являлась источником несомненной и весьма серьезной экономики для предпринимателей.

Заказы и приобретение различных необходимых для экспедиции машин, орудий и аппаратов, изготовлявшихся одновременно в Лондоне, Париже и Нью-Йорке, требовали около пяти месяцев времени; на погрузку "Dove-Castle" и путешествие через Гибралтар, Суэцкий канал и Красное море ушло около шести недель. Только через

семь месяцев со дня учреждения "Selene-Companу" экспедиция Моони прибыла, наконец, в Суаким.

В этой экспедиции приняли участие также "инициаторы" предприятия: Вагнер, Грифинс и Фогель.

Зная, что они относятся весьма недоброжелательно ко всему предприятию, а в частности и к самому Моони, последний с самого начала ограничил свои отношения к ним лишь исключительной официальной стороной дела.

Глава VIII

ОТПРАВЛЕНИЕ НА ВОЗВЫШЕННОСТЬ ТЭБАЛИ

На следующий день после возвращения экспедиции из Радамеха во французское посольство явился оборванный дервиш. Получив под расписку могаддема условленную сумму он удалился, обещав еще раз, что на шестые сутки с восходом солнца восемьсот верблюдов с проводниками будут ожидать приказаний г. Норбера Моони у восточных ворот города.

В назначенный день и час обещание это было выполнено в точности.

В тот же день началась разгрузка "Dover-Castle"; тюки и ящики, выгруженные из трюма судна, целой горой нагромождались на набережной. Сюда же приводили и верблюдов, на которых и нагружались все эти тяжести. Хотя выгрузка и погрузка шла успешно, но тем не менее на это потребовалось не менее недели.

Моони желал по возможности сохранить в тайне цель своего предприятия, чтобы не возбуждать против себя враждебности арабов, которые могли отнестись весьма недоброжелательно к его покушениям на неприкосновенность полумесяца.

Трех "комиссаров" экспедиции — Вагнера, Фогеля и Грифинса — почти не было видно. Они обыкновенно проводили дни на своих койках в каютах "Dover-Castle", а вечера и большую часть ночей дулись в карты в одной арабской кофейной.

Но, к своему несчастью, вместо доброго немецкого пива они могли получить здесь только английский "pale-ale". Вагнер особенно болезненно ощущал отсутствие своего напитка и положительно не мог примириться с этим лишением.

— Черт побрал бы и эту проклятую луну, и того,

кто задумал заставить ее спуститься на землю! — восклицал он, поднимая свой стакан и констатируя при этом с глубочайшим прискорбием неприятную мусть на дне стакана. — Эта бурда право ничем не лучше воды из лужи, в которой полощутся утки... Проклятая экспедиция... Проклятая страна...

— Это еще далеко не конец наших мучений, — вздыхал Фогель. — Участь наша решена и теперь ничего не поделаешь. Мы приговорены на целый год, если не более, жить в глухой пустыне и терпеть всякого рода лишения... Пока Моони не мог раздобыть верблюдов, можно было еще надеяться, что он откажется от задуманного дела. Ну, а теперь нам приходится волей-неволей покориться своей участи... Я положительно не могу понять, как этот старый дурень, радамехский могаддем, не встревожился теми сведениями, какие мы послали ему через того араба...

Но здесь в их беседу вмешался Грифинс.

— Довольно думать об этом, друзья мои. Вы знаете, что я никогда не надеялся, что нам удастся помешать экспедиции Моони. Шерофы не упустят случая заработать порядочную сумму и никакие наши предупреждения не заставят их отказаться от этого. Не будем больше огорчаться — это делу не поможет.

— Как не огорчаться? — жаловался Вагнер. — Можно ли остаться спокойным, когда я вижу, что этот проклятый француз прямо из-под носа выкрал мою блестящую идею, которая в какие-нибудь две недели привлекла бы в нашу кассу более двух миллионов фунтов стерлингов.

— Понятно, что это очень невесело, — меланхолически промолвил Фогель. — Такой случай не представляется человеку два раза в жизни... Но что теперь поделаешь?.. Не выходить же нам из-за этого из состава общества!

— Да кто же об этом говорит?! — воскликнул Вагнер. — Это было бы неслыханной глупостью. Какой дурак бросит два миллиона фунтов стерлингов! Правда, этот француз слишком много тратит. Заказы на пятьсот тысяч долларов в Нью-Йорке, на триста тысяч фунтов стерлингов в Лондоне, на семь миллионов франков в Париже... Это недурно, черт возьми! Изоляторы по 500 франков за штуку, паровые машины, динамо, десятки, сотни километров медных проволок, множество различных астрономических приборов, которых хватит не на одну, а на десять обсерва-

торий; различные химические продукты; шелковых тканей столько, что из них можно приготовить не менее тридцати воздушных шаров... Да еще судно вместимостью в девятьсот тонн. Этот француз сумеет быстро порастрясти деньги наших акционеров. Знаете ли, друзья, что если он будет продолжать так, как начал, то не пройдет и года, как в кассе "Selene-Comрапу" не останется ни одного пенса.

— Мы должны приостановить эти траты! — категорическим тоном заявил Фогель.

— Да, но как это сделать?

— Мы не могли сократить эти расходы ни в Австралии, ни в Европе, — рассудительно заметил Питер Гриффинс, — потому что собрание акционеров дало французцу все полномочия, но здесь...

— И здесь мы ничего не можем сделать, — нетерпеливо прервал его Вагнер. — Нужно изыскивать другие пути. Если нам не удалось возбудить недоверия и враждебность к французцу со стороны могаддема, то это еще не значит, что и всякая дальнейшая попытка в этом направлении будет неудачна. Ведь мы не можем и не должны допустить дальнейшего развития этого разорительного предприятия.

— Без всякого сомнения! — Воскликнули в один голос Фогель и Гриффинс.

— Если это предприятие увенчается полным успехом, наша роль комиссаров контролирующего комитета потеряет всякий смысл и значение. Если же оно не удастся, то все равно поглотит весь наш капитал компании, и мы останемся без денег.

— А вы в самом деле думаете, что это предприятие может осуществиться? — со страхом осведомился Гриффинс.

— Да, я не вижу никаких причин, почему бы оно могло не удался. Но мы не хотим, чтобы оно удалось, — слышите — мы не хотим... Мы вовсе не для этого французца добыли такую массу фунтов стерлингов из карманов наших акционеров и вовсе не науки ради мы сделали это. Нет, мы сделали это только для себя, для своей выгоды. Теперь мы должны приложить все усилия, чтобы оставшиеся от двух миллионов фунтов стерлингов деньги не были истрачены на нужды этой проклятой экспедиции.

— Но как это сделать?

— Необходимо во что бы то ни стало добиться того,

чтобы предприятие Моони было признано неосуществимым. Если этот французик принужден будет вернуться в Мельбурн и сознаться в своей неудаче перед лицом всего почтенного собрания акционеров, то тогда, несомненно, на нашей улице будет праздник. Разъяренные акционеры, обманутые в своих надеждах, безусловно передадут нам полномочия вести дело, а мы просто решим ликвидировать его. Однако, тс!..

Все трое сразу смолкли и спокойно принялись покуривать свои трубки, уставившись бессмысленным взглядом в свои стаканы.

В общую комнату кофейни вошел Виржилль и приказал подать себе чашку арабского кофе. Он тотчас же заметил "комиссаров", которые сделали вид, будто не видят его и погружены в тихую задумчивость. Честный парень был слишком предан Моони и уже давно заметил, что эти люди ненавидят молодого астронома. Вот почему Виржилль относился весьма подозрительно к комиссарам и зорко следил за каждым их шагом.

Он заметил, что авантюристы о чем-то перешептываются, но не мог понять, в чем дело, и решил еще бдительнее наблюдать за ними.

Между тем, приготовления к дальнейшему путешествию вглубь страны шли чрезвычайно успешно и вскоре были закончены. Караван ждал только сигнала, чтобы двинуться в путь по дороге к Берберу.

Накануне дня, назначенного для отправления каравана из Суакима, Керсэнь устроил у себя прощальный обед, на котором, кроме Моони и Когхилля, присутствовал только доктор Бриэ. За обедом, главным образом, говорили о предстоящей экспедиции, причем Керсэнь и Бриэ должны были сознаться, что в начале дела они до некоторой степени преувеличивали опасность этой экспедиции.

— Конечно, расположение и содействие шерофов, которым вы теперь успели заручиться, совершенно изменяет все дело, — сказал Керсэнь. — Без их участия успех был бы немыслим. Но теперь я не вижу в этом ничего невозможного, если только вы сумеете все время сохранять самые хорошие отношения со своими союзниками, а вы обладаете для этого самым веским и непреодолимым в их глазах аргументом, именно: весьма значительными денежными ресурсами и прирожденной щедростью, которая уже заслужила вам прекрасное прозвище между вожаками верблюдов...

— Какое прозвище? — живо спросила Гертруда.

— Прозвище “Щедрая рука”.

— Все это прекрасно!— воскликнул доктор Бриэ.— Но вы прежде всего не забывайте Махди. Стоит ему сказать одно слово, и шерофы начнут относиться к вам, как к другу.

— Да, это правда, — согласился Керсэнь, — но Кордофан, где в настоящее время находится Махди, далеко отсюда и от пустыни Байуда.

— Если бы в Судане до сих пор остался полковник Гордон, было бы значительно лучше,— заметил Когхиль,— он умел ладить с туземным населением.

— Безусловно, — ответил Керсэнь. — Полковник Гордон был необычайно честным, отважным и разумным человеком, умевшим правильно руководить английской политикой в Судане.

— Как бы там ни было, но, потеряв его, Египет потерял вместе с тем и верховье Нила, — воскликнул доктор Бриэ, — потерял богатейшую и плодороднейшую страну! Ведь с того времени, как англичане овладели ею, они не сделали здесь ничего, кроме одних глупостей, самых нелепых и самых непростительных, или же совершили поступки совершенно возмутительные и омерзительные... Они разрушили и разорили все, что только могли, ограбили всю страну, довели все население до полного отчаяния... Если действительно когда-либо восстание было вызвано в стране крайней нуждой и голодом, то это именно в данном случае.

— Пожелаем, во всяком случае, чтобы все это благополучно кончилось для наших друзей, — сказал Керсэнь, подымая бокал за здоровье своих гостей...

После обеда все, по обыкновению, перешли пить кофе на террасу, где разговор снова вернулся к той же неистощимой теме о политике.

Гертруда, которой уже надоело слушать об этом, присела к роялю. К ней подошел Моони и попросил разрешения послушать ее игру.

— Благодарю вас, — сказал он, когда Гертруда сыграла несколько старых французских романсов, — я унесу вглубь африканской пустыни эти милые мотивы, как последний отголосок далекой родины.

— О, господин Моони, не старайтесь вызывать сожаление к себе! — воскликнула молодая девушка. — Вы, верно, хорошо знаете, что все мы здесь — и бедный папа и доктор Бриэ, и я, — погибнем от тоски и скуки, когда вы уедете от нас...

— Если бы я мог надеяться, что вы сохраните добрую память о проведенных вместе с нами днях, то мне не так тяжело было бы уезжать отсюда, — продолжал молодой ученый. — Я хочу сказать, что теперь мною овладевает какая-то странная апатия, усталость, которой я раньше никогда не испытывал. Мне почему-то ужасно тяжело покидать Суаким?

— Что же, вы думаете отказаться от своего предприятя? — спросила Гертруда с нескрываемым удивлением. — Я верю в вас и в вашу задачу, господин Моони, и поэтому, если бы это было нужно, сама сказала бы вам: “соберите все свои силы и смело идите вперед... Дайте тем из ваших друзей, которые верят в вас и ваши силы, радость видеть вас победителем, видеть ваше торжество”.

— Ну вот, большое спасибо, Гертруда! — растроганно и искренно произнес Моони. — В ваших словах я нахожу ту поддержку, в которой так сильно нуждался. Благодарю от всей души, — добавил он, пожимая ее руку. — Прощайте...

— Как?! Неужели вы уже покидаете нас? — спросил Керсэнь, войдя в гостиную и услышав последнее слово г. Моони.

— Да, к сожалению, приходится уже прощаться. Мне надо еще сделать кое-какие распоряжения, а мы двинемся в путь сейчас же после полуночи, значит часа через два.

— Ну, так идите, но не прощайтесь с нами, потому что доктор и я решили присутствовать при вашем отъезде из Суакима, если только вы не имеете ничего против этого.

— Весьма вам благодарен за такое сердечное внимание и расположение. В таком случае, до скорого свидания! Надеюсь, что и с вами я еще увижусь, мадемуазель Гертруда.

— Да, да, я в этом уверена. До свидания. Желаю вам полного успеха в вашем предприятии!

Вскоре после полуночи, сидя у открытого окна своей комнаты, Гертруда печально смотрела на бесконечно длинную вереницу белых бурнусов, медленно развертывающуюся перед ее глазами и уходившую вглубь пустыни, змеясь и извиваясь при тусклом свете серебряного полумесяца.

То был караван Моони, двинувшийся в путь. Недели через две он будет в Бербере и перейдет Нил, переправившись на плоскодонных лодках, а еще дней через пятнадцать-двадцать — на горной возвышенности Тэбали...

Ну, а потом? Чем кончится это смелое предприятие?.. А вдруг Моони потерпит неудачу? Как переживет он горькое разочарование, унижительную для его самолюбия необходимость признать себя побежденным. Несмотря на твердую веру в Моони и успех его дела, Гертруда испытывала мучительное чувство беспокойства за участь молодого ученого.

Тихий вздох, раздавшийся за ее спиной, заставил ее обернуться, и она увидела свою любимицу Фатиму.

— О чем ты вздыхаешь, Фатима? Что тебя огорчает?— участливо спросила Гертруда.

— Если бы вы только знали все то, что я слышу и знаю от людей, добрая моя госпожа. Ведь меня никто не остерегается, а потому я вижу и знаю многое, чего не видят и не замечают белые... Ах, если бы вы только знали, что теперь готовится, как все здесь ненавидят гяуров?! "Далеко отсюда, в стране больших озер, есть великий пророк, который пришел на землю спасти детей Аллаха... Это — настоящий святой и нет ничего невозможного для него. Против него никто не может устоять, а он поклялся уничтожить всех европейцев, всех до одного!" — Вот что говорят арабы и люди, живущие в пустыне. Они уверяют, что это должно случиться очень скоро, на этих днях. Подан будет условный знак — и повсюду, от Кордофана и Голубого Нила, до Дарфура, и в Суакиме, и в Донголе, и во всех странах, у порогов Нила, будет избиение всех белых.

Страшно подумать, что этот добрый господин Моони и этот красивый молодой англичанин, его приятель, и славный Виржилль, который был всегда так добр и услужлив, и даже этот английский камердинер, такой угрюмый и молчаливый, попадут как раз в этот ад...

— Ну, ты преувеличиваешь опасность, Фатима! Все это не так страшно.

— О, вы не знаете, как взбешены все те люди, которых я слышала. Все они в один голос говорят, что не хотят больше видеть чужеземцев в своей стране, что пророк повелел истреблять неверных... Они говорят такие страшные вещи, от которых волосы дыбом становятся на голове... Но что я делаю? Ах, добрая госпожа моя, какая вы сделали бледная!.. Я так напугала вас своими глупыми рассказами, что вы, наверное, захвораете из-за меня. Я не должна была говорить вам обо всем этом... Забудьте все, что я вам сказала... Ложитесь поскорее в кровать:

уже поздно, и ваш отец будет сердиться, если узнает, что вы до сих пор еще не спите.

Гертруда уступила настоятельной просьбе Фатимы, легла в кровать и закрыла глаза, стараясь заснуть. Но сон не приходил. Всю ночь испуганное воображение молодой девушки рисовало ей страшные картины кровавой резни, а когда, наконец, под утро, она забылась тяжелой дремотой, во сне ее преследовали все те же страшные кровавые видения, какие мучили ее всю ночь.

Глава IX

ОБСЕРВАТОРИЯ НА ПИКЕ ТЭБАЛИ

Прошло уже шесть месяцев со времени отъезда нашей экспедиции из Суакима. Вопреки всем ожиданиям и страхам, царившим в Суакиме, ничто не нарушало прежнего положения дел.

Правда, вдоль обоих берегов Нила упорно держались слухи о поголовном восстании всех племен и об избиении всех чужестранцев. Но, в действительности, это восстание все еще не начиналось. А на возвышенности Тэбали, в пустыне Байуда, работы под управлением энергичного Моони быстро и успешно продвигались вперед. Он не мог достаточно нахвалиться этой местностью и исключительно благоприятными геологическими условиями, которые были необходимы для успешного осуществления задуманного предприятия.

Магнитный пирит, главная основа предприятия, встречался здесь в таком громадном количестве, что целые холмы, даже целые горы от тысячи до тысячи двухсот метров высоты состояли почти исключительно из этого пирита. Для своих научных экспериментов Моони избрал самую высокую из этих вершин — пик Тэбали.

Это была громадная скала конической формы, представлявшая собой огромную цельную глыбу магнитного пирита. Она была изолирована на природном плато, площадью около двух квадратных километров. Само положение пика Тэбали как нельзя более благоприятствовало для всякого рода астрономических наблюдений.

— Из всех, когда-либо виденных мною обсерваторий, — сказал по этому поводу Моони Когхиллю, — кроме Пиринейской обсерватории, я не знаю ни одной, которая могла бы соперничать по своему положению с этим пиком.

Образцы пирита с пика Тэбали, подвергнутые тщатель-

ному анализу, оказались состоящими из смеси сернистого и двусернистого железа. Кроме того, пирит этот отличался удивительной плотностью, ковкостью, тягучестью и способностью намагничиваться под действием хорошей динамо-электрической машины, как никель или кобальт.

На глубине полутораэта метров по вертикальной прямой от вершины пика повсюду встречался мелкий желтый песок, на котором находилась эта колоссальная масса сернистого железа.

По своему геологическому характеру пик Тэбали из-бавлял Моони от необходимости колоссальных работ по сооружению искусственной горы из магнитного пирита.

Теперь молодому ученому оставалось только приспособить этот пик к определенной цели.

Прежде всего следовало позаботиться о помещении для машин и очень ценных аппаратов, а также и для всякого рода припасов первой необходимости. У самой вершины пика Тэбали находилась ровная площадка в три тысячи квадратных метров. Здесь Моони решил выстроить плоскокровельные (как и все арабские постройки) поместительные здания из камня — для магазинов, складов, жилых помещений и лабораторий. Все эти здания строились из пирита. Шерофы по первому же слову молодого ученого предоставили в его распоряжение достаточное количество рабочих рук для исполнения всех этих работ.

Близость Бербера значительно облегчала доставку продовольствия для рабочих.

Огромные колодцы Уади-Тераб и Абу-Клеа, находившиеся в нескольких милях расстояния от Тэбали, доставляли его обитателям хрустально чистую воду, которую регулярно привозили караваны верблюдов в громадных бурдюках.

У подножия Тэбали, пик которого являлся самой значительной возвышенностью среди всех соседних гор, расстилалась пустыня Байуда. Голые равнины, песчаные и безжизненные степи оживлялись небольшими зеленеющими рощицами пальм. К востоку от Тэбали находились селения Южного Дарфура, а с помощью зрительной трубы почти на самом горизонте можно было различить круглые низкие купола и стройные минареты города Бербера. На севере причудливо извивался величественный Нил, вырисовывавшийся двойной линией своих лесистых берегов, а местами сверкавший на солнце голубовато-серебристой полосой.

В одно октябрьское утро, часов около семи, Моони по обыкновению сидел на своем складном стуле перед маленьким походным рабочим столом, всецело погружившись в свои вычисления. Вдруг совершенно неожиданно в палатку, служившую астроному рабочим кабинетом, с особой поспешностью вбежал Виржиль.

— Гости... К нам гости едут!— воскликнул он, видимо сильно запыхавшись.

— Гости? — рассеянно повторил за ним Моони. — Какие гости?

— Я увидел их с лесного двора. Мне кажется, что это барышня, дочь г. Керсэня, сам г. Керсэнь и доктор Бриэ...

— Не может быть?! Все это тебе примерещилось!— воскликнул Моони, но тем не менее, поспешно схватив зрительную трубу, он стал смотреть вдаль. — Ну, где же ты их видишь?

— Вот, вот, смотрите туда, в конце пятнадцатого поворота... видите?

Взглянув в указанную сторону, Моони убедился, что Виржиль был прав.

— А я-то в каком виде?! — воскликнул он с нескрываемым огорчением, окинув взглядом свой рабочий костюм.— Живо, Виржиль... тащи мне приличное платье... свежее белье... Ведь мы еще успеем...

Едва Моони успел окончить свой поспешный туалет, как в палатку вошел Когхиль. Его туалет, как всегда, был безукоризнен и не нуждался ни в каких изменениях: об этом неустанно заботился Тиррель Смес.

— К нам едут Керсэни, — радостно объявил Моони.

— В самом деле?

— Да, да! Я выйду их встретить, а вы, дорогой Когхиль... вы так хорошо умеете всем распорядиться... Позаботьтесь о том, чтобы приготовили угощение, каких-нибудь прохладительных напитков, — словом, все, что нужно.

И не дожидаясь ответа, Моони выбежал на дорогу. Когхиль, чуточку огорченный той ролью, которую ему так бесцеремонно навязали, тем не менее призвал неизменного Тирреля Смеса и, сделав ему необходимые распоряжения, поспешил вслед за Моони.

Путешественники уже въезжали на эспланаду, когда их встретил Моони.

— Какой счастливый ветер занес вас сюда?! — воскликнул он, радостно пожимая руки своим друзьям. — Я

положительно не верил своим глазам. Г. Керсэнь, доктор Бриэ, мадемуазель Керсэнь, да вы ли это?

— Как видите, — смеясь отозвалась молодая девушка, легко соскочив с седла. — Неужели вы думаете, что я отпустила бы отца одного в Хартум?

— В Хартум? Разве вы едете в Хартум?

— Да, я назначен генеральным французским консулом Судана, — ответил Керсэнь.

— Вы, очевидно, не знаете, — заметил доктор Бриэ, — что египетская армия под начальством Гикса оттеснила Махди, и теперь Хартум в полной безопасности. Вот вам и непобедимый герой, — продолжал он с улыбкой. — Ну, скажите, господин Моони, чего стоят в наше время такие репутации! А, ведь, я так верил в непобедимость Махди, а теперь я ни капельки не верю в него.

— А помните доктор, как вы меня пугали страшным Махди, когда я только отправлялся из Суакима в Тэбали? И вы, господин Керсэнь, очевидно, также перестали верить во всемогущество Махди, ибо в противном случае вы не брали бы вашу дочь с собою в Хартум.

— Вы думаете, что с Гертрудой так легко совладать, — смеясь ответил Керсэнь. — Ведь она меня никуда не отпускает одного.

— И это вполне понятно, — с напускной серьезностью воскликнула молодая девушка. — Ведь папа без меня никак не может обойтись. Он только хвастается своими докладами правительству, а, ведь, на самом-то деле все эти доклады он составляет при моей благосклонной помощи.

Все расхохотались.

— Ну, вот видите — вы не верите, а, ведь, это правда. Папа может подтвердить. А, кроме того, я поехала с ним потому, что хочу посмотреть Хартум, а заодно посетить по дороге и пик Тэбали. Признаюсь, господин Моони, я никак не ожидала, что вы в такой короткий срок достигнете блестящих результатов.

В этот момент к ним подошел Когхилль. Гертруда была так рада, что находится на вершине Тэбали, что даже не старалась скрыть этого. Когда же она переступила порог обсерватории и очутилась в громадной сводчатой зале, которую Тиррель Смис с помощью Виржиля быстро превратили в гостиную, восторг ее не знал предела.

— Мы находимся с вами в так называемой "Зале Ручек", — объяснил Моони, когда они вошли в залу. — Такое название давно ей потому, что здесь будут сосре-

доточены все электрические провода, а посредством двух ручек ток будет регулироваться. Это центральное помещение обсерватории. Впрочем после я объясню все подробно, а пока советую вам отдохнуть с дороги.

Посреди залы, устланной дорогим бархатным ковром, гостей ожидал роскошно убранный стол. По стенам были развешены большие карты и фотографические снимки луны. В глубине залы, через раскрытую дверь, виднелись дорогие астрономические инструменты, электрические машины и различные сложные аппараты. Трудно было поверить, что находишься на одинокой горной вершине, среди дикой африканской пустыни.

После сытного завтрака гости объявили любезным хозяевам, что желали бы осмотреть все сооружения сейчас же, так как они собираются немедленно же отправиться в дальнейший путь.

Но ни Моони, ни Когхилль и слышать об этом не хотели.

Они убедили гостей остаться, предоставив в их распоряжение здание обсерватории.

Г. Керсэнь уступил их просьбам и согласился переночевать на Тэбали. Между тем Гертруда принялась рассматривать многочисленные карты, развешанные по стенам.

— Что это такое? — спросила она, указывая на одну из карт.

— Это общая карта луны, — ответил ей Моони, — или, вернее, одного ее полушария, видимого с земли.

— Здесь даже названия, вот, например: "Море спокойствия", "Океан бурь", "Цепь Аппенинов", "Дорфельские горы"... Все они кажутся мне срисованными с наших северных гор.

— Это вулканы луны, или, по крайней мере, кратеры прежних вулканов, вероятно, уже потухших. Они встречаются повсюду на поверхности луны, на которой некогда происходили сильные извержения.

— И все эти кратеры хорошо изучены?

— Конечно, мы можем определить совершенно точно их форму и очертания, их высоту и размеры...

— Каким же образом?

— Это делается очень легко и просто при помощи самой элементарной геометрии. Мы делаем фотографические снимки с луны, как любого живого лица. Вот смотрите, это — фотографический снимок одного из кратеров лунной горной цепи Аппенин, снятый мною месяц тому

назад. А вот снимок, изображающий вулканический остров, усеянный кратерами, — это пик Тенериф на земле, снятый с высоты птичьего полета. Не правда ли они похожи?..

— Да, почти одно и то же.

— Вот таким путем сравнений и аналогий мы и создали географию луны.

— Но скажите мне, как могли вы сделать снимок отдельной цепи гор? Я понимаю, что можно сделать снимок всей луны, но отдельных ее частей...

— О, это совсем нетрудно. Ведь мы имеем в своем распоряжении телескопы, увеличивающие в две тысячи раз, которые, так сказать, приближают к нам луну на расстояние приблизительно сорока восьми миль от нашей обсерватории. Луна на таком близком расстоянии вырастает до огромных размеров, и мы по желанию можем выбирать любую ее часть для снимка. Кроме того, микроскопическая фотография легко может быть увеличена настолько, чтобы показать нам разные мелкие детали, которых мы не могли разглядеть невооруженным глазом.

— Значит, луна совершенно сходна с нашей землей и по своему геологическому строению, и по своим материкам, горам, вулканам и т.п.?

— Да, почти сходна. Разница лишь в том, что луна уже давно охладилась настолько, что извержений на ней больше не бывает. Да в этом и нет ничего удивительного. Ведь луна представляет собой часть земли, отделившуюся в ту доисторическую эпоху, когда наш земной шар был еще в раскаленном состоянии. Поэтому химические элементы луны совершенно тождественны с химическими элементами земли; самое большое различие, какое может быть допущено, заключается в иной комбинации этих элементов или же в ином распределении их между центром и периферией. Однако все исследования заставляют предполагать тождественность геологического строения луны и земного шара. Мы не можем сказать, что жизнь там проявляется или проявлялась в тех же формах, как и на земле. Нет. Климатические, температурные и атмосферические условия на луне, безусловно, совершенно иные, чем у нас...

— Разве на луне тоже есть воздух?.. — спросил доктор Бриэ.

— Да, целый ряд самых тщательных наблюдений с несомненностью подтверждают это, но лунная атмосфера настолько разрежена, что, вероятно, совершенно непригодна для нашего дыхания.

— Но в таком случае прощай весь наш блистательный проект.

— Нет, это мы еще увидим, — возразил, улыбаясь, Норбер Моони. — Мы приняли на всякий случай все необходимые меры предосторожности. Если атмосфера луны непригодна для нашего дыхания, то мы попытаемся заменить ее нашей; если же и это не удастся, то мы обойдемся без той и другой. Но прежде, чем продолжать мои объяснения, я самым настоятельным образом требую, чтобы вы отдохнули после дороги. Я это делаю в своих же интересах, — с улыбкой добавил Моони, — так как после отдыха вы будете гораздо внимательнее меня слушать.

Глава X

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ УСТРОЙСТВА ОБСЕРВАТОРИИ. НОВЫЙ НЕОЖИДАННЫЙ ГОСТЬ

Когда солнце уже закатилось, молодой ученый продолжал свои объяснения. Он повел гостей в большую лабораторию с очагами, колбами и ретортами. Здесь же помещался склад химических веществ, где хранился громадный запас хлористого калия и большие цинковые резервуары.

— Резервуары эти предназначены для кислорода, — объяснил Моони, — который даст нам возможность дышать при каких бы то ни было атмосферных условиях, как под водой, так и в воздушном пространстве.

Рядом с этой комнатой находится моя личная обсерватория, в которой имеются все необходимые приспособления для астрономических, метеорологических и физико-химических наблюдений и исследований. Кроме того, у нас имеется запас различных материалов для изготовления воздушных шаров и парашютов различных систем и всевозможных размеров. Все остальные здания представляют собою провиантские склады, где хранятся наши запасы съестных продуктов. Цинковые цистерны, вделанные в бетон, вмещают около двадцати миллионов литров воды... Как видите, мы здесь вполне обеспечены всем необходимым для нашей жизни.

А теперь перейдем к осмотру технических работ, непосредственно связанных с осуществлением поставленной мною задачи.

С этими словами молодой астроном ввел своих гостей в круглую залу, посредине которой находилась широкая и глубокая яма.

— В этой яме будет установлена подъемная машина, благодаря которой мы будем иметь возможность в три минуты спуститься к подножию нашей горы. В сущности эта яма представляет собою глубокий колодезь, прорытый для исследования почвы и изучения геологического строения пика Тэбали. При диаметре в два метра с лишним этот колодезь имеет до 1.500 метров глубины и достигает основания пика, лежащего на чистом песке. Работа по прорытию этого колодца была при помощи паровых машин закончена в 12 недель.

— Каким же образом работали ваши паровые машины? — удивился Керсэнь. — Ведь здесь совершенно нет топлива.

— О, это была одна из самых трудных задач, которую, как вы сейчас увидите, мы вполне успешно разрешили.

Все общество вышло по коридору на широкую площадку, расположенную в виде круга таким образом, что в течение целого дня отдельные ее части подвергались влиянию палящих лучей тропического солнца. На этой площадке помещалось несколько дюжин громадных медных рефлекторов, имевших форму усеченных конусов.

Каждый из этих аппаратов имел большой котел из закаленного стекла и паровую машину.

— Это так называемые инсоляторы, — объяснил Моони. — Они устроены по системе гениального изобретателя Мушо, профессора физики при лицее в Туре, и предназначены для эксплуатации солнечной теплоты и применения ее для промышленных целей. Сам изобретатель имел в виду использовать это изобретение при постройке транссахарской железной дороги. При помощи этих инсоляторов мы получаем необходимую нам энергию, которой мы, в частности, пользуемся для производства стекла.

— Как? Неужели при помощи этих аппаратов вы получаете количество тепла, необходимое для превращения песка в стекло? — усомнился доктор Бриэ.

— Вы сами сейчас убедитесь в этом, а пока я скажу вам, что здесь, под жгучим небом Судана, у нас получается в этих аккумуляторах средним числом до тридцати восьми калорий в минуту на квадратный метр подвергающейся влиянию солнца поверхности, а так называемая полезная площадь каждого из моих аппаратов равняется десяти квадратным метрам, всего же здесь имеется две тысячи

инсоляторов. Иначе говоря, я могу даром получить и использовать до семисот шестидесяти тысяч калорий в минуту или сорок пять миллионов шестьсот тысяч в час, или же четыреста пятьдесят шесть миллионов калорий в течение десятичасового дня. Вот как велико количество тепла, выделяемого солнцем и пропадающего даром, так как человечество не утилизирует его. А мы здесь для всего пользуемся только этим топливом. Сегодня утром вы изволили кушать за завтраком котлеты, изжаренные посредством инсолятора, а вечером мы вас угостим супом и жарким, изготовленным тем же самым способом. Та наливка, которую вы вольете в свой послеобеденный кофе, изжаренный на солнце, настоена на водке, дистиллированной тем же инсолятором.

— Но в таком случае вы принуждены стряпать и готовить только днем, — заметила, смеясь, Гертруда.

— Да, если бы мы имели непростительную глупость и не хранили бы тепло, добытое нами в течение дня.

— Но, ведь, это целая революция в технике, — восторгался Керсэнь. — Эти аппараты дают возможность в тропических странах использовать огромные запасы солнечной энергии, которые пропадают совершенно даром...

— Да, при помощи солнца мы в недалеком будущем будем производить все работы. Солнце — это самый дешевый, можно сказать, бесплатный источник огромной энергии. Быть может, благодаря этому центры промышленной жизни в будущем будут перенесены из Европы и Америки в тропические страны.

С круглой площадки маленькое общество вернулось к главным входным воротам, где их уже ожидали оседланные лошади, чтобы спуститься к подножию горы Тэбали. Через полчаса они уже были внизу и остановились у плавильных печей.

— Таких печей мы имеем сто двадцать в данный момент; они окружают основание нашего пика поясом стеклянных заводов. Правда, мы получаем грубое и не совсем прозрачное стекло, но оно вполне соответствует своему назначению: изолировать от земли магнитную скалу, из которой состоит пик Тэбали, а для этого толщина стекла должна быть от семидесяти до восьмидесяти сантиметров.

— Но каким образом вам удастся получить и подвести под гору такой слой стекла? — спросил доктор Бриэ.

— Очень просто. Мы сливаем жидкую стеклянную массу под основание пика Тэбали. В песке, из которого

приготавливается стекло, мы не имеем в этой пустыне недостатка, а солнце дает нам бесплатно энергию для ста двадцати плавильных печей в течение двенадцати-пятнадцати часов в сутки. В каждой из этих плавильных печей мы получаем ежедневно до двухсот кубических метров стекла, которое стекает прямо из печей под гору и там уже разливается ровным пластом. Горизонтальный тоннель, прорытый до середины основания скалы, выходит в тот глубокий колодезь, который мы с вами уже видели, и позволяет нам регулировать равномерное распределение стеклянной массы под основанием пика Тэбали. В тот день, когда стеклянная масса ровным слоем расположится под основанием нашей скалы, мы будем знать, что пик Тэбали окончательно изолирован от своей природной песчаной подпочвы.

— А много еще времени потребуется вам на это? — спросила Гертруда.

— Да еще месяцев пять-шесть упорной работы, не меньше.

Ознакомившись с устройством плавильных печей, маленькое общество вернулось обратно в обсерваторию пика Тэбали.

— Если я правильно понял ваши объяснения, — сказал по пути Керсэнь, ехавший рядом с Моони, — то главная цель ваших настоящих работ заключается в том, чтобы совершенно изолировать от земли пиритную скалу пика Тэбали, подведя под его основание толстый слой грубого стекла, но интересно знать, какое отношение имеет это обстоятельство к вашей конечной цели?

— Сейчас объясню вам, — ответил молодой астроном. — Я буду иметь в своем распоряжении огромную массу магнитного пирита, которую в любой момент смогу превратить в сильный магнит.

— Каким образом?

— Посредством сильных электрических токов, которые пройдут по этой громадной скале. Проводы уже готовы и все они соединены с моими динамами в "Зале Ручек". Динамомашины, конечно, будут приводиться в действие все теми же инсоляторами. Когда все работы будут закончены, достаточно будет нажать ручки, которые я вам уже показывал, и в тот же момент весь пик Тэбали превратится в огромный магнит колоссальной силы...

— И тогда?..

— Тогда луна под влиянием усилившегося земного притяжения начнет приближаться к нам.

Керсэнъ недоверчиво пожал плечами.

Когда маленькое общество вернулось в обсерваторию, уже наступили сумерки. Только с вершины Тэбали, золотевшего в лучах закатной зари, был еще виден огромный солнечный диск, а на потемневшей половине неба медленно подымалась круглолицая луна.

Гости вошли в "залу ручек", с которой они начали осмотр сооружений пика Тэбали. После всего, что им рассказал Моони, гости стали относиться с особенным уважением к этим небольшим ручкам из слоновой кости, которые являлись последним звеном в осуществлении трудной задачи молодого ученого.

Эти ручки были ввинчены в стальную оправу и издали ничем не отличались от обыкновенных выключателей и выключателей электрического тока. Рядом с ними был установлен какой-то аппарат, по внешнему виду очень похожий на часы.

— Для чего предназначается этот аппарат? — спросил доктор Бриэ.

— Это магнетометр, который будет указывать силу магнитного напряжения пика Тэбали после того, как мои динамомашины будут приведены в действие. А вот это зубчатое колесо, приводимое в действие хрустальной ручкояткой, является регулятором, при помощи которого я смогу увеличивать и уменьшать силу магнитного напряжения от 0 до 620-го деления.

— Теперь еще один последний вопрос и я буду считать себя вполне удовлетворенным, — сказал доктор Бриэ. — Если солнце изменит вам, вследствие дурной погоды, то ваш магнит будет совершенно бездействовать?

— Нет, на пике Тэбали имеются электрические аккумуляторы новейшей системы, с помощью которых можно запастись солнечной теплотой в количестве, достаточном для поддержания максимальной силы магнита в течение десяти суток. А так как в летнее время погода здесь не бывает пасмурной более двух или трех дней подряд, то я могу считать себя вполне обеспеченным на этот счет.

После обеда, устроенного в "зале ручек", Гертруда просила Моони показать ей в телескоп луну и с любопытством стала рассматривать горы и кратеры, которые были ясно видны. Потом Моони показал ей Марс, Венеру и Сатурн с его кольцами.

— А где же моя звезда? — спросила Гертруда. — Вы совсем ничего не говорите мне о ней. Уж не угадали ли она каким-нибудь образом?

— О, нет! — воскликнул Моони, улыбаясь. — Ваша звезда блесит ярче прежнего, будьте в этом уверены. Она успела уже занять вполне определенное место в астрономическом каталоге, под именем "Gertrudia", которое вы были так добры утвердить за нею. Ведет она себя вполне благонамеренно и в определенный срок появляется на нашем горизонте. Но в настоящий момент ее еще нет, и сегодня я не смогу показать вам ее...

На следующий день к Моони явился новый, совершенно неожиданный гость, о существовании которого все уже давно успели забыть: это был тот самый карлик, которого они видели несколько месяцев тому назад, когда были у радамехского могаддема.

С гримасами и поклонами, не говоря ни слова, он вручил Моони послание от могаддема, которое Виржилль тотчас же перевел на французский язык.

"Дорогому сыну нашему, Норберу Моони, весьма сведущему в науках и искусствах и весьма премудрому, — поклон и пожелание всяческого благополучия.

Слуге нашему, Каддуру, мы поручаем уведомить тебя, что отныне вносимую нам подать за содействие, оказываемое тебе возлюбленными сынами нашими, детьми племени шерофа, ты должен повысить до тысячи пиастров в месяц.

Хвала аллаху всевышнему.

Бэн-Камса,

Радамехский могаддем".

Молодой астроном был так доволен превосходными результатами заключенного им с могаддемом договора, что не особенно возмущился этим новым вымогательством. Но он строго придерживался правила решать денежные дела совместно с комиссарами. Поэтому он попросил карлика подождать ответа и послал пригласить трех членов контрольного комитета пожаловать к нему для деловых переговоров.

Пока Вагнер и его компаньоны явились на приглашение, прошло около четверти часа. Все это время безобразный карлик не сводил глаз с Гертруды Керсэнь, откровенно любуясь ее красотой. Хотя это свидетельствовало

об известном развитии его эстетического вкуса, но было тем не менее не особенно приятно молодой девушке. Каддур до того увлекся этим созерцанием, что даже не заметил появления господ комиссаров.

Выслушав сообщение Моони, они тотчас же согласились подписать новое условие, предложенное могаддемом.

Только теперь карлик обратил внимание на трех авантюристов, и в тот же момент какая-то мучительная гримаса исказила его сморщенное старческое личико, выражавшее теперь одновременно удивление и ненависть.

И вдруг, не сказав ни слова и не дождавшись ответа на письмо могаддема, он направился к двери и поспешно скрылся.

Когда прошло несколько минут, а карлик и не думал возвращаться, Моони послал Виржилю узнать, что означает это внезапное и поспешное бегство. Но, несмотря на тщательные поиски, карлик исчез бесследно и никто более не видел его.

Все это случилось так неожиданно, что решительно никто не мог объяснить причины таинственного исчезновения Каддура.

На следующий день гости простились со своими радужными хозяевами и отправились в дальнейший путь — к Хартуму. Обитатели пика Тэбали проводили их до самого подножия горы. Моони было очень тяжело и грустно расстаться с Гертрудой, и они условились, что в ближайшее же время снова встретятся в Хартуме или на пике Тэбали.

Глава XI

НОВОЕ ПРЕДАТЕЛЬСТВО КОМИССАРОВ. ЧЕРНЫЕ ВОИНЫ

Вскоре после отъезда гостей одно весьма странное явление невольно поразило Норбера Моони, который не мог не приписать его появлению радамехского карлика. Совершенно неожиданно большинство из его рабочих племени шерофа один за другим стали незаметно покидать обсерваторию.

До этого посещения в Тэбали насчитывалось не менее восьмисот рабочих из этого племени, а через два месяца их осталось всего несколько десятков; под различными предложениями эти люди уходили от Моони.

Правда, работа от этого не страдала, потому что уроженцы Дарфура охотно замещали уходящих рабочих из

племени шерофа; в противном случае, трудно было бы рассчитывать на успешное окончание задуманного предприятия.

С другой стороны, Моони беспокоили сообщения Мабруки-Спика и Виржиля о сильном брожении умов среди землекопов и рабочих стеклянного производства. Впервые за все время рабочие туземцы стали открыто поговаривать о поголовном избиении всех европейцев в стране. Виржилъ, как старый солдат алжирской армии, относился пренебрежительно к этим разговорам, но Мабруки-Спик был сильно встревожен.

Он уверял, что шерофы один за другим покидали ма-стерские Тэбали, потому что получили соответствующее приказание могаддема, и что это массовое движение, вероятно, объясняется каким-нибудь новым восстанием, готовящимся в Судане. Кроме того, Мабруки предупредил, что оставшимся на работах шерофам тоже ни в чем не следует доверять. Особенно же возбуждал его подозрения некий Абен-Зегри, пользующийся среди рабочих громадным влиянием. Отпустить их под каким бы то ни было предлогом Мабруки не считал разумным, чтобы окончательно не ссориться с их главой и не вооружать их против себя, но он продолжал внимательно следить за ними.

Однажды вечером Мабруки, притаившись у одной палатки шерофов, стал наблюдать за ними.

В палатке царила тишина. Чадающий факел освещал толпу арабов человек в пятьдесят, расprostертых ниц и прильнувших лицом к земле. Все они были закутаны в белые покрывала и лежали неподвижно.

В первый момент Мабруки решил, что они собрались для обычной вечерней молитвы. Но вот один из этих арабов поднялся и выступил на середину круга. Это был Абен-Зегри. Возвысив голос, он призвал на помощь Магомета и произнес следующую речь:

— Мужичи племени шерофа, возлюбленные дети аллаха, настанет день великого освобождения, и день этот близок... Когда вы родились на свет, ветры притаили свое буйное дыхание, море стало спокойно, как оливковое масло, и луна явила свой серебряный серп над землею. Чтобы испытать вас, аллах ниспослал тяжкое испытание: он покорил вас под власть гяуров. Но близок час, когда все вы восстанете и восторжествуете над ними, когда вы, как львы, появитесь на вершинах гор и растерзаете своими железными когтями неверных!

Трепет немого восторга и энтузиазма пробежал по

толпе, слышались глухие проклятия против ненавистных гяуров, глаза всех собравшихся загорелись недобрым огнем. Абен-Зегри снова поднял голову и продолжал все тем же медленным и торжественным голосом, обращаясь теперь уже с воззванием к аллаху:

— О, всесильный! Чего ты ждешь от сынов твоих?.. Будь им лучом, исходящим с востока, звездой путеводной, горящей над безбрежным морем! Ты вызвал из среды детей своих великого пророка. Пророк этот восстал во мраке, он явился на острове Нафть, как цветок лотоса на водах Нила.

Имя его Махди (божественный), и он победит!.. О, племя шерофов, царство твое наступает!.. Я вижу тебя, Махди. Вижу тебя на поле брани. Ты летишь быстрее сокола. Города один за другим преклоняются перед твоею властью.

Слушайте меня, дети шерофа!.. Аллах послал Махди в Казхиль окружить гяуров непобедимым кольцом своих правоверных; в продолжение целых трех дней сыны Корана чинили над гяурами расправу, и все они погибли до последнего: никто из них не вернулся оттуда... Из всей этой громадной армии Гикса в одиннадцать тысяч человек не осталось в живых ни одного...

Вся толпа с энтузиазмом и криками злобной радости приветствовала известие, сообщенное Абен-Зегри.

— Слушайте же меня, — продолжал он, — я собрал вас сегодня, чтобы возвестить вам, что час освобождения близок... Не возбуждайте недоверия и подозрения врага. Ждите условного сигнала, который будет дан всем нам.

Собравшиеся в палатке арабы снова стали молиться, а Мабруки счел этот момент наиболее удобным, чтобы незаметно удалиться от палатки.

Не медля ни минуты, он поспешил сообщить обо всем Моони.

Весть об окончательном уничтожении всей армии Гикса-Паши казалась слишком невероятной, но вскоре Моони узнал от очевидцев, что Махди разбил наголову египетскую армию.

Это имело чрезвычайно важное значение. Не говоря уже об усиливавшемся с каждым днем волнении среди рабочих Тэбали, эта победа Махди должна была удесятерить его влияние и значение в глазах туземцев. В Бербере все ожидали, что Махди после своего успеха немедленно двинется на Хартум. Он мог смело рассчитывать на содействие туземных племен, озлобленных против ев-

ропейцев. Одной малейшей искры, одного известия о том, что Махди двинется к северу, было бы вполне достаточно, чтобы повсюду вспыхнуло пламя всеобщего восстания.

Однако, несмотря на это, Моони не отчаивался. Уже много раз в течение последнего года он слышал от разных людей мрачные предсказания и страшные угрозы. Если бы он поверил им в свое время, то должен был бы отказать от своего предприятия. А теперь оно было почти доведено до конца. Еще два-три месяца — и все будет готово для решительного испытания. Неужели можно теперь пожертвовать плодами упорного труда из-за каких-то опасений? Нет, об этом Моони даже и не думал. Да, кроме того, какой опасностью могут грозить туземцы ему, ученому астроному, совершенно не вмешивавшемуся в политические дела. Больше всего беспокоила Моони мучительная тревога за Гертруду Керсэнь и ее отца, которые как раз в этот опасный момент находились в Хартуме.

Если раньше многотысячная армия под командою европейских офицеров охраняла безопасность Хартума, то теперь, после победы Махди, положение Хартума становилось весьма ненадежным и опасным. Моони утешал себя надеждой на то, что в случае опасности его друзьям удастся своевременно покинуть Хартум. В то же время он старался по возможности ускорить работу, удваивая и утраивая число рабочих.

Однажды все три комиссара явились к Моони и сообщили ему о том, что, по полученным ими известиям, Махди одержал еще одну победу над английскими войсками и что путь от Бербера к Суакиму отрезан.

— Да, весть эта неутешительна, но, ведь, другой путь по Нилу еще свободен, — возразил Моони.

— Совершенно правильно, — согласился Вангер. — Поэтому и необходимо немедленно воспользоваться этим путем, если мы хотим остаться в живых.

— Иначе говоря, вы пришли заявить мне о вашем отъезде? — спокойно спросил Моони.

— Не только о нашем... — замаялся Вангер. — Ведь и вы не можете более думать о продолжении работы...

— В самом деле?.. Почему вы так уверены в этом?

— Если вы не откажетесь сами, то очень скоро вас заставят это сделать рабочие. Неужели вы не знаете, что творится во всех мастерских? Там только и речи, что о поголовном избиении всех нас; там только и ждут условного сигнала...

— Они уже более года ждут его и все не могут дожидаться. Во всяком случае, если вы, господа, полагаете, что вам следует уехать, я ничего не имею против этого и не желаю вас удерживать. Наоборот, я готов даже, чем могу, содействовать вам...

— Но вы, конечно, знаете, что мы по долгу службы не можем доверить вам и оставить в ваших руках интересы компании! — воскликнул Вагнер.

— В таком случае, господа, — холодно заявил Моони, вставая с кресла и указывая этим, что считает аудиенцию оконченной, — мне остается только пожелать, чтобы вы оказались плохими пророками, так как я не двинусь с места.

Когда комиссары удалились, Когхилль, оставшись наедине с Моони, спросил у него:

— Что же вы намерены делать? Ведь в словах комиссаров, несомненно, есть доля истины.

— Что делать? — задумчиво повторил Моони. — Да, право, я сам не знаю; во всяком случае, я не откажусь от своего предприятия в угоду этим трем господам или даже самому Махди. — Он принялся крупными шагами ходить взад и вперед по комнате; потом, подойдя к звонку, он нажал кнопку. Через минуту в залу вошел Виржилль, которому Моони приказал позвать Мабруки-Спика.

— Как вы думаете, Мабруки, — обратился к негру Моони, — нельзя ли из числа наших рабочих выбрать хоть сотню решительных и отважных людей, из которых можно было бы составить гарнизон для защиты пика Тэбали, вооружив их огнестрельным оружием?

Мабруки покачал своей седой головой.

— Я бы не советовал этого делать. Ни одному из наших рабочих нельзя доверять хорошего ружья.

— Эх, черт возьми! — воскликнул молодой ученый. — В таком случае дело плохо! Нам придется только вчетвером защищать обсерваторию.

— Есть еще одна надежда получить хороших солдат, — нерешительно продолжал Мабруки, — из прежней стражи Зэбэра, если только Махди не успел еще завербовать ее.

— Что это за стража Зэбэра?

— Это отряд негров из Страны Великих Озер, которых Зэбэр, еще будучи крупным работорговцем, вывез с юга Африки, вооружил и снарядил для своей личной охраны. С тех пор, как его торговля была окончательно уничтожена, а самого его посадили в тюрьму в Каире, стража его была

распущена и теперь находится без дела. Если предложить им какое-нибудь вознаграждение, то они охотно согласятся поступить к вам на службу.

— А вы полагаете, что им можно доверять, Мабруки?

— О, в этом я вполне уверен. Все они очень честные люди и превосходные солдаты.

— Ну, так вот что, Мабруки: немедленно же отправляйтесь к ним и наймите сотню солдат на тех условиях, которые вы найдете удобными, и сейчас же приведите их сюда.

— По прошествии четырех дней они будут здесь, господин, — сказал Мабруки, гордый оказанным ему полным доверием.

В это же время в отдельном флигеле комиссаров также происходило деловое совещание. Друзья-приятели, наполнив доверху свои кружки и закулив глиняные трубки, раздумывали о результатах разговора с Моони.

— Вы сами видите, господа, что нет никакой возможности заставить этого француза согласиться с какими бы то ни было логическими доводами, — сказал негодующим тоном Вагнер. — Придется прибегнуть к самым крайним мерам!

— К каким мерам? — спросил Грифинс.

— Сейчас скажу. Прежде всего, ясно, что мы не можем уехать отсюда, а француза оставить здесь одного, потому что это значило бы окончательно отказаться от дела, которое и без того стоило нам почти целого года работы. Похитить и увезти его силой также невозможно. Убить его не совсем безопасно. Следовательно, остается одно средство: заставить его бежать, вызвав возмущение в среде рабочих и устроив открытый бунт. Мне кажется, что при создавшемся положении это будет не особенно трудно.

— Но, ведь, и мы сами можем стать жертвами этого бунта!

— Мы должны убедить арабов в том, что стоим всецело на их стороне — против неверных. Я уже более года изучаю их язык; ведь это единственное мое развлечение в этой проклятой стране, и это развлечение может теперь сослужить мне добрую службу. Сегодня же вечером, после окончания работ, мы начнем нашу агитацию и, уверяю вас, не пройдет и недели, как все мастерские совершенно опустеют, и работы прекратятся. Тогда мы составим протокол, сами отправимся в Бербер, а оттуда по Нилу с полным триумфом вернемся в Мельбурн. Если

француз и после этого откажется следовать за нами, то Махди в скором времени избавит нас от него раз и навсегда. В противном же случае об этом позаботятся сами акционеры, — за это я ручаюсь головой или пусть меня не зовут Костерус Вагнер.

— Превосходно, Костерус, превосходно!

— Божественно и гениально! Ничего лучшего и придумать нельзя!

Прошло четыре дня. В жизни на пике Тэбали ничего за это время не изменилось. Виржилль заметил только, что землекопы стали как будто еще ленивее работать, но он всецело приписывал это отсутствию Мабруки-Спика. Кроме того, он был очень удивлен, встретив однажды вечером на большой дороге, ведущей к подножию горы, трех совершенно незнакомых ему арабов, спускающихся от обсерватории по направлению к ближайшей деревне. Виржилль сейчас же сообщил об этом Моони, но они так и не выяснили, кто это был.

Наконец, вернулся Мабруки. Со свойственной ему осмотрительностью он оставил приведенных негров в трех километрах от пика Тэбали и предложил Моони переговоры с ними прежде, чем окончательно принять их на службу. Не теряя ни минуты, Моони и Когхилль отправились осматривать свою "армию". Было около шести часов вечера. Чернокожие воины только что окончили свой скромный ужин, состоявший из печеного маиса, и, расположившись в кружок, пели свои песни под аккомпанемент там-тама. Все это были рослые и сильные юноши, атлетического сложения. Одежда их состояла только из леопардовых набедренников и верблюжьих шапок, а вооружены они были луками и длинными стрелами.

— Где же их вождь? — спросил Моони у Мабруки.

В тот же момент стройный молодой негр в более богатом одеянии, чем остальные его товарищи, встал и выступил вперед.

— Я — Шаака, паша черных воинов из Страны Великих Озер, — произнес он с большим достоинством.

— Согласны ли вы служить мне? — спросил его Моони.

— Да, мы уже сговорились с Мабруки и будь уверен, что исполним свои обязанности честно и добросовестно.

— Очень хорошо. Я принимаю вас на службу.

Шаака подал знак своим людям и все они стали рядом друг с другом и затем по одиночке прошли перед своим новым господином. Затем молодой вождь взял руку Моони,

к счастью бывшую в перчатке для защиты от мошек и насекомых, и плюнул в нее.

Сначала молодой ученый был очень удивлен таким поступком, но тотчас же сообразил, что негр выражает этим свое уважение к нему. Поэтому Моони проделал ту же операцию по отношению к вождю отряда. Это привело в совершенный восторг всех негров. Закончив эти несложные церемонии, все они двинулись к Тэбали. Когда они уже подошли к самому пику, Мабруки вдруг заметил большую группу рабочих, собравшихся у палатки Абен-Зегри. Полагая, что там опять происходит такое же собрание, свидетелем которого он был несколько дней тому назад, Мабруки предложил Моони сделать небольшой обход и пройти позади подозрительной палатки. Моони приказал черной страже не трогаться с места, а сам с Когиллем пошел вперед.

Каково же было его удивление, когда, подойдя к пестрой палатке Абен-Зегри, он услышал знакомый голос Вагнера, обращавшегося на арабском языке к собравшимся здесь людям. За время своего пребывания на Тэбали молодой ученый достаточно освоился с местным языком и мог свободно понимать то, что говорил оратор этой довольно многочисленной толпе. Сквозь отверстие в палатке Моони успел хорошо рассмотреть Вагнера, рядом с которым стояли его товарищи, Грифинс и Фогель. Все они были в арабских костюмах.

— Малoverные! — патетически восклицал Вагнер. — Вы сами закрываете себе путь к вечному спасению и вечному блаженству... Вы работаете на неверного гяура и в день праведного суда пророк проклянет вас за это. Разве вы не знаете, чего хочет тот, на кого вы работаете? Он хочет нарушить вечные законы природы: аллах, который создал луну, как священный символ постоянного своего присутствия среди возлюбленных детей своих, последователей корана, аллах не простит вам, что вы помогаете этому гяуру, ибо он в безбожной гордости своей задумал низвести с небес на землю эту священную для вас луну, чтобы попать ее ногами.

В толпе послышались негодующие возгласы и проклятия, а Вагнер продолжал свою речь с новыми жалобными воззваниями. Моони не стал больше слушать его и поспешил к тому месту, где его ждала черная стража.

— Шаака, — обратился он к молодому вождю, — ты и твои люди должны последовать за мной и оцепить вон ту палатку, а затем схватить тех, кого я вам укажу.

— Когда господин сказал слово, Шаака повинуется ему! — торжественно ответил ему негр, и в то же время по его знаку, все негры двинулись вперед и окружили палатку Абен-Зегри.

Через десять минут Вагнер и его товарищи были схвачены, связаны и арестованы. Они были помещены в отдельные комнаты и должны были дожидаться решения своей судьбы после суда, который мог состояться только в присутствии представителя от “Лунной Компании”.

К ним были приставлены черные воины, которые должны были строго следить за ними.

Теперь Моони мог быть хотя бы на время спокоен относительно порядка на пике Тэбали. В его распоряжении было вполне достаточно сил для того, чтобы подавить всякую попытку к бунту. Это было очень важно, так как обеспечивало успешное окончание задуманного предприятия. Но теперь другая забота беспокоила его. Если армия Гикса действительно была уничтожена и Махди уже двинулся в Хартум, то Керсэню и его дочери грозила серьезнейшая опасность.

Мысль об этом страшно угнетала Моони, не давая ему спать по ночам и преследуя даже днем во время его работ и занятий. Не будучи больше в состоянии оставаться в неизвестности, он, наконец, решил сам отправиться в Хартум к своим друзьям.

Попросив Когхилля принять на себя его обязанности и пообещав в ближайшие же дни возвратиться обратно, Моони вместе с Мабруки немедленно же отправился в путь.

Глава XII

ПОЕЗДКА МООНИ В ХАРТУМ. НЕОБЫЧАЙНОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ НА ОБРАТНОМ ПУТИ

Всего четыре дня обычного пути отделяли Хартум, столицу Судана, от пика Тэбали. Но Моони, сгорая нетерпением, сделал этот путь в двое суток. Мчась изо всех сил вперед, он все-таки успел заметить по дороге несомненные признаки беспорядка и волнения в стране.

На обоих берегах Нила он всюду встречал толпы вооруженных людей с весьма недоброжелательными лицами. Попадались и целые семьи, эмигрировавшие из этих мест и увозившие с собой наиболее ценные и дорогие вещи.

Верблюды, нагруженные разной домашней утварью, со всех сторон стекались к городу. Женщины, старцы, дети плелись за этими караванами; лица их были мрачны и унылы, глаза ввалились, ноги были в крови от продолжительного и тяжелого пути.

Поголовное бегство всего населения носило панический характер. Целые толпы жалких и несчастных людей, обезумевших от страха, спешили укрыться за стенами Хар-тума, надеясь найти там убежище. Все они со страхом и ужасом повторяли:

“Махди! Махди идет!..”

— Слышите, как повсюду раздается имя Махди?! А вы видели его когда-нибудь, Мабруки? — спросил своего спутника Моони.

— Я хорошо знал его дядю, который был плотником в Шабака, близ Сенаара, и помню, что не раз видал у него и самого Махди, когда он был еще мальчиком и находился в ученьи у старика.

— А почему он пользуется такой славой и влиянием?

— Своей славой он обязан тому, что провел несколько лет на дне небольшого колодца, который он вырыл собственными руками на одном из островов Нила. В этом колодце он дни и ночи проводил в посте и молитве... Мало-помалу слухи о его святости распространились по всей стране, и люди стали приходить к нему за советом. И вот в один прекрасный день он объявил себя пророком, посланным аллахом, чтобы продолжать и завершить дело Магомета.

— В таком случае, вы, Мабруки, считаете, что за ним нет никаких особенных заслуг?

— Нет, я этого не могу сказать. Очевидно, сам он верит в свою великую миссию и сумел увлечь за собой огромные массы арабов. Он пробудил в них стремление к восстанию против чужестранного ига и освобождению от него. Как вы, вероятно, сами знаете, эта несчастная страна не может быть особенно довольной английским владычеством, от которого она немало натерпелась всякого горя. Когда Махди говорит народу, что хочет изгнать чужеземцев страны, то он легко находит людей, охотно готовых идти за ним. Кроме того, он принадлежит к числу столь могущественных в этой стране дервишей гэлани и является старшим духовным лицом всей провинции верхнего Нила. Уже это одно дает ему громадное влияние и заставляет каждого доброго мусульманина беспрекословно повиноваться ему во всем.

— Так вы полагаете, что Махди одержит решительную победу?

— Пока трудно ответить на этот вопрос, но думаю, что на его стороне много шансов на успех.

Вскоре Моони и его спутник приблизились к Хартуму и въехали в город через восточные ворота. С первого же взгляда Моони был поражен довольно потрепанным и жалким видом колониальных солдат. Самый город также производил весьма неблагоприятное впечатление. Трудно было поверить, что Хартум с его кривыми и смрадными улицами и мизерными покривившимися лачугами представляет собою один из важнейших торговых и промышленных пунктов Судана.

Среди грязных лачуг, построенных из необожженного кирпича и грозивших с минуты на минуту развалиться, выделялись лишь несколько зданий: дворец губернатора, мечеть и дом французского консульства, к которому тотчас же направился Моони, оставив Мабруки с верблюдами и их жожаками на главной площади.

Войдя в помещение консульства, он застал дома Керсэня и его дочь, которые радостно его встретили.

— Вы приехали как нельзя более кстати! — воскликнула Гертруда. — Мы готовы были положительно погибнуть от скуки.

— В таком случае, мне, вероятно, будет не трудно убедить вас покинуть Хартум, — сказал молодой человек. — Я приехал сюда исключительно с целью похитить вас и доктора Бриэ отсюда и увезти на Тэбали или в Бербер, а оттуда в Каир по Нилу.

— В Каир? Это будет довольно трудно, особенно в данный момент: не имея формального отпуска, я не смею покинуть Судана, — ответил Керсэнь. — Но в Тэбали — это дело другое. Против этого я не возражаю. Мне и Гертруде уже порядком надоел Хартум, и мы с удовольствием предпримем это увеселительное путешествие.

Затем Керсэнь стал расспрашивать Моони об успешности работ на пике Тэбали. Когда Гертруда вышла из залы для того, чтобы позаботиться об обеде, Керсэнь, оставшись наедине с Моони, откровенно признался ему в том, что страшно обеспокоен грядущими событиями.

— Я не хотел вам говорить в присутствии Гертруды, — начал он, сильно волнуясь, — но я глубоко убежден, что мы идем навстречу ужасной катастрофе и что готовится поголовная резня всех европейцев. Арабы возбуждены до последней степени, и я боюсь, что ни один европеец не

выйдет живым из Хартума. Вы, конечно, понимаете, что в такое время я по долгу службы не могу оставить своего поста, но я не хочу подвергать всем этим опасностям Гертруду. Поэтому я считаю необходимым немедленно перевезти ее в более безопасное место. Но она, ведь, упряма и ни за что не согласится расстаться со мной и покинуть Хартум. Что же вы посоветуете мне сделать?

— Я исключительно для того и приехал в Хартум, чтобы помочь вам, чем могу. По-моему единственным выходом из создавшегося положения является ваш немедленный отъезд отсюда. Вы вместе с Гертрудой поедете в Тэбали под предлогом погостить там несколько дней, а затем, оставив ее у нас вместе с доктором и Фатимой, вы украдкой от нее вернетесь обратно в Хартум, если вы считаете это безусловно необходимым.

— Да, это действительно, было бы хорошо, но, к сожалению, я не могу в настоящее время уехать из Хартума даже на несколько дней; да, кроме того, Гертруду не так-то легко перехитрить, как вы думаете.

— Тогда мы призовем на помощь доктора Бриэ. Пусть он под каким-либо предлогом потребует немедленного отъезда Гертруды из Хартума.

— Пожалуй, это в самом деле будет лучше всего; мы поговорим об этом с ним сегодня же или завтра утром...

Вдруг с улицы донесся шум, гам и громкие крики. Моони и Керсэнь хотели выйти на террасу, чтобы узнать в чем дело, но в это время дверь кабинета с шумом распахнулась, и Фатима, запыхавшись, вбежала в залу и, волнуясь, сообщила:

— Господин, генерал Гордон... Генерал Гордон идет... Весь город спешит ему навстречу...

— Генерал Гордон?! Да ты обезумела, девочка! Это невозможно!.. — недоверчиво воскликнул консул.

— Да посмотрите сами, — нетерпеливо воскликнула Фатима, — если не верите мне!..

Керсэнь и Моони тотчас же вышли на террасу, куда вскоре пришла и Гертруда. Все соседние балконы были полны народом. Громадная толпа запрудила всю улицу, в конце которой показался верблюд. На нем ехал человек небольшого роста в парадном мундире главнокомандующего. Вся многоголосая толпа, как один человек, приветствовала его шумными возгласами:

— Да здравствует генерал Гордон! Да здравствует спаситель Кордофана!

Подъехав к губернаторскому дворцу, он сошел с верблюда и направился к губернатору.

Когда он скрылся в доме, все стали радостно поздравлять друг друга, точно этот человек, приехавший один на верблюде из глухой пустыни, стоил сам по себе целой армии. Никто уже не думал о грозящей опасности, никто не верил в силу и могущество великого Махди, перед которым всего еще за час до этого все трепетали. Теперь Гордон был здесь, — и этого было достаточно — Хартум мог вздохнуть свободно и надеяться, что избежит страшной опасности.

Вечером весь город был иллюминирован. Генерал Гордон принимал у себя весь дипломатический корпус, представителей гражданской власти и военное начальство Хартума. Он выразил твердую уверенность в том, что сумеет справиться с Махди, и объявил, что город немедленно будет приведен в оборонительное состояние, дисциплина будет восстановлена со всею строгостью и деморализация войск окончательно исчезнет. Гордон сообщил, что послан английским правительством и что через несколько недель британская армия должна подняться вверх по Нилу и явиться сюда, чтобы окончательно покончить с Махди. Все были вполне обнадежены уверениями Гордона. Только Керсэнь не особенно доверял всем этим обещаниям.

— Если английская армия, — сказал он Моони, — успеет явиться вовремя, то, конечно, все кончится благополучно. Но весь вопрос в том, успеет ли она своевременно подойти к Хартуму. Ведь от Каира до Хартума не близко, а для европейского войска этот путь очень труден. Во всяком случае, мы можем воспользоваться неожиданным появлением Гордона для того, чтобы убедить Гертруду уехать отсюда без меня, так как в настоящее время все полны самых радужных надежд и убеждены, что опасность миновала.

Керсэнь вместе с Моони решили зайти к добродушному доктору, чтобы посоветоваться с ним. Обсудив со-обща положение дел, они решили разыграть в присутствии Гертруды небольшую комедию и на следующий день привели это в исполнение.

— Я весьма охотно приму ваше любезное предложение, милый г. Моони, — начал доктор, — и с удовольствием отправлюсь с вами на недельку-другую в Тэбали.

— Да и я с Гертрудой тоже с наслаждением отправился бы с вами, — подхватил Керсэнь, — но, к сожалению, я не могу в настоящее время уехать из Хартума.

— Почему? — с притворным удивлением спросил Моони. — Ведь теперь можно быть уверенным в полной безопасности.

— Совершенно правильно, — ответил, улыбаясь, Керсэнь, — но прибытие генерала Гордона, которое обеспечивает нашу безопасность, заставляет меня задержаться на некоторое время в Хартуме, чтобы сообщить французскому правительству о новом положении дел.

Легкая тень огорчения и разочарования промелькнула на лице Гертруды, но она не произнесла ни слова.

— Очень, очень жаль! — сказал доктор Бриэ. — Гертруде безусловно необходимо переменить климат, и маленькая поездка в Тэбали была бы ей очень полезна.

— Да, но что же делать? — вздохнул Керсэнь. — Долг и обязанность всегда прежде всего. Я никак не могу уехать в настоящее время из Хартума.

— По-моему можно совместить необходимое с полезным.

— Скажите, когда вы рассчитываете освободиться и приехать на Тэбали?

— Недельки через две, никак не позже.

— В таком случае, почему Гертруда и Фатима не могут поехать вместе с нами на Тэбали и там дожидаться вас? Я, как врач, настаиваю на том, что для нее положительно необходимо уехать отсюда и притом как можно скорее.

— Я вовсе не хочу уезжать отсюда без папы! — воскликнула молодая девушка. — Я так боюсь оставлять его одного.

— Беспокоиться теперь, во всяком случае, не приходится, — как можно спокойнее произнес Керсэнь, — а этот план кажется мне довольно подходящим. Я смогу гораздо спокойнее работать, когда буду уверен, что твоему здоровью не грозит никакой опасности. Кроме того, могу поручиться, что твой отъезд заставит и меня гораздо скорее приехать на Тэбали. Поэтому я самым решительным образом высказываюсь за твой отъезд, если только доктор поручится мне, что...

— Ручаюсь заранее за все и согласен сейчас же отправиться к нотариусу, чтобы подписать в его присутствии законный акт относительно возлагаемой на меня ответственности, — пошутил доктор.

Таким образом, Гертруду удалось уговорить. Решено было уехать в этот же вечер.

Утро и день ушли на приготовление к отъезду, а около

семи часов маленькая группа тронулась в путь. Керсэнь проводил путешественников мили на три - четыре от города, а затем, горячо простившись с ними, возвратился в Хартум.

В полночь наши путешественники сделали привал, расположившись под двумя большими палатками, которые проворно раскинули вожаки верблюдов под руководством Мабруки-Слика.

Около пяти часов утра, когда путешественники готовились к завтраку перед отправлением в дальнейший путь, к ним подошла какая-то бедная поселянка. Она вела с собою маленького ослика, нагруженного свежими винными ягодами, и, увидев путешественников, предложила им:

— Не желаете ли купить моих плодов?

Моони охотно купил целую корзину винных ягод, и путешественники дополнили фруктами свой ранний завтрак.

Но не прошло и трех минут после этого, как непреодолимая сонливость овладела всеми. Прежде других поддалась этому странному влиянию Фатима; за нею сон охватил и всех остальных путешественников, в том числе и вожаков верблюдов. Только старый Мабруки кое-как боролся против одолевавшей его сонливости и какого-то отупения, но вскоре и он сдался и заснул крепким сном...

Проснувшись, Гертруда с удивлением стала осматривать незнакомую обстановку. Она лежала на роскошном ложе из черного дерева, прихотливо изукрашенном сложным и тонким рисунком.

Ложе это помещалось в большой круглой и очень высокой зале, освещенной семью медными светильниками. Стены и потолок залы были изукрашены оригинальной скульптурной и художественной живописью, а вдоль стен возвышались базальтовые колонны и причудливые статуи из порфира и яшмы. Превосходные фрески, изображавшие суровых воинов, диковинных животных, различных богов и богинь, были покрыты изумительными красками, сохранившими свою яркость и блеск в течение многих веков.

Очарованная роскошью окружающей обстановки, Гертруда, несмотря на неожиданность всего случившегося, с увлечением и интересом стала осматривать сокровища древнего египетского искусства.

Только теперь она заметила лежавшую невдалеке от

нее на мраморных плитах пола огромную львиную шкуру, на которой крепко спала Фатима.

Каким образом могли они очутиться в этом роскошном здании? Что случилось? Сколько времени прошло с тех пор, как они уснули? Гертруда взглянула на свои часы, но они стояли.

— Фатима! — воскликнула она в страхе, и, вскочив со своего ложа, подошла к мирно почивавшей служанке.

Та раскрыла глаза и, очевидно, еще не соображая в чем дело, машинально поднялась на ноги и стала озираться вокруг.

В этот момент потайная дверь в стене с шумом и грохотом откатилась в сторону, и на пороге ее показался громадного роста негр.

Вслед за ним медленно и торжественно в залу вошел радамехский карлик. На нем был индийский костюм ослепительной белизны, стянутый красным поясом, который был унизан драгоценными камнями. Его уродливое лицо и фигура казались еще более безобразными в этом пышном изысканном наряде.

Он с торжествующим видом приблизился к Гертруде и, улыбаясь, остановился перед ней.

— Чего вам надо? — спросила она совершенно хладнокровно.

Карлик молча воздел обе руки кверху, приветствуя ее по арабскому обычаю. Но в его движениях было столько надменной гордости, что Гертруда не могла устоять против желания унизить его.

— Ах, да, я помню... Вы — немой, бедное создание! Вы, вероятно, присланы ко мне с каким-нибудь поручением от могоадема... Очевидно, ему я должна быть обязана этим похищением и насильственным заключением. Но вы понимаете по-французски...

Карлик утвердительно кивнул головой.

— В таком случае, идите и скажите вашему господину, что он совершил мерзкое дело. Конечно, он хочет получить за меня выкуп; тогда пусть он назначит сумму и обратится к моему отцу или пусть он немедленно вернет меня в Хартум, и я даю слово, что его посланному будет уплачена полностью та сумма, какую он сам назначит...

Но карлик гордо выпрямился во весь свой ничтожный рост и, горько улыбнувшись, произнес сильным и властным голосом:

— Я не раб и никогда не был рабом. Я не нуждаюсь ни в чьем покровительстве и ни перед кем не

склоняюсь. Я склонился только перед твоей красотой и пришел предложить тебе, счастливое дитя, разделить со мною власть в Судане. Да, не удивляйся, я — верховный властелин этой земли, а не раб могаддема, каким ты меня считаешь.

От неожиданности Гертруда не могла вымолвить ни слова, а карлик продолжал с насмешливой, злобной улыбкой:

— Я — немой?! Я — раб?! Нет, ты жестоко ошибаешься. Ты говоришь о каком-то выкупе, бедное дитя! Но что такое значит для меня тот выкуп, какой может предложить твой отец, когда я владею несметными богатствами?! Знаешь ли ты, что могаддем и Махди — жалкие орудия в моих руках, которые всецело зависят от меня. Я — властелин Судана, но вскоре я стану властелином всей Африки. Скажи мне только одно слов, и весь мир падет к твоим ногам. Я — Каддур, всемогущий Князь Тьмы.

— Довольно! — прервала его Гертруда. — Я больше не хочу слушать твои глупости и требую, чтобы я немедленно была освобождена.

— Ты будешь находиться в заточении до тех пор, пока не согласишься стать моей женой. А если ты будешь упорствовать, то за это заплатит своей жизнью Моони, который так же, как и ты, находится в плену у меня. Этот наивный глупец воображал, что все его начинания останутся тайной для меня. Но не успел он еще выработать свой безумный замысел, как я уже знал о нем во всех мельчайших подробностях и поклялся, что он не добьется успеха в своем предприятии. Не надейся на его помощь! Я даю тебе сутки на размышление, а после этого, в случае твоего отказа, Моони на твоих глазах будет предан мучительной казни. Итак — до завтра.

С этими словами карлик поклонился Гертруде и тотчас же исчез столь же неожиданно, как и появился. Как только затворились за ним двери, в отдалении послышался лязг и бряцание тяжелых цепей и запоров. Потом все смолкло.

Прошел час. Ничто не нарушало могильной тишины; царствовавшей в таинственном дворце.

Но затем дверь отворилась, и невольный крик радости вырвался из груди обеих пленниц: на пороге стоял Норбер Моони.

— Гертруда! — воскликнул он. — Как я счастлив,

что снова вижу вас. Я уже не надеялся разыскать вас в этой таинственной тюрьме...

— Где мы находимся? Что случилось? Знаете вы хоть что-либо о моем дяде и о Мабруки? — забросала его вопросами Гертруда.

— Я не видал их с тех пор, как мы уснули, отведав эти фиги, отравленные каким-то сильным наркотическим веществом. Больше я ровно ничего не знаю, а между тем необходимо узнать, кто нас держит здесь.

— Как, разве вы не знаете этого? Мы в плену у радамехского карлика. Только час тому назад этот негодный шарлатан предлагал мне стать его женой!

— Дерзкий урод! — с негодованием воскликнул Моони. — Но я должен знать, что он хочет от нас, а главное, что он может нам сделать...

Не успел он окончить своих слов, как одна из дверей залы растворилась, — и радамехский карлик во главе целого отряда в двести или триста человек черных воинов снова появился в зале. При этом Моони был особенно удивлен тем обстоятельством, что негры из охраны карлика были во всем, до мельчайших подробностей, похожи на тех чернокожих воинов, которых привел Мабруки для защиты Тэбали. Это удивительное сходство дополнялось не только одинаковым вооружением, но и одеждой, состоявшей из тех же леопардовых набедренников и верблюжьих шлемов.

— Что я хочу и что я могу? — произнес Каддур, точно эхо повторив последние слова молодого человека, — я сейчас скажу вам. Я хочу, чтобы вот эта девушка стала моей женой, а я могу сделать все, что хочу. Для того, чтобы принудить ее согласиться на мое требование, я могу вас подвергнуть пытке: тебя, ее дядю и ваших верных слуг я могу отвести вас на Тэбали и на ваших глазах уничтожить все то, что с таким трудом ты сооружал в своей безумной гордости, исполненный надменным самонадеянием. Тогда мы посмотрим, не ты ли первый попросишь ее исполнить мое требование!

— Никакими мерами ты не заставишь ни меня, ни эту девушку принять твои мерзкие условия, — спокойно и хладнокровно ответил Моони. — Но я предупреждаю тебя: если ты немедленно же не освободишь всех нас, то жестоко раскаешься в своем насилии.

— Я никого не боюсь, а меньше всего тебя, жалкий и презренный гяур! Я здесь всемогущий властелин, и по первому моему слову тебя разорвут на части. Но я отсрочу

твою казнь до той поры, когда на твоих глазах будет разрушено сооружение на пике Тэбали. Скоро, очень скоро ты будешь иметь удовольствие любоваться этим прекрасным зрелищем! — с грубым смехом закончил карлик и приказал нескольким воинам:

— Принесите сюда веревки, свяжите этого человека и приготовьтесь к путешествию на Тэбали. Кроме этого гяура, там есть еще несколько человек, с которыми мне уже давно пора свести старые счета...

Глава XIII

НАПАДЕНИЕ КАДДУРА НА ПИК ТЭБАЛИ

Между тем, работы на пике Тэбали во время отсутствия Моони успешно продвигались вперед. Молодой ученый перед отъездом сделал точные и подробные указания Когхиллю и Виржилю, и их непосредственное наблюдение за производившимися работами вполне могло заменить на некоторое время наблюдение самого Моони.

Правда, более продолжительное отсутствие Моони, чем он сам предполагал, несколько беспокоило Когхилля, но ничего особенно подозрительного и опасного он в этом не видел.

Однажды утром, когда Когхиль по обыкновению осматривал солнечную площадку Тэбали, на которой работали инсоляторы, к нему подошел Виржилъ.

— Господин Когхиль,— сообщил он с беспокойством,— мне сейчас дали знать, что по дороге к Тэбали показался большой отряд вооруженных людей. Г. Моони перед своим отъездом строго приказал, чтобы никто не смел приближаться без надлежащего разрешения к месту работ, поэтому я прикажу нашим черным воинам вооружиться и вместе с ними выйду навстречу этому отряду.

— Хорошо, Виржилъ. Только я думаю, что вы напрасно беспокоитесь. Вероятно, это возвращается сам господин Моони. Ведь прошло уже около двух недель со времени его отъезда.

— Вероятно, что-либо задержало г. Моони в Хартуме.

Виржиля уже давно начало беспокоить продолжительное отсутствие Моони, уехавшего всего лишь на четыре-пять дней и не дававшего о себе ни одной весточки, но преданный слуга считал излишним говорить об этом и лишь строго следил за исполнением распоряжений Моони.

Виржилъ вышел, а Когхиль придвинул к маленькому

столику легкий бамбуковый стул и стал просматривать европейские газеты, которые ему ежедневно доставляли из Бербера.

— Гм! Гордон назначен генерал-губернатором Судана?.. Прибыл в Хартум, проехав всю пустыню на верблюде, совершенно один. Да, это на него похоже... — пробормотал он, быстро пробежав глазами "Times".

— Вот, вероятно, причина, задержавшая Моони в Хартуме. — Затем он глубокомысленно погрузился в чтение своих газет.

Тем временем Виржилъ, вооружив черных воинов, выстроил их в две колонны и, scomандовав: "бегом", спустился с ними с горы вниз к подножию пика. Не прошло и двадцати минут, как сотня черных воинов, проворных и легких, как пантеры, с Виржилем во главе, была уже в долине и миновала приютившуюся у подножия горы арабскую деревушку.

На расстоянии двух ружейных выстрелов от селения Виржилъ построил свою "армию" сомкнутыми рядами, чтобы преградить путь неожиданным гостям, если это понадобится.

В приближавшемся к Тэбали караване уже издали можно было различить паланкин, колыхавшийся на спине верблюда; в нем сидели Гертруда и ее маленькая служанка. За паланкином видны были три других верблюда, на которых помещались Норбер Моони, доктор Бриэ и Мабруки. Все они были связаны цепями и в таком виде совершили мучительное пятидневное путешествие. За ними ехал сам радамехский карлик на великолепном арабском коне, во главе своей черной стражи...

Виржилъ с первого же взгляда узнал Моони и, сообразив, что случилось какое-то несчастье, решил действовать напролом.

— Стойте! — крикнул он, выскочив шагов на двадцать вперед. — Что вам здесь нужно? Как вы осмелились связать этих господ?..

Радамехский карлик поспешил выехать вперед. Он был очень удивлен, что встретил неожиданное сопротивление, но, убедившись, что его стража гораздо многочисленнее маленького отряда Виржиля, снова почувствовал уверенность в себе.

— Что мне здесь нужно? — повторил он. — Я решил овладеть пиком Тэбали и овладею им. Если вы не сдадитесь сейчас же, то будете уничтожены все до последнего!

— Ну, это ты шутишь, дрянной урод! Я скорее за-

ставлю тебя проглотить свой язык! — вскричал возмущенный Виржилль и, выхватив саблю из ножен, скомандовал своему отряду:

— Стой! Ружья к плечу! Целься!..

Карлик тоже скомандовал своему отряду стрелять.

Но, к немалому удивлению обеих сторон, ни тот, ни другой отряд не повиновался команде. Один из вождей негритянской стражи Каддура подошел к нему и стал что-то шептать на ухо. Шаака тоже подошел к Виржиллю и сказал ему, указывая на чернокожих воинов Каддура:

— Сыны Страны Великих Озер никогда не сражаются друг против друга. Прикажи нам, что хочешь, и все мы будем повиноваться тебе, но стрелять в своих братьев мы не будем...

Очевидно, вождь негров Каддура, подойдя к карлику, сказал ему то же самое.

— Ах, вот как! — заревел в ярости Каддур. — Брат не может идти на брата?! погоди, Мадуппа, я тебе покажу, что значит так говорить со мной!

И, выхватив из кобуры револьвер, карлик выстрелил в стоявшего перед ним негра и сразу убил его.

— Ну, что? Пойдете вы теперь, мерзавцы? — ревел Каддур, обращаясь к своей многочисленной страже.

— Да, пойдём, но только против тебя, если ты посмеешь еще угрожать нам! — ответили воины первого ряда. — Мы — твои солдаты и клялись тебе в верности, но мы не можем идти на наших братьев.

Каддур пришел в дикий гнев и грыз ногти в бессильном бешенстве. Наконец, видя, что ничто не поможет, он скомандовал:

— Налево кругом и марш домой!

Но Виржилль, до сих пор безмолвно наблюдавший за всей описанной сценой, теперь подошел к карлику и, схватив под узцы его лошадь, совершенно спокойно произнес:

— Нет, постой, карлик! Наши солдаты отказались драться друг с другом и у них есть на то вполне уважительные причины, но у нас с тобой таких причин нет. Поэтому я предлагаю тебе: сразимся один-на-один. Твои пленники, которых ты держишь закованными в цепи, достанутся победителю. Согласен ты?

Черные воины как той, так и другой стороны, пришли в восхищение от этого вызова; они умели ценить храбрость и мужество.

Виржилль тотчас же вытащил из ножен свою саблю и взмахнул ею над головой. Карлик едва успел отразить

первый удар, подняв на дыбы своего скакуна, а потом, выхватив драгоценный дамасской стали ятаган, он отразил им второй удар Виржиля и занес его над головой отважного солдата. Когда Виржилю пришлось парировать удар, то его сабля, далеко не высшего достоинства, сломилась пополам, скрестившись с дамасской сталью ятагана.

Все зрители, напряженно и безмолвно следившие за этой борьбой, решили, что отважный француз погиб. Но не тут-то было: едва Виржилль был обезоружен, как одним прыжком, точно тигр, вскочил он на спину карлика и, опрокинув его назад, вцепился ему пальцами в горло.

Сдавлив его своими сильными руками, Виржилль стащил карлика с седла и прежде, чем тот успел опомниться, повалил его наземь и крепко придавил коленом.

Оба отряда громкими криками одобрения приветствовали эту блестящую победу. Если бы у Виржиля было в этот момент какое-нибудь оружие под рукой, наглый карлик мог бы проститься с жизнью. Впрочем, и без того он чуть было не задохся в сильных руках Виржиля. Но последний, видя, что его враг уже обессилен, решил отпустить его. Он поднялся с земли, и, сделав знак своим людям, приказал связать и унести карлика, потерявшего сознание.

Черная стража Каддура стала радостно браться с воинами Виржиля. Слышались радостные крики, похлопывание по бедрам, потом начались прыжки, скачки и приплясывание. Негры были довольны таким исходом сражения, так как карлик восстановил их против себя тем, что убил Мадуппу.

Виржилль, не теряя времени, бросился к Моони и через несколько минут все пленники были освобождены от цепей, а Гертруда и Фатима выпущены из душного закрытого паланкина. Обе женщины из-за занавесок видели все, что происходило на месте поединка, и все время страшно волновались за исход сражения. Моони распорядился тотчас же отправить их и доктора Бриэ под охраной негров в обсерваторию. Затем он поручил Виржилю предложить воинам Каддура поступить в число защитников Тэбали.

Однако их вожди, посоветовавшись друг с другом, вежливо отклонили это предложение.

— Хотя радамехский карлик был побежден в честном бою и мы не желаем противиться вашей воле, но мы считаем нечестным перейти к победителю, пока жив карлик, которому мы обязались служить. Кроме того, мы уже

решили пойти на помощь великому Махди и стать под его знамена.

Моони с уважением выслушал ответ сынов Страны Великих Озер и не счел себя в праве удерживать их. Пригласив их отдохнуть и принять от него угощение, он обменялся дружескими приветствиями с вождями чернокожих воинов и поспешил на вершину Тэбали.

Вслед за ним шла его черная стража во главе с Виржилем. Четыре человека несли на щите Каддура, все еще не пришедшего в себя. Когда Моони прибыл к Тэбали, он приказал немедленно отнести карлика в бывшее помещение трех комиссаров и вызвать к нему врача. При этом он не забыл поставить, на всякий случай, часовых к дверям комнаты, в которой находился карлик.

Покончив со всем этим, Моони вошел в гостиную, где его ожидала Гертруда, едва успевшая оправиться от всех пережитых приключений.

Только теперь, когда опасность миновала, они могли отдать себе полный отчет, насколько она была велика и серьезна. Что стало бы с ними, если бы негры не отказались драться друг против друга и если бы их не спасло удивительное мужество и присутствие духа Виржиля. Озлобленный отказом Гертруды карлик с злорадством принялся бы разрушать и уничтожать все, что здесь было создано долгим, тяжелым и упорным трудом; он разграбил бы и разгромил всю обсерваторию, перерезав всех защитников Тэбали, как он сам предупреждал.

Пока Моони, смеясь и шутя, беседовал с Гертрудой, доктор самым тщательным образом выслушивал Каддура, но, несмотря на все старания, ему не удалось привести карлика в чувство.

В первый момент гнева и негодования Моони хотел было распорядиться о совершении казни над Каддуром, но затем, пораздумав обо всем случившемся, он решил, что карлик может служить хорошим заложником. Каддур, несомненно, являлся самым приближенным лицом к могоддему и пользовался большим авторитетом среди арабского населения во всей округе; поэтому его можно было использовать не только в случае нападения инсургентов на пик Тэбали, но также и при найме рабочих, необходимых для скорейшего окончания работ.

Приняв все это во внимание, Моони попросил доктора Бриэ особенно тщательно лечить карлика и распорядился держать его под строжайшим надзором, чтобы он не делал

попыток к бегству. Виржил, которому было приказано удвоить стражу около "тюрьмы" карлика, успокоил Моони на этот счет:

— Я сам буду смотреть за этим мозгляком, а у меня глаз верный — не этому комару мне нос подточить!

Глава XIV

"ВОЛШЕБНЫЕ ФОКУСЫ" КАДДУРА И ЕГО ВНЕЗАПНАЯ СМЕРТЬ

Окна прежнего помещения комиссаров в левом флигеле обсерватории выходили на круглую солнечную площадку с инсоляторами, а самое помещение примыкало к складу, обращенному теперь в казарму для черной стражи. Эти условия, главным образом, и заставили Моони избрать это помещение тюрьмой для Каддура, так как здесь очень легко и удобно было наблюдать за ним. А бывших комиссаров оставили внизу, у подножия горы, в надежде, что они, в конце концов, сбегут из своих предварительных тюрем. Но они и не думали бежать, так как боялись кровавой расправы арабских инсургентов.

Оправившись карлик получил разрешение два раза в сутки пользоваться свежим воздухом на прогулках по солнечной площадке под надзором часового, поставленного у его двери. Всякое общение между неграми и пленным было строго воспрещено, хотя в этом запрещении не было даже никакой надобности. Каддур за все время не произнес ни слова. Во время прогулок он большею частью стоял на одном месте в тенистом углу, неподвижно опершись лбом на ладонь правой руки и погружившись в глубокую задумчивость; иногда он присаживался на какой-нибудь большой камень, снимал с левой ноги сандалию и, обхватив эту ногу обеими руками, внимательно вглядывался в нее, как это делают индийские факиры.

Виржил никогда не упускал карлика из виду во время его прогулок, но, видя, что карлик не делает никаких попыток к бегству, он вскоре совершенно успокоился на этот счет. Виржил не заметил другой опасности: он не заметил того странного влияния, какое оказывал Каддур на ежедневных свидетелей его прогулок. Все негры постепенно прониклись глубоким уважением к сдержанному,

молчаливому и всегда о чем-то напряженно думавшему пленнику.

Так прошло дней семь-восемь. Однажды во время прогулки карлик срезал на краю площадки прутик орешника и сделал себе из него небольшую палочку. Затем он стал вырезать на ней различные рисунки и фигурки при помощи осколка стекла, который он подобрал где-то под окном. И в этом Виржиле не увидел ничего предосудительного, решив, что карлику надоело безделье и что он ищет хоть какую-либо работу.

Убедившись, что на солнечной площадке, где в это время прогуливался карлик, все в порядке, Виржиле решил посмотреть, как идут работы и спустился вниз к подножию пика Тэбали. Негры вместе со своим вождем Шаака лежали на солнышке у дверей казармы, предаваясь воспоминаниям о своей далекой родине. Уже много времени прошло с тех пор, как они были оторваны от Страны Великих Озер на юге Африки, где прошло их счастливое детство. Эти долгие черные годы они провели в тяжелой неволе у некоего Зэбара, жестоко обращавшегося со своими рабами. В их наивном воображении эти воспоминания далекого прошлого принимали по временам совсем фантастическую окраску.

— Увы! — сказал один из них. — Придется ли нам когда-нибудь увидеть родной Бахр-Эль-Газаль, где крокодилы кротки, как голуби, где зеленые травы высоки, как деревья.

— Где дурра дает плоды через восемь дней после того, как ее посеят, — подхватил в умилении другой.

— Великий дух может заставить дурру вырасти менее, чем в один час, — послышался вдруг чей-то голос за спиной негров.

— Кто это говорит на языке наших отцов? — воскликнул Шаака, быстро оборачиваясь.

Перед ним неподвижно стоял Каддур, устремив на него острый пронзительный взгляд.

— Ты сказал великое слово, брат, — промолвил негр, — но кто тот великий дух, о котором ты говоришь, что он могущественен и велик? Видел ли ты сам, как он это делает?

— Не только видел, но даже получил от него в дар ту же сверхъестественную силу, какую обладает он сам.

— Значит и ты можешь заставить дурру вырасти в один час времени?

— Да, даже в несколько минут, если только захочу.

Все негры привскочили со своих мест и с напряженным любопытством обступили карлика со всех сторон.

— Брат,— сказал ему Шаака,— вот семена дурры, пусть они произрастут.

— Для этого мне нужно, чтобы вокруг меня было не менее двадцати человек, обиженных судьбою и людьми.

— А кто они, эти обиженные?

— Поищи, брат мой, поищи... Лица у них не белые.

— Значит это — наши!— воскликнул Шаака.— Позовите наших братьев,— приказал он, указав стоявшим подле него товарищам на казарму, где находились остальные негры.

Не прошло и минуты, как число зрителей, необходимое, по словам Каддура, для осуществления фокуса, уже собралось вокруг карлика. Он отступил на середину площадки, дав знак неграм хранить полнейшее молчание, не шевелиться и не перешептываться между собой. После этого, достав из-под складок одежды свою палочку, карлик стал потрясать ею в воздухе над своей головой, шепча какие-то заклинания; потом он начертал на земле большой круг, а в самом центре его присел на корточки и вырыл пять или шесть ямочек, в которые он положил зерна дурры, полученные им от Шааки. Каждую из ямочек он накрыл небольшой пригоршней земли, смоченной собственной слюной.

Чернокожие воины, простодушные и легковверные, как дети, с напряженным вниманием следили за всеми манипуляциями факира.

Между тем, Каддур, приподнявшись на ногу, снова принялся размахивать своей маленькой палочкой, описывая ею круги над ямками и что-то бормоча себе под нос.

По прошествии нескольких минут земля над ямочками, в которые были вложены семена, стала понемногу приподниматься и из нее показались молодые зеленые ростки. Потом они стали увеличиваться и минут через десять достигли высоты двадцати сантиметров.

Чернокожие воины громкими криками выражали восторг и удивление. В простоте душевной они решили, что Каддур — величайший пророк, маг и волшебник, для которого нет ничего невозможного.

— Шаака!— обратился вдруг к старшему негру карлик.— Хочешь увидеть того человека, которого ты больше всего ненавидел в своей жизни?

— Но, ведь, он уже давно умер?

— Я знаю. Ты говоришь о сыне Зэбара, которого баши-бузуки обезглавили три года тому назад.

— Брат! — в совершенном изумлении воскликнул Шаака.— Откуда знаешь ты это?

Наивный вождь черных воинов и не подозревал, что все это время Каддур внимательно следил за неграми и ежедневно подслушивал их разговоры.

— Я не только знаю все это, но обладаю силой вызывать мертвых, и если ты хочешь, то сегодня же вечером я покажу всем вам окровавленную голову Сулеймана, сына Зэбара. Он скажет вам, как жестоко страдает в стране вечных мучений за то горе, которое он причинил вам. Сулейман будет просить вас простить его за все совершенные им преступления...

— Дорогой брат, покажи нам этого злодея, все мы хотим увидеть его!— воскликнул в крайнем возбуждении Шаака за себя и своих товарищей.

— Хорошо. Вы увидите его сегодня же вечером,— торжественно произнес карлик,— в тот час, когда луна скроется за холмами Дарфура. Пройдите все мимо моего окна и вы увидите в нем Сулеймана.

В это время на площадке показался Виржилль. Едва черные воины с тревогой взглянули на него, как всходы дурры бесследно исчезли: в одно мгновение их сорвал и спрятал в складках своей одежды ловкий фокусник. Когда Виржилль приблизился к группе, безмолвный и неподвижный, как всегда, карлик стоял погрузившись в свою обычную задумчивость и, по-видимому, не обращал внимания на окружающих его негров.

По тревожному и растерянному виду последних Виржилль догадался, что в его отсутствие что-то случилось, но он был достаточно благоразумен и не высказал и тени подозрения, как будто он ничего не заметил.

Отведя Каддура обратно в его тюрьму и не сказав никому ни слова, Виржилль удалился, расставив часовых по местам. Он решил еще строже присматривать за карликом и выяснить, в чем дело.

В тот же день, при своем вечернем обходе, он заметил, что негры чем-то взволнованы и, с нетерпением поглядывая на луну, ждут наступления ночи. Виржилль приказал погасить огни и сделал вид, будто ушел. Обойдя вокруг солнечной площадки, он незаметно вернулся с противоположного ее конца и спрятался там. Отсюда, оставаясь незамеченным, он мог наблюдать за тем, что происходит в казармах и помещении, где сидел карлик. Скоро он

убедился, что, несмотря на потушенные огни, негры и не думали ложиться спать, все время о чем-то беспокойно разговаривая друг с другом. Когда луна скрылась за горизонтом, Шаака со своими людьми вышел из казармы. Все они шли гуськом, один за другим, осторожно подкрадываясь к окнам заключенного.

Виржилю из-за темноты трудно было рассмотреть их. Вдруг яркий свет осветил одно из окон помещения, где сидел Каддур; тогда Виржилъ увидел, что все чернокожие воины, сбившись в кучу, собрались здесь, со страхом и ужасом взирая на окно.

Через несколько минут в амбразуре окна появился простой стол на котором стояло оловянное блюдо, покрытое какой-то белой тряпкой. Еще одно мгновение — и покрывало было сдернуто с блюда, обнажив окровавленную голову казненного, в которой все чернокожие тотчас же узнали Сулеймана, сына Зэбара. Потом эта голова слегка приподнялась на блюде, раскрыла глаза и посмотрела на толпу...

Если бы Шаака и его воины бывали в Париже в 1864 г., они, конечно, не очень удивились бы. Невроятное чудо, представившееся их глазам, является самым простым фокусом, который производится при помощи круглого отверстия, проделанного в столе, и вертикально поставленного зеркала, скрывающего человека, спрятанного под столом. Но ни Шаака, ни его товарищи никогда не бывали в Париже и даже никогда не слыхали об этом городе.

Объятые ужасом, они неподвижно стояли у окна. Но вот уста мертвого зашевелились — сперва беззвучно, а потом послышался глухой гортанный голос:

— Я заставлял вас мучиться и страдать, многие из вас умерли из-за меня. Я никогда не щадил вас и за это я был предан мучительной смерти и страдаю по сие время. Чтобы заслужить себе пощаду, я должен сказать вам сегодня великое слово. Слушайте меня все, сыны Страны Великих Озер: если вы не хотите испытывать тех же мучений, какие перетерпел я в подземельях смерти, то должны встать за правое дело пророка. Вы должны повиноваться велениям его верного слуги, Каддура, перестать служить гяурам. Вы должны соединиться с чернокожими братьями вашими, отправившимися к Махди, и вместе с ними пойти на европейцев... Избежите всех их — и здесь, и повсюду — или они овладеют всей пустыней и высосут всю вашу кровь... Слушайте же меня, сыны Страны Ве-

ликих Озер, так как я явился сказать вам это слово, чтобы заслужить себе пощаду и прощение...

Несколько мгновений царила мертвая тишина. Потом снова раздалась мерные и протяжные слова:

— Если вы не верите мне, то завтра в это же время отец Шаака явится сюда, чтобы подать вам тот же самый совет...

Затем свет в окне внезапно погас, видение исчезло в темноте, раздался заглушенный, точно подземный стон, внушивший бедным чернокожим еще больший страх и ужас.

Постояв после этого довольно долго у окна, негры потом молча отправились обратно в свои казармы. Едва они скрылись, Виржилль, не теряя ни минуты, зажег свой фонарь и побежал к временной "тюрьме", ключ от которой хранился у него. Когда он вошел к карлику, тот снимал с себя наряд, в котором он выступал перед неграми. Лицо его и сейчас еще было вымазано известью, соскобленной со стен; шея обмотана тряпкой, измаранной красной краской; тут же стоял умывальник с отверстием для чашки, самая чашка, заменявшая блюдо и зеркало, принесенное из комнаты Игнатия Фогеля.

Накинувшись на карлика, Виржилль повалил его на пол, связал по рукам и ногам и завязал ему рот. Затем, не сказав никому ни слова, он вышел из тюрьмы, заперев за собой дверь на ключ, и побежал к Моони, чтобы доложить ему обо всем случившемся.

— Теперь вы, сударь, сами видите, что смертная казнь — единственное средство, которое может еще остановить бунт и возмущение наших чернокожих воинов. Если мы не казним этого проклятого карлика, то погибнем все до единого.

— Нет, этого я не сделаю, — ответил Моони, — но я думаю, что достаточно будет напугать карлика угрозой смерти и он согласится заявить одураченным им неграм о своем мошенничестве и шарлатанстве.

— А если он этого не сделает?

— Тогда мы посадим его в настоящую тюрьму, лишим прогулок и совершенно изолируем от каких бы то ни было сношений с людьми. Это — единственный выход, так как я не считаю себя вправе лишать жизни человека, который непосредственно не нападает на меня.

После этого Моони приказал Виржиллю разбудить Когхилля и доктора Бриэ и вызвать их к себе. Изложив своим

друзьям обстоятельства дела, Моони стал советоваться с ними по этому поводу, и они всецело одобрили его решение. Моони приказал немедленно вызвать всех негров на солнечную площадку и вскоре вместе с Когхиллем и Бриэ также явился туда. Все чернокожие воины во главе с Шаака были уже на площадке и выстроились в четыре колонны.

— Друзья мои!— обратился к ним Моони.— Как я узнал, сегодня ночью Каддур бессовестно обманул всех вас. Он по злобе своей пытался пошатнуть ваше доверие и доброе чувство ко мне и вашу верность данному слову. За это он заслужил самое жестокое наказание, но прежде, чем наказать его, я хочу, чтобы вы сами своими глазами убедились, каким образом он старался одурачить вас... Шаака, возьми человек шесть из твоих людей и пойдем за мной в его тюрьму...

Предводитель негров тотчас же исполнил приказание Моони и отправился вслед за ним в помещение карлика. Когда они вошли туда, Моони, указывая на бутафорию, использованную карликом для представления, сказал:

— Смотрите, вот зеркало, вот стол, вот жестяное блюдо, а вот и испачканные кровью тряпки, которыми обматывал себе шею этот обманщик, чтобы одурачить вас!

— Да, но где же голова Сулеймана?.. Где она?.. — растерянно спросил Шаака.

— Тебе лишь показалось, что это голова Сулеймана, а на самом деле это был Каддур,— продолжал убеждать негра Моони, но Шаака лишь недоверчиво качал головой.

— Выведите Каддура!— приказал молодой ученый, выходя вместе со всеми на солнечную площадку, куда вскоре явился и Виржиль, ведя за собой пленника. Карлик был совершенно спокоен, как будто ничто его не тревожило.

— Станьте здесь у стены,— приказал Моони карлику.— Я прочту вам ваш приговор.

При свете горящего факела, который держал Виржиль, он стал читать обвинительный акт, оканчивавшийся следующими словами:

“Вследствие всех перечисленных преступлений,— похищения и пленения, попытки на убийство, подстрекательства к бунту и избиению,— Каддур приговаривается к смертной казни через расстреляние, если он не согласится объяснить неграм, что он посредством

шарлатанских фокусов пытался вызвать среди них восстание“.

Мабруки перевел все это неграм, которые стояли неподвижно, глядя на карлика и, очевидно, ожидая от него нового чуда.

Кругом царило гробовое молчание.

Моони снова обратился к приговоренному.

— Вы слышали, что вам предоставлено единственное спасение. Если вы сейчас же признаетесь этим честным воинам, что хотели недостойным образом обмануть их, и скажете, какими средствами пользовались, чтобы ввести их в заблуждение, то я подарю вам жизнь.

— Я не прошу пощады,— совершенно спокойно промолвил Каддур.

— Вам остается еще семь минут на размышление,— продолжал Моони, взглянув на свой хронометр.— Признайтесь просто и без утаек в вашем обмане, и смертная казнь будет заменена для вас пожизненным заключением... Мабруки, Виржилъ, готовьте оружие!

— Я не прошу пощады! — еще раз повторил карлик.— Я не хочу ждать данного вами срока, чтобы покончить свои расчеты с жизнью, и переступлю за пределы этой жизни прежде, чем вы успеете дать знак.

С этими словами карлик быстро сорвал с пальца большой перстень, поднес к своим губам и тотчас же упал навзничь.

Все столпились вокруг него. Доктор склонился над карликом. Сердце его не билось, глаза стали похожи на стекляшки.

— Странно! Смерть наступила мгновенно,— произнес Бриэ,— ни конвульсий, ни агонии. Это какой-то очень сильный яд, вероятно, цианистый калий, который только и может действовать таким образом.

Он поднял кольцо с земли. В нем едва остался след какой-то голубоватой жидкости, но в таком малом количестве, что его даже нельзя было подвергнуть анализу; к тому же и эта крошечная росинка испарилась через секунду.

Моони распорядился, чтобы тело карлика было отнесено обратно в тюрьму и завтра же приготовлено к погребению по мусульманскому обычаю.

Негры просили разрешить это сделать им и еще до восхода солнца похоронили Каддура на восточном склоне Тэбали в небольшой расщелине скалы, завалив по арабскому обычаю вход в нее громадным камнем.

ПРИБЛИЖЕНИЕ АРМИИ МАХДИ К ПИКУ ТЭБАЛИ

Вскоре после смерти Каддура Абен-Зегри и его сообщники из племени шерофа попытались взорвать плавильные печи стеклянных заводов у подножия Тэбали. Однако, попытку эту удалось вовремя предотвратить с помощью той же черной стражи. Согласно своей системе умеренности и терпимости, Моони не стал прибегать к строгой каре виновных, но окончательно изгнал всех бунтовщиков из своих мастерских и заводов. Он выселил их из окрестностей Тэбали с строжайшим воспрещением никогда не появляться в этих местах, под угрозой наказания по всей строгости военных законов. Абен-Зегри и его сообщники получили продовольствие на восемь дней пути, были обезоружены и отведены за пределы Тэбали. Повинуясь строгому наказу молодого ученого, они удалились вглубь пустыни и с тех пор никто более не слышал о них.

Прошла еще неделя без всяких неприятных приключений, но вести, получаемые из Бербера, со дня на день становились все более и более тревожными. Осман-Дигма занял со своим отрядом дорогу в Суаким, а другие отряды арабских инсургентов стали появляться повсюду, перерезав путь к Нилу.

Сообщение с Хартумом, благодаря этому, было прервано; по-видимому, даже телеграфные проволоки были порваны, так как оттуда не приходило никаких депеш. Махдитское движение с невероятной быстротой распространялось повсюду: стотысячная толпа инсургентов уже подступала к Хартуму и окружила со всех сторон его укрепления.

Не сегодня-завтра это движение должно было охватить Бербер и Тэбали. Теперь уже нечего было и думать о бегстве в Египет или к берегам Красного моря: все пути сообщения были отрезаны. Даже Дарфур примкнул к этому поголовному восстанию арабского населения всей восточной части Африки против европейского гнета и насилий. Пик Тэбали, как остров среди бушевавшего моря, был окружен охваченной восстанием пустыней, где разгорались дикие страсти: фанатизм, расовая ненависть, личные антипатии и беспредельная злоба против всего чужеземного.

Гертруда все еще надеялась увидеть своего отца и

томилась тщетным ожиданием его приезда. Норбер Моони и ее дядя, конечно, не рассказывали ей про ту хитрую уловку, к которой прибегнул Керсэнь, чтобы избавить свою дочь от предстоящей осады или штурма. Отправляя ее из Харгума, он и не предполагал, что на пике Тэбали ее ждут, быть может, еще большие опасности. А Гертруда, веря обещанию отца, ежедневно по утрам поднималась на купол обсерватории, чтобы с помощью самых сильных зрительных труб осмотреть громадную безбрежную пустыню в надежде увидеть где-нибудь вддали караван Керсэня.

Однажды, производя свои утренние наблюдения, Гертруда увидела приближавшийся к Тэбали большой отряд арабов в белых бурнусах и негров, вооруженных пиками. Вдали были видны целые эскадроны и регулярной конницы, среди которой горели на солнце два медных орудия и сверкала сталь пятисот обнаженных сабель и ружей.

Молодая девушка тотчас же сообщила об этом Моони. Бросив беглый взгляд по указанному Гертрудой направлению, он сразу сообразил, в чем дело и, не теряя ни минуты, призвал Виржиля и приказал ему немедленно подготовиться к обороне. Черная стража выстроилась в боевом порядке на верхней площадке пика Тэбали, готовясь отразить атаку. Виржиле во главе небольшого отряда, состоявшего из двенадцати человек, спустился к подошве горы и занял аванпост, получив приказание при сильной неприятельской атаке отступить к обсерватории.

Сам Моони внимательно следил с помощью зрительной трубы за движением неприятеля. Через час он заметил, что отряд вдруг остановился. Небольшая кучка всадников отделилась от него и с белым парламентарским флагом направилась к пику Тэбали. Этот маленький отряд был встречен Виржилем и под его предводительством двинулся вверх, в гору, по дороге к обсерватории. Вскоре можно было уже невооруженным глазом различить черномазые лица нежданных гостей. Въехав на верхнюю площадку, всадники придержали коней и остановились, а начальник их в сопровождении трубача поднялся на площадку и был введен в круглую залу, где находились Моони, доктор Бриэ и Когхилль.

Чернокожий офицер был роскошно одет. Сабля, висевшая на его поясе, была покрыта золотой чеканкой самой

тонкой работы, а белый тюрбан украшала блестящая эгретка, усыпанная драгоценными камнями.

Встав со своего места, Моони вышел навстречу восточному воину и после обычного приветствия спросил, в чем заключается его поручение.

— Ты здесь начальник?— спросил араб, очевидно, удивленный тем, что на молодом ученом не было никаких особых знаков отличия.

— Да, я здесь начальник. Кто посылает тебя ко мне?

— Я послан к тебе,— торжественно начал араб, выпрямляясь во весь рост,— от имени святого пророка, великого, могучего и всеильного Махди...

Сказав это, араб замолчал, чтобы насладиться впечатлением, какое должно было, по его мнению, произвести это сообщение на присутствующих. Но, к его удивлению, никто из находившихся в зале людей не проявил ни благоговения, ни страха, ни даже удивления, а Моони совершенно спокойно спросил:

— Чего же, собственно, желает от нас Махди?

— Вот чего требует Махди,— все так же торжественно провозгласил араб.— Он требует, чтобы гяуры горы Тэбали сдались на его милость и явились немедленно в его лагерь, в Омдурман — принять ислам.

— Только и всего,— пробормотал сквозь зубы доктор полунасмешливо, полусерьезно.

— А почему предъявляет нам Махди это требование?— по-прежнему невозмутимо и спокойно спросил Моони.

— Потому что он — божественный посланник, а если вы не признаете этого, то должны будете подчиниться его силе.

— В таком случае, передай твоему господину, что дело великого проповедника, учителя и пастыря народного не заключается в том, чтобы насильничать над теми, кто ему не враг и никогда не причинял ни малейшего зла ни ему, ни кому-либо из его народа.

— Так ли я понял вас?— воскликнул араб,— вы не только отвергаете великодушное предложение Махди принять вас в число детей пророка, но осмеливаетесь еще бросать ему вызов.

— Я никому не бросаю вызова,— ответил Моони,— но не хочу, чтобы мне мешали заниматься тем делом, которому я отдал всю свою жизнь. А дело это полезно для всех людей, без различия вероисповедания. Так и передай Махди.

— Горе вам!— воскликнул зловещим голосом посланник Махди, и, повернувшись на каблуках, удалился, не прибавив более ни одного слова. Дойдя до края верхней площадки, где его ожидали остальные всадники, араб ловко вскочил в седло, и все они стали спускаться с горы.

Едва только успел скрыться за поворотом дороги араб со своими товарищами, как на верхней площадке пика Тэбали начался страшный шум и гам. Среди этого разногласного шума выделялся голос Виржиля, полный гнева, бешенства и негодования. Моони тотчас же отправился туда и узнал, что негры из черной стражи во что бы то ни стало желали последовать за парламентаром...

— Пророк нас призывает и мы не можем, не хотим оставаться больше с неверными!— заявил один из негров.

— Это подлость!— кричал Виржиль.— Дезертировать от службы, отказаться от своего слова...

— Виржиль,— остановил его Моони,— я не хочу никакого насилия... Позови сюда Шаака и мы с ним переговорим.

— Да, да, позови Шаака и пусть все, на кого ты еще надеешься, ответят тебе так же, как он!— злобно прорычал негр, и прежде, чем Виржиль успел опомниться, он одним прыжком опередил его и стремительно бросился бежать вниз с горы.

— Что все это значит?— спросил Моони.

— Боюсь, что ничего доброго это нам не предвещает,— ответил Виржиль.

В этот момент из казарм вышел сам Шаака с остальными своими людьми и, отойдя от них, приблизился к молодому астроному.

— Господин пика Тэбали,— сказал он громко и звучно,— я дал тебе обет верности. Ты мне плевал в руку,— а Шаака умеет уважать данное слово. Но ты сам освободил меня от данного тебе обета: смерть Каддура встала между нами каменной стеной и стоит вечной преградой. Ты могуч и силен, но ты ничто в сравнении с тем, кто мог показать мне казненного три года тому назад Сулеймана Зэбара. Не пытайся удержать нас! Прощай! Пророк зовет нас,— и мы идем на его призыв!

Моони сразу понял, что против такого решения бороться бесполезно и что никакие доказательства и увещания не помогут.

Он молча поклонился и вернулся в круглую залу, а

чернокожие воины, выстроившись в порядке, под предводительством Шаака, стали спускаться с горы.

Этот неожиданный сюрприз— уход черной стражи — в сильной степени изменил к худшему положение дела на пике Тэбали. Стоя во главе маленького отряда смелых и отважных черных воинов, Моони мог надеяться, по крайней мере, оказать сопротивление и хотя бы остановить наступление Махди. Теперь же, когда приходилось рассчитывать только на ничтожные силы незначительного отряда в пять человек, Моони должен был признаться, что дипломатия дело не дурное, и пожалел о том, что не попытался вступить в переговоры с Махди через его посланца.

Надеясь, что эти переговоры могут уладить дело миром, Моони решил послать Мабруки-Спика в лагерь Махди и предложить ему закончить дело полюбовно. При этом Моони выражал готовность уплатить Махди, если он тоже пожелает, дань, вдвое большую, чем та, которую он платил радамехскому могаддему.

Мабруки немедленно же отправился в путь, чтобы опередить араба, который явился к Моони в качестве парламентаря.

Вскоре новая неприятность, также явившаяся следствием приезда парламентаря, обрушилась на голову обитателей пика Тэбали. Почти все рабочие, несмотря на уговоры и увещания, один за другим стали покидать Моони. Первыми ушли землекопы, за ними последовали рабочие, обслуживавшие инсоляторы, и, наконец, стали покидать пик Тэбали и рабочие стеклоплавильных печей. Неизвестно почему уходили рабочие: намеревались ли они присоединиться к громадной армии Махди или просто боялись навлечь на себя гнев всемогущего пророка, оставаясь на Тэбали,— никто этого не знал. Но, во всяком случае, благодаря этому поголовному бегству, на пике Тэбали не осталось и одной шестой доли того числа рабочих, какое там было до приезда посланца Махди. Из ста двадцати плавильных печей для производства стекла теперь только сорок могли продолжать работу, за недостатком рабочих рук.

Это было тем более обидно, что работы были почти закончены и слой стеклянной площади покрывал уже 310 градусов окружности основания горы. Оставалось еще каких-нибудь десять-двенадцать метров и пик Тэбали был бы совершенно изолирован от своей

подпочвы. Всю эту работу можно было бы закончить в течение одной недели.

Несмотря на все свое мужество и неизменную бодрость духа, Моони с большим трудом мог примириться с таким тяжелым и неожиданным для него испытанием. Его планы должны были рухнуть в такой момент, когда все уже было готово для осуществления заветной мысли.

Целые дни и ночи он проводил обдумывая, как и чем заменить недостающих рабочих, чтобы не замедлять темпа работы.

Эта забота положительно съедала его; он худел, бледнел, не спал по целым ночам. Одна мысль о том, что его предприятие после всех затраченных на него упорных трудов не осуществится, заставляла его работать поистине с нечеловеческой энергией и изыскивать новые способы и средства для ускорения работ и успешного завершения поставленной задачи.

— Кажется, я проиграл свое пари,— сказал ему Когхиль.— Признаться, я не ожидал этого, но ничего не поделаешь. Не могли же мы рассчитывать, что этот Махди станет вмешиваться даже в небесные дела.

Своей шуткой Когхиль хотел развеять мрачное настроение молодого ученого, лихорадочно-поспешной работой надрывававшего свое здоровье.

— Все равно я не уйду с пика Тэбали до тех пор пока работа не будет закончена,— твердо сказал Моони.— Или я достигну своей цели, или здесь же найду могилу.

В это время в круглую залу, где находились оба друга, вбежал запыхавшийся и красный от волнения Виржиль.

— Важная новость, господин Моони!... — крикнул он.— Стекланный сплав выступает повсюду с восточной стороны горы.

С этой стороны сплав до сих пор не показывался и это очень огорчало Моони, так как было чрезвычайно важно для успеха его дела. Моони не поверил этой доброй вести и тотчас же пустился бегом вниз. Менее чем в полчаса он был уже у подножия горы в том месте, о котором ему говорил Виржиль.

Действительно, стекланный сплав, выходя из центральной глубины пиритной массы, начинал изливаться наружу, заполняя оставшееся пустым пространство, прорытое под горой.

Дымящаяся и мутная тягучая масса стекла раскаленным потоком окружала основание пика с его восточной стороны, быстро застывая на глазах у Моони. Теперь дело было кончено. Пик Тэбали, это громадная скала магнитного пирита, был теперь совершенно изолирован от земли, покоясь на стеклянном основании.

Работы по сооружению колоссального магнита были успешно закончены и теперь оставалось только привести его в действие. А это можно было сделать в любой момент, так как приспособления для работы динамомашин были уже давно закончены. Достаточно было только нажать костяную ручку, включить ток— и пик Тэбали превратится в гигантский электромагнит.

С трудом поборов охватившее его волнение и сделав необходимые распоряжения, Норбер Моони поспешил обратно в обсерваторию.

В большой круглой зале он застал Когхилля и сказал ему:

— Разрешите вас поздравить, дорогой Буцефал! Вы выиграли ваше пари. Через очень короткое время наша цель будет достигнута.

— Вы слишком рано радуетесь, Норбер. Я только что был на верхней галерее и осматривал через подзорные трубы пустыню со всех сторон. По направлению к пику Тэбали с юга и запада двигаются огромные полчища инсургентов. Никакое сопротивление нам не поможет. Не пройдет и двух дней, как нас окружают со всех сторон и разрушат до основания обсерваторию, а нас самих погребут под ее развалинами, если только мы не сдадимся на милость победителей...

Глава XVI

ОСАДА ПИКА ТЭБАЛИ. ПРИБЛИЖЕНИЕ ЛУНЫ К ЗЕМЛЕ. НЕОЖИДАННАЯ КАТАСТРОФА

Когхилль был прав: махдисты наступали со всех сторон. Не так скоро, как он предсказывал, но, во всяком случае, в течение ближайших дней они должны были достигнуть Тэбали.

Между тем, на пике Тэбали шли успешные приготовления к окончательному завершению всех работ. Все инсоляторы были сгруппированы на верхней площадке. Оставалось только соединить приводные ремни

паровых машин с динамомашинами и пустить в ход весь этот сложный механизм, идейным творцом которого был Моони.

И хотя молодой ученый горел нетерпением поскорее убедиться на опыте в успешном осуществлении своей задачи, он всячески отсрочивал последние распоряжения. Главной причиной, останавливавшей его от немедленного приведения в действие искусственного магнита, было следующее обстоятельство.

По его расчету, луна должна была достигнуть перигелия, т.е. ближайшего к земле расстояния, только через шестьдесят семь дней; воздействие же искусственного магнита, а следовательно и успешное осуществление грандиозного предприятия, несомненно, было бы обеспечено именно во время перигелия.

Моони, конечно, не сомневался в правильности всех сделанных им и весьма тщательно проверенных расчетов, но малейшая техническая ошибка, допущенная по недосмотру при практическом осуществлении проекта, могла вредно отразиться на действии огромного магнита, значительно уменьшив его силу.

Поэтому, несмотря на неоднократную и самую тщательную проверку всех деталей сложного сооружения, обнаружившую никакого упущения, Моони все же не решался привести в действие ток, откладывая это до самого благоприятного и удобного момента. Но необходимость заставила его отказаться от своего первоначального решения и прибегнуть к помощи своего могучего магнита, как единственному средству спасения, оставшемуся в его распоряжении.

Наблюдая через сильные подзорные трубы за движением находившейся в отдалении армии инсургентов, Моони вполне точно определил, что махдисты решительно двинулись по направлению к пику Тэбали. Так как в их распоряжении были даже артиллерийские орудия, то они могли своими снарядами очень быстро повредить и даже совсем разрушить самую чувствительную часть сооружения — стеклянный слой, изолировавший пик Тэбали от земли.

Через три, самое большое четыре дня махдисты должны были подойти к Тэбали, и Моони решил воспользоваться этим временем для того, чтобы приблизить луну к земле.

Моони знал, что луна играет значительную роль в религиозном мирозерцании магометан, являясь символом

их единения с аллахом, и поэтому надеялся, что приближавшиеся к Тэбали инсургенты, охваченные паническим страхом при увеличении лунного диска до колоссальных размеров, уверуют во всемогущую силу молодого ученого и отступят от пика Тэбали.

В 2 часа 45 минут пополудни Моони распорядился привести в действие паровые машины и динамо. Через полчаса Виржилль сообщил, что распоряжение это исполнено и инсоляторы работают превосходно, а еще четверть часа спустя были заряжены огромные электрические аккумуляторы, обеспечивавшие непрерывное действие тока в течение целых суток, вне зависимости от работы инсоляторов. Когда аккумуляция запаса электрической энергии была закончена, работу динамомашин можно было обратить всецело на искусственный магнит. Моони отправился в "Залу Ручек" для того, чтобы после упорных трудов и долгих ожиданий привести, наконец, в действие пик Тэбали.

Там уже сидел Когхилль, просматривал последний номер "Times", полученный больше недели тому назад.

— Знаете что, милый Норбер, — шутиливо обратился он к Моони, — устраиваясь на пике Тэбали, мы совсем позабыли об одной весьма важной вещи — голубиной почте, которая могла бы в настоящее время доставлять нам все новости. Скоро мы будем осаждены — и тогда тут околеешь со скуки.

— Вы можете не беспокоиться насчет осады, — улыбаясь, заявил Моони. — Я решил привести в действие наш великий магнит сейчас же, чтобы нагнать страх и ужас на наших врагов.

Когхилль с удивлением взглянул на него, а Моони спокойно подошел к правой стороне залы и стал медленно опускать вниз костяную ручку, помеченную литерой "А". В тот же момент послышался электрический звонок, продолжавшийся несколько секунд.

— Соединение токов установлено и магнит начинает работать! — произнес, волнуясь, молодой ученый. — Теперь ровно три часа тридцать восемь минут, — добавил он, занося это наблюдение в свою записную книжку.

— Значит скоро луна будет на земле! — со смехом воскликнул Когхилль.

— Вы, очевидно, думаете, что луна явится сюда по первому моему приглашению, как ваш камердинер, когда вы ему позвоните. Не забудьте, что луна находится на громадном расстоянии от нас...

— Ну, а когда же она все-таки, по вашим расчетам, соизволит прибыть?

— Не менее, чем через шесть дней и восемь часов двадцать минут, если мои расчеты верны. Как видите, мы имеем в своем распоряжении вполне достаточно времени, чтобы надлежащим образом подготовиться к этому торжественному событию.

Когхилль замолчал. Он, очевидно, не вполне был убежден в благополучном осуществлении замечательно-го опыта Моони, но ни одним словом не высказал своего недоверия. Моони направился в верхнюю галерею, где находилась обсерватория, для того, чтобы сделать измерения диска луны в момент начала действия "великого магнита".

В пять часов вечера косые лучи солнца уже не давали необходимого жара, и работа инсоляторов была прекращена. Вместо них были приведены в действие электрические аккумуляторы, заменившие собой работу динамомашин. На основании показаний магнетометра Моони определил, что включение аккумуляторов вместо динамомашин не ослабило эффекта — и магнит Тэбали все время неизменно оставался максимально насыщенным.

Ночью перед заходом луны, в 2 часа 19 минут, Моони произвел вторичное измерение лунного диска, обнаружившее увеличение диаметра приблизительно на одну восьмую - десятую градуса горизонта.

Он несколько раз самым тщательным образом проверил свои измерения и, убедившись в их безошибочности, страшно обрадовался. Если он до последнего момента еще немного сомневался в скорости действия "великого магнита", то теперь уже не оставалось никаких сомнений в идеальной правильности этих вычислений. Диск луны увеличивался как раз настолько, насколько это предусматривал расчет Моони.

Еще не прошло и одиннадцати часов с момента начала опыта, а луна уже значительно приблизилась к земному шару. Правда, это приближение еще не могло быть замечено невооруженным глазом, но телескоп точно и безошибочно подтвердил осуществление надежд молодого астронома.

Убедившись в этом, Моони в волнении принялся ходить взад и вперед по обсерватории, громко разговаривая сам с собой от сильнейшей радости, охватившей все его существо. Потом он от усталости прилег

на диван и задумался о том, что осуществление его смелого проекта в этой обсерватории, заброшенной в пески беспредельной пустыни, является великим историческим событием, открывающим совершенно новые перспективы для изучения мирового пространства и установление связи с ближайшими, а быть может и отдаленными планетами.

Погруженный в эти мысли, Моони незаметно для себя уснул и проснулся лишь после восхода солнца.

Он чувствовал сильную тяжесть в голове и совершенную разбитость во всем теле, но, несмотря на это, сейчас же бросился к магнетометру. Стрелка, указывавшая напряжение магнита, по-прежнему стояла на максимуме. Солнце уже поднялось над горизонтом, и инсоляторы начали работать. Моони с болезненно-тревожным нетерпением ожидал появления луны. В этот день она всходила в четыре часа тридцать шесть минут пополудни, но уже задолго до этого момента он был у телескопа и, не сводя глаз с горизонта, готовился к новому измерению.

Когда луна, наконец, поднялась над горизонтом, Моони убедился, что увеличение ее диска может быть обнаружено даже невооруженным глазом. Как он и рассчитывал, по мере приближения к земле, сила притяжения прогрессивно увеличивалась, и с каждым часом луна должна была ускорять свое движение по направлению к земному шару.

При встрече с ним Когхилль спросил, иронически улыбаясь:

— Ну, как поживает луна? Я уже влюблен в нее и с нетерпением жду обещанного вами свидания с ней!

— Имейте терпение, друг мой, — в тон ему ответил Моони. — К вечеру, когда зайдет солнце, вы будете иметь случай убедиться в том, что она с неменьшим нетерпением ожидает этого свидания.

И, действительно, к вечеру все обитатели пика Тэбали с величайшим удивлением обнаружили значительное увеличение лунного диска. Теперь Когхилль уже больше не иронизировал над Моони, а, подойдя к нему, пожал ему руку и поздравил с решительной победой.

В три часа утра, незадолго до захода луны, Моони еще раз произвел измерения лунного диска. Привыкнув к мысли об успешном разрешении стоявшей перед ним задачи, Моони на этот раз спокойнее отнесся

к своим наблюдениям и, записав их в дневник, лег спать.

На третьи сутки, поднявшись рано утром на верхнюю галерею, Моони с тревогой обнаружил, что за два дня армия инсургентов успела значительно приблизиться к пику Тэбали и находилась на расстоянии одного дня пути от него. Теперь уже ясно можно было различить отдельные отряды вооруженных арабов, в стройном порядке раскинувших свой лагерь в Байудской пустыне.

Судя по царившему в лагере порядку, можно было сказать, что арабы еще не успели заметить необычайного увеличения луны или, если и обратили на него внимания, то увидели в этом благоприятное предзнаменование для себя.

Во всяком случае, на следующий день должна была решиться судьба Моони и всего его предприятия. Если арабы не испугаются огромного диска луны, то все труды Моони пропали в самый момент блестящего осуществления его дела.

Для этого, впрочем, даже не нужно было ждать наступления следующего дня: сегодняшней вечер, после захода солнца, должен был решить судьбу Моони, и поэтому неудивительно, что он весь день волновался и нервничал, с нетерпением ожидая наступления сумерек.

Около семи часов вечера солнце скрылось за горизонтом, и на небе появился громадный полукруг луны.

С верхней террасы при мертвенно-призрачном и фантастическом сиянии чудовищной луны, свет которой почти не уступал дневному, можно было видеть, как арабы в долине в страхе падали на землю, молитвенно простирая руки вперед. До вершины Тэбали доносились звуки "там-тама", созывавшие правоверных к молитве, и протяжные завывания имамов, призывавших милосердие аллаха на детей пророка. Всю ночь продолжались эти завывания и заклинания. Утихли они лишь около четырех часов утра, когда луна скрылась за горизонтом, что арабы, очевидно, приписали результату своих усердных молений и приветствовали торжественными криками.

Таким образом, надежды Моони на устрашение мусульман необычайной переменной в лунном диске не вполне оправдались. Правда, они были смущены и даже, пожалуй, испуганы этим явлением, но, по-видимому, не отказались от наступления на Тэбали.

В величайшем волнении ожидал Моони наступления следующего дня. Почти всю ночь бродил он по своему кабинету обдумывая, каким способом договориться с инсургентами, убедить их в том, что он не является их врагом и заставить их отказаться от разрушения обсерватории на пике Тэбали.

Как только взошло солнце, молодой ученый стрелой поднялся на верхнюю галерею, чтобы посмотреть, как ведут себя арабы. К его величайшей и совершенно неожиданной радости, лагерь инсургентов остался на том же месте, где он был вчера: очевидно, арабы не решались двинуться вперед и ожидали наступления вечера, чтобы снова посмотреть на луну.

В шесть часов сорок пять минут вечера луна вновь появилась на небе, занимая уже восьмую часть всей окружающей горизонта.

Поднявшись высоко над горизонтом, луна повисла на небе огромным молочно-белым, почти уже полным шаром, на котором довольно ясно обрисовывались цепи гор и равнины, усеянные отдельными скалистыми пиками и кратерами; между ними видны были громадные голубоватые пустыни, окаймленные по краям утесами и угрюмыми скалами.

В телескоп поверхность луны была так же отчетливо видна, как поверхность земли с воздушного шара, парящего на высоте двух или трех тысяч метров.

Отличительной и характерной чертой лунного пейзажа по сравнению с обычным земным являлось полнейшее отсутствие не только океанов, но и морей, озер и рек. Громадные пустынные пространства только в немногих местах были покрыты какой-то странной темно-бурой растительностью, напоминавшей по цвету осеннюю окраску кленов и каштанов; не было видно не только каких-либо селений, но и вообще не заметно было никаких признаков присутствия живых существ.

В этот вечер все обитатели пика Тэбали почти до самого захода луны по очереди любовались небывалым зрелищем. А в лагере арабов господствовало невероятное смятение, свидетельствовавшее о паническом ужасе, охватившем их. Они метались, как угорелые, по всему лагерю, с суеверным страхом взирая на луну.

Когда же на пятый день в семь часов сорок четыре минуты вечера луна медленно начала показываться над горизонтом, страх охватил даже и некоторых обитателей пика Тэбали. В этот вечер лунный диск занимал половину

видимого горизонта, или, точнее, измерялся дугой в $182^{\circ} 15' 22''$.

Теперь этот громадный диск лишь по краям был окаймлен узкой светящейся полосой, образовывавшей серебристо-пепельное сияние на центральной части луны, закрытой земной тенью. При этом пепельном сиянии уже невооруженным глазом можно было рассмотреть поверхность ближайшего спутника земли.

В эту ночь в арабском лагере уже не слышно было ни криков, ни молитвенных возгласов и причитаний; даже не видно было нигде ни одного человека: все они в страхе и ужасе попрятались в своих палатках, не смея выглянуть из них.

Наконец, наступил долгожданный шестой вечер. По вычислениям Моони, нисхождение луны к земле должно было продолжаться шесть суток, восемь часов, двадцать одну минуту, сорок шесть секунд. И, действительно, к вечеру шестого дня громадный диск совершенно поглотил весь небесный свод.

Наступила беспросветная черная ночь. Только на восточном краю горизонта из мрака вырывалась узкая серебряная полоска.

В лагере инсургентов царило гробовое молчание; даже сторожевые псы замолкли, и их лай ни разу не раздался в ночной тишине. Арабы, очевидно, решили, что луна, поглощенная мраком, исчезла навсегда, и покорно ждали смерти.

На пике Тэбали тоже было тихо. Моони и Когхилль сохраняли обычное хладнокровие и спокойствие, а разговорчивый доктор Бриэ веселил всех своими добродушными шутками. Виржилль был несколько смущен тем, что небо "подозрительно мрачно", а Тиррель Смес, привыкший к раз навсегда установленному этикету благопристойности и приличий, открыто возмущался по поводу нарушения естественного порядка явлений. Хотя он не показывал виду, что испытывает страх, но уже два дня не рисковал высунуть нос на свежий воздух.

Гертруда Керсэнь совершенно спокойно переносила бы "лунную близость", как сама выражалась, если бы на эту близость не реагировала слишком болезненно ее маленькая служанка Фатима, горячими слезами оплакивавшая исчезновение луны.

Около полуночи все обитатели пика Тэбали собрались в круглой "Зале Ручек", куда пришел и Моони.

— Сейчас ровно 25 минут двенадцатого, — произнес он. — Через 38 минут и 25 секунд произойдет соприкосновение луны с нашей землей.

— Как... А... разве это соприкосновение... совершится? — дрожащим голосом пробормотал Тиррель Смес.

— Да, дружище. Ведь для этого-то мы и производили всю нашу работу.

— Скажите, Норбер, а это падение луны на землю не грозит всем нам катастрофой? — спросил Когхилль.

— Конечно, нет. По моим расчетам, лунные Аппенины коснутся поверхности земного шара в песках Сахары, к северу-западу от пика Тэбали. В момент соприкосновения мы, конечно, ощутим резкий толчок, но он будет не особенно сильным. Должен вам сказать, что сила падения луны на землю в значительной мере уже ослаблена, так как я в последние три дня постепенно уменьшал силу нашего магнита, переводя ее к точке нуля; теперь луна мчится к нам уже исключительно в силу инерции.

— Но, может быть, вы ошиблись в своих расчетах? — продолжал беспокоиться Когхилль. — Что будет с нами, если соприкосновение двух планет произойдет в ближайшей к нам местности или даже на самом пике Тэбали?

— В таком случае луна искрошит нас в порошок и не оставит даже воспоминания ни о пике Тэбали, ни о нас! — с улыбкой ответил Моони. — Но вы можете не беспокоиться, друзья! Вычисления мои абсолютно безошибочны, а, кроме того, для вашего спокойствия я, как видите, опускаю вниз на пять делений ручку "Б", которая дает электрическому току обратное движение, в свою очередь вызывающее обратное действие нашего великого магнита. Благодаря этому, дальнейшее падение луны на землю замедляется и окончательное соприкосновение обеих планет почти совсем не будет ощутимо.

С этими словами Моони отошел от мраморной доски с ручками и, взглянув на хронометр, сообщил:

— Сейчас без двух минут двенадцатого. Осталось ждать еще минут шесть.

— Скажите, Норбер, — снова спросил Когхилль, — что произойдет, если ручку "Б" повернуть до максимума, т.е. до 320 деления?

— Тогда обратное действие магнита заставит луну

удалиться от земли до пределов ее нормальной орбиты.

Не успел он договорить последнее слово, как Тиррель Смис со всех ног бросился к мраморной дощечке. Прежде, чем кто-либо успел догадаться о его намерении, он схватил ручку "Б" и быстро опустил ее вниз.

Моони с криком отчаяния подбежал к Смису, чтобы вовремя остановить его, но было уже поздно...

Электричество сразу погасло, и зал погрузился в полный мрак. Через мгновение раздались глухие подземные удары, пол под ногами заколебался, точно происходило землетрясение... За этими ударами последовал страшный взрыв и оглушительный грохот, похожий на канонаду из тысячи орудий...

Все это произошло в течение нескольких секунд. Моони успел только крикнуть: "Гертруда", но голос его потонул в адском грохоте, и он упал, потеряв сознание.

КОНЕЦ ПЕРВОЙ ЧАСТИ

Часть вторая

НИКТО НЕ ВЕРИТ...

Глава I

НЕОБЫЧАЙНЫЙ СЮРПРИЗ

Был ясный день. Могильная тишина царила в обсерватории, когда Норбер Моони очнулся, открыл глаза и оглянулся кругом. В зале было томительно жарко и душно.

Моони не сразу сообразил, в чем дело. Он видел, что находится в круглой "Зале Ручек" и лежит на оттоманке, стоящей под мраморной дощечкой. Кругом царил хаос: столы, стулья, диваны, шкафы, — все это было опрокинуто, изломано, наворочено друг на друга; электрическая люстра валялась на полу, а рядом с ней лежал разбитый магнетометр; по всей зале валялись разбитые черепки посуды. Гертруда Керсэнь, Фатима, доктор Бриэ, Когхилль и Тиррель Смис лежали без чувств — кто на диване, кто на полу.

Моони тотчас же бросился на помощь Гертруде. Она находилась в глубоком обмороке, и пульс ее ослабел, но дыхание было нормальным.

Успокоившись относительно здоровья Гертруды, Моони решил поскорее разбудить доктора, чтобы с его помощью привести всех в чувство.

Едва он дотронулся до его плеча, как доктор Бриэ тотчас же очнулся и стал с удивлением протирать глаза.

— Что такое случилось с нами? — спросил он.

— Я еще сам не знаю. Но прежде всего посмотрите, чем можно помочь вашей племяннице. Она, как и все, лежит без всяких признаков сознания... Очевидно, это только обморок?..

Доктор подошел к дивану, на котором лежала Гертруда, и, нащупав пульс, произнес:

— Нужно поскорее достать серный эфир. Вы не знаете, что стало с нашей аптечкой?

Не ответив ни слова, Моони побежал в смежную комнату и притащил оттуда небольшой ящичек. Открыв его,

он быстро достал пузырек с серным эфиром и передал его доктору, который стал смачивать эфиром лоб и виски Гертруды. Через минуту она, глубоко вздохнув, открыла глаза, слегка приподнялась на диване и стала осматриваться по сторонам.

— Фатима, — прошептала она слабым голосом.

— Она еще не пришла в сознание, — ответил Моони, подходя к Фатиме, лежавшей на полу. — Но вы не беспокойтесь, я ее сейчас же приведу в чувство.

— Ты очень испугалась, дорогая моя? — спросила Гертруда, когда она очнулась.

— Да, мне было очень страшно. Но теперь уже все прошло... — и подойдя к Гертруде, Фатима стала обнимать ее.

Между тем, Моони с помощью доктора стал приводить в сознание Когхилля.

— Гм... — многозначительно промычал доктор. — Пульс очень слабый... очень слабый... почти неуловимый... Нужно будет хорошенько растереть ему затылок спиртом. Я сам это сделаю, а вы, Моони, займитесь пока тем, другим... — закончил доктор, указав кивком головы на Тирреля Смиса.

— Этим дуралеем, который натворил всю беду! — рассердился вдруг Моони. — Нет, уж извините: я прежде посмотрю, что делается с моим бедным Виржилем.

С этими словами молодой ученый побежал в смежную комнату, где лежал распростертый на полу Виржил. Приподняв его, он стал усердно растирать ему лоб и виски эфиром, а потом трясти его до тех пор, пока, наконец, не привел его в себя.

— Эх-ма!.. Да, ведь, уже солнце взошло... И все мы живы и здоровы. Вот это славно! — воскликнул Виржил. — А я уже думал, что всем нам пришел конец.

Вернувшись вместе с Моони в большую залу, он как ни в чем не бывало принялся наводить порядок.

А доктор Бриэ не только успел привести в чувство Когхилля, но и его злосчастного образцового камердинера. Достопочтенный Тиррель Смис при падении украсил себе лоб громадной шишкой и вероятно благодаря этому никак не мог прийти в себя. Сидя на полу, он тупым взглядом осматривал все окружающее, как будто он в первый раз видел все это. Как только к нему вернулась способность говорить, он произнес:

— Портвейн... Бутылка в буфете налево...

По этому замечанию, вызвавшему всеобщий смех, можно было судить, что умственные способности Тирреля не совсем еще пострадали.

— Дайте ему, Виржилъ, стаканчик портвейна, да кстати, дайте уже и всем нам по стаканчику, — сказал, смеясь, доктор.

Виржилъ немедленно же угостил всех портвейном, сразу подкрепившим силы обитателей Тэбали.

— Однако, почему мы сидим взаперти? — проговорил Моони, подходя к одному из окон. — Жара и духота положительно нестерпимы...

Но едва успел он поднять жалюзи и отворить окно, как сильный порыв ветра тотчас же захлопнул его. Это очень удивило всех, так как другие окна и двери залы были заперты и сквозного ветра не могло образоваться. Кроме того, как справедливо заметил молодой ученый, ветер этот вырывался изнутри наружу, а не снаружи в комнату.

В это время Гертруда, подойдя к другому окну, удивленно воскликнула:

— Вот странность! Смотрите, какой удивительный вид... Я никогда не видала ничего подобного...

Все присутствующие тотчас же подбежали к окну.

Действительно, во всем окрестном пейзаже произошла поразительная перемена. Вместо дикой песчаной пустыни, столь привычной для жителей обсерватории, они видели теперь перед собою дикий хаос нагроможденных друг на друга неприступных гор, угрюмых, неприветливых, суровых. Казалось, будто вся земля была взрыта под влиянием сильнейшего землетрясения.

Все эти горы и скалы были изборожжены трещинами, расселинами и зияющими ущелиями, поражавшими взгляд непривычным разнообразием красок: местами виднелись ярко-красные пятна, местами — желтые, но бледно-голубой и фиолетовый цвета преобладали над всеми другими тонами в пестрой окраске этих гор и скал.

В глубине ущелий, рывин и оврагов можно было видеть отвердевшие потоки разноцветной лавы, подобные тем, какие находятся на верхних склонах Этны и Везувия. Да и вообще все эти горы различной высоты были похожи по внешнему виду на вулканы. Расстояние их от обсерватории трудно было определить, вследствие чрезвычайно странного оптического явления: наиболее отдаленные скалы и горы видны были с такой же отчетливой ясностью, как и ближайшие.

Вместо того, чтобы постепенно сливаться уходя вдаль, эти скалы и горы на самом горизонте обрисовывались теми же яркими красками и резкими очертаниями, как если бы они находились в десяти шагах от зрителя.

Другим, не менее загадочным явлением были тени всех этих скал и вулканов, столь же яркие и резкие, как самые горы. Под ослепительно ярким светом солнца они выделялись на земле, как громадные черные пятна без малейших оттенков или полутонов.

А в общем весь пейзаж носил какой-то мертвенный характер, более мрачный, чем любое кладбище в призрачном свете луны. Нигде, ни в чем не было заметно ни малейшего признака жизни. Ни птички, ни куста, ни деревца, ни даже чахлой травки. Ни ручейка, ни озера, ни даже обыкновенной лужицы: мертвая, подавляющая тишина абсолютного покоя и смерти.

Еще одна странная особенность придавала этой картине фантастический характер и наводила безотчетный страх. Несмотря на то, что солнце было уже почти в зените и бросало свои раскаленные лучи на этот бесплодный хаос, все небо было усеяно бесчисленными звездами, испещрявшими темный, почти черный свод неба без единого облачка. Это мрачное зрелище производило такое же гнетущее впечатление, как свечи, зажженные вокруг гроба среди бела дня...

Что же касается махдистов, осаждавших пик Тэбали кольцом многочисленных лагерей, то от них и следа не осталось. Очевидно, катастрофа поглотила все, что только оставалось живого на поверхности земли в этом месте.

Но больше всего обитателей пика Тэбали удивила та высота, на которой они вдруг очутились: если раньше их отделяло от окружавшей равнины расстояние от полутораста до тысячи шестисот метров, то теперь это расстояние увеличилось до трех или четырех тысяч метров, если не более.

Все эти наблюдения были совершенно необъяснимы. Если случилось землетрясение, то каким же образом уцелел пик Тэбали в то время, когда вокруг него все было разрушено?

Вдруг Моони, внезапно осененный какой-то мыслью, бросился к выходным дверям и выбежал на верхнюю галерею; но едва он сделал два-три шага, как тотчас же почувствовал невыносимое удушье. Кровь прилила к вис-

кам, ему сделалось дурно, он пошатнулся и лишился бы сознания, если бы вовремя не вернулся назад в обсерваторию.

Очутившись снова в круглой зале, Моони жадно вдохнул в легкие воздуха и пришел в себя. Затем, к удивлению всех присутствующих, он быстро захлопнул дверь, оставшуюся открытой, и, достав вату, энергично принялся заделывать все скважины и отверстия...

— Зачем вы это делаете? — с улыбкой спросил его Когхиль. — Неужели вы так боитесь сквозного ветра?

— Какой там сквозной ветер?! Необходимо сохранить небольшой запас воздуха, какой еще имеется у нас здесь. Как только истощится этот запас, мы останемся без воздуха!

Все удивленно переглянулись между собой.

Неужели катастрофа так повлияла на бедного Моони, что он помешался? Заметив, какое впечатление произвели его слова, он не мог удержаться от улыбки.

— Успокойтесь, друзья мои, я отнюдь не лишился рассудка, как вы, кажется, склонны предполагать. Но я должен сообщить вам одну важную новость. Дело в том, что резкие изменения в пейзаже, которые мы наблюдали из окон, вовсе не являются результатом геологической катастрофы, как мы все предполагали. Ничто вокруг нас не изменилось... но... сами мы... переменили место и потерпели необычайное крушение. Мы не в Судане, не в Африке... даже не на земном шаре, друзья.. Мы перенесены вместе с нашей обсерваторией на луну.

— На луну?! — воскликнули все в один голос. — Не может быть!

— Несомненно. Мы находимся на луне, и объясняется это очень просто: внезапное усиление обратного действия магнита в тот момент, когда луна должна была коснуться земли вызвало взрыв скрытых вулканических сил. Благодаря сильному подземному толчку, подбросившему нас на воздух, мы попали в сферу притяжения луны... Это мое предположение, и я пока еще не убедился в его безусловной правильности, но, во всяком случае, оно является наиболее вероятным объяснением пережитой нами катастрофы.

— Вы вполне убеждены в том, что мы находимся на луне? — все еще не доверяя объяснениям Моони, спросила Гертруда.

— Безусловно. Выйдя на верхнюю галерею, я убедился

в том, что здешняя атмосфера, если только она существует, совершенно непригодна для дыхания, и поэтому поторопился законопатить все окна и двери.

— Ну и великолепно! — невозмутимо произнес доктор Бриэ. — Ведь вы стремились во что бы то ни стало попасть на луну, и я не вижу ничего ужасного в том, что ваши надежды таким блестящим образом осуществились.

— Блестящим образом! Ничего ужасного! — передразнил его Когхилль.

— А я не вижу ровно ничего удивительного и веселого в том, что мы очутились на дьявольском расстоянии от Земли, да еще без воздуха. Когда я вспоминаю, — добавил он, гневно взглянув на Тирреля Смиса, — что за все это мы должны благодарить моего безграничного дурака, то я прихожу в бешенство и готов разорвать его.

Злополучный камердинер и так уже был в полном отчаянии от одного сознания, что он находится на луне. Когда же он узнал, что причиной катастрофы явился его необдуманый поступок, бедняга принужден был согласиться с аттестацией Когхилля и, многозначительно ударяя себя ладонью по голове, сосредоточенно повторил несколько раз подряд:

— Дурак!.. Совсем дурак!.. Несомненно, дурак...

Глава II

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО С ЛУНОЙ. НЕОБЫЧАЙНЫЕ АКРОБАТИЧЕСКИЕ ФОКУСЫ МОНИ И КОГХИЛЛЯ

Когда все понемногу успокоились после пережитых потрясений, доктор Бриэ стал расспрашивать Моони.

— Значит, если я правильно вас понял, мы еще дышим запасом земного воздуха. Что же мы будем делать, когда запас истощится?

— Тогда мы будем фабриковать искусственный воздух! — спокойно ответил молодой ученый.

— Искусственный воздух?! Каким образом?!

— Да очень просто. Ведь у нас имеется большой запас различных химических препаратов, респираторов и всех прочих необходимых для этого аппаратов. Кстати, я сейчас пойду в наши кладовые и осмотрю все наши припасы. Не желаете ли пойти вместе со мной?

Доктор Бриэ и Гертруда вызвались сопровождать Моони, и все они через верхнюю галерею отправились в

магазины и склады обсерватории. Внимательный осмотр всех помещавшихся здесь вещей выяснил, что почти ничего не пострадало от катастрофы. Особенно важно было, что ни одна из машин, крепко привинченных железными болтами к полу, не потерпела никаких повреждений.

Осмотрев ящики, в которых хранились бережно упакованные кислородные респираторы Каррэ, Моони убедился, что они были в полной сохранности, и приказал Виржилю сейчас же перенести их в лабораторию.

Минут через десять респираторы были уже готовы к употреблению. Эти аппараты представляли собой алюминиевые ящики, покрытые сверху, кожаными мешками. Каждый мешок оканчивался небольшим пузырем, приходившимся под левую руку. При легком нажиме кислород из пузыря выталкивался в каучуковую трубку, при помощи медной маски герметически прилаженную ко рту и носу человека.

Вооружившись респиратором и захватив с собой карманный компас и зрительную трубу, Моони вернулся в круглую залу. Увидев его в таком наряде, Когхиль спросил со смехом:

— На кого это вы, мой друг, идете войной в таком вооружении?

— Я собираюсь предпринять маленькую прогулку для исследования лунных окрестностей. Кстати, я хочу выяснить, правильно ли мое предположение, что весь пик Тэбали целиком был оторван от земли во время катастрофы и перенесен на луну.. Через четверть часа я вернусь.

— А можно мне принять участие в вашей экспедиции?— спросил Когхиль.

— Пожалуйста. Только сначала вооружитесь респиратором Каррэ. — Я зарядил их штук пять или шесть. Виржил, принеси-ка нам сюда еще один такой снаряд.

Когда наши приятели готовились уже выйти наружу, Тиррель Смес подошел к Когхиллю.

— Сэр Буцефал выходит из дома без завтрака?! — почти с отчаянием в голосе воскликнул примерный камердинер. — Так захватите, по крайней мере, с собою этот шоколад и бисквиты.

— Ну, можно ли сердиться на этого субъекта? — смеясь, проговорил Когхиль и, не желая огорчить Смеса, запрятал в карман предложенное им угощение.

Выйдя из обсерватории и плотно притворив за собой двери, оба друга направились по большой извилистой до-

роге к подножию пика Тэбали. К удивлению Моони, дорога эта, находившаяся на восточном склоне пика, теперь была обращена к северу. Очевидно, при перемещении на луну, пик изменил свое положение.

Жара была положительно нестерпима под палящими отвесными лучами солнца, которое по внешнему своему виду и форме несколько отличалось от "земного солнца". Это обстоятельство так же, как и наличие звезд среди бела дня на почти черном небе, объяснялось большой разреженностью и прозрачностью лунной атмосферы, почти не задерживающей световых и тепловых лучей и не придающей небесному своду того приятного голубого цвета, к которому привыкли обитатели земли.

Несмотря на духоту и томительную жару, наши два молодых исследователя ощущали какую-то странную необычайную легкость своего тела. Они едва касались земли на ходу, причем, сами того не замечая, почти на каждом шагу проделывали удивительнейшие акробатические фокусы: каждый из них замечал эти воздушные пируэты и гимнастические упражнения не на самом себе, а на своем товарище.

Моони с удивлением увидел, что Когхилль, сделав громадный прыжок, с легкостью и ловкостью горной серны, едва коснувшись земли, отскочил, точно резиновый мячик, и как ни в чем не бывало отправился дальше.

— Нет, это что-то совершенно невероятное, — думал он. — Несчастный непременно сломает себе шею, если будет продолжать спускаться с горы таким необычайным способом...

Но в это время, желая обойти небольшую трещину, сам Моони отступил шаг назад и, слегка подпрыгнув, взлетел вверх на высоту от пяти до шести метров и безболезненно снова опустился на луну.

Когхилль, только что проделавший, сам того не замечая, удивительный скачок, теперь с невероятным изумлением посмотрел на своего спутника и, казалось, был в высшей степени скандализован его выходкой...

— Ах, вот в чем дело! — тотчас же догадался Моони. — Теперь я понимаю: ведь это закон притяжения играет с нами такие штуки... На луне сила тяжести в шесть раз меньше, чем на земле. Поэтому наша мускульная сила как будто "ушестеряется" и против воли превращает нас в акробатов...

Подойдя к огромному камню, который две лошади с трудом могли бы сдвинуть с места, Моони с небольшим

усилием толкнул его. К великому удивлению Когхилля, громадный камень легко поддался усилию Моони и быстро покотился вниз.

Потом Моони с разбега пролетел на расстоянии восьми или десяти метров над головой Когхилля и с легкостью птицы опустился на землю в двух-трех саженях от него.

Со смехом наблюдая за фокусами Моони, Когхилль решил проявить и свою ловкость. Разбежавшись, он подпрыгнул на такую высоту, что Моони, задетый за живое, счел нужным повторить еще раз свой акробатический фокус.

Незаметно для них эти веселые упражнения превратились в чехарду, что, по-видимому, чрезвычайно забавляло обоих молодых людей.

Хотя Когхилль без особенного труда проделывал те же самые "фокусы", как и Моони, тем не менее он с величайшим удивлением смотрел, как молодой ученый одним скачком брал положительно невероятные препятствия, балансировал громадными тяжестями, а затем, подойдя к Когхиллю, взял его двумя руками, как куклу, и стал качать, подбрасывая в воздух и ловя на лету, точно резиновый мяч.

Такого рода вольности даже показались Когхиллю крайне неприличными и он счел своим долгом проделать то же самое и над Моони.

— Недаром, — думал Когхилль, — у нас в Англии некоторых сумасшедших называют лунатиками. Возможно ли, в самом деле, что несколько часов пребывания на луне успели уже так пагубно повлиять на нас обоих. И откуда у нас появилась такая невероятная сила? Никогда еще в жизни я не чувствовал себя таким сильным и ловким, как сегодня... Что ни говори, а воспитание в итонской школе многое значит. Тамошние физические упражнения не пропадают бесследно, и при случае всегда можно не ударить лицом в грязь...

Глава III

СЧАСТЛИВОЕ ОТКРЫТИЕ. ВОРЫ НА ЛУНЕ

Утомившись после своих упражнений, оба приятеля уселись на краю лунного кратера, служившего основанием пика Тэбали.

— Теперь, — решил Моони, — необходимо узнать, что стало с нашей изолирующей стеклянной плоскостью, находящейся под пиком. Если она уцелела и не потерпела никаких повреждений, то нам, быть может, удастся возвратиться обратно на землю...

Отдохнув немного, Моони вместе с Когхиллем отправились изучать кратер, следуя по его верхнему наружному краю.

Минут через двадцать они подошли к большому отверстию, представлявшему собой трещину кратера.

Через эту трещину можно было проникнуть внутрь кратера, крышу или, вернее, потолок которого представляло собою стеклянное основание пика Тэбали. Недолго думая, Моони тотчас же спустился в это отверстие, чтобы разрешить интресовавший его вопрос о состоянии этого стеклянного слоя.

Внутри кратера, по сравнению с ярким ослепительным светом снаружи, казалось, господствовал абсолютный мрак. Но вскоре Моони и его спутник освоились со скудным освещением и убедились, что они находятся в огромной воронкообразной яме, уходившей далеко вглубь и почти герметически прикрытой сверху стеклянным основанием Тэбали.

Забыв о том, что он не на земле, Моони машинально вынул из кармана спички и, чиркнув сразу две или три, осветил кратер. Спички горели ровным пламенем, отражаясь в стеклянном своде.

— Смотрите-ка, Норбер! — произнес удивленный Когхильль. — Наша гора, как крыша, покрыла этот кратер.

К своему величайшему удивлению, Моони совершенно отчетливо услышал эти слова и мог объяснить это только тем, что в кратере была иная атмосфера, чем на поверхности луны.

— Закройте кран вашего респиратора, — сказал Моони, сам подавая ему пример. — Здесь мы имеем вполне достаточно воздуха...

— Ура!.. — воскликнул Когхильль. — Я с наслаждением откажусь от своей соски: признаюсь, она изрядно надоела мне. Но скажите, почему в этой глупой стране можно дышать и говорить только по временам и в определенных местах, а не всегда и не везде?

— Подождите, — прервал его Моони, что-то вычисляя в уме. — Эта воронка имеет около 1200 метров в диаметре и почти столько же в глубину. Это составляет запас в несколько миллионов кубических метров воздуха...

— В самом деле?! — обрадовался Когхилль. — Да, ведь, это целое богатство в нашем теперешнем положении. Но каким образом очутился здесь воздух?

— Это, несомненно, земной воздух, — объяснил Моони. — Когда луна попала в сферу воздушной оболочки Земли, она окуталась воздушной пеленой. Очевидно, пик Тэбали, оторвавшись от земного шара, накрыл этот кратер и закупорил в нем земной воздух, похищенный луной с нашей планеты.

— В таком случае, мы должны всячески беречь это неожиданно открытое нами сокровище.

— Да, прежде всего необходимо помешать ему улетучиваться через отверстие, откуда мы с вами вошли... Я сейчас же вернусь в обсерваторию и приведу сюда всех наших друзей, чтобы вместе приняться за работу, а вы оставайтесь здесь и приготовьте все необходимое.

— А что мне нужно сделать?

— Собирайте материал; сложите у отверстия камни и обломки скал, а мы потом возведем из них при помощи извести прочную стенку и заделаем эту брешь.

После этого, Моони, надев респиратор, быстро направился обратно в обсерваторию. Через несколько минут он уже рассказывал своим друзьям, с нетерпением ожидавшим его возвращения, все новости и предложил им немедленно отправиться в кратер. Не только доктор Бриэ, Виржилль и Тиррель Смис, но даже Фатима и Гертруда предложили свою помощь для сооружения стены.

— Мне уже надоела эта вечная роль дармоедки, — шутила Гертруда, — и я прошу, чтобы и мне позволили, наконец, приняться за работу.

Превосходнейший ленч, приготовленный весьма предусмотрительным на этот счет Тиррелем Смисом, ожидал возвращения двух исследователей, но Моони решил отложить завтрак на час, полагая, что на заделывание бреши кратера больше времени не потребуется.

По распоряжению Моони, Виржилль отправился в магазины за лопатами, заступами, мешком извести и бочонком воды в то время, как все остальные вооружались респираторами.

Моони уже успел предупредить своих друзей о странных явлениях, какие ожидают их на этой планете. Вечно веселая физиономия словоохотливого доктора Бриэ заметно удлинилась, когда он узнал, что будет лишен возможности перекинуться хотя бы двумя-тремя словами со сво-

ими спутниками. Этот жизнерадостный человек органически не переносил молчания...

Перед самым уходом Гертруда, подойдя к окну, вдруг воскликнула:

— Смотрите, что это за странная планета всходит над горизонтом! — и она указала Моони на огромный молочно-белый серп, очень похожий на луну, но раза в четыре превосходивший ее по своим размерам.

— Да это наша родная планета — Земля, — ответил Моони. — Она не только ночью, но и днем будет видна на лунном небе и мы сможем ею пользоваться, как часами.

— Неужели это Земля? — грустно произнесла Гертруда. — Бедный папа находится теперь там, подвергаясь всем ужасам осады и не подозревая даже, что я так далеко от него.

— Мы вернемся к нему... Не сомневайтесь в этом! — обнадежил ее Моони.

— Правда? Вы уверены?

— Почти наверное.

За это время Гертруда так привыкла верить в осуществление всех планов Моони, что теперь не усомнилась в полной возможности возвращения на Землю.

Новоиспеченные каменчики быстро и весело направились на работу. Несмотря на предупреждения Моони, все они были поражены необычайным ощущением легкости своего тела.

Подойдя к краю верхней площадки и не соразмерив своего прыжка, Виржилль сорвался и полетел с обрыва вниз.

— Прости-прощай, жизнь! — подумал он и, упав с головокружительной высоты, осторожно приподнялся, боясь рассыпаться и не веря в свое спасение.

Оглянувшись назад, чтобы удостовериться, с какой высоты он совершил изумительный полет, Виржилль с ужасом увидел, что на него летит какая-то тяжелая масса. Это был Тиррель Смис, который, очевидно, позавидовал ловкости Виржиля и решил последовать его примеру.

— Вот скотина! — подумал бедный Виржилль, готовясь к смерти. — Ведь он расплющит меня в лепешку!

Но как это ни странно, Тиррель Смис, несмотря на свою весьма солидную и внушительную комплекцию, оказался легче перышка и не причинил ни малейшего вреда своему худощавому товарищу.

Этот инцидент научил их обоих быть осторожнее в своих движениях и беречь свои силы для более полезного труда. Они присоединились к остальной компании и вскоре все вместе подошли к входу в кратер.

Здесь их ожидало маленькое разочарование. Когхилля нигде не было видно, хотя изрядная куча огромных камней свидетельствовала о произведенной им усердной работе.

Предположив, что он отправился подышать свежим воздухом внутрь кратера, Моони несколько раз громко позвал его по имени, но на его крики из глубины подземелья отозвалось только эхо.

Когхилль, конечно, не мог упасть на дно кратера и расшибиться, так как стены кратера были отлогими, а возможность опасного падения на луне, где можно безнаказанно лететь с высоты сорока-пятидесяти метров являлась совершенно невероятной.

— Когхилля здесь нет! Посмотрите, нет ли его где-нибудь поблизости, — сказал Моони, обращаясь к примерному камердинеру, крайне встревоженному. — А мы примемся за работу, потому что нам дорога каждая минута.

Тиррель Смес тотчас же отправился на розыски своего господина, а вся остальная компания энергично принялась за дело.

Виржилль успел уже высыпать в одно из небольших углублений почвы известь и старательно размешивал ее принесенной водой. Моони наваливал друг на друга камни, промежутки между которыми заливались разведенной известью, Доктор Бриэ и Гертруда вместе с Фатимой подавали камни, весело смеясь над тем, что эти громадные глыбы казались им такими легкими.

— Вот так камешек! — восклицала Гертруда, легко подымая одной рукой громадный обломок скалы, который на поверхности земного шара должен был весить не менее 3 пудов.

Огромные глыбы громоздились друг на друга, как будто титаны, а не простые смертные производили эту работу; известь очень быстро высыхала, вследствие чрезвычайной сухости воздуха; словом, работа шла быстро и успешно, и через полчаса с небольшим стена была сооружена.

К этому времени вернулся и Тиррель Смес, с пригорбией сообщивший, что ему нигде не удалось найти своего господина.

Полагая, что Когхилль уже в обсерватории, Моони решил возвратиться назад. Во всяком случае, ожидать его здесь было совершенно бесполезно. А для того, чтобы предпринять более тщательные розыски, необходимо было предварительно возобновить запасы кислорода.

Но, вернувшись в обсерваторию, они и здесь не нашли Когхилля; зато в большой зале были обнаружены несомненные следы его присутствия: оставленный на столе ленч был уже наполовину съеден. Холодное мясо, ветчина, консервы и закуски, вино, бисквиты и десерт, — все было уничтожено в таком количестве, что трудно было даже поверить, будто все это мог съесть один человек. Кто-то высказал предположение, что он, вероятно, забрал с собою запас пищи и снова удалился.

— Очевидно, он нашел у подножия горы что-нибудь очень интересное и решил немедленно вернуться туда для продолжения своих замечательных исследований и небывалых открытий, — пошутил доктор Бриэ.

Во всяком случае, ясно было, что в их отсутствие в большой зале побывал именно Когхилль, так как никого, кроме него, в обсерватории быть не могло. Успокоившись на этот счет, все охотно приступили к завтраку, так как сильный голод уже давал себя чувствовать.

— Скажите милейший Моони, — спросил доктор после завтрака, — как намерены вы утилизировать воздух, закупоренный в кратере? Быть может, мы там устроим санаторий и время от времени будем отправлять туда всех по очереди на поправку, как я некогда отправлял своих больных в Монте-Карло в то незабвенное время, когда я еще имел честь практиковать не на луне, а на земном шаре?

— Нет, доктор, мой проект гораздо проще, — ответил Моони. — Вы, вероятно, помните, что на пике Тэбали имеется огромный колодец, достигающий самого основания пика. Я намерен установить сообщение между этим колодцем и нашим воздухохранилищем, а затем устроить вентилятор в одном из этих окон, чтобы снабжать всю нашу обсерваторию свежим воздухом, пригодным для дыхания.

— Это очень остроумно! — воскликнул доктор Бриэ. — Но знаете, что мне пришло в голову: чтобы не было бесполезной растраты столь драгоценного для нас воздуха, не лучше ли заменить вентилятор каучуковой или цинковой трубой с краном. Только для этого потребуется труба

изрядной длины, а ее, вероятно, не найдется на ваших складах.

— Прошу извинения, — засмеялся Моони, — мы имеем все, что нам нужно.

— Да, — весело подхватила Гертруда, — мы даже не забыли захватить с собой воздух.

— Чего вы, в самом деле, смеетесь? Ведь до настоящего времени мы ни в чем не терпели недостатка и ни на что не можем жаловаться, — невозмутимо продолжал доктор.

— Самым неприятным во всей этой необычайной истории является только то обстоятельство, что мы лишены возможности сказать хоть одно слово, как только высунем нос наружу... И вот по этому поводу разрешите внести одно предложение: я считаю необходимым для всех нас изучить азбуку глухонемых, чтобы иметь возможность объясняться знаками, когда мы не сможем говорить.

— Вполне согласен с вами, — смеясь, возразил Моони, — но должен извиниться: об этом я своевременно не подумал поэтому такой азбуки на наших складах не имеется.

— Нет, вы не шутите, — продолжал доктор. — Я когда-то довольно бегло разговаривал на этом языке и кое-что до сих пор запомнил. Это совсем нетрудно. Кроме того, мы можем установить условные знаки для обозначения привычных предметов и действий. Я готов поручиться, что по прошествии трех дней все мы будем свободно обмениваться своими мыслями таким способом. Ну, вот, например, буква А, вот Б, — продолжал доктор, изображая эти буквы соответствующими знаками. Все присутствующие стали повторять знаки доктора, изображавшие различные буквы "глухонемого" алфавита.

— Оказывается, я все это помню настолько хорошо, что смело могу принять на себя роль учителя, — радовался доктор Бриэ. — Не странно ли в самом деле, что такого рода вещи могут сохраниться где-то в дальнем углу памяти, точно связка позабытых писем в ящике старого стола, а при первом требовании появляются в сознании в девственной неприкосновенности!

Ученики сразу усвоили объяснения доктора и теперь жестикулировали с таким усердием и старанием, что их нельзя было не похвалить за примерное прилежание. Мало того, случайно взглянув на Виржиля, Моони убедился, что он намерен изучать язык глухонемых; до сего времени Виржиль еще никогда не жестикулировал с таким волне-

нием и энергией, как в этот раз. Но вскоре молодой ученый заметил, что эти выразительные жесты, имели, по-видимому, какой-то иной смысл: стоя за спиною Гертруды, Виржилль, просто-напросто старался дать понять Моони, что имеет сообщить ему одну какую-то важную весть.

Под предлогом проверки каких-то песчаных часов, Моони тотчас же вышел из зала в верхнюю галерею, куда за ним немедленно последовал и Виржилль.

— Господин Моони, — прошептал он, — я должен вам сказать, что у нас здесь есть воры.

— Воры?.. Да ты совсем очумел, братец?!

— Нет, право слово. Я сейчас из буфетной: там все разграблено и раскидано: жестянки с консервами, бисквиты, сахар, кофе... Целые сотни килограммов украдены и унесены, как будто там была целая толпа арабов... Все это случилось, несомненно, в то время, когда все мы были там, внизу, у подошвы пика.

— Кто же это мог сделать? Ведь не сэр Когхилль, в самом деле...

— Ах, что вы! Да разве он мог унести все это? Нет, их было, по меньшей мере, пять-шесть человек — за это я готов поручиться, чем хотите... Я даже уверен, что сэр Когхилль вовсе сюда и не возвращался. Это не он хозяйничал там, за столом, а все те же воры.

— Почему ты так думаешь?

— Да, не станет сэр Когхилль так резать мясо и ветчину — целыми кусками. Хотя у него, конечно, прекрасный аппетит, но уж таких ломтей он резать не станет. Кроме того, ни прибор его, ни салфетка не тронуты... Нет, нет. Поверьте мне, сэр Когхилль совсем не возвращался... Хуже всего то, что эти воры утащили с собой не только съестные припасы, но также и оружие: мое ружье и ружье доктора исчезли бесследно.

— Ну, ладно, пока не говори никому ни слова об этом, а мы пойдем и посмотрим, что эти воры там натворили.

Глава IV

ПОИСКИ КОГХИЛЛЯ. ЕЩЕ ОДИН "ИЗГНАННИК ЗЕМЛИ"

Убедившись своими глазами, что Виржилль не преувеличивал, Моони послал его за доктором Бриэ, что-

бы вместе с ним обсудить это дело. Необходимо было поскорее узнать, кто были эти таинственные воры, а затем разыскать безвестно пропавшего Когхилля. Обсудив все это, все трое решили отправиться на поиски. Так как эта экспедиция могла быть сопряжена с большими опасностями, решено было Гертруду и Фатиму оставить в обсерватории под охраной достопочтенного Тирреля Смиса. Ему было приказано запереть все двери на ключ, держать оружие наготове и не впускать никого, предварительно не расспросив. Отдав необходимые распоряжения, трое мужчин одели респираторы и захватили с собой ружья, специально принесенные из арсенала.

— Откуда мы начнем наши поиски? — спросил доктор Бриэ.

— Мы сначала направимся к "Морю Ясности", — ответил Моони, — а потом...

— Море, вы сказали — "море", — радостно преврала Фатима, хлопая в ладоши от восторга. — Значит, можно будет выкупаться в нем, как мы это делали в Суакиме.

— Не спешите радоваться, милая моя Фатима, — разочаровал ее Моони, — в этом море, к сожалению, нет ни капли воды. Если бы наши цистерны не были наполнены водой, то мы умерли бы на луне от жажды, так как здесь нет ни капли воды.

— Но в таком случае почему же их называют морями? — спросила Гертруда.

— Потому, что первые астрономы, которые открыли их присутствие на луне, лет полтораста или двести тому назад, приняли за моря эти громадные песчаные пустыни. По своей форме и внешнему виду они, в телескопы, очень похожи на наши моря и океаны. Ну, мы пошли...

— А вы скоро вернетесь? Я боюсь, чтобы вас не застигла ночь. Теперь, вероятно, уже часов пять или шесть. Жалко, что все часы у нас стоят.

— Ну, об этом вы можете не беспокоиться. Ночь едва ли может застигнуть нас. Если только мои расчеты верны, то день здесь продолжится еще 264 часа.

— Неужели на луне бывают такие длинные дни? — удивилась Гертруда.

— Да, здесь день продолжается в среднем около четырнадцати суток: ведь лунный год имеет всего только двенадцать таких дней.

— Ну, а когда наступит ночь, она будет такой же длинной?

— Да, она будет также продолжаться четырнадцать суток и единственным нашим освещением в это время будет свет звезд... и еще свет Земли...

— Удивительно странный мир!

— Ничего особенно удивительного и странного в этом нет. Ведь и на земле в полярных странах бывают такие же длинные дни и ночи. Однако, нам пора идти! Надо же постараться отыскать Когхилля. Пойдемте, доктор. Виржил, все ли ты захватил с собой?

— Да, я взял все, что вы приказали.

— Ну хорошо, теперь вперед!

Наши исследователи быстро спустились к подошве пика Тэбали и вскоре очутились в долине, усеянной небольшими вулканами. Они прошли по ней, не останавливаясь, направляясь к юго-востоку, и достигли, наконец, громадной песчаной низменности.

Эта пустыня чрезвычайно походила во всех отношениях на Сахару, с тою только разницей, что на всем этом песчаном океане нигде не видно было ни одного оазиса. Солнечный свет здесь, вследствие отсутствия атмосферы, был еще ослепительнее и резче, чем в африканской пустыне.

Так как здесь никаких признаков присутствия Когхилля не было, Моони решил взобраться на гору, чтобы с высоты ее осмотреть все окружающее пространство: эта гора принадлежала к лунным Аппенинам.

По точным измерениям наших астрономов, некоторые из вершин этой горной цепи достигают не менее трех тысяч метров над уровнем "Моря Ясности", примыкая к нему на северо-востоке и уходя к западу. За полчаса наши спутники легко добрались до первых отрогов этих гор, представлявших собой давно потухшие вулканы. Все эти горы состояли из гигантских скал, громоздившихся уступами над кратерами.

Несмотря на легкость передвижения по поверхности луны, подъем на эти горы был делом довольно трудным. Постепенно взбираясь с уступов на уступы, они, наконец, достигли одной из вершин, с которой открывался обширный вид на расстоянии по меньшей мере около шестидесяти миль.

Но и здесь ни сильные бинокли, ни зрительные трубы

не открыли присутствия Когхилля: ничто не нарушало мертвенного однообразия безбрежной песчаной пустыни, окружавшей гору со всех сторон.

Моони хотел уже возвратиться в обсерваторию, но в это время он заметил какую-то пирамидальную скалу, гордо возвышавшуюся на небольшом расстоянии от него. Он обратил внимание на эту скалу потому, что она была очень заботливо поставлена и под ее основание были подложены камни, очевидно, для того, чтобы она не могла упасть. Подойдя к этой скале, Моони с улыбкой прочел нацарапанную на ней надпись на латинском языке:

sir Vycephalus Coqhill
Primus inter mortales
Lunae montes Appeninos adiit.
MDCCLXXXIV

— Ну, теперь все ясно! — со смехом написал Моони на записке, переданной Бриэ. — Когхилль покинул нас для того, чтобы увековечить здесь свое имя. Вернувшись в обсерваторию, мы, вероятно, уже застанем его дома и основательно выругаем за то, что он ради пустого тщеславия доставил нам столько беспокойства.

Не сомневаясь больше в действительной причине таинственного исчезновения Когхилля, Моони и его спутники двинулись в обратный путь. Приблизившись к пику Тэбали с противоположной стороны, они направились было вверх по тропинке, которая проходила мимо места погребения радамехского карлика. Но здесь их остановило совершенно неожиданное зрелище.

Камень, которым был завален вход в могилу Каддура, отделился, вероятно, во время катастрофы, вызвавшей перемещение пика Тэбали на луну, и теперь в углублении совершенно ясно было видно тело покойного карлика.

Моони и Виржилль инстинктивно отвернулись от этого зрелища и хотели уже приподнять камень, чтобы снова завалить им отверстие в скале. Но доктор подошел к телу карлика и принялся разглядывать его с чрезвычайным любопытством. Затем он вдруг нагнулся, взял руку покойника и стал присматриваться к большому красноватому пятну, являвшемуся, очевидно, следствием солнечного ожога.

Затем он поспешно достал из своего кармана за-

писную книжку и, торопливо написал на листке несколько слов:

— Припек солнца на труп... Нечто неслыханное. Это слишком невероятно даже и для луны! — передал листок Моони.

Последний с улыбкой прочел этот категорический протест врача против нарушения законов природы. Между тем, доктор достал из кармана свой стетоскоп, приложил его к груди покойника и стал внимательно слушать.

Но, увы... он забыл, что на луне не существует звуков. Вспомнив об этом, он сообразил, что отсутствие биения сердца еще не указывает на смерть. Тогда он обнажил грудь карлика и приложил ладонь к области сердца.

Несомненно, он не ошибся. Под рукой чувствовалась слабая пульсация, правда, едва приметная, но все же указывавшая на признаки жизни.

Обнаружив это, доктор прежде, чем Моони и Виржиль успели сообразить в чем дело, нагнулся, схватил тело карлика на руки и со всех ног помчался со своей ношей по дороге к обсерватории.

Его спутники точас же последовали за ним

Быстро пробежав через круглую залу обсерватории, мимо бессмысленно смотревшего на него Тирреля Смиса, Гертруды и Фатимы, доктор вбежал в свою комнату и уложил карлика на собственную кровать. Не теряя ни минуты, он начал сильно растирать все тело мнимого покойника жесткой платяной щеткой и производить искусственное дыхание, предварительно вытянув кончиком плоскозубых медицинских щипцов скрюченный язык своего странного пациента.

Моони и Виржиль, вошедшие вслед за доктором в его комнату, с любопытством следили за всеми его манипуляциями.

Вскоре, к их удивлению, радамехский карлик стал заметно оживать в руках доктора. Постепенно он стал дышать все глубже и глубже, конвульсивно вздрагивая всем телом под грубым прикосновением жесткой щетки. Потом он весь покраснел, как вареный рак, закашлялся и, наконец, чихнув, раскрыл глаза и слабым голосом прошептал по-французски:

— Пить...

— Пить? Ах, хитрец! — воскликнул обрадованный и сияющий доктор. — Он просит пить. Виржиль, дайте нам стаканчик доброго старого вина.

Норбер Моони положительно не верил своим глазам Радамехский карлик, которого все считали умершим уже более двух недель и которого черная гвардия так торжественно проводила в могилу, внезапно ожил и даже заговорил.

Доктор теперь был слишком занят и озабочен, чтобы к нему можно было обратиться с расспросами. Он снова стал растирать своего пациента, потом дал ему вдохнуть чистого кислорода и влил в горло с полрюмки крепкого коньяку. Затем сам он отхлебнул с добрые полстакана разом, утирая пот с лица и весьма довольный результатами своих трудов.

— Кажется, вы уже кончили свою операцию, — обратился к нему Моони. — Теперь скажите мне, с каких это пор вы научились возвращать жизнь трупам?

— Ничего таинственного здесь нет, — засмеялся доктор Бриэ. — Мы имеем перед собой самый обыкновенный случай каталепсии или летаргического сна, при чем интереснее всего, что эта каталепсия вызвана искусственными средствами. Мне уже давно было известно, что некоторые индийские факиры умеют достигать такого рода результатов, но я никогда еще не имел случая лично убедиться в этом. Именно поэтому я так и заинтересовался карликом. Ничего более благоприятного в этом отношении я не мог бы и пожелать... Ведь он считается покойником, по меньшей мере, уже целых две недели...

— Даже больше, если не ошибаюсь — отозвался Моони.

— Конечно, это сравнительно небольшой срок. Знаменитый цейлонский факир, которого наблюдал доктор Сиек, пробыл в земле шесть месяцев.

— Мне кажется, что быть зарытым шесть месяцев или две недели — почти одно и то же, — заметил Моони, — и оживление одинаково поразительно как в том, так и в другом случае... Но чем это можно объяснить?

— Чем вызывается произвольная каталепсия — я не знаю, но организм к ней готовится продолжительным упражнением. Эти факиры постепенно приучают себя посредством многих опытов к полнейшей неподвижности: они научаются сводить до минимума свою растрату жизненных сил.

Эти люди могут пробыть продолжительное время в ящике, почти герметически закупоренном, приучив себя

предварительно подолгу не дышать. Кроме того, они умеют действовать на себя посредством самовнушения и при помощи сокращения грудных мускулов регулировать деятельность своего сердца, по крайней мере, настолько, что его биение делается совершенно неуловимым для выслушивания. Затем, как вы, конечно, и сами знаете, они владеют секретом составления таких ядов, которые совершенно незнакомы нашей европейской химии и которые, очевидно, мгновенно производят такое действие, как например, мнимая смерть нашего карлика. В таком состоянии они проводят очень долгое время, пока их друзья или родственники не вырвут их и не возвратят снова к жизни.

Моони с живым любопытством слушал объяснения доктора Бриэ.

Между тем, совершенно пришедший в себя, карлик уставился широко раскрытыми глазами на доктора и с напряженным вниманием вслушивался в его объяснения, стараясь не проронить ни одного слова.

Заметив это, доктор прервал свою лекцию, чтобы его пациент не волновался после своего возвращения к жизни.

— Ну, что, милейший мой! — дружелюбно обратился он к карлику. — Теперь нам, по-видимому, много легче, не правда ли?.. Но смотри, дружище, не вздумай повторять более этих шуток. Виржилъ сейчас принесет тебе чашку крепкого бульона, реймский бисквит и полрюмочки старого бордо... А затем надо будет хорошенько выспаться, после чего ты будешь так же здоров, как я.

Наблюдая со стороны за приветливым и ласковым обращением доктора с этим зловредным существом, которое еще не так давно было на волосок от вполне заслуженной им смертной казни, можно было подумать, что карлик — его любимый пациент. Впрочем, это вполне понятно: такова сила профессионального чувства врача, всегда забывающего о моральных достоинствах или недостатках своего пациента.

Но под влиянием примера добродушного доктора Бриэ все обитатели обсерватории отнеслись к Каддuru так же приветливо, радушно и ласково, как и он. Все как будто совершенно забыли о старых злодеяниях и преступлениях карлика и видели в нем только товарища по несчастью, человека, волею судьбы, так же, как и они, ставшего "изгнанником земли".

Через несколько часов Каддур мог уже встать и пе-

рейти в верхнюю галерею, где для него раскинули походную кровать. Все спешили высказать ему свое участие и расположение: Моони предложил Каддуру часть своего белья; Гертруда принесла ему бульон, приготовленный под ее личным наблюдением; Фатима даже предложила карлику сыграть партию в шахматы, чтобы развлечь его, а добрый Виржилль, совершенно забыв, что этот человек едва не убил его, не переставал всячески ухаживать за ним.

Только один Тиррель Смис сохранял какую-то недоверчивую сдержанность по отношению к бедному карлику и, по-видимому, осуждал такое заботливое ухаживание других за этим уродцем, считая это совершенно неуместным и неприличным. Собственно говоря, ему ужасно не доставало присутствия сэра Когхилля, чтобы решить окончательно вопрос о том, как следует относиться к Каддуру. Если бы Когхилль, подобно всем оказал внимание карлику, Тиррель Смис, конечно, счел бы своим долгом в точности последовать его примеру, так как всякий образцовый камердинер всегда и во всем должен быть солидарен со своим господином. Но Когхилль отсутствовал, и Тиррель Смис поэтому решил впредь до выяснения его мнения на этот счет воздержаться от всякого рода проявления своих чувств.

Хотя Когхилля все еще не было и его отсутствие становилось все более и более необъяснимым, наши друзья, найдя его надпись на одной из вершин лунных Аппенин, уже более не беспокоились о нем.

Радамехский карлик сначала упорно молчал и с безучастным равнодушием относился к заботливому ухаживанию за собой. Одному только доктору удалось попасть к нему в милость, и когда он заговаривал с ним, угрюмый карлик был этим, по-видимому, очень доволен; на других же он не обращал никакого внимания: очевидно, он все еще относился недоверчиво к своим бывшим врагам.

Когда же он убедился, что это радушное отношение к нему вполне искренно, что ему простили все его прежние поступки и не смотрят на него, как на врага, то это до такой степени потрясло и растрогало его, что он, будучи не в силах сдержать себя, вдруг зарыдал, как ребенок.

С этого момента он совершенно изменил свое отношение ко всем и манеру держать себя.

Хотя он говорил очень мало и неохотно, но вместо прежней недоверчивости на его лице появилось выражение тихой грусти, почти кротости. Вероятно, первый раз

в жизни чувство ненависти и злобы к людям тяготило этого измученного, исстрадавшегося человека.

— Неужели, — казалось, говорил его взгляд, — на свете существуют не одни мучители и мученики, не одни победители и жертвы? Неужели существуют и добрые и незлопамятные люди, забывающие о мести и одинаково далекие как от подлости трусливого рабства, так и от надменности жестокого деспотизма...

Он чувствовал потребность загладить свою вину перед этими людьми, но все еще дичился их и отводил глаза в сторону, когда на него смотрели.

Моони и Гертруда, казалось, угадали то глубокое внутреннее перерождение, которое происходило в карлике, и еще бережнее и предупредительнее стали относиться к нему.

Обоих молодых людей страшно интересовало прошлое этого странного человека, но Каддур ни одним словом не обмолвился об этом, а они не считали себя в праве насильно врываться в его личную жизнь.

Глава V

ТАИНСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ КАДДУРА

Мало-помалу радамехский карлик стал общительнее. Правда, из всех окружающих только один доктор Бриэ умел заставлять его говорить, изредка добродушно подтрунивая над его фокусами.

Оставаясь наедине друг с другом, они подолгу беседовали, при чем доктор с удивлением обнаружил, что карлик обладает множеством научных знаний.

— Этот парень — настоящий "кладезь мудрости", живая энциклопедия! — восклицал каждый раз после разговора с ним доктор. — Физика, химия, физиология, математика, естественные науки, медицина, древние и новые языки, военное искусство — решительно все ему известно. Несколько раз хотел спросить я его, когда и где успел он приобрести такую бездну знаний, но мне почему-то неудобно расспрашивать его.

— Я вполне понимаю, что удерживает вас, дядя, — проговорила Гертруда, — вы, вероятно, говорите себе: я спас жизнь этому несчастному человеку, и он чувствует себя обязанным мне. Требовать же от него разоблачений его тайн было бы при таких условиях неприятно.

— Ну, да... Пожалуй, ты и права, моя милая... Но, с другой стороны, я сильно боюсь, что Каддур, если бы я решился спросить об этом, стал бы рассказывать мне такие басни, от которых можно стоя заснуть...

Несмотря на явную и резкую перемену, происшедшую в карлике, между ним и окружающими его людьми все еще чувствовалась какая-то преграда, мешавшая Каддuru высказаться со всей откровенностью.

Но однажды его тайна совершенно неожиданно открылась. Как-то раз Моони в присутствии Каддура упомянул об одной из низких проделок Вагнера, Гриффинса и Фогеля и при этом добавил со свойственным ему добродушием:

— Какое счастье право, что с нами нет этих каналов!

Услышав имена этих людей, Каддур сразу весь преобразился, и лицо его исказилось гневом. С минуту он колебался, но затем, собравшись с духом, обратился к Моони.

— Извините меня, господин Моони, если я позволю себе один вопрос...

Все невольно с удивлением взглянули на Каддура: за все время он никогда никого ни о чем не спрашивал.

— Сделайте одолжение, спрашивайте все, что хотите, — с готовностью отозвался Моони.

— Разве Питер Гриффинс и Игнатий Фогель не являются вашими друзьями?

— Конечно, нет. Эти господа никогда не были и не могут быть моими друзьями...

— Ах, вот как! — воскликнул Каддур, вскочив со своего стула. — Теперь я все понимаю. Так вот почему они через одного араба сообщили радамехскому могаддему о вашем намерении и выдали ему вашу тайну... Как я был ослеплен тогда, как мог я так глубоко заблуждаться...

Карлик все сильнее волновался и, по-видимому, с трудом сдерживал себя.

— А почему это вас так сильно удивляет? — в недоумении спросил Моони. Он, как все остальные, совершенно не мог понять, какие отношения связывали Каддура с тремя авантюристами, всячески старавшимися принести вред молодому ученому.

— Сейчас я расскажу вам об этих людях, и тогда вы все поймете! — воскликнул в волнении карлик. — Я должен рассказать вам, так как это — единственное мое оправдание за все то зло, которое я причинил

вам. Но разве я мог знать? Я был уверен, что они — ваши друзья, и злобная ненависть, которую я питал против них, обратилась и на всех вас. Одна мысль о том, что они — ваши друзья, заставляла меня до самого последнего времени относиться к вам недоверчиво...

— Разве вы знали Грифинса и Фогеля до встречи с ними на пике Тэбали? — прервал его излияния доктор Бриэ.

— Знал ли я этих преступников и негодяев?! — с горечью воскликнул карлик. — О, я их знал, слишком хорошо знал! Эти люди искалечили меня и лишили права на жизнь. В продолжении пятнадцати лет они меня подвергали самым ужасным пыткам и страданиям, чтобы сделать посмешищем для всех людей. О, с каким бы наслаждением отомстил я им за все те страдания, которые они мне причинили!

Несмотря на свою уродливую внешность, карлик внушал теперь всем слушателям скорее уважение, чем жалость. Все они с удивлением смотрели на Каддура, внимательно слушая его рассказ. С минуту он молчал, по-видимому, погружившись в тяжелые воспоминания своего таинственного прошлого; густые брови его сурово сдвинулись, а лоб избородили морщины. Потом он мрачно и угрюмо продолжал:

— Едва ли вам будет интересно услышать повесть о моей жизни. Боюсь, что страдания и мучения, которые мне пришлось пережить, вызовут в вас жалость ко мне, а это чувство для меня слишком оскорбительно, и...

Но все стали наперерыв выражать ему сочувствие и уверили карлика в том, что ими руководит не праздное любопытство, а непосредственный интерес к его личности. Увидев выражение живейшей симпатии к себе, карлик решился рассказать историю своей жизни.

— Вас, вероятно, удивит, — начал карлик, — что я являюсь вашим соотечественником. О моем детстве у меня сохранились лишь самые смутные воспоминания. Теперь я человек, не имеющий родины. Зовут меня Каддур, но когда я был маленьким ребенком, меня звали Шарль. Прежней своей фамилии я совсем не помню, да, кажется, никогда не знал и никогда не узнаю ее. Мою семью и место у родного очага, как бы убог и скромн он ни был, отняли у меня в самом раннем детстве. Лишь некоторые факты, каким-то

образом уцелевшие в моей памяти, случайно пойманные на лету слова, отрывки разговоров, над которыми я потом долго думал, даже самое знание французского языка, так легко мною усвоенного, — все это вместо взятого убеждает меня в том, что я француз.

Мне, вероятно, было года четыре или пять, когда меня похитили эти негодяи. Родители мои жили в то время, как мне помнится, в живописной деревушке и, вероятно, были скромными земледельцами. Однажды в нашу деревню приехал какой-то странствующий цирк, раскинувший невдалеке от нас свою громадную пеструю палатку. Родители повели меня на одно из представлений цирка. С того момента я ни о чем другом не мог думать, как только о забавных клоунах, блестящих наездниках, дрессированных собаках и красивых лошадях. В один злосчастный день, томимый непреодолимым желанием увидеть все это еще раз, я крадучись пробрался под пеструю холщевую стенку палатки, казавшуюся мне тогда оградой рая. Очутившись в этом раю, я с напряженным вниманием следил, как клоуны и канатные плясуны упаковывали различные принадлежности своего ремесла.

Вдруг чья-то тяжелая рука грузно опустилась на меня и придавила к земле. В то же время мне зажали рот и куда-то потащили. Я отбивался и плакал, но какой-то высокий, зверского вида, человек пригрозил мне смертью, и я, испугавшись, замолчал. Потом я заснул от усталости. Все это случилось много лет тому назад, но воспоминание об этом до сих пор совершенно отчетливо сохранилось в моей памяти.

Проснувшись, я увидел, что нахожусь в одном из передвижных домиков на колесах, которые так сильно возбуждали мое любопытство. С тех пор я против воли стал членом этой труппы странствующих балаганщиков и в течение долгих пятнадцати лет был покорной безответной вещью в руках владельцев цирка, зверски издевавшихся надо мной.

— А владельцами цирка были Фогель и Грифинс? — догадался доктор Бриэ.

— Совершенно правильно, — продолжал Каддур. — У этих негодяев был в то время карлик, являвшийся главной приманкой их цирка, но он внезапно захворал... Опасаясь, что он умрет и они таким образом лишатся главного источника своих доходов, эти изверги решили приготовить для себя искусственного кар-

лика, — и этим карликом должен был сделаться я! Они насильственным способом задержали мой рост, туго забинтовав все мое тело холщевыми бинтами и заключив меня на несколько лет в железные тиски. Само собою разумеется, что в таких условиях я не мог физически нормально развиваться; тело мое уродовалось, калечилось и с каждым годом становилось все более и более безобразным. Как видите, этот зверский опыт, заимствованный моими палачами у китаянок, которые таким же способом уродуют свои ноги, удался Гриффину и Фогелю как нельзя лучше. Конечно, на это потребовалось много времени, но они не торопились.

Когда через несколько лет их цель была достигнута, я под именем "генерала Миджи, бывшего главнокомандующего мирмидонов, султана Батавии", был выставлен на показ почтеннейшей публике или, попросту говоря, толпе праздных зевак.

Я не стану рассказывать вам о тех унижениях, оскорблениях и невыразимых душевных страданиях, которые мне приходилось ежедневно испытывать...

В течение нескольких лет мы изъездили все страны Европы, где на меня с величайшим удивлением смотрели толпы ротозеев. Искусственно приготовленный карлик оказался интереснее для публики, а главное — прибыльнее для моих истязателей, чем уродец, созданный самой природой.

За это время я научился яростно ненавидеть всех людей. Постоянные издевательства приводили меня в гнев, который, вероятно, придавал еще более смешной вид моему жалкому, искалеченному телу и возбуждал еще больший смех среди глазевших на меня зевак.

Довольно продолжительное время мое уродство давало приличный доход Гриффину и Фогелю. Вы, конечно, понимаете, что своими барышами, которыми мои мучители были целиком обязаны мне, они со мною не делились; наоборот, они все время держали меня, как редкого и опасного зверя, в тесной клетке, очевидно, опасаясь, чтобы я не убежал.

Наконец, их доходы стали мало-помалу уменьшаться; люди наглазелись вволю, и я перестал быть забавной новинкой. Тогда Гриффин и Фогель продали меня вице-королю Египта, который подарил своим детям забавного карлика, как игрушку.

С этого времени я больше не видал моих мучителей

до того дня, когда вдруг неожиданно встретился с ними вот в этой самой зале, на пике Тэбали, когда он был еще на земле...

Я прожил долгое время во дворце хедива, вместе с его детьми, как диковинный зверь, которого то били, то ласкали. Я сделался так называемым "терпи-горем" этих маленьких, злобных дикарей, всячески издевавшихся надо мною.

— А что это значит "терпи-горе"? — спросила с удивлением Гертруда.

— Вы не знаете, что это значит... — горько усмехнулся карлик. — Я сейчас вам объясню. При дворе хедива существовал такой же обычай, как и у средневековых королей. Когда его дети своим поведением и проделками заслуживают какое-нибудь наказание, то это наказание применялось ко мне. Конечно, все это было унижительно для меня, но я привык к побоям, привык к насмешкам и поруганию всей придворной челяди: ведь я испытал на своем веку и не такие еще горькие минуты.

Но зато здесь у меня было утешение: у хедива была огромная библиотека, и я мог заниматься. Кроме того, он выписывал для своих детей из Европы лучших учителей и воспитателей. Мне разрешено было присутствовать при их занятиях, и я с жадностью ловил каждое слово. Благодаря этому я изучил историю, физику и естественные науки, математику, философию и языки. Мне, конечно, приходилось тщательно скрывать эти знания, иначе меня неминуемо изгнали бы из класса; я все это таил, но в душе радовался, что хедив, сам не подозревая того, дает мне в руки оружие, с помощью которого я смогу со временем отплатить ему за свое унижительное рабство.

Чем больше накапливал я знаний, тем сильнее овладевало мною чувство злобы и ненависти к людям. Я уже жаждал отомстить не только виновникам всех моих несчастий, а всем людям вообще, независимо от того, виновны ли они передо мною. Я возненавидел все человечество и мечтал о том, что буду издеваться над людьми, как они издевались и глумились надо мной и моим уродством. Воображение рисовало мне соблазнительные картины силы и власти, которые я со временем приобрету над людьми, благодаря науке.

В это время в Египте готовилось восстание Араби-паши. Мне удалось бежать из дворца хедива, и

я предложил паше свои услуги. Вскоре я приобрел сильное влияние на него, и он беспрекословно исполнял все мои советы и указания. Но один из его приближенных был подкуплен англичанами, и благодаря его предательству, мы были побеждены. Пашу расстреляли, а меня сослали на остров Цейлон.

Но и здесь, к счастью, я нашел возможность еще больше расширить свои познания. Наше восстание ознаменовало меня на практике с военным делом, а, живя теперь в полном одиночестве в окрестностях Поэт-де-Галля, я сблизился с несколькими факирами, которые многому меня научили. Они посвятили меня в удивительные тайны, с помощью которых я мог стать всемогущим властелином над воображением восточных народов.

Тогда-то у меня и явилась мысль воспользоваться мусульманским национально-религиозным движением для создания моего будущего могущества. В то время это движение только лишь начинало зарождаться на берегах Верхнего Нила. Я бежал с Цейлона и очутился в окрестностях Суакима, где скоро сблизился с радамехским могаддемом. Благодаря мне, он приобрел громадное влияние на всех окрестных жителей и, нуждаясь в моей помощи, стал послушным орудием в моих руках. Узнав, что сила и влияние Махди растут с каждым днем, я решил сблизиться с ним и при его помощи осуществить свои тщеславные надежды на завоевание могущественной власти.

Вот в это-то время я случайно попал на Тэбали и встретился там с Грифинсом и Фогелем. Эта случайная встреча сразу изменила все мои планы и намерения. Прежде всего я решил отомстить своим мучителям и палачам, одновременно разрушив то колоссальное предприятие, в котором, как я был уверен, они были заинтересованы. Я стал внимательнее следить за всеми вами и воспользовался первым удобным случаем, чтобы захватить вас в плен. Обо всем остальном вы уже сами знаете. Верьте мне, я нисколько не жалею теперь о том, что мой план не удался. Я жалею лишь о том, что здесь нет настоящих виновников моих страданий и невольных моих преступлений и что я лишен, благодаря этому, возможности отомстить им за все пережитые мною мучения.

— Быть может, вы когда-нибудь еще встретите их на Земле! — воскликнул Моони, стараясь своим замечанием рассеять тяжелое впечатление, вызванное печальным рассказом карлика. — Ведь мы вовсе не намерены остаться

на луне до скончания веков и надеемся со временем снова возвратиться на родину.

— Да, кстати, — подхватил доктор, — нужно об этом позаботиться. Вы уверены, что нам удастся возвратиться на Землю?

— Все дело теперь заключается лишь в том, — ответил Моони, — чтобы снова привести в действие наши инсоляторы; часть их, как я уже успел заметить, пострадала во время катастрофы и их придется исправить. Кроме того, необходимо восстановить главнейшие части электрического механизма.

— Но в таком случае почему бы нам не приняться немедленно за дело?! — воскликнула Гертруда с нетерпением.

— Как! Вы уже соскучились здесь на луне?! — полуукоризненно, полушутливо спросил Моони.

— Нет, здесь слишком много необычайно интересного, но все-таки, если бы мне предстояло провести здесь всю свою жизнь, то, согласитесь сами, что я имела бы некоторое основание жаловаться на свою судьбу, — таким же тоном ответила молодая девушка.

— Что касается меня, — сказал Моони, — то, признаюсь, я охотно согласился бы прожить здесь год или два, чтобы произвести множество весьма важных и ценных исследований. Но не беспокойтесь, Гертруда, вам не грозит такая ужасная участь; даже при желании я не могу остаться здесь так долго, потому что на это время не хватит наших запасов воздуха и пищи. Однако, вы все же согласитесь, надеюсь, пробыть здесь одну лунную ночь.

— Одну лунную ночь? Это значит, по-земному, четырнадцать суток. Мрачная перспектива, но что же делать?.. Всем нам, волей-неволей, приходится покоряться вам, г. астроном, так как наша судьба в ваших руках.

— Нет, вы, пожалуйста, не думайте, что я, по собственному желанию и в своих интересах решил продлить срок нашего пребывания на луне. Я вовсе не такой коварный человек, который пользуется своей властью. Дело в том, что нам потребуется более двух недель, чтобы вновь установить и привести в действие все наши машины и аппараты. А в течение этого времени настанет ночь. Тогда, как вы сами отлично понимаете, наши инсоляторы не будут действовать и поэтому нам придется дожидаться возвращения солнца. Вот это-то и заставляет нас остаться на луне, по

крайней мере до следующего лунного дня. Я уже сделал точные вычисления; по моему расчету, мы имеем в своем распоряжении вполне достаточное количество воздуха, чтобы дожить до того времени, но лишь при условии не тратить даром столь драгоценный для нас воздух не зажигать никакого огня. Я говорю это, кстати, по адресу некоторых любителей курева, которые ради удовольствия выпустить через нос несколько струек синеватого дыма сжигают каждый раз по двадцати кубических метров воздуха... — При этом Моони бросил выразительный взгляд в сторону Тирреля Смиса и Виржиля.

Оба виновника непроизводительной растраты воздуха стыдливо опустили головы и обещали отказаться от курения; они даже не предполагали, что здесь, на луне, каждая трубочка обходится так дорого. Тиррель Смис, желая скрыть смущение, поспешил прибрать со стола и ушел на кухню с грудой тарелок.

Но едва он успел удалиться, как из кухни послышался шум бьющейся посуды, а через минуту злополучный Тиррель снова вернулся в залу. Он был бледен и дрожал всем телом, от страха едва держась на ногах.

— Воры! Воры — бормотал он. — Я видел... как один из них бежал... через окно, когда я... я вошел на кухню...

Глава VI

ЕЩЕ "ИЗГНАННИКИ ЗЕМЛИ". ПОХОЖДЕНИЕ КОГХИЛЛЯ

Моони, доктор Бриэ, Виржиль и Каддур тотчас же бросились в кухню, но там уже никого не было; даже самое окно было закрыто, очевидно, благодаря воздействию сильного тока воздуха, ударившего изнутри наружу.

— Ну, а как он выглядел, ваш вор, Тиррель? — спросил немного недоверчиво и насмешливо доктор Бриэ.

— Я видел только его спину, на котором висел ящик респиратора, а в остальном он показался мне самым обыкновенным человеком.

— Да, это удивительно правдоподобно! — воскликнул доктор Бриэ. — Самый обыкновенный человек на луне!

Это вам просто приснилось, Тиррель или, быть может, вы дольше обыкновенного беседовали с вашей возлюбленной бутылочкой портвейна.

— О-о, господин доктор! — возмущился идеальный слуга.— Как можете вы предполагать такие неприличные вещи?! Я сегодня с самого утра даже не понюхал портвейна.

— С самого утра? Но, ведь, здесь утро продолжается несколько дней!

— А вы с уверенностью можете сказать, что видели, как кто-то выскочил в окно? — прервал доктора Моони, обращаясь к Смису.

— Несомненно, сэр!—воскликнул Тиррель Смир.—Я готов засвидетельствовать это своей подписью в присутствии нотариуса.

— Ну, мы не будем утруждать вас этим, тем более, что здесь, насколько мне известно, не особенно много гг. нотариусов, — с напускной серьезностью произнес Моони. — Но дело это надо вывести на чистую воду. Мы должны немедленно вооружиться своими респираторами и ружьями и сделать основательный обход, вокруг обсерватории. Двое из вас отправятся со мною на розыски, а двое останутся охранять обсерваторию.

Решено было, что Виржил и Каддур отправятся с Моони, а доктор Бриэ и Тиррель Смир останутся в большой зале. Захватив оружие, снаряды и свои респираторы, они решили следовать тем же путем, каким убежал вор, т.е. через кухонное окно.

Окно это выходило на правую сторону солнечной площадки, где в свое время находилась тюрьма Каддура. Это помещение не имело прямого сообщения с главным зданием обсерватории и поэтому все забыли о нем и никто до сих пор его не осматривал.

Вспомнив о помещении, Моони решил, что там также должен быть небольшой запас воздуха, которым отнюдь не следует пренебрегать. Поэтому он направился прямо к дверям бывшей тюрьмы Каддура.

Но в тот момент, когда Моони нажал рукой дверную скобу, из круглого отверстия, проделанного в дверях, раздался выстрел прямо в упор. Пуля оцарапала ухо Моони, пролетела над головами его спутников и ударилась в каменную ограду, сбив при этом с ее вершины несколько камней и изрядное количество известки.

Инстинктивно прижавшись к стене, Моони знаком дал

понять своим товарищам, чтобы и они сделали то же самое. Предосторожность эта оказалась далеко не лишней. Едва успели они уйти таким образом из-под выстрелов неприятеля, как через несколько секунд из двери раздался один за другим еще два выстрела.

Виржиль решил не дожидаться больше, подскочил к двери и попытался высадить ее, но оказалось, что она была на запоре, и, кроме того, основательно забаррикадирована изнутри; взломать ее не было никакой возможности.

— Теперь нам остается только одно, — проговорил он шепотом: — перейдем за ограду и расположимся в растяжку на земляном валу. Оттуда мы можем стрелять прямо в окна.

Все последовали совету Виржиля и через пять минут взобрались на стену ограды по наружному земляному валу. Растянувшись здесь на сухой траве выжженного газона, они принялись стрелять из своих двуствольных ружей прямо в окна этого флигеля. Стрельбой руководил опытный в этом деле Виржиль.

Стекла и рамы вскоре разлетелись вдребезги, но никто не отвечал на их выстрелы.

Видя, что эта пальба ни к чему не приведет, Виржиль распорядился направить огонь на входную дверь.

После третьего залпа дверь эта разлетелась в щепки.

— Теперь на приступ! — скомандовал Виржиль, устремляясь к дверям, куда вслед за ним побежали Моони и Каддур.

Через минуту все трое стремительно ворвались в помещение, но здесь не было никого...

Люди исчезли, как будто испарились. Очевидно, они скрылись в смежную комнату и там искали спасения.

Наши друзья тотчас же открыли огонь по двери, ведущей в эту комнату.

Вскоре в бреши, проделанной выстрелами, показался навязанный на палочку белый носовой платок. Как на земле, так и на луне белый платок, очевидно, должен был означать желание осажденных приступить к переговорам.

— Перестань стрелять и разверни над головой свой платок, — приказал Моони Виржилю.

Когда это было исполнено, дверь отворилась, и на пороге ее показался высокий человек, которого наши при-

ятели всего меньше ожидали увидеть здесь: это был сэръ Когхилль.

Он так похудел, побледнел и осунулся, что его трудно было узнать.

— Неужели это вы встретили нас ружейным огнем?— удивленно воскликнул Моони.

Когхилль молча покачал отрицательно головой; по лицу его скользнула едва приметная грустная улыбка, а за его спиной послышалось:

— Мы желаем вступить в переговоры.

— Кто вы такие?—спросил Моони.

— Нас здесь трое. Мы—комиссары.

При этих словах радамехский карлик даже вскрикнул от радости. Правда, этот радостный крик больше похож был на рев дикого животного при виде жертвы, которая не может уйти от него, а Моони с крайним удивлением спросил:

— Каким же образом очутились вы здесь и почему вы вздумали стрелять в нас?

— Не все ли вам равно, как все это могло случиться. Скоро вы узнаете обо всем... Но, что же вы-то хотите от нас?

— Я требую, чтобы вы немедленно сдались.

— Мы согласны, но лишь на известных условиях.

— Какие там еще условия?

— Вы должны обеспечить нам жизнь, воздух и питание.

— Жизнь я охотно подарю вам,— сказал Моони,— но что касается воздуха и питания, то это дело другого рода. Здесь эти вещи слишком ценны, чтобы я мог взять на свое попечение трех таких шарлатанов, как вы.

— Ну, в таком случае, наш пленник должен будет расплатиться за это! — спокойно произнес Костерус Варнер.

— Какой пленник?

— Сэр Когхилль.

Между тем, Когхилль стал делать отчаянные знаки Моони, уговаривая его поскорее согласиться. Этого было вполне достаточно, чтобы заставить молодого ученого сейчас же принять решение.

— Слушайте,—сказал он, — вот вам мои условия: я дарю вам жизнь и обеспечу вас воздухом и пищей, но вы останетесь моим пленниками и будете жить безвыходно в том помещении, какое будет отведено для вас. При этом

вы будете работать наравне с другими и даже больше других.

— Согласны, — поспешили заявить три авантюриста.

— Тогда вручите нам свое оружие. Я гарантирую своим словом вашу безопасность.

В этот момент к его руке прикоснулся Каддур.

— О, господин Моони, отдайте их мне! — шептал он умоляющим голосом. — Отдайте их мне!

— Что вы хотите этим сказать? — с недоумением спросил молодой астроном.

— Отдайте этих мерзавцев, чтобы я мог отомстить им за их издевательства надо мной и поступить с ними так, как они заслуживают...

— Я сделал бы это очень охотно. Но вы сами слышали, что я дал им слово, и уже не в праве взять его обратно... Теперь я должен просить вас, чтобы и вы уважали данное мною обещание, — закончил Моони с особым ударением, заметив выражение жестокой ненависти, вспыхнувшее в глазах Каддура.

Вид трех "комиссаров" был, действительно, таков, что мог возбудить отвращение в ком угодно: бледные, исхудалые, с неподвижными, впалыми глазами, обросшие волосами и грязные—они производили весьма неприятное впечатление.

"Комиссары" вынесли из смежной комнаты свое оружие и патроны, которые были украдены ими несколько дней тому назад из обсерватории. Не говоря своим пленникам ни слова, Моони поручил Виржилю сделать все, что необходимо для них, затем вручил Каддуру возвращенное ими оружие и поспешил увести с собой измученного Когхилля. Несколько вдыханий чистого кислорода, хорошая ванна, приготовленная обрадованным Тиррелем Смисом, и стакан доброго старого испанского вина вскоре восстановили силы Когхилля, и он рассказал своим друзьям обо всем, что ему пришлось пережить за время его отсутствия.

— После того, как вы оставили меня одного там у входа в кратер Ретикус,— начал он свое повествование, обращаясь к Моони, — я принялся собирать камни, как вы мне сказали. Но это занятие вскоре наскучило мне, и я решил, что с помощью еще двух-трех товарищей можно будет закончить сбор камней в течение пяти минут, а до вашего прихода я хотел посетить лунные Аппенины, которые положительно манили меня к себе... Мне, как за-

взятому туристу, пришло в голову, что было бы весьма лестно стать первым из людей, посетившим эти горы. Я был уверен, что рассказ об этом должен произвести сильное впечатление на членов лондонского Travellers Club (клуб путешественников), если только мне суждено еще когда-нибудь вернуться в Лондон... Поэтому я решил взобраться на одну из ближайших вершин, воздвигнуть там маленькую скалу в качестве памятника и нацарапать на ней надпись. Исполнив свое желание, я хотел возвратиться обратно к кратеру Ретикус, но заблудился и пришел к пику Тэбали с другой стороны. Заметив наверху трех человек, я решил, что это вы, и пошел навстречу. Но, увидев меня, эти люди поспешили почему-то скрыться. Мне это показалось подозрительным, я пошел за ними и настиг их в круглой зале. Но там они втроем осилили меня и связали мне руки. Потом на моих глазах они вынесли из кладовой и магазинов съестные припасы и несколько респираторов, исчезновение которых вы, быть может, даже и не заметили...

— Нет, я отлично заметил, — прервал его Моони, — но позволил себе предположить что вы захватили их с собою. Но продолжайте...

— Вот как могут оклеветать человека!—воскликнул Когхиль смеясь. — Вернувшись в круглую залу со всеми украденными ими вещами, эти три негодяя заставили меня под угрозой смерти следовать за собой. Руки при этом были у меня связаны, а наш милейший Костерус Вагнер все время держал наготове свое ружье... Я не имел даже возможности ни крикнуть, ни позвать на помощь, так как в этой проклятой стране никакой звук не передается... Наконец, мы прибыли туда, где вы застали нас, и оставались там все это время. Я принужден был лежать в углу, связанный по рукам и по ногам, под угрозой смерти при малейшей попытке двинуться с места или произвести какой-нибудь шум.

Они все время не переставали измышлять различные планы и строить заговоры. По-видимому, главная цель их заключалась в том, чтобы напасть на вас во время сна и захватить в свои руки обсерваторию. Но, на свою беду, они не имели достаточного количества ружей и патронов. Поэтому-то Вагнер и пытался пробраться в кухню, рассчитывая, что ему удастся незаметно прокрасться в магазины и захватить оружие. Но в это время его и накрыли...

Только теперь Когхиль заметил среди своих друзей

радамехского карлика и с величайшим удивлением и даже страхом молча смотрел на него. Моони и доктор Бриэ должны были рассказать Когхиллю обо всем случившемся во время его отсутствия.

Между тем, Виржилъ по распоряжению Моони, занялся устройством трех "комиссаров". Им было предоставлено помещение, примыкавшее к внутренней галерее обсерватории. Воздух они получали, как и все, из воздушного колодца, а вода и пища доставлялись им в строго нормированном количестве. Кроме того, Моони составил для них специальное расписание работ, которые они должны были выполнять.

Но все-таки это увеличение потребителей воздуха и съестных припасов несколько беспокоило Моони, так как расстроило все его первоначальные расчеты. Количественное увеличение маленькой лунной колонии, при весьма скудных и ограниченных запасах предметов первой необходимости, неизбежно должно было сократить первоначально назначенный срок пребывания этой "колонии" на луне.

— Я рассчитывал, что нашего запаса воздуха будет вполне достаточно для восьми человек в продолжение двадцати двух суток,— сообщил своим друзьям Моони,— но теперь придется ограничиться всего шестнадцатью днями, так как число потребителей воздуха возросло у нас до одиннадцати пар легких. И то в последнее время нашего пребывания здесь нам придется заняться изготовлением кислорода.

— Вот вам еще новое основание, чтобы избавиться как можно скорее от этих негодяев, — обрадовался Каддур. — Дайте их мне, г. Моони. Вы этим сэкономите воздух для тех людей, которые на него имеют право, и вместе с тем избавите род людской от этих преступников.

Но Моони и слушать об этом не хотел.

— Простое чувство человечности, — сказал он,—не позволяет мне согласиться на вашу просьбу. Если вы хотите доказать мне вашу дружбу, прошу вас, не заговаривайте со мной больше об этом. Вы должны позабыть, что эти люди здесь, или же держать себя по отношению к ним, как я обещал им...

Каддур ничего не ответил на это, но по всему было ясно, что никакие увещания не заставят его отказаться от мести авантюристам за те страдания, которые они ему причинили...

ОТРЫВКИ ИЗ ДНЕВНИКА ГЕРТРУДЫ

“Сегодня исполнилось сто пятьдесят часов с тех пор, как мы находимся на луне, — это больше шести суток “по-земному”. Но я без труда поверила бы, что со времени нашего “отъезда” с земли прошло не шесть суток, а шесть недель или шесть месяцев.

Здесь положительно не знаешь, что думать и чему верить в этой удивительной стране, где все необычайно и невероятно для нас, жителей земного шара... День, который продолжается триста тридцать шесть часов, а потом такая же долгая и мрачная ночь. О, как надоело мне это ни на минуту не сходящее с черного, как смола, неба палящее солнце! Ничего не сделаешь—приходится платить кое-какими неудобствами за славу и удовольствие быть первыми людьми, посетившими луну.

Бедный папа, что он теперь делает в далеком, далеком Хартуме? Когда мы опять увидимся с ним? Он, вероятно, считает меня безвозвратно погибшей. Если бы он только знал, что его дочь совершенно спокойно проживает на луне...

Каждое утро, т. е. каждый раз, когда я пробуждаюсь после нескольких часов сна, в искусственном полумраке моей комнаты, я прежде всего вспоминаю о тебе, папочка.

Жизнь здесь так фантастична и неправдоподобна, что порою мне приходится укусь себе кончик пальца; только тогда я убеждаюсь, что все это не сон, а действительность, что я не брежу, а действительно живу.

Собственно говоря, мы здесь точно на судне в открытом море, но с тою разницей, что мы не можем выйти на палубу подышать свежим воздухом, если не считать того, что мы изредка прогуливаемся по верхней площадке и то лишь с этими респираторами. Когда я в первый раз вышла из обсерватории, меня очень забавляло, что мы дышим так, как обыкновенно пьют, — маленькими глоточками, и ходим не иначе, как скачками и прыжками, точно какие-то клоуны или стрекозы... Но в конце концов это становится скучным и надоедливым. Я с удовольствием мечтаю о свежем морском ветерке: ведь здесь никогда не бывает ветра.

Из всех нас только один Норбер не утомляется и

проводит целые дни на воздухе, или, вернее, без воздуха. Он ушел сегодня тотчас же после завтрака в новую экспедицию, чтобы осмотреть противоположное полушарие луны, которое совершенно неизвестно нашим астрономам, так как оно невидимо с земли. Не смешно ли, в самом деле, что луна обращена к нам всегда одной и той же стороной и никогда не показывает другой? Когда я спросила об этом Норбера, он объяснил мне, что луна, совершая вместе с землей свой ежегодный обход вокруг солнца, не вращается, как земля, вокруг своей оси. Она точно ребенок, который за руку с матерью обходя вокруг карусели, все время смотрит в центр на того человека, который приводит в движение эту карусель; седоки, конечно, будут по временам терять из вида ребенка, но когда они будут встречаться с ним, они увидят только его лицо.

Все мы хотели отправиться вместе с Норбером в его замечательную экспедицию, но он решительно отказал нам в этом, потому что — во-первых, это слишком далеко и утомительно; во-вторых, на противоположном полушарии в настоящее время страшный холод, и в-третьих, необходимо было бы захватить с собой двойной или даже тройной запас кислорода, если бы все мы отправились вместе с ним в эту экспедицию. Он отправился только вдвоем с Каддуrom и захватил с собой целый арсенал зрительных труб, биноклей и различных аппаратов, необходимых для всякого рода исследований.

Хотя ему придется пройти около трех тысяч километров туда и обратно, но он надеется возвратится через двое суток. Это пешком-то! Папа, наверное, недоверчиво рассмеялся бы над нелепыми расчетами Норбера, а между тем, это совершенно правильно. Здесь так легко двигаться, что, сделав в час восемьдесят километров, совсем не чувствуешь никакой усталости. Норбер надеется за двадцать часов, считая на отдых 2-3 часа, достигнуть противоположного полушария луны, пробыть там 6-8 часов и 20 часов потратить на обратный путь.

Бедный Когхилль начал уже поправляться после своего ужасного плена у этих трех негодяев. У него был такой жалкий вид после возвращения в обсерваторию, что даже спокойный и уравновешенный Тиррель Смес ужаснулся и воскликнул: "Вот до чего могут довести даже настоящего

джентльмена два дня, проведенных без "tub-tub" (ванны)!" Если бы папа увидел Когхилля в таком виде на земле, то он, конечно, немедленно подал ему двадцать сантимов, вежливо и любезно предупредив, чтобы он не вздумал пропивать эти деньги.

Но сейчас он, благодаря тщательным стараниям Тирреля, уже приобрел свой прежний элегантный вид и усердно преподает мне уроки английского языка, а я, в свою очередь, ежедневно занимаюсь с Фатимой. Она удивительно способная девочка и быстро усваивает все, что я ей говорю.

Фатима, например, гораздо быстрее меня изучила "глухонемой" язык, который с прежней настойчивостью продолжает преподавать нам дядя, и в совершенстве объясняется жестами.

По этому поводу Каддур вчера прочел нам целую лекцию о так называемой им "грамматике жестов". Он говорит, что существует всеобщий универсальный язык жестов и мимики, который, благодаря своей легкости и понятливости, может служить международным языком. Быть может, он прав, но все же мы почему-то не поверили ему и стали смеяться, а он обиделся. Тогда Норбер взял его с собой, чтобы утешить. Я полагаю, что Норбер вообще боится оставлять карлика с нами, так как опасается за жизнь Гриффинса, Фогеля, а заодно и Вагнера, к которым Каддур питает нестерпимую и непримиримую, прямо-таки зверскую ненависть.

Виржилль очень обиделся, что Норбер не взял его с собой, и увидел в этом явное нарушение своих прав. Напрасно, мы убеждали его в том, что, оставив его с нами, Норбер выказал по отношению к нему большое доверие; Виржилль никак не мог утешиться, пока Фатима с искренней обидой не заявила ему, что он страшно не любезен по отношению к дамам, если предпочитает общество Норбера нашему.

Виржилль по-прежнему является и здесь, на луне, не-оценимым работником. В настоящее время он руководит работами наших трех пленников по ремонту инсоляторов. Дядя и Норбер взяли на себя исправление всех электрических аппаратов, причем Норбер на этот раз никому не рассказывает о том, как осуществится наше возвращение на землю — очевидно, он боится какой-либо новой глупой проделки Тирреля Смиса. Я с Фатимой также ежедневно работаю по несколько часов над шиванием каких-то полос особой ткани.

Только Когхилль и его образцовый камердинер продолжают бездельничать, вероятно, для того, чтобы не отвыкнуть совсем от этого благородного занятия. Но Тиррель Смис, по крайней мере, варит нам превосходнейшие черепаховые супы из консервов и, следовательно, все же приносит пользу, а Когхилль даже этого не делает и заявил, что не намерен работать до возвращения на землю.

— Ну, а если бы я все же не водворил вас туда, что бы вы тогда стали делать?! — смеясь, спросил его накануне своего ухода Норбер.

При этом физиономия бедного Когхилля весьма заметно вытянулась. Ведь у него в данном положении есть только одно утешение, примиряющее его с нежелательным пребыванием на луне, — это надежда, вернувшись на землю, рассказать клубным приятелям обо всех пережитых им приключениях.

Собственно говоря, больше всех доволен нашим путешествием на луну Норбер. Он говорит, что охотно провел бы на луне два-три года, и ни о чем так не жалеет, как о предстоящем нам близком отправлении в обратный путь. Целые дни проводит он около своих телескопов, даже забыв совсем о моем присутствии здесь... Я не обижаюсь, но...

Четыре часа позже. Я прервала свои ежедневные записи потому, что ко мне пришел дядя и предложил прогуляться вместе с ним и Когхиллем. С первого же дня нашего пребывания на луне дядя задался целью открыть здесь хотя бы малейший признак растительности, какой-нибудь клочочек моху или чахлую былинку. Это, по его словам, было бы украшением его гербария, и он даже заранее придумал какое-то мудреное название для этого драгоценного растения, кажется, "*Brieta selensis*". Вся беда только в том, что до настоящего времени мы не нашли на луне ни малейшего признака какой бы то ни было растительности. Но дядя все еще не считает себя побежденным и каждый день продолжает свои упорные розыски.

Сегодня мы отправились к одному ущелью и при самом входе в него натолкнулись на громадные залежи каменного угля почти на самой поверхности земли, т. е., вернее, луны. Восхищенный таким богатством, Когхилль остановился и долгое время оставался в немом созерцании; вероятно, он вычислял, какую громадную ценность представляли бы эти залежи где-нибудь

в графстве Мидльсекс или в Ланкастере. Но так как ни меня, ни дядю эта оценка нисколько не интересовала, то мы отправились вперед с быстротой по меньшей мере шестидесяти километров в час, скачками по восьми и десяти метров, при самых забавных вольтажах в воздухе.

Вдруг дядя остановился, как вкопанный. Смотрю, он присаживается на корточки, достает из кармана свою лупу и долго внимательно разглядывает нечто вроде крошечной желтой цвели на громадном сине-голубом камне... Наконец, он вскочил на ноги в страшном волнении и знаком подозвал меня к себе, чтобы и я в свою очередь могла подивиться на это чудо.

Так вот каким образом делаются самые величайшие открытия!.. Знаменитая, долгожданная "Brieta" была, наконец, найдена!.. Жалкий, крошечный, чахлый мох, такой незаметный, что я, конечно, могла бы сто раз пройти мимо, не обратив на него ни малейшего внимания. Дядюшка положительно очарован, и я стала поздравлять его самыми выразительными жестами и взглядами.

После этого, думала я, мы благополучно двинемся дальше, но дядюшка, по-видимому, намеревался исследовать окрестность того камня, на котором росла замечательная "Brieta". Поэтому я знаками дала ему понять, что направляюсь к основанию ближайшей горы и на обратном пути зайду за ним.

Едва я успела обогнуть выступ небольшого отрога лунных Аппенин, скрывавшего вход в глубокую и темную долину, как очутилась перед громадной выбоиной в скале, очевидно искусственно пробитой здесь.

То, что я увидела перед собой, несомненно, было создано какими-то разумными и могучими существами... Передо мной открылась гигантская лестница, совершенно пропорциональная во всех своих частях, которая вела к величественному перистиллю из циклопических колонн, изваянных из цельного мрамора. Они были раза в четыре или пять выше и толще колонн знаменитого храма Святого Петра в Риме и поддерживались вместо фронтона самую вершиною горы.

Перистиль этот упирался в обнесенную каменной оградой площадь, раз в семь или восемь превосходившую Колизей. Все это сказочное здание было таких грандиозных размеров и производило такое величественное впечатление, что я, как очарованная, глядела

на него и не могла сдвинуться с места. Гигантские чудовища, изваянные прямо на скале, охраняли вход в ограду этого грандиозного здания, а стены были покрыты бесчисленными украшениями удивительно художественной работы.

“Кто мог воздвигнуть это гигантское здание, в сравнении с которым пирамиды фараонов являлись жалкими творениями пигмеев?” — мысленно спрашивала я себя, пораженная, подавленная, почти приведенная в ужас тем, что видела, не веря глазам своим, перед собою.

Я решила поскорее сообщить дяде о моем удивительном открытии. Как и следовало ожидать, я застала дядюшку все еще погруженным в созерцание единственного представителя растительного мира на лунной поверхности. С большим трудом удалось мне заставить дядю и Когхилля последовать за мной, но когда они увидели мое открытие, то их удивление и восхищение положительно не знало границ.

Дядя почти помешался от радости и стал порывисто обнимать и целовать меня, стараясь выразить при помощи самых красноречивых жестов всю важность нашего открытия. А потом, не имея терпения дожидаться нашего возвращения в обсерваторию, он с лихорадочным возбуждением вырвал листок из своей записной книжки и торопливо написал на нем:

“Дорогая Гертруда, ты открыла первый лунный памятник, сооруженный разумными существами. Это является несомненным доказательством того, что луна некогда была обитаемой...”

Дядя и Когхилль с восхищением рассматривали живопись, барельефы и всевозможные украшения на стенах этого дворца.

Теперь, конечно, можно было не сомневаться в том, что на луне, действительно, когда-то жили разумные существа.

Ведь для того, чтобы сложить египетские пирамиды, требовалось, как мне говорил папа, основательное знание математики, механики и др. прикладных наук; несомненно, что присутствие на луне этого гигантского сооружения, о размерах которого трудно составить себе даже приблизительное представление, указывало на высокую культуру вымерших обитателей луны. Этот мертвый в настоящее время мир некогда, быть может, пережил свою эпоху расцвета. И все это удалось от-

крыть мне, невежественному и глупому, в сущности, человеку. Папа теперь будет иметь полное право гордиться мною.

По возвращении в обсерваторию вся радость дяди по случаю находки "Brieta" исчезла. При более тщательном исследовании под микроскопом он убедился в абсолютной тождественности его "Brieta selensis" с точно такой же разновидностью моха на земном шаре, чрезвычайно часто встречающегося во всех полярных странах. Это новое открытие произвело на дядю крайне удручающее впечатление; его "Brieta" разом потеряла всю свою ценность. Напрасно я старалась его утешить: ведь это жалкое, маленькое растение все же, на мой взгляд, имело большое значение, так как оно являлось единственным представителем растительного мира на луне. Но дядя с искренним прискорбием заявил, что земные ботаники несомненно, будут утверждать, что этот мох случайно был занесен на луну вместе с нашей горой. Это, конечно, было бы признаком возмутительного недоверия, но дядя считает своих собратьев способными на все, когда дело идет об умалении значения какого-нибудь нового открытия"...

Глава VIII

ПУТЕШЕСТВИЕ МООНИ НА ТЕМНОЕ ПОЛУШАРИЕ ЛУНЫ

Снаряжаясь в свою дальнюю экспедицию на невидимое полушарие луны, Моони захватил с собою большой запас хлористого калия, чтобы при помощи солнечного тепла возобновлять, по мере надобности, запасы кислорода в респираторах. Кроме того, он "изобрел" шляпу-зонтик для предохранения от невероятной жары. Шляпа эта была снабжена особого рода широким, длинным козырьком, прикрывавшим затылок и сильно выдававшимся вперед в виде щита, из натянутого на палочки полотна. К этому щитку был прикреплен полотняный вуаль, в который были вставлены синие стекла, предохраняющие зрение от сильного света. Благодаря этим остроумным приспособлениям наши путешественники, нагруженные разными аппаратами и съестными припасами на двое-трое суток, могли беспрепятственно совершить в течение двадцати часов свой переход от кратера Ретикуса до противоположного полушария луны.

Если бы они были менее осторожны, то неминуемо погибли бы от солнечного удара. Жара, с трудом переносимая во время самой непродолжительной прогулки, становилась совершенно нестерпимой при далеком путешествии. Приспособившись к условиям путешествия в этой раскаленной солнцем глухой пустыне, они без всяких неприятных приключений благополучно добрались до своей цели.

В последнее время Моони и Каддур в совершенстве изучили "глухонемой язык" и теперь легко могли изъясняться посредством знаков.

По мере того, как они приближались к той стороне лунной поверхности, которая навсегда скрыта от обитателей земного шара, молодой ученый все больше и больше волновался.

— При одной мысли о том, что мы должны будем вскоре увидеть, — передал он своему спутнику посредством азбуки глухонемых, — у меня дрожь пробегает по телу... Подумайте только, Каддур, я увижу то, что еще до меня никто не видел и, не мог видеть...

— Разве это невидимое полушарие луны чем-либо резко отличается от того полушария, на котором находится наша обсерватория? — спросил Каддур.

— Может быть, они и тождественны, но ведь, меня интересует, главным образом, не поверхность луны, а вид неба, который нам представится с той стороны луны. Скоро вы сами увидите, какая это будет дивная картина... Все знакомые нам звезды и созвездия с особенной яркостью и резкостью будут видны на совершенно черном фоне ночного лунного неба.

Объясняясь посредством азбуки глухонемых, Моони, подстрекаемый искренним энтузиазмом молодого ученого, незаметно для самого себя ускорял шаг, т. е. стал прыгать на расстояние в сорок-пятьдесят метров; его маленький спутник лишь с большим трудом мог поспевать за ним.

Наконец, наши путешественники достигли довольно высокой горы, которая уже давно была видна на востоке. Едва успели они перейти через эту горную вершину, как солнце стало скрываться за горизонтом. Вскоре оно, как будто разом, скатилось и исчезло. Темнота наступила сразу, без малейшего перехода, и наши путешественники очутились во мраке глубокой ночи. В то же время они почувствовали такую резкую перемену температуры, что едва были в силах вынести

ее. Волей-неволей они должны были, как можно скорее, вернуться обратно на полушарие, освещенное солнцем. Укутавшись там во все теплое, они снова стали постепенно пробираться в "ночное" полушарие.

На абсолютно черном, как сажа, небе искрились мириады звезд, словно алмазная пыль на бархате. Благодаря отсутствию атмосферы эти звезды не мерцали, как на земле, и их особенно было удобно наблюдать, тем более, что они в течение трехсот пятидесяти часов стоят на месте, не изменяя своего положения. Ни малейшее облачко, ни малейшее колебание воздуха ни на секунду не могло помешать наблюдениям,

Моони уже собирался приготовить свой походный телескоп, но невыносимый холод почти совершенно парализовал его. Постепенно им стала овладевать непреодолимая сладкая сонливость, он уже с трудом вдыхал в себя кислород из респиратора и чувствовал, что в висках у него стучит, а голову стягивает и сжимает, точно ледяными тисками. Еще минута-другая, — и он мог замерзнуть...

С большим трудом, через силу преодолевая сонливость, он овладел собой и решил уже вернуться на другое полушарие, как вдруг увидел вдали на самой поверхности луны какое-то красноватое зарево. Судя по колеблющейся силе света, этот огонь можно было принять за один из тех вращающихся маяков, которые на морских побережьях Европы означают какую-либо скрытую опасность или удобное место стоянки для судов.

Быстро схватив Каддура за руку, как берут четырехлетнего ребенка, Моони бросился бежать, что было мочи по направлению к видневшемуся вдали свету.

Это быстрое движение вскоре согрело их обоих. В несколько минут они отмахали те три-четыре мили, которые отделяли их от огня. Когда они приблизились к огню, то увидели, что это был вулкан, крошечный, миниатюрный вулкан, кратер которого имел не более десяти метров в диаметре. Он как будто агонизировал среди множества других, уже потухших вулканов. Это была последняя, тлеющая искра, оставшаяся от громадного пожара, некогда свирепствовавшего в этой долине.

Как ни мал был этот крошечный вулкан, но он все-таки распространял вокруг себя довольно сильный жар, поистине неоценимый при тех условиях, в которых находились Моони и Каддур. Оба они с особенным удовольствием

тотчас же приютились на северном скате маленького кратера, точно на русской печке.

Вскоре они совсем отогрелись и с любопытством стали следить за миниатюрным вулканом, из которого вырывались по временам легкие облака пепла и дыма, освещенные отблеском угасавшего очага. Иногда же ощущался глухой подземный гул и рокот, который постепенно переходил в непрерывное клокотание и вдруг оканчивался взрывом; взрыв этот, конечно, не был слышен, но ощущался по толчкам и продолжительным колебаниям почвы. Обогревшись и отдохнув около вулкана, Моони решил исследовать окружающую местность. Пройдя всего несколько сажень, он у самого подножия вулкана вдруг заметил маленький гейзер, кипевший у основания столб воды поднимался на высоту не более метра, но во время взрывов он сразу достигал семи-восьми метров высоты.

Вода этого гейзера оказалась насыщенной серными остатками и была совершенно непригодной для питья, но все же это была вода, горячая вода, неоценимое сокровище на этой пустынной планете. Поэтому наши друзья решили переночевать у гейзера, условившись, как и прежде, спать по очереди и следить друг за другом.

Плотно поужинав и возобновив при помощи кипящей воды гейзера свои запасы кислорода в резервуарах респираторов, наши путешественники завернулись поплотнее в свои теплые одеяла, и карлик тотчас же уснул, а Моони все еще продолжал свои наблюдения. Потом они поменялись ролями. Проснувшись, Моони тотчас же установил свой походный телескоп и, не теряя времени, снова принялся изучать небесный свод.

Он прекрасно сознавал, что все наблюдения, какие он успеет произвести в короткий срок времени, оставшийся в его распоряжении, не могли иметь особенно важного значения, но он хотел все-таки воспользоваться теми преимуществами, которые представляло темное полушарие луны. Если бы в данный момент на черном лунном небе появилась какая-нибудь комета, он имел бы возможность вполне точно проследить ее путь через равные промежутки времени и на основании этого определить ее орбиту и вычислить ее эфемериду.

Но за отсутствием кометы Моони стал производить наблюдения над планетами.

Он начал с Марса. В телескопе с исключительной ясностью были видны моря, материки, полярные льды и две луны этой ближайшей к земле планеты. Затем он перевел телескоп на Венеру, особенно выделяющуюся на лунном небе своим исключительным ярким светом. Меркурия в этот час нельзя было видеть и поэтому Моони обратил все свое внимание на гигантского Юпитера, самую большую планету солнечной системы, имеющую четырех спутников, или четыре луны. Никогда еще эта громадная планета, превосходящая в 1.234 раза земной шар, не казалась ему такой величественной, как в этот раз.

Ни Урана, ни Нептуна отсюда нельзя было увидеть, и поэтому Моони, заранее предвкушая удовольствие, навел свой телескоп на Сатурн. Он долго не мог забыть того сильного впечатления, какое произвела на него эта планета в детстве. Тогда он впервые в своей жизни увидел ее в телескоп в одном общественном саду, в самый простой и немудреный телескоп... А теперь кольцо, опоясывающее Сатурн, представлялось ему совсем явственно. Он видел, что оно разделяется на три отдельных сегмента и состоит из нескольких концентрических колец. Совершенно ясно можно было различить на планете тень, которая падала от этого кольца. Моони все больше и больше увлекался своими наблюдениями. Какие замечательные открытия можно было бы здесь произвести! Углубившись в свои наблюдения, молодой ученый совершенно забыл о всем остальном, забыл даже о том, что он находится на луне.

Когда Каддур дернул его за рукав, он очень неохотно отвел глаза от телескопа и сразу... упал с небес на луну.

— Знаете, сколько времени вы уже здесь сидите? — спросил его знаками карлик, сопровождая свои жесты самой выразительной мимикой.

— Не знаю... с полчаса, вероятно... или немного больше...

— С полчаса?.. Нет-с, уже более четырех часов! Пора возвращаться назад. Ваши друзья, наверное, будут беспокоиться о вас.

— Да, вы правы. К сожалению, нужно идти назад. Соберем свои пожитки и двинемся в обратный путь...

Через двадцать часов наши путешественники, разбитые и усталые, но вполне довольные результатами

своей экспедиции, благополучно вернулись в обсерваторию.

Глава IX

ОСМОТР ЛУННОГО ДВОРЦА. ПАПИРУС. «СОЛНЦЕ, СЫН СЕВЕРНОГО СВЕТИЛА»

После продолжительного отдыха, восстановившего силы путешественников, Моони стал рассказывать друзьям о своих наблюдениях, сделанных на темном, невидимом с земли полушарии луны. Доктор Бриэ нетерпеливо слушал этот рассказ, горя желанием поскорее, сообщить Моони об удивительном открытии, сделанном Гертрудой. Молодой ученый страшно заинтересовался этим и решил немедленно же отправиться туда и исследовать этот замечательный лунный памятник древности. На этот раз его спутниками были Гертруда, Фатима и доктор Бриэ.

Войдя в "лунный дворец", Моони тотчас же обратил внимание на стенные рисунки, изображавшие лунное небо с двумя солнцами, — одним большим и другим обыкновенных размеров. Он сейчас же стал объяснять это знаками своим друзьям.

— Большое солнце, изображенное, здесь, — это наша земля в первичный период, когда она была еще раскаленным шаром. Это обстоятельство доказывает, что лунный дворец был построен несколько десятков тысячелетий тому назад — и это вполне понятно. Луна охладилась, и жизнь на ней возникла в то время, когда земля была еще раскаленным шаром. Дворец сохранился до настоящего времени потому, что он выстроен из исключительно прочных материалов и не подвергался разрушительному действию дождей, ветров и бурь. Заметьте, что дворец к тому же имеет форму гигантской пирамиды, сообщающей ему максимальную устойчивость.

— Обитатели луны, или селениты, как их следует называть, очевидно, прекрасно знали законы механики. На луне сила тяжести в шесть раз меньше, чем у нас на земле, а прочность и устойчивость зданий зависит от этой силы; поэтому на луне фундамент приходилось делать возможно шире и глубже. Вот почему этот дворец имеет форму пирамиды, т. е. форму горы или муравейника, который, несмотря на легкость сооружения, всегда может устоять против сильного ветра и даже бури. Этим объяс-

няется, что дворец уцелел до настоящего времени в течение тысячи веков.

В одной из стен залы, где находились наши друзья, они заметили громадную треугольную раму. Подойдя к ней, Моони с удивлением обнаружил, что эта рама представляет собой дверь, запирающуюся посредством нескольких узких и длинных пластинок, похожих на косточки веера. Отогнув без труда эти пластинки, Моони отворил снизу вверх диковинную дверь и вместе со своим друзьями прошел в другую, такую же великолепную, как и первая, залу. Здесь было очень много мебели, также имевшей пирамидальную форму. Все предметы здесь имели громадные размеры, как будто они предназначались для гигантов, по величине не уступающих гигантским изображениям Будды в древних храмах индусов. Вскоре это предположение нашло себе подтверждение.

Осмотрев все достопримечательности второй залы, наши путешественники увидели другую дверь, совершенно подобную первой, и, отворив ее, вошли в следующую залу. Здесь им представилось поистине поразительное зрелище.

Посредине залы, пол которой был вымощен самоцветными резными камнями, возвышался катафалк огромных размеров. На его верхней площадке, к которой вели восемь или десять гигантских каменных уступов, покоилась в спящей позе человеческая фигура колоссальных размеров. Эта статуя была сделана из золота и имела в длину не менее десяти метров. Моони и его спутники решили взобраться наверх и осмотреть это замечательное произведение искусства вблизи. Но, едва они прикасались к какому-либо месту, как позолота под их руками тотчас же рассыпалась прахом.

Черты прекрасного лица исчезли, разлетевшись легкой золотистой пылью; вместо этого профиля, достойного резца Праксителя, глазам изумленных зрителей представился громадный человеческой череп совершенно невероятных размеров. Он, очевидно, окаменел и, благодаря этому, прекрасно сохранился.

— Да, это — скелет титана! — невольно воскликнул разговорчивый доктор Бриэ, совершенно забыв о том, что его не могут слышать.

Но, еще к большему удивлению всех путешественников, этот возглас вдруг повторило раза три-четыре эхо, гулко отозвавшееся под сводами огромной залы.

Значит здесь, в этой зале, каким-то чудом еще сохранился воздух.

Обрадовавшиеся этому открытию путешественники, убедившись, что воздух вполне пригоден для дыхания, скинули респираторы и стали оживленно обмениваться друг с другом своими впечатлениями.

— Скелет! Настоящий человеческий скелет! — еще раз воскликнул доктор Бриэ. — Да к тому же, совершенно невероятных размеров. Он имеет такую же длину, как скелет кита в парижском ботаническом саду, и покрыт тонким слоем золота. Теперь уже не может быть никаких сомнений в том, что луна когда-то была обитаема и что ее жители — селениты — были гигантского роста.

— Если не все, то во всяком случае тот скелет, который здесь находится, — возразила Гертруда, очень довольная тем, что имела возможность хоть на время сбросить свой респиратор.

— Нет, милая моя Гертруда! — произнес доктор. — Все они должны были быть высокого роста, потому что давление атмосферы на луне было в шесть раз меньше, чем на земле. И не только селениты, но растения и животные лунного мира неизбежно должны были достигать очень большого развития и роста, вследствие слабого давления атмосферы.

— Но скажите, дядя, почему этот скелет был покрыт позолотой? — спросила Гертруда.

— Очевидно, селениты же, как древние египтяне, бальзамировали своих покойников и облекали их тонким слоем золота. Когда я смотрю, как художественно выполнена эта работа, то все больше убеждаюсь, что селениты прибегали для этого к приемам гальванопластики. Но от времени все ткани трупа были разрушены, и остались лишь одни кости, которые селениты умели искусственным способом делать крепкими, как камни. Устояв против разрушительного влияния времени, эти кости остались опорой для тонкой, как папиросная бумага, золотой оболочки, сохранившей те идеально прекрасные формы, которые в свое время принадлежали этому селениту.

Моони уже собирался спуститься с высокого катафалка, как вдруг доктор заметил в правой руке мертвеца довольно большой сверток. Развернув его, доктор увидел лист бумаги, изготовленной из особого вида горного или каменного льна и испещренной какими-то непонятными письменами.

— Это должно быть самое интересное из всего, что мы здесь видели! — воскликнул он, поспешно спускаясь вниз.

Сгорая от нетерпения поскорее исследовать свой манускрипт, доктор стал тотчас же торопить всех обратно в обсерваторию. Уступив его просьбам, все направились в обратный путь, обмениваясь по дороге впечатлениями, пока присутствие воздуха позволяло разговаривать без помощи жестов.

— Этот воздух, сохранившийся в герметически закупоренном зале, очевидно, представляет собой обычную в свое время атмосферу луны,— заметил Моони.— Впоследствии эта атмосфера утратила содержащийся в ней кислород и, вследствие этого, стала непригодной для жизни. Я полагаю, что в настоящее время лунная атмосфера представляет собою более или менее чистый азот. Это предположение легко будет проверить. Как это мне до сих пор не приходило в голову? Ведь это чрезвычайно важно для нас!— воскликнул вдруг он, как будто неожиданно о чем-то вспомнил.

Вернувшись в обсерваторию, доктор Бриэ тотчас же принялся изучать свой папирус, а Моони отправился в лабораторию. Но после нескольких часов упорной работы и тщетных усилий разобрать эти письма, доктор принужден был, наконец, сознаться, что его старания не увенчались успехом.

После доктора за папирус взялся Каддур. Просидев над ним около четверти часа, карлик вдруг объявил, что он уже может прочесть одну фразу, а именно:

“Солнце, сын северного светила, заснул последним сном в 4 день девятого года 32-го цикла”.

Каддур объяснил, что знаки на лунном папирусе можно истолковать только, как ребус, и доктор, в конце концов, должен был с ним согласиться, удивляясь и восхищаясь находчивостью и остроумием карлика. Но, несмотря на это, доктор и Каддур даже совместными усилиями не могли разобрать больше ни слова.

Когда Моони вернулся в общую залу из своей химической лаборатории, в которой он провел несколько часов, его тотчас же посвятили в открытие Каддура.

— Я считаю,— проговорил он,— вполне вероятным толкование Каддура. Оно доказывает, что селениты охотно присваивали себе названия звезд и планет, а тот цикл, о котором, по мнению Каддура, упоминается в манускрипте, вероятно, является каким-то великим астрономическим циклом.

— Теперь скажу вам, в свою очередь, друзья, что я за это время тоже сделал важное открытие,— продолжал

Моони.— Как я и предполагал, атмосфера луны состоит, главным образом, из азота, с очень незначительной примесью кислорода, причем плотность азота здесь, как и следовало ожидать, равняется всего 0,162, т. е. одной шестой плотности этого самого газа в атмосфере земного шара. Наличием азота объясняется абсолютная сухость лунной атмосферы и ее исключительная прозрачность. Благодаря этому же азоту наш запас кислорода в респираторах дает нам возможность дышать в продолжение трех-четырех часов и даже более. Это объясняется тем, что пригодный для дыхания воздух должен состоять из 20-23 процентов кислорода и 77-75 процентов азота, и это соединение нашего кислорода с лунным азотом происходило у нас само собою благодаря тому, что наши полумаски не совсем плотно прилегают к лицу. Вот почему нашего запаса хватает нам на столько времени.

— Да, это, действительно, очень важно для нас!— воскликнул обрадованный этим открытием доктор.— Ведь это может сэкономить нам расходование кислорода...

— Совершенно правильно. Мы теперь можем быть уверены, что не будем иметь недостатка в воздухе, потому что лабораторным способом изготовим из нашего кислорода и лунного азота искусственный воздух, вполне пригодный для дыхания.

— Следовательно, вы вполне уверены, что лунная атмосфера некогда была совершенно однородна с земной,— не так ли?— спросил доктор Бриэ.

— Ведь мы убедились уже в этом, когда дышали воздухом, заключенным во дворце "Солнца, сына северного светила". Для меня несомненно, что жизнь, некогда существовавшая на луне, была вполне сходна с земной и прекратилась лишь благодаря исчезновению кислорода. Все вы, вероятно, заметили значительное преобладание железа во всех лунных скалах и горах. Все это железо сильно окислено, вследствие того, что и растительность, и минералы, и животные на луне в последнее время жадно поглощали кислород и в конце концов уже не находили его в достаточном для себя количестве в окружающей их атмосфере,— тогда жизнь сама собой должна была угаснуть.

Открытие Моони очень обрадовало всех обитателей обсерватории.

После обеда все, по предложению Моони, занялись работами по заготовлению тепла на время долгой лунной ночи. Для этого необходимо было при помощи инсоляторов

раскалить добела громадные камни и осколки скал, а затем зарыть их в подполье обсерватории; только там могли они сохранить тепло, которое можно было использовать в холодное время.

Кроме того, необходимо было возобновить запасы кислорода для очищения того воздуха, который находился в кратере; в последнее время этот воздух стал заметно разрежаться, и необходимо было насытить его свежим кислородом.

С этой целью были проверены сохранившиеся еще в складах запасы хлористого калия; его оказалось 30 бочек, или 120.000 килограммов. Этого количества нашим "изгнанникам земли" было вполне достаточно для добывания кислорода, необходимого для дыхания одиннадцати человек в течение восемнадцати или двадцати суток. При этом для очищения воздуха в кратере было использовано самое простое и несложное приспособление: весь аппарат представлял собой громадный окисляющий ящик, через который проходил воздух, накачиваемый в жилые помещения обсерватории из подземного резервуара посредством самодействующего насоса.

На эти работы потребовалось около трех суток, по нашему, земному исчислению времени. В течение всего этого времени нельзя было предпринимать никаких продолжительных экскурсий, а приходилось довольствоваться лишь коротенькими гигиеническими прогулками вблизи обсерватории. Но теперь эти экскурсии уже были не так интересны. "Изгнанники земли" успели уже ознакомиться в главных чертах со специфическими особенностями луны. Доктор собрал целую коллекцию самых разнообразных образцов горных пород, но больше всего он гордился своим лунным папирусом, который надеялся прочесть до конца. Гертруда успела сделать наброски всего, что ей удалось видеть интересного и необычайного на луне, и аккуратно вела свой дневник.

Теперь наша маленькая колония должна была готовиться к долгой и однообразной лунной ночи. После нее с возвращением солнца можно было привести в действие все конические рефлекторы инсоляторов и пуститься в обратный путь — на свою родную планету.

Никому не было известно, какие новые опасности и приключения могли ожидать наших путешественников на этом неведомом пути. Как уже говорилось, Моони никому ничего не хотел рассказывать, чтобы на этот раз избежать неосторожности со стороны кого-либо из своих сотовари-

щей. Для приведения в действие своего главного, центрального аппарата он изобрел какой-то совершенно новый механизм, о котором никто из окружающих не имел ни малейшего представления. Только он один мог соединить все электрические токи и превратить пик Тэбали в чрезвычайно сильный магнит.

Остаток лунного дня, перед наступлением долгой ночи, наши "изгнанники" употребили на то, чтобы утвердить глубоко в почве верхней площадки высокие железные леса, поддерживавшие горизонтальную ось из полированной стали. На этой оси должен был повиснуть шелковый парашют громадных размеров, натянутый на металлический разборный остов. Под парашютом укреплен был большой челнок, в котором свободно могли поместиться все одиннадцать путешественников, чтобы завершить свое путешествие с луны на землю, когда они будут уже в достаточно близком от нее расстоянии.

Собственный вес их должен был в этом случае служить балластом для парашюта и вести его в том направлении, где находится центр притяжения. А горизонтальная ось, вращаясь на стойках лесов, должна была регулировать постепенное и незаметное изменение положения парашюта, по мере приближения пика Тэбали к земле. При помощи особого приспособления парашют был соединен с электрическим механизмом и должен был механически отделиться от лесов тотчас же после прекращения магнитного действия пика Тэбали. Подробности всей этой сложной системы Моони самым тщательным образом уже давно рассчитал и проверил. Все необходимые для этого материалы были в его распоряжении, и теперь успех предприятия всецело зависел от усердия "изгнанников земли", в котором, конечно, не было недостатка.

Глава X

СОЛНЕЧНОЕ ЗАТМЕНИЕ НА ЛУНЕ. ЛУННАЯ НОЧЬ. ЗЕМЛЯ В РОЛИ ЛУНЫ

Работая не меньше других "изгнанников земли" над приготовлением к переселению на родную планету, Моони вместе с тем находил время и для астрономических наблюдений. С особенным интересом и вниманием изучал он солнечные протуберанцы, которые были очень хорошо видны с луны.

При этом он заметил, что в ближайшее время должно наступить затмение солнца землею.

Он тотчас же сообщил об этом всем своим друзьям, чтобы и они, в свою очередь, могли полюбоваться этим зрелищем. Оно обещало быть особенно интересным, вследствие громадных размеров земного шара на лунном небе.

Вооружившись черными очками для предохранения зрения и кислородными респираторами, все разместились на верхней площадке пика Тэбали и приготовились к наблюдениям.

В телескоп было видно, как огромный черный диск земли, по мере приближения к солнцу, окрашивался по краям золотым ореолом. Когда солнце стало закрываться землею, ореол этот постепенно окружил со всех сторон круглый черный экран, каким представлялась нашим наблюдателям земля.

Когда солнце окончательно закрылось землей, вокруг последней продолжало светиться бледно-оранжевое сияние, окаймленное багрово-красным кольцом. При этом весь лунный пейзаж, потонувший в тени, окутался какой-то бурой дымкой, а вершины гор и кратеров все еще освещались нежными фиолетовыми блестками. Это была какая-то феерическая сказочная картина.

В продолжение нескольких минут наши наблюдатели, как очарованные, не могли оторваться от этого удивительного зрелища. Но так как затмение должно было продолжаться несколько часов, то, насладившись вдоволь своими наблюдениями, они решили вернуться в круглую залу обсерватории. Моони все же успел произвести несколько фотографических снимков затмения и был этим очень доволен.

Вернувшись в обсерваторию, Моони, воспользовавшись свободным временем, призвал к себе Виржиля и стал подробно расспрашивать его о том, как ведут себя пленники. Виржиль сообщил, что они весьма послушны, но все же ленивы в работе и за всякое дело, даже самое пустячное, принимают крайне неохотно. Кроме того, они относятся весьма недоверчиво и подозрительно к обещанию Моони.

— Я не могу выбить у них из головы мысли о том, что вы, г. Моони, будто бы имеете намерение оставить их здесь, когда все мы отправимся в обратный путь — на землю. Напрасно я стараюсь убедить их, что вы исполните все свои обещания. Они, как видно, судят о вас по себе.

— Чтобы окончательно убедить их,— пошутил Моони,— ты можешь сказать им, Виржилъ, что я отнюдь не намерен избавить их от общественного суда и разбора их постыдных действий. Пусть они не воображают, что отделаются несколькими неделями заключения. Кроме того, передай им от моего имени, чтобы они не очень лентяйничали, потому что их усердие в работе будет зачтено им в заслугу и заставит меня быть снисходительнее к ним, несмотря на их преступления.

Все обитатели обсерватории деятельно занялись необходимыми приготовлениями к приближавшейся лунной ночи. Двадцать две бочки хлористого калия ушли на изготовление кислорода; оставшиеся восемь бочонков должны были обеспечить благополучное пребывание на луне до того момента, когда можно будет отправиться в обратный путь. Все инсоляторы были уже исправлены и установлены в полном порядке; оставалось окончить только некоторые работы по электротехнике, сшить отдельные части парашюта и, наконец, заклеить бумагой все щелки, скважины и отверстия дверей и окон, чтобы сберечь внутреннее тепло во время бесконечно длинной 354-часовой лунной ночи.

Вскоре солнце стало склоняться к западу и медленно спускаться за горы. Закат солнца на луне был менее живописен, чем на земле. Здесь не было того богатства красок, какие наблюдаются на земном небе благодаря преломлению лучей в атмосфере и присутствию облаков, отличающих разнообразными оттенками. Солнечный диск медленно в продолжение целого часа опускался под горизонт, пока, наконец, не скрылся совершенно. А потом сразу, без всякого перехода, все погрузилось во мрак.

Надо сказать, что ночь на видимой с земли половине луны не представляла собой того абсолютного мрака, какой Моони и Каддур встретили на другом полушарии луны. Здесь сразу наступил полумрак, в котором все предметы принимали какие-то таинственные и мягкие полутона. Это очень просто объяснялось тем, что темнота значительно смягчалась светом земли.

Гертруда подошла к одному из окон круглой залы обсерватории и стала любоваться уже знакомым ей лунным пейзажем при этом новом освещении. Теперь открывшийся из окна вид казался еще более фантастическим, чем при солнечном свете, когда она видела его в первый раз.

Внизу у подножья Тэбали, точно стадо овец, столпи-

лись кратеры потухших вулканов, залитые, с одной стороны, мягким белым светом, а с другой — утопавшие в густой тени, точно окутанные черным бархатом. При этом мертвенном, холодном свете неподвижность всех окружающих предметов чувствовалась как-то особенно сильно. Нагнувшись к правой стороне окна, Гертруда увидела в западной части горизонта какое-то громадное светило; исходивший от него белесоватый свет напоминал отчасти тот бледный серебристый свет, какой льет на землю луна, но этот свет был гораздо сильнее.

— Неужели это наша земля? — спросила она у Моони.

— Разумеется! — ответил, улыбаясь, молодой ученый. — А почему это так удивляет вас?

— Меня поразила колоссальная величина. Ведь земля теперь приблизительно такой же величины, какой была луна на третьи сутки после того, как начался ваш опыт.

— И мы сейчас же воспользуемся этим. Если вы пройдете со мной в купол обсерватории, то я вам покажу даже отдельные страны на земле, в том числе и Африку, откуда мы с вами удрали на луну.

— Неужели это возможно?! Тогда, Фатима, дядя, пойдете поскорее!

Все они тотчас же направились в купол обсерватории, где находились самые сильные телескопы.

Вскоре Гертруда, расположившись в удобном кресле перед телескопом, с невыразимой радостью увидела в зрительном поле телескопа не только Африку, но и ту ее часть, которая омывается Красным морем, т.е. Судан. Ее глазам представилась немая карта, исполненная светлыми штрихами на фоне черных облаков, представлявших собой Атлантический и Индийский океаны.

— Как ясно и отчетливо обрисовывается каждая мельчайшая подробность! — восхищалась Гертруда. — Подумать только, что мой дорогой отец теперь находится там и убивается при мысли, что навсегда потерял свою дочь... Бедный папа... Мне теперь кажется, что я так близко! А я никогда еще не была так далеко... Я хоть знаю, где он находится, а он... Что может он думать теперь?.. Какой смертельной тревогой полна его душа?

— Скоро вы увидите вашего отца, — утешал ее Моони. — Пусть только окончится эта лунная ночь, солнце вернется и мы не пробудем здесь ни одной лишней минуты... Имейте терпение, Гертруда, и не падайте духом.

— Нет! нет.. я постараюсь быть мужественной,— сказала девушка, сделав над собой усилие и попытавшись улыбнуться.— Но, право, вы не можете себе представить, как мне больно от сознания, что мой бедный отец находится там один... Мне кажется, будто я умерла, и теперь смотрю на него из загробного мира... Никогда я еще не чувствовала так живо, какое громадное расстояние разделяет нас.

— Нельзя же, право, смотреть все только на Судан!— воскликнул, смеясь, доктор, желая развлечь ее.— Вот я там в уголке вижу другую прекрасную страну— нашу дорогую Францию... Право, она выглядит совсем недурно, плотно усевшись на Альпах и Пиринеях и обернувшись лицом к Атлантическому океану...

Гертруда взглянула на Францию, которую она тотчас же узнала. А вот и тонкая светлая полоска немного южнее, это — Италия. Там, повыше, над самой Францией, чуть-чуть левее, два крошечные пятна. Это Великобританские острова. Но потом она снова вернулась к Судану, и тогда Моони решил прибегнуть к другому средству, чтобы отвлечь любимую им девушку от ее мрачных мыслей.

— Я вам сейчас покажу нечто более интересное,— произнес он,— но это в другой стороне горизонта. Позвольте — я переведу телескоп.

С этими словами он стал наводить телескоп на созвездие Лебеда, горевшее яркими лучистыми огнями, как будто оно состояло из крупных бриллиантов.

— Присядьте, Гертруда, и посмотрите теперь в телескоп,— проговорил он через несколько минут, уступая ей свое место.

— Я вижу красную звездочку или вернее не красную, а оранжевую... величиной приблизительно с мандарин.

— Да, да, совершенно верно... А знаете вы, что это за звезда? Нет? Не догадываетесь? Ну, так я вам скажу: это ваша крестница и тезка!

— Моя звезда!...— радостно воскликнула Гертруда.

— Да, да, это планета "Гертрудия". Он шлет вам свое приветствие издалека.

— Это весьма любезно с ее стороны, и я очень, очень рада познакомиться с ней. Только моя крестница не особенно нравится мне.

— Да, размеры ее не из крупных: она в тысячу триста раз меньше земного шара, но положение ее прекрасно.

Она между Марсом и Юпитером, в обществе тысячи других своих сестер — так называемых телескопических планет, или астероидов.

— А как вы полагаете, обитаема она или нет? — спросила Гертруда.

— Об этом мне решительно ничего неизвестно. Неизвестно также, имеет ли она атмосферу, а геологическое строение ее весьма сходно с геологическим строением земли и Марса. Кроме того, я могу еще вам сообщить, что масса Гертрудии совсем ничтожна, и вследствие этого сила тяготения на ней еще слабее, чем на луне. Если бы, находясь на этой планете, вы подбросили вверх камень, то он исчез бы бесследно в пространстве, не возвратившись назад. Если бы там были люди, то они должны были бы достигнуть колоссального роста, даже выше, чем селениты.

— А во сколько раз они должны быть больше их?

— Раз в шестьдесят, примерно...

— В шестьдесят раз! — рассмеялась Гертруда. — Значит, почти около шестисот метров. Да это в десять раз выше башен Собора Парижской Богоматери.

— Нечего сказать, славный народец, черт возьми. С такими пареньками шутки плохи! — заметил доктор Бриэ.

— Нет, как хотите, Норбер, мне это совсем не нравится... Такие люди должны только безобразить мою маленькую планету; я бы предпочла, чтобы ее обитатели были пропорциональные своей планете и скорее походили бы на карликов, чем на великанов.

— Да, но что прикажете делать, таков закон вещей!.. Приходится с ним мириться. Если же вы непременно желаете видеть маленьких людей, то вам следует обратиться к величайшей из планет нашей солнечной системы — Юпитеру.

— Там, вероятно, люди не больше муравьев! — весело воскликнула Гертруда.

— Не только не больше, но, может быть, даже меньше, — просто микроскопические создания, какие-нибудь инфузории. А мы, попав туда, вероятно, совсем не могли бы ходить, чувствуя себя пригвожденными к почве, вследствие невероятной силы тяготения.

После этих наблюдений все вернулись в круглую залу, чтобы сесть за стол, так как это было обычное время завтрака.

— Мне кажется, что уже довольно холодно, — заметила Гертруда, давно отвыкшая от этого ощущения.

— Это не только тебе кажется, — подтвердил доктор. — Я готов поручиться, что в данный момент у нас уже два или три градуса ниже нуля. И, как я вижу, у сэра Когхилля даже зубы стучат.

— У меня? Что вы, доктор? — поспешно запротестовал Когхилль. — Знаете ли вы, любезный г. Бриэ, что я испытал холод почище этого. Я подымался на Мон-Блан в простой шерстяной куртке.

Одним из убеждений Когхилля, которым он весьма гордился, была уверенность в своей способности переносить всякую стужу и непогоду со стоическим презрением. Он не надевал теплого пальто даже в самую холодную зиму.

Правда, для того, чтобы иметь возможность безнаказанно выставлять напоказ эту мужественную выносливость и терпеливость, он, как и все англичане, с ног до головы укутывался в теплую фланель.

— От души поздравляю вас, дорогой Когхилль, с такой выносливостью! — с легким оттенком иронии сказал доктор Бриэ. — Что же касается меня, то я не могу похвастать такими свойствами и скромно признаюсь, что начинаю мерзнуть. Добрый камин и огонек были бы для меня в настоящее время весьма желанным добавлением к удобствам нашей жизни.

Едва успел доктор произнести эти слова, как нечто похожее на выстрел раздалось в глубине стены, за его спиной.

— Что это такое? — воскликнула с удивлением Гертруда.

— Это просто камень треснул от мороза, — сказал Моони, нимало не смущаясь. — Очевидно, мороз крепчает; какой-нибудь камень нашей обсерватории, несмотря на палящий жар лунного солнца, сохранил в себе немного сырости или влаги и теперь треснул от холода. К счастью, в нашей обсерватории очень мало таких камней, так как она состоит почти исключительно из пирита.

— Как бы там ни было, друзья, советую всем вам готовиться к изрядному холоду, — проговорил доктор. — Если уже час спустя после заката солнца мы дрогнем, то можете себе представить, что будет часов через двадцать или тридцать. Будем ли мы в состоянии выдержать этот страшный холод?

— В худшем случае, нам придется перекочевать на другое полушарие и там отогреться на солнышке, —

ответил Моони. — Но я надеюсь, что в этом не будет необходимости. Если судить по той температуре, какую мы с Каддуром наблюдали на том полушарии, то здесь нужно ожидать 30 или 35 градусов ниже нуля — это совсем не страшно и легко переносимо.

— Вы называете легко переносимым мороз в 30 или 35 градусов. Благодарю... Да вы, я вижу, верно, тоже из школы Когхилля! — воскликнул доктор Бриз. — Нет, воля ваша, а я предпочитаю теплые страны.

— Если я говорю, что температура эта выносима, то имею в виду, что при такой температуре можно жить нам, обитателям земного шара, где такого рода морозы бывают во многих странах. Кроме того, мы озаботились кое-какими предохранительными мерами на этот случай. Кстати, Виржилль, вырой из подвала один или два раскаленных камня, это согреет всех нас, а вы, Гертруда, сделали бы хорошо, если бы раскрыли свои сундучки и чемоданы и достали из них теплые шали, платки, бурнусы и тому подобные теплые вещи.

— К сожалению, у меня очень мало таких вещей; ведь в Суакиме и Хартуме они были совершенно не нужны.

— В таком случае, мы поищем чего-нибудь для вас и Фатимы в гардеробе сэра Когхилля или в моем и найдем какие-нибудь теплые плащи и пальто.

Между тем, Виржилль притащил в громадных медных тазах три огромных раскаленных инсолятора камня, с успехом заменивших хорошую печь. Зарытые в сухой горячий песок, они сохранили огромное количество тепла, которое теперь распространяли вокруг себя.

— Что за превосходная мысль! — воскликнул доктор. — Очень странно, что такой разумный практический прием до сих пор еще не нашел широкого применения среди народов холодных стран. Сколько людей мерзнут зимою, вследствие отсутствия или дороговизны топлива, а, ведь, они могли бы так же легко утилизировать солнечную теплоту.

— Люди и так пользуются этим теплом, — возразил Моони, — но только в виде дров, каменного угля и всякого другого топлива, которое, в сущности, представляет собою то же солнечное тепло, так сказать, в консервированном виде.

— Да, ваша правда, милый Норбер, — согласился

доктор, — но вы все же не станете отрицать, что солнечным теплом можно было бы пользоваться более непосредственным образом.

— Как видите, доктор, я был одним из первых, кто этим воспользовался, так как именно благодаря солнечному теплу мы с вами и переселились на луну.

— Ну, за это не стоит особенно благодарить солнце!

— Не беспокойтесь, оно сослужит нам еще и другую службу. Солнце вернет нас обратно на землю.

— О, тогда я воздам ему честь и славу и восхваляю его от всей души!

— Вот, кстати, вы упомянули о каменном угле, — заметил Когхилль, — а, ведь, здесь, на луне, есть целые залежи этого угля... Да еще какого — превосходнейшего антрацита. Почему бы нам не воспользоваться им?

— Да, я видел этот уголь, но... увы! огонь пожирает не только топливо, но и слишком много кислорода, а мы не имеем его в неограниченном количестве. Поэтому волей-неволей нам придется последовать вашему благому примеру и оставаться столь же нечувствительными к холоду, как и вы, — иронически закончил Моони.

Глава XI

АДСКИЙ МОРОЗ. МАЛЕНЬКИЙ ПРАЗДНИК. НОВОЕ ВОРОВСТВО

Ночь на луне незаметно ввела новые порядки в привычки обитателей обсерватории. Теперь все они большую часть времени проводили в круглой зале около очага, наполненного раскаленными камнями. Болтали и беседовали по целым часам, лишь бы убить поскорее время; иногда затевали оживленные подвижные игры или же всей компанией отправлялись на коротенькую прогулку по круговой площадке и совершали ее бегом, чтобы согреться. Но все же обитатели обсерватории страшно страдали от холода.

Напрасно они кутались во все, что только можно было надеть на себя, не исключая даже шелковых тканей; напрасно каждый из "изгнанников земли" придумал для себя странное одеяние из всего, что он только мог собрать и навьючить на себя; напрасно доктор изобрел особого рода

бумажную подкладку для своей одежды — ничего не помогало, а холод увеличивался чуть ли не с каждым часом, пока не достиг сорока градусов. Даже и Когхилль принужден был сознаться, в конце концов, что и у него зуб на зуб не попадает.

Лунный пейзаж почти не изменился и представлял собою при безжизненном свете земли ту же картину мрачного, заброшенного кладбища, что и при свете палящего солнца.

Только резко сверкавшие на черном небе яркие метеоры нарушали по временам удручающее однообразие этого пейзажа. А иногда на самом горизонте вдруг загоралось голубым или бледно-фиолетовым цветом северное сияние, которое здесь, на луне, было гораздо красивее, чем на земле.

При начале этих холодов доктор Бриэ очень беспокоился за Гертруду, вообще не отличавшуюся крепким здоровьем и предрасположенную к туберкулезу. Но, к его удивлению, Гертруда не только привыкла к этому морозу, но даже переносила его лучше и легче, чем остальные обитатели обсерватории. Очевидно, холод оказывал даже благоприятное влияние на нее, так как она чувствовала себя бодрее, чем когда-либо на земле.

Пользуясь этим подъемом, Гертруда вместе с Фатимой особенно усердно занималась шитьем. Обе они взяли на себя обязательство тщательно и крепко сшить при помощи шнурка отдельные полотнища шелковой ткани, предназначенной для парашюта.

Хотя в складах обсерватории находились уже совершенно готовые парашюты, но все они были небольших размеров, а Моони решил заменить их одним громадным парашютом, который мог бы выдержать всю маленькую колонию. Для этого нужно было скроить и сшить несколько огромных полотнищ. Хотя Гертруда и Фатима очень усердно работали, но они не справились бы с этой задачей в тот непродолжительный срок времени, какой был предоставлен в их распоряжение, если бы Виржиль не предложил им своей помощи.

Моони, доктор Бриэ и Каддур усердно занимались приведением в порядок электрических двигателей и машин.

Работая больше всех, Моони принужден был выгадывать на сне и отдыхе то время, которое он посвящал своим астрономическим наблюдениям; отказаться от них он не мог, несмотря ни на какую усталость.

И все же среди этой маленькой колонии невольных переселенцев с земли на луну он был больше всех доволен своей участью, потому что с луны он мог делать наблюдения совершенно недоступные для астрономов земного шара.

— Я был бы счастлив, — говорил он своим друзьям, — если бы мог пробыть здесь в течение пяти или шести лунных ночей.

— Ну, в таком случае останемся! — воскликнула Гертруда. — Я уверена, что все так же охотно, как я, принесут вам эту жертву.

— Я очень признателен вам за ваше предложение, но об осуществлении его нечего даже и думать. Время нашего пребывания здесь строго рассчитано и находится всецело в зависимости от запасов кислорода.

Среди всех этих забот и хлопот никто не забывал об "арестованных". Моони распорядился, чтобы и их помещение отапливалось раскаленными камнями. Кроме того, им были отправлены теплые вещи и сверх обычного пайка посылались два раза в день вино, горячий чай и ром.

Каждый раз, когда Моони чем-нибудь улучшал положение и условия жизни трех заключенных, это буквально приводило в бешенство Каддура. Он старался скрыть свой гнев из уважения к Моони, но не мог совладеть с собою и никакие уговоры не могли на него подействовать.

За исключением этого, мирно и спокойно проходила бесконечно длинная ночь на луне. По мере того, как холод усиливался, раскаленные камни, зарытые в подполье, постепенно теряли свой жар и почти перестали согревать большую залу. Наконец, настал момент, когда холод дошел до такой степени, что даже сам Когхилль запросил пощады.

— Я готов пожертвовать одним глазом, лишь бы мне обогреться у хорошего, жарко натопленного камина! — воскликнул он однажды, выходя из-за стола.

Этот возглас, так образно выразивший самое страстное желание всей маленькой колонии, заставил Моони пойти на уступки.

— Ну, что мне с вами делать? — произнес он. — Очень уж это неразумно... но, видно, придется позволить себе эту маленькую роскошь, хоть один раз. Зажжем огонь. Угля в долине достаточно. Пойдемте же добывать его.

Все сразу оживились, и через несколько минут в верхней галерее навалили на железные листы целую грудку угля под отверстием, проделанным в стене вместо дымовой трубы. Затем был разведен огонь и в продолжение двух

часов вся маленькая колония невольных обитателей луны с глубоким наслаждением поджаривала себя то с лица, то со спины, то с боков... Сварили горячего чая, приготовили чудный пунш, даже плясали на радостях вокруг огня. Это было полное торжество, настоящий праздник для бедных прозябших и продрогших "изгнанников земли".

— Мы безрассудно расточительны! — морализировал Моони. — Подумать только, мы сожгли ради удовольствия такое количество воздуха, которого было бы достаточно для всех нас на целые двадцать часов дыхания.

К счастью, однако, ночь подходила к концу. Последние часы в ожидании солнца особенно трудно было терпеть этот адский холод. Наконец, на востоке показалось долгожданное солнце.

Снова, без постепенного рассвета или утренней зари, на горизонте вынырнула узкая золотая кайма, за которой появилась маленькая частичка солнечного диска. Потом эта частичка стала заметно увеличиваться, выплывая из-за горы, и наконец солнце появилось во всей своей красе и залило горячим светом бесчисленные кратеры, низины и песчаные степи, на всем видимом пространстве. Снова на триста пятьдесят четыре часа настал жаркий, абсолютно безоблачный день.

— Ну, друзья, не будем терять времени, — проговорил Моони. — Хоть луна и очень гостеприимна, но пора на землю. Теперь уже немного осталось нам терпеть. Я сейчас же отправлюсь осмотреть все инсоляторы и машины, а Виржилъ и Каддур приведут их в действие. Через сорок восемь часов мы отправимся в обратное путешествие, ну а затем еще шесть с половиной суток и мы уже будем на месте...

— Почему же мы на этот раз пробудем на три часа дольше в пути, чем в первый раз? — спросил Когхилль.

— Потому, что тогда луна находилась в перигее, т.е. на более близком расстоянии от земли, чем теперь... Итак, за дело! Прежде всего мы должны возобновить запасы кислорода на эту последнюю неделю нашего пребывания на луне. Виржилъ, пойдешь и займись этим делом, а я осмотрю все машины и инсоляторы...

Доктор Бриэ, Гертруда и Когхилль отправились вместе с Моони. Всем им было особенно приятно после бесконечно длинной ночи снова увидеть яркое солнышко и погреться под его благотворными лучами...

Через двадцать минут они снова вернулись в об-

серваторию, где их с нетерпением ожидал Виржиль. Бедняга, очевидно, находился в страшно возбужденном состоянии.

— Ах, г. Моони... Какое ужасное несчастье! — воскликнул он.

— Что случилось?.. Какое несчастье?..

— Наш хлористый калий...

— Ну, что? Говори скорее! Что случилось с калием?

— У нас, ведь, оставалось в запасе целых восемь непочатых бочек... А теперь оказывается только одна...

— Как так одна? А где же остальные?

— Понятия не имею! Знаю только, что все бочки, кроме одной, пусты.

Моони не верил своим ушам. Это казалось совершенно невозможным и неправдоподобным. Он поспешил в склады обсерватории, где находился хлористый калий. Бочки стояли чинно в ряд в том порядке, в каком он оставил их четырнадцать земных дней тому назад, при наступлении лунной ночи. Но Виржиль оказался прав: все бочки, кроме одной, были пусты.

Моони ломал себе голову, куда же они могли исчезнуть. Неужели их украли арестованные авантюристы? Но, ведь, они все время находились взаперти и не могли выбраться из своей тюрьмы. И для чего было им это делать? Тогда — значит, Каддур. Но мысль об этом Моони с негодованием отвергнул.

Куда бы ни исчезли эти бочки, их необходимо во что бы то ни стало разыскать, потому что оставшейся одной бочки никак не могло хватить на изготовление необходимого запаса кислорода. А если не хватит кислорода, то все "изгнанники земли" неизбежно должны будут погибнуть от недостатка воздуха, как голуби под колоколом пневматической машины.

С тяжелым чувством вернулся Моони вместе с Виржилем в круглую залу и рассказал всем присутствующим о случившемся несчастье.

— Это, несомненно, сделали арестованные негодяи! — воскликнул Каддур и предложил немедленно отправиться в их комнату и сделать там самый тщательный обыск.

Доктор Бриэ и Когхиль поддержали его предложение, и все вместе отправились в "камеру" к арестантам, но, несмотря на самые тщательные розыски, пропавший калий нигде не был обнаружен. "Комиссары" с притворным удивлением следили за этим обыском и, узнав о его причинах

выразили даже свое соболезнование по поводу незаменимой пропажи.

Вернувшись снова в круглую залу, все стали думать, что предпринять.

— Ведь семь бочек — не иголка! — сказал Моони. — Не могли же они исчезнуть совершенно незаметно. Мы должны их найти. Придется еще раз осмотреть все здание обсерватории, круговую площадку, склады...

— Я уверен, что это — новая проделка Вагнера! — заявил Каддур, обращаясь к Моони. — Разрешите мне допросить его в вашем присутствии.

— Хорошо, вернемся в помещение заключенных, — согласился Моони.

Они отправились только вдвоем. По дороге Моони сказал карлику:

— Я все-таки не понимаю: если воры, действительно, наши заключенные, то каким образом могли они из своей тюрьмы пробраться в склады?

— Очень просто, — ответил карлик. — Воспользовавшись длинной лунной ночью, они пробрались в круглую залу через отверстие, откуда они получают воздух. Я ни минуты не сомневаюсь в том, что только они одни могли совершить это преступление, а они вполне способны на это.

— Но для чего же совершили они это воровство?

— Это мы скоро узнаем, — ответил карлик и, действительно, не ошибся.

На его расспросы Вагнер тотчас же признался, что виновники этой покражи являются он и его товарищи.

— Почему же вы раньше этого не сказали? — спросил его Моони.

— Потому что вы нас не спрашивали! — почти вызывающим тоном ответил негодяй.

— Вы, может быть, скажете, каким образом и для какой цели вы совершили этот проступок?

— Каким образом — это наша тайна, да и не все ли вам равно? Что же касается цели, то мне кажется, что вы должны сами понимать: нам надоело сидеть здесь как зверям в клетке. Мы требуем, чтобы нас выпустили, в конце концов, на свободу.

— Требовать вы ничего не в праве, — спокойно возразил Моони. — Если вы не согласитесь добровольно указать нам, где находятся похищенные вами бочки с калием, то я лишу вас воздуха и пищи. Рекомендую вам подумать об этом.

— Думать нам нечего. Мы лучше погибнем здесь в тюрьме, чем останемся на луне после того, как вы преспокойно возвратитесь на землю. Выбора у нас нет. Только после освобождения мы можем быть гарантированы в том, что вы не бросите нас на произвол судьбы. Если же вы приведете свою угрозу в исполнение, то не узнаете, где находятся спрятанные нами бочки...

— Довольно! — прервал его Моони. — Я не хочу больше вас слушать. Если бы вы вели себя, как честные люди, то добились бы гораздо большего, чем выставяя таким преступным способом свои ультиматумы.

С этими словами он и Каддур покинули комнату заключенных.

— Если мы не найдем украденных бочек, — задумчиво сказал Моони по дороге карлику, — придется уступить их требованиям. Как вы думаете, Каддур?

— Я принял бы предложение этих господ, а потом предал бы их смертной казни.

— Нет, этого я не сделаю, — решительно ответил Моони. — Я слишком дорожу своим словом. Несмотря на всю низость и подлость, если я дам им слово, то должен буду сдержать его.

— В таком случае, остается отыскать этот хлористый калий без помощи этих негодяев, — сердитым тоном проговорил карлик. — Я возьмусь за это.

— Я буду очень рад, если ваши старания увенчаются успехом.

Возвратившись в круглый зал, Каддур сейчас же вооружился респиратором и всеми необходимыми инструментами и отправился в путь. Через час он вернулся и торжественно объявил:

— Хлористый калий там, внизу, на дне кратера Ретикуса. Эти негодяи дотащили его в мешках до отверстия воздушного колодца и ссыпали туда.

Все страшно обрадовались этому сообщению. Каддур стал настаивать на том, чтобы воры были наказаны самым жестоким образом за совершенное ими преступление, и на этот раз карлика горячо поддержали все присутствовавшие.

— Эти негодяи постоянно грозят нам опасностью из-за угла, и мы просто в целях самозащиты должны избавиться от них, так как пока они живы мы ни в чем не можем быть гарантированы, — высказал свое предложение Когхилль. После него выступил Виржилль:

— Скажу по чести, г. Моони, я на своем веку видел,

как расстреливали не одного беднягу солдата за преступления, в десять раз меньшие, чем то, которое себе позволили эти люди... Воля ваша, а дисциплина дело важное. Во всем нужен порядок.

Моони уже готов был согласиться с общей волей, так решительно и единогласно высказанной, но в это время Гертруда, до сих пор не проронившая ни слова, встала и попросила разрешения ей высказаться.

— Дорогие друзья, — начала она, — не смущает ли вас мысль о том, что вы являетесь одновременно и судьями и обвинителями. Разрешите мне быть их защитницей. Хотя защищать этих преступников — очень неблагодарная задача, и я вовсе не собираюсь их оправдывать, но тем не менее должна сказать следующее. Если бы они совершили подобное преступление на земле, я уверена, никто бы не задумался покончить с ними, но здесь, на луне, — другое дело! Ведь, согласитесь сами, к вашему решению — предать смерти этих господ — хотя бы бессознательно примешивается и корыстная мысль о том, что после их смерти количество потребителей кислорода уменьшится на трех человек. Мне кажется, что одного этого соображения вполне достаточно, чтобы отказать от вашего решения. Согласны ли вы со мной?

Доктор Бриэ, а за ним и Моони поддержали предложение Гертруды, а потом к ним присоединился и Когхилль.

Только Каддур самым категорическим образом стал протестовать против этого, но Моони постарался утешить его тем, что теперь поручил ему вместе с Виржилем строго присматривать за заключенными. Оба они решили немедленно же уменьшить отверстие в стене помещения, через которое заключенные общались с обсерваторией, чтобы они не могли выходить из своей тюрьмы. Вместо этого большого отверстия они решили оставить только маленькую отдушину, достаточную лишь для подачи пищи.

Едва Виржилль и Каддур приступили к работе, как заключенные с большой тревогой стали следить за их приготовлениями. Заметив, что они собирают камни и заготавливают известь, Вагнер решил спросить:

— Неужели вы хотите замуровать нас живыми?

— Конечно! — совершенно спокойно ответил Виржилль. — Ведь у нас осталась всего только одна бочка хлористого калия. Вполне естественно, что мы хотим ее сохранить для себя.

— Но вам все равно не хватит одной бочки!

— А это уже не ваше дело! Вы о нас не беспокойтесь!

— Но, ведь, мы не уничтожили тех семи бочек и готовы указать вам, где они находятся, если только нас выпустят на свободу.

— В самом деле? — насмешливо отозвался Виржилль, продолжая разводить водою свою известку. — Ну, очень жаль, только нам вашего хлористого калия совсем не нужно.

— Однако, не хотите же вы, в самом деле, заставить нас задохнуться здесь! — воскликнул Фогель уже вне себя от страха.

— А вы что думали, когда крали наш калий? Или вы уже забыли об этом?

На этот раз все три негодяя, совершенно обезумевшие от ужаса, решили обратиться с мольбой о пощаде к Каддур.

— Послушайте, — обратился к нему умоляющим голосом Грифинс, — заступитесь вы за нас! Ведь не могут же предать нас такой жестокой казни.

— Почему вы думаете, что не могут? — невозмутимо спросил Каддур. — Ведь подобные вещи делаются на свете и вам об этом должно быть известно. Разве вы не слыхали о ребенке, которого два владельца странствующего балагана похитили из его семьи, затем замуровали в железные тиски на пятнадцать лет, чтобы не дать ему расти и развиваться, как всякому нормальному человеку, а сделать из него урод, чудовище, посмешище для зевак... Вам никогда не рассказывали этой истории? Тогда я могу вам, господин Вагнер, рассказать ее, потому что Грифинс и Фогель, конечно, прекрасно ее знают. А вы уже вспомнили меня? Да, это я — "Миджи, бывший главнокомандующий мирмидонов". Так, кажется, вы меня называли?

Каддур мог еще долго говорить на эту тему, но два негодяя в суеверном страхе и ужасе забились в угол и уже не слушали его. Точно привидение с земли, точно призрак их прошлой преступной жизни, внезапно явился искалеченный ими человек. Только один Вагнер с удивлением глядел на безобразного карлика, не понимая, отчего его друзья с таким ужасом отшатнулись от урда.

Каддур со злобным смехом наваливал друг на друга камни, которые Виржилль молча замазывал известкой. Вскоре от пролома в стене осталось лишь небольшое отверстие такой же величины, как окошечко в тюремных камерах.

ВПЕРЕД, К ЗЕМЛЕ! НОВОЕ ПРЕДАТЕЛЬСТВО ЭКС-КОМИССАРОВ. НА ПАРАШЮТЕ

Через четверть часа после того, как Каддур поверг своих бывших палачей и мучителей в такой смертельный страх и ужас, Виржилъ принес им пищу и успокоил авантюристов, объявив, что все их наказание будет заключаться в том, что они должны будут отправиться на дно кратера Ретикуса и перенести оттуда обратно в обсерваторию калий, который они похитили.

Все три негодяя с большой радостью подчинились этому приговору и с таким усердием принялись за дело, что в течение двенадцати часов исполнили возложенную на них задачу. А задача была не из легких: необходимо было совершить двадцать семь переходов туда и обратно для того, чтобы извлечь со дна кратера весь калий.

Когда это было сделано, Моони приступил к изготовлению кислорода и одновременно с этим привел в действие все машины и электрические аккумуляторы. Через сорок восемь часов, как совершенно точно рассчитал Моони, все необходимые приготовления были окончены. Теперь оставалось только привести в действие электрический ток, и приближение луны к земле должно было начаться немедленно.

За завтраком Моони объявил всем присутствующим, что все уже готово и теперь ничто не может помешать им пуститься в обратный путь. Потом он спокойно соединил провода — и электрический ток начал действовать.

— Ну, вот мы и в пути! — сказал он, взглянув на свой хронометр и делая какие-то заметки карандашом в записной книжке. — Ровно через сто пятьдесят часов и восемь минут мы прибудем на землю.

— На землю? А куда именно? — спросила Гертруда.

— В Судан! Вы довольны? Недаром я все последнее время так торопился. В данный момент земля обращена к нам именно этой стороной и к концу нашего путешествия мы спустимся в пустыню Байуда... Если бы мы опоздали всего на один час, то очутились бы на берегах Бенгальского залива или еще дальше, где-нибудь в Кохинхине.

— Если бы вы сказали мне об этом раньше, — пошутила Гертруда, — я бы попросила вас, чтобы мы опустились в Хартуме.

— О, я, конечно, с величайшей готовностью исполнил бы ваше желание, — тем же тоном ответил Моони, — но, к сожалению, для этого нам пришлось бы задержаться некоторое время на луне.

— И надолго?

— Приблизительно — лет на семнадцать...

Все весело засмеялись...

Между тем, в жизни обитателей обсерватории после "отъезда" с луны не произошло никакого изменения: ничто, казалось, не говорило о том, что наши путешественники уже находятся в пути.

Однако, подойдя перед сном к окну, они убедились, что даже простым глазом можно было видеть увеличение земного диска.

С этого момента не оставалось уже никаких сомнений: луна неудержимо стремилась вперед, вторично приближаясь к земле...

Три приятеля, заключенные в тюрьме, все еще не верили, что Моони возьмет их с собою на землю. Они все время так жалобно причитали, что Моони решил сам посетить их.

— До меня дошли слухи, — сказал он, входя в их помещение, — что вы считаете меня способным оставить вас на луне без воздуха и пищи. Поймите же вы, наконец, что я вовсе не для того подарил вам жизнь, уделяя часть нашей пищи и воздуха, чтобы, в конце концов, все же погубить вас. Если бы я захотел, я мог бы сделать это сразу. Нет, друзья мои, я сделал все это для того, чтобы, вернувшись на землю, предать вас в руки правосудия. Вы вернетесь в Судан вместе со мной. Правда, я не могу вам поручиться, что жизнь ваша там будет устлана розами и что вы будете кататься, как сыр в масле, но, во всяком случае, вы вернетесь на землю.

Заключенные выслушали эти слова в мрачном безмолвии, угрюмо глядя под ноги, и как будто несколько успокоились.

На четвертые сутки, считая по земному времени, земля представлялась обитателям обсерватории в виде громадного светлого шара, на котором материки вырисовывались желтоватыми пятнами, среди морей и океанов синевато-стального цвета.

При этом вращение земли вокруг оси было настолько заметно, что можно было даже невооруженным глазом видеть, как различные страны, появившиеся на западном

краю земного шара постепенно продвигались к востоку и затем скрывались из глаз наблюдателей.

В телескопе различные страны земного шара вырисовывались уже со всеми подробностями; можно было совершенно ясно различить на них горы, леса, моря, озера, а в полярных странах — льды и снега... Иногда тоненькой змейкой извивающаяся нить позволяла угадать Миссисипи или Амазонку; в крошечной точке, как на географической карте, можно было узнать какой-нибудь большой фабрично-промышленный центр. Особенно легко было узнать Париж по его местоположению и своеобразному очертанию. Отсюда он казался маленькой коричневой точкой, величиною с крыло мошки.

Но вскоре густые облака, скопившиеся, вероятно, под влиянием усилившегося притяжения луны, скрыли от глаз любопытных зрителей все эти подробности. Земной шар как будто утратил свои резкие очертания и окутался кружевной пеленой.

К концу пятых суток, т.е. по истечении 120 "земных часов", благодаря положению земли между солнцем и луною на последней наступил полнейший мрак, длившийся больше семи часов.

Когда солнце снова появилось где-то на самом краю лунного горизонта, облака, окутывавшие землю, как бы разорвались на мгновение, и в эту прореху Моони ясно увидел море, усеянное судами; это было Средиземное море. В телескоп ясно был виден не только рельеф побережья, но и острова.

Вскоре густая пелена облаков снова окутала землю.

Срок нисхождения луны к земле подходил к концу. Пора было позаботиться о последних приготовлениях к "приезду" на родную планету.

Моони при помощи доктора Бриэ, Виржиля и Каддура стал подымать парашют, чтобы приготовить его к спуску на землю. На уровне верхней галереи возвышалась железная арматура, надежно укрепленная в почве пика Тэбали. Она имела форму триумфальной арки, на которой вместо фронтона красовалась стальная полированная ось, легко и свободно вращавшаяся между двумя шарнирами. От этой оси спускался канат с прикрепленным к нему парашютом, вокруг которого змейкой обвивался тоненький электрический провод; последний сообщался с главным центральным двигателем, регулировавшим действие и силу магнита.

Горизонтальный нож или гильотинка, укрепленная на

высоте поднятой руки человека, была устроена так, что при легком нажатии приводящей ее в движение пружины она должна была перерезать и канат, на котором висел парашют, и электрический провод.

При этом одновременно парашют отделялся от своей арматуры, а магнитное действие скалы Тэбали мгновенно прекращалось. Но на этот раз секрет сложного механизма не был известен решительно никому, кроме самого Моони.

Парашют, сшитый Гертрудой и Фатимой из особой шелковой ткани, представлял собой круг, похожий на спортивную обтяжку огромного зонтика, натянутого на стальной остов. Остов этот был устроен таким образом, что его в любое время легко можно было разобрать и тем облегчить парашют, как только воздух окажется достаточно плотным для поддержания парашюта в надлежащем виде без помощи стальных пружин.

Корзинка, подвешенная на толстых, шелковых шнурах к краям парашюта, состояла из круглой деревянной платформы, имевшей два метра в диаметре. На этой платформе были приготовлены места для одиннадцати респираторов, которые должны были служить одновременно и табуретами.

Посредине платформы стояла корзина со съестными припасами, приготовленная специалистом по этим делам Тиррелем Смисом. Тут же находились барометр-анероид и термометр.

Когда солнце вновь скрылось за темным земным диском, наступила черная беспросветная ночь. На небе не виднелось ни одной бледной звездочки, да и самого неба не существовало, потому что земля заслонила собой все небо от обитателей пика Тэбали.

Все они собрались в большой круглой зале обсерватории вокруг стола, над которым горела одинокая электрическая лампочка, и молча ожидали, когда Моони подаст им знак садиться в корзину парашюта.

Все сознавали, что наступает решительный момент, который должен был окончиться спасением или окончательной гибелью. Тревожное, напряженное молчание царило в круглой зале.

Наконец Моони встал и совершенно спокойно произнес:

— Через тридцать восемь минут мы будем на земле! Пора садиться в корзинку парашюта.

Гертруда, Фатима и доктор Бриз, захватив с собой

респираторы, вышли на верхнюю галерею и спустились в корзинку парашюта. Проводив их, Моони вернулся в залу обсерватории и стал торопить Когхилля и Тирреля Смиса.

— Идите, идите поскорее! — сказал он. — Парашют уже начал заметно отклоняться от своего вертикального положения. Вы, Буцефал с Тиррелем, идите к парашюту, а я с Виржилем и Каддуром отправлюсь за нашими пленниками.

Когхилль и его образцовый камердинер поспешили на верхнюю галерею, а Моони направился в склад за респираторами для заключенных.

Но едва он вошел в круговую галерею обсерватории, как заметил в темноте какую-то тень; через несколько секунд он почувствовал довольно сильный удар по правому плечу. Почти в тот же момент несколько сильных рук схватили его поперек туловища, стараясь повалить на пол.

— А, вы хотели отправиться без нас?! — Но этому не бывать! — кричал над самым его ухом задыхающийся от бешенства и злобы Вагнер.

Отбиваясь изо всех сил от нападающих, Моони заметил, как две какие-то смутные тени отделились от стены.

— Каддур... Виржил... скорее ко мне! На помощь!

К счастью, Виржил и Каддур были поблизости; в одну секунду они очутились подле него и, сообразив, в чем дело, набросились на негодеев. Моони вскоре удалось справиться со своим противником, которого он схватил за горло и повалил на пол.

Между тем, Виржил ловким ударом кулака в живот повалил Грифинса, а Каддур схватил обеими руками Фогеля и сжал его с такой силой, что тот начал хрипеть.

— Ну, вот! Теперь все трое в наших руках! — воскликнул Виржил. — Канальи вы такие!.. Мы только пришли за вами, чтобы взять вас с собой, а вы ведете себя, как разбойники, нападающие из-за угла на безоружного человека, да еще втроем на одного..

Теперь нужно было решить, что делать с усмиренными бунтовщиками. Если бы победители имели при себе какое-либо оружие, то все расчеты с ними можно было бы разом покончить, но никакого оружия у них не было.

— Если вы, г. Моони и Каддур, придержите вот этого мерзавца, я живо сбегаю за веревками, — предложил Виржил.

С этими словами он схватил Гриффина и приволок его к тому месту, где стояли Моони и Каддур со своими пленными. Не выпуская их из рук, они ловко сумели придержать и третьего.

— Захвати с собой фонарь, Виржилъ. Да, главное, спеш: каждая минута дорога! — воскликнул ему вслед Моони.

Виржилъ мигом скрылся в складах обсерватории. Едва успел он выйти, как три злоумышленника тотчас же сделали попытку освободиться, надеясь, что им втроем удастся как-нибудь осилить двоих. Но они ошиблись в расчете: и Каддур, и Моони отличались вполне достаточной силой, чтобы попытка отставных комиссаров не увенчалась успехом.

— Еще одно движение, — и я придушу кого-либо из вас! — злобно крикнул карлик, сжимая в каждой руке шею одного из своих врагов.

Это было так убедительно, что никто из пленников не посмел уже шевелиться.

Через минуту Виржилъ вернулся с целой связкой крепких веревок, и вскоре все три злоумышленника были связаны по рукам и ногам, точно немецкие сосиски.

Они были так удручены постигшей их неудачей, что не издавали ни жалобы, ни стоны.

— Ну, а теперь живо за респираторами! — крикнул Моони. — Мы привяжем их им на грудь и таким образом потащим на парашют.

— Как?! — воскликнул изумленный Каддур. — Неужели вы и теперь хотите увезти их с собою?

— Они должны быть преданы настоящему суду, — спокойно ответил Моони. — Ну, Виржилъ, тащи сюда скорее респираторы: время дорого.

— Нет, это невозможно! — восклицал между тем Каддур. — Вы должны оставить их здесь! Никакой суд на земле не сможет воздать им должного за все их преступления.

В этот момент Виржилъ вернулся с респираторами и надел их на негодяев.

— Готово? Ну тащите этого! — сказал Моони, указывая на Гриффина.

Виржилъ подхватил его за плечи, но карлик не пошевелился.

— Если Каддур не хочет нам помочь, то мы с тобой вынесем его сами, — сказал Моони, нагибаясь, чтобы поднять связанного Гриффина за ноги.

Но карлик тотчас же бросился вперед и решительно загородил собою дверь.

— Люди эти не выйдут отсюда! — проговорил он решительно глухим голосом. — Я этого не хочу и не допущу.

— Каддур! Да в уме ли вы?..— крикнул Моони.— Я прошу вас подчиниться моему распоряжению.

— Нет! Пока я жив, вы не сделаете этого!..

— Что же, вы силой хотите воспрепятствовать?..

— Да, если это будет нужно!

Моони, не говоря ни слова, дал понять знаком Вир-жилю, чтобы тот опять подхватил под руки Гриффиса, а сам подхватил его за ноги, желая все-таки вынести к парашюту, но карлик снова загородил им дорогу.

— Мне тяжело и больно идти против вашего желания, господин Моони! — промолвил он с искренним огорчением. — Но я решил: пока я жив, эти люди не выйдут отсюда ни живыми, ни мертвыми, и решение это бесповоротно. Суд над ними принадлежит мне по праву, и право это не уступлю никакому другому суду.

Между тем, остальные путешественники, найдя себя в парашюте, начали тревожиться столь продолжительным отсутствием Моони. Доктор Бриэ снова поднялся из парашюта в галерею и крикнул:

— Где же вы запропали, Норбер? Пора бросить ваши прогулки с фонарями: наш парашют находится уже под углом в 25 градусов к поверхности луны...

Моони поспешно достал свой хронометр и поразился: прошло уже тридцать две минуты с тех пор, как он вернулся в обсерваторию.

— У нас остается всего шесть минут времени, — проговорил он. — Каддур, еще раз прошу вас не заставлять нас прибегать к насилию... Поймите, что вы всех нас подвергаете опасности. Поймите, что каждая секунда дорога...

Но карлик продолжал неподвижно стоять в дверях, скрестив на груди руки, с самым решительным и непреклонным видом.

— Идите, г. Моони, я вас не задерживаю, но эти люди останутся здесь! — упрямо твердил он.

Моони выбежал в круглую залу и взглянул на парашют. Положение его значительно изменилось. По отношению к поверхности луны он находился уже под углом не в двадцать пять, как говорил доктор Бриэ, а в тридцать пять градусов. Еще несколько минут, — и этот угол увеличится

до девяносто градусов, когда нужно будет перерезать канат и прервать электрический ток. С первого же взгляда он понял, что дальнейшее промедление грозит смертельной опасностью.

— Виржилъ... Каддур... — крикнул он, снова вбегая в верхнюю галерею, — нельзя терять ни мгновения!.. Бегите скорее к парашюту!

Выбежав из дверей обсерватории на площадку, Моони заметил, что за ним следует только Виржилъ. Тогда он бегом вернулся назад, чтобы позвать Каддура, но дверь верхней галереи оказалась запертою на ключ.

— Каддур! Каддур! — кричал он изо всех сил. — Идите же! Каждая секунда дорога!

Ответа не было. Ждать больше нельзя было ни мгновения...

— Каддур! Каддур! — крикнул еще раз Моони в отчаянии. — Идите... Я прощу вас, только идите!.. Я все забыл!..

Только эхо отвечало на крики Моони, а парашют, незаметно вращаясь вокруг своей оси, находился теперь в таком положении, что Моони только с большим трудом мог вскочить в корзину, спустившись вниз по канатам. Очутившись среди своих друзей, он взглянул еще раз на свой хронометр. Решительный момент наступил. Осталось еще две минуты...

Если за это время наши путешественники не успеют, отделившись от луны, вернуть ей полную свободу, то между луной и землей должно будет произойти такое страшное столкновение, при котором несчастный парашют неминуемо будет раздавлен сжатым воздухом...

Моони протянул руку к пружине, приводящей в действие гильотинку.

В этот момент на пороге обсерватории показался Каддур. Он держал высоко над головою электрический фонарь и освещал им площадку, как будто стараясь разглядеть парашют.

— Идите... идите... — казалось, говорили ему все, протягивая к нему руки.

Но Каддур грустно покачал головою и стал махать платком, прощаясь с нашими друзьями.

Моони нажал пружину гильотинки. В то же мгновение, без малейшего сотрясения, парашют плавно отделился от своей оси. Одновременно с этим искусственный магнит механически прекратил свое действие, и луна стала удаляться от земли. Прежде, чем наши путешественники ус-

пели понять, в чем дело, обсерватория и самый пик Тэбали уже скрылись у них из глаз, потонув в беспросветном мраке. Только глухой гул и отдаленные раскаты взрыва, доносившиеся до наших путников из глубины пространства, свидетельствовали о том, что это внезапное разлучение луны с землей не обошлось без катастрофы. А внизу, над землей, сверкали молнии, вздрагивая в облаках, клубившихся под парашютом.

Между тем, парашют так быстро приближался к земле, что барометр поднимался на целых два градуса в секунду... Но все же до земли еще было далеко: парашют еще не достиг воздушной оболочки земного шара.

Моони не уменьшал быстроты падения парашюта, желая поскорее достичь верхних слоев земной атмосферы. По его расчетам, они расстались с луною на высоте 20.000 метров над уровнем моря. Когда стрелка барометра стала указывать высоту 4.500 метров, на которой атмосфера уже достаточно плотна, Моони замедлил движение парашюта. Он привел в действие пружины, посредством которых совершалась разборка металлического остова парашюта; теперь некоторые части его могли быть выкинуты за борт, вследствие чего уменьшался груз самого парашюта.

— Ну-ка, Виржилъ! — проговорил Моони, снимая свой респиратор. — Давай сбрасывать лишний груз.

Услышав слова Моони, все стали отвязывать одну за другой составные части остова парашюта и сбрасывать их за борт. Падая несравненно быстрее, чем парашют, эти металлические предметы скоро бесследно исчезли в пространстве.

— Через несколько минут мы будем на земле! — торжественно объявил Моони, когда разборка остова парашюта была окончена.

Видя, что Моони свободно обходится без респиратора, все остальные также последовали его примеру и сняли свои респираторы.

Окружающий мрак сгущался.

Всех охватило крайне неприятное ощущение сырости и пронизывающего холода: очевидно, они вступали теперь в полосу облаков.

Со всех сторон их окружал такой густой туман, что на расстоянии одного аршина ничего не было видно, несмотря даже на электрический фонарь, свет которого заволакивался каким-то густым белым облаком.

Всех охватывало оцепенение, как будто они заживо

замерзали. Испытывая то же ощущение и желая приободрить всех, Моони сделал над собою усилие и заговорил.

— Еще несколько минут, — громко и почти весело произнес он, — и мы очутимся на земле. Надеюсь, это произойдет вполне благополучно, но первое наше прикосновение к земле будет сопровождаться довольно сильным толчком. Чтобы ослабить этот толчок, мы должны прежде всего выбросить за борт все бесполезные предметы, как например, кислородные резервуары и респираторы, которые нам теперь больше не нужны. Затем предупреждаю вас, друзья мои: когда настанет решительный момент, о котором я своевременно предупрежу вас, вы должны уцепиться руками за круг верхней части сетки и повиснуть на руках... Как вы полагаете, Гертруда, сможете ли вы удержаться на руках в течение нескольких секунд?

— Да, конечно, — ответила она. — Но я положительно не могу не думать об этих несчастных, которых мы оставили там... Ведь они неминуемо погибнут...

— Я сделал все возможное и даже невозможное, чтобы увезти их с собою, — проговорил Моони, — но все мои усилия разбились о непреклонную волю и упорство несчастного Каддура. Не мог же я пожертвовать жизнью всех нас...

— Но, скажите, чего же, собственно, хотел Каддур?

— Он требовал, чтобы мы оставили его врагов на луне, и силой воспротивился моему желанию увезти их с собою. Я не ожидал, что этот карлик способен проявить такое невероятное упорство и пожертвует собственной жизнью ради мести.

Парашют спускался все ниже и ниже. Все яснее и отчетливее видны были очертания отдельных предметов на земле. Вдруг поднялся довольно сильный ветер, который начал швырять парашют то в одну, то в другую сторону. Внимательно взглядевшись вниз, Моони начинал смутно различать крупные здания, холмы и т.д. Пошел мелкий дождичек, но путешественники, находившиеся под прикрытием парашюта, встретили его с радостью, как нечто такое, от чего все они давно уже успели отвыкнуть.

Ветер начал стихать, но дождь сделал шелковую ткань парашюта более тяжелой, и Моони заметил, что они стали спускаться что-то уж слишком быстро и стремительно. Тотчас же, по его распоряжению, из корзинки парашюта был выброшен всякий груз, в том числе и столь заботливо

припасенные Тиррелем съестные продукты. Движение парашюта, благодаря этому, значительно замедлилось.

Потом стало доноситься порывами горячее дыхание ветра с целыми тучами мелкого раскаленного песку, сразу высушившего парашют. Этим же ветром его стало относить к западу. Но тут корзинка парашюта за что-то задела и затем, медленно миновав это препятствие, поплыла дальше.

— Это — дерево!.. Мы сейчас задели за дерево! — воскликнул Моони. — Хватайтесь за веревки и старайтесь повиснуть на руках... Подымите ноги...

Довольно сильный толчок прервал его слова. Парашют коснулся земли. Все путешественники удержались на ногах, благодаря своевременному предупреждению Моони; только Тиррель Смирн полетел через голову за борт корзинки, вследствие чего парашют на мгновение слегка подпрыгнул.

— Ну, теперь выбирайтесь из парашюта. Смело становитесь на ноги, — крикнул Моони. — Мы на земле!

“Изгнанники земли” снова возвратились на родную планету.

Глава XIII

СНОВА НА ЗЕМЛЕ. НЕОЖИДАННАЯ НЕПРИЯТНОСТЬ

С трудом удалось нашим путешественникам выбраться из-под громадной пелены парашюта. К счастью, никто особенно не пострадал: у одного оказался легкий вывих, у другого зашиблена рука, Гертруда получила порядочную ссадину, а Фатима наставила себе фонарь на лбу.

Все, однако, испытывали странное, болезненное ощущение во всех членах и какую-то тяжесть, как будто к ногам их были привязаны гири по несколько пудов. Но вместе с этим неприятным и тяжелым физическим ощущением каждый испытывал радость при сознании, что снова находится на земле. Фатима, во всем страстная и экспансивная, выразила со свойственной ей наивностью свое чувство горячей любви к “матери-земле”: она порывисто бросилась на колени и, припав лицом к земле, поцеловала ее, воскликнув:

— Мать моя, родная, дорогая!..

И это была, действительно, единственная мать ее: та женщина, которую она когда-то, в раннем детстве, звала матерью, давно уже почилла вечным сном, и память о ней

сохранилась в душе Фатимы, как смутное воспоминание о чем-то далеком...

Доктор Бриэ, несмотря на легкое ошеломление, тотчас же пришел в себя и приступил к исполнению своих профессиональных обязанностей: он немедленно стал щупать первый попавшийся под руку пульс.

— Прекрасный пульс!.. — машинально промолвил он, даже не сознавая, чью руку он держит. — Ровный и полный, двадцать четыре пульсации... прекрасно! Как нельзя лучше! И впредь следует придерживаться простого здорового режима!..

— Эй, доктор! — смеясь, окликнул его Моони, — вот уже поистине можно сказать, что вы упали с луны.

— Упал с луны?.. Да, действительно... Так оно и есть! Но скажите мне, где же мы находимся в данный момент?

— Я охотно сообщил бы вам это, если бы знал сам... Полагаю, что мы находимся в Судане или, вероятнее всего, в Нубийской пустыне... Почва под нами песчаная, и благодаря этому наше падение было не так ощутительно, как я ожидал.

— Как бы там ни было, но все же мы, наконец, на коровьем паркете, — засмеялся доктор, — а это самое главное... Ну, а мы как себя чувствуем, Гертруда?

— Племянница ваша, г. доктор, чувствует себя прекрасно! — ответил за нее Моони.

— А вы, сэр Когхиль?

— Благодарю вас, вполне прилично.

— А Виржиль?

— Я цел и невредим, доктор, и весь к вашим услугам. Если желаете, я могу хоть снова прокатиться на луну.

— Молодцом! — весело воскликнул доктор. — От души поздравляю вас, Виржиль, с прибытием на землю... Ну, а Фатима как?.. А Тиррель Смес?.. Да где же Тиррель Смес?.. Что-то его не видать!..

— В самом деле, где же Тиррель? — вспомнил Когхиль, оглядываясь во все стороны. — Тиррель... Тиррель...

На призыв Когхилля как будто из-под земли раздался какой-то глухой стон. Темнота была кромешная и поэтому пришлось разыскивать без вести пропавшего наощупь. Наконец, Виржиль шагах в десяти от общего лагеря наткнулся на какой-то предмет, имевший много общего с образцовым камердинером сэра Когхилля.

— Эй, товарищ! Что вы такое делаете? — крикнул он, видя, что Тиррель молчаливо стоит в какой-то странной позе, согнувшись дугой и упираясь в землю головой и ногами.

— Я не знаю, где я... — отвечал какой-то замогильный голос, — у меня земля в глазах, во рту, в носу, в ушах... Мне так тяжело... Все тело нует и болит... Я наверное переломил себе руки и ноги... Ох!..

— Бросьте вы это, друг мой! — весело воскликнул Виржилль. — Вы просто ткнулись головой в песок, ну, что называется, редьку закопали. Да так вот и стоите!.. Встаньте, выпрямитесь, отряхнитесь и все пройдет. Уж не приняли ли вы Нубийскую пустыню за море. Тут, ведь, нырять неудобно...

С этими словами Виржилль поднял Тирреля Смиса и, поддерживая под руки, привел к тому месту, где расположились остальные путешественники.

— Ну, вот, вы теперь и сами видите, приятель, что вы еще не сломались, — шутил Виржилль.

— Ты где же был, Тиррель? — благодушно воскликнул Когхилль. — Я опасался, что ты собираешься лишить меня своей приятной компании. Ты разве не имеешь ни малейшего желания снова отправиться с нами на луну? Неужели ты отпустишь меня одного?

Бедный образцовый камердинер с трудом подавил возглас отвращения и ужаса при этом вопросе. Как? Неужели ему придется снова вернуться на эту отвратительную луну, которую он давно уже проклял в душе?.. Эта перспектива не только не улыбалась, — она была бы самым тяжелым ударом для обескураженного Тирреля Смиса. Но он еще никогда в своей жизни не погрешил против священных обязанностей примерного слуги и поэтому ответил:

— Я весь к вашим услугам, милорд!

Но Гертруда тотчас же успокоила его:

— Не беспокойтесь, Тиррель! Наше путешествие окончено, и если мы его повторим, то, во всяком случае, не так скоро... Сэр Когхилль шутит...

Образцовый камердинер вздохнул полной грудью, точно у него камень с плеч свалился, и, несказанно обрадованный этим сообщением, сейчас же возвратился к исполнению своих обязанностей:

— Если милорд чувствует аппетит, то смею доложить, что корзина со съестными припасами здесь и я могу сервировать стол, если вы пожелаете.

— Вот это самая умная мысль, какую кто-либо вы-

сказал здесь до сих пор! — воскликнул доктор Бриэ. — Право, мы не можем лучше отпраздновать наше возвращение на родную планету, как хорошим маленьким ужином.

Но Моони должен был разочаровать всех сообщением о том, что корзина уже давно была выкинута за борт парашюта.

Между тем, первые лучи дневного света стали появляться на востоке, и вскоре стало уже так светло, что наши путешественники могли рассмотреть, где они находятся. Парашют спустился в громадную песчаную равнину, усеянную высокими пальмами. С восточной стороны равнина была ограничена сплошной темной полосой зелени, очевидно, окаймлявшей берега какой-нибудь реки.

— Да это, наверное, Нил! — воскликнул Моони. — Прежде всего подкрепимся кокосовым молоком, а потом отправимся туда.

Виржилль тотчас же вскарабкался на пальму и стал сбрасывать вниз совершенно созревшие орехи. Проголодавшиеся путешественники с жадностью поглощали густое и вкусное молоко, от которого они уже успели отвыкнуть.

— Какое счастье, — воскликнула Гертруда, — что мы можем обойтись без этих надоедливых, противных респираторов.

— Так вы очень сердиты на них, — пошутил Моони. — А, ведь, без них мы теперь не были бы здесь.

— Ну, считайте меня и черствой, и неблагодарной, сколько вам угодно, — таким же тоном ответила молодая девушка, — а я все же скажу, что предпочитаю наш земной воздух самому лучшему, самому чистому кислороду, которым мы принуждены были пользоваться на луне.

Все остальные путешественники вполне согласились с ней и весело отправились к зеленеющей вдаль группе деревьев. Их движения были грузны и неуклюжи: за время пребывания на луне они успели отвыкнуть от своего земного веса и с трудом двигались вперед. Солнце уже поднялось высоко, когда они, измученные и усталые, опустились на траву на берегу желтовато-мутной реки.

— Да, это, несомненно, Нил... — заявил Моони. — Но где мы сейчас находимся? Вот в чем вопрос. Я полагаю, что мы немного ниже Бербера.

— И я так думаю, — сказал доктор Бриэ, — потому что здесь в реке не встречается ни растений, ни трав, образующих целые плавучие острова на Ниле вверх по течению от Бербера. Эти так называемые suda являются характерною особенностью Верхнего Нила.

— Сейчас мы узнаем это достоверно! — воскликнула Гертруда. — Я вижу вон там, вдали, черную точку, которая, по моему мнению, должна быть — “дахабиз”*.

Все посмотрели на север и, действительно, увидели на воде черную движущуюся точку.

— Вот оно что значит — глаза-то в двадцать три года! — воскликнул доктор. — А я ничего не вижу!

Между тем, “дахабиз” заметно приближалась, и вскоре Гертруда заявила, что она видит в ней каких-то людей в красных мундирах.

— Красные мундиры! — воскликнул Когхиль. — Неужели это английские солдаты?

— Ура, старая Англия! — вдруг заревел Тиррель Смис в порыве охватившего его патриотического чувства; но вслед за этой столь непривычной для него бурной манифестацией он снова погрузился в свою обычную апатию и индифферентность.

Вскоре все уже могли вполне ясно разглядеть длинную египетскую лодку, похожую на лады, изображенные на стеной живописи времен фараонов.

В ней, действительно, находились английские солдаты, которые подымались вверх по Нилу и производили рекогносцировку, внимательно изучая берега по обе стороны реки. Командующий этим отрядом офицер, заметив на правом берегу людей, которые знаками призывали его к себе, велел лодке подплыть к берегу и крикнул по-английски:

— Кто вы такие? Что вы здесь делаете? Откуда вы явились?

Когхиль хотел ответить английскому офицеру, но вдруг его невольно поразила мысль, что ответ его будет казаться нелепым.

— Ведь не могу же я сказать ему, друзья мои, что мы все только что свалились с луны, — прошептал он, невольно усмехаясь при этом.

---

* “Дахабиз” — длинная лодка с низкими бортами.

— Ну, что же?! Будете вы отвечать мне или нет?— с сердитым нетерпением крикнул английский офицер.

— Моя фамилия Когхилль, живу я в Лондоне на Керзон-Стрит, 29, — торжественно заявил Когхилль, — а эти гопода мои друзья... На ваш вопрос, откуда мы явились и что здесь делаем, извините, я, к сожалению, ничего не отвечу.

— В таком случае, чего же вы хотите от меня? — спросил офицер, видимо, недовольный ответом.

— Мы хотим только, чтобы вы были столь любезны и сказали нам, где мы теперь находимся и, если вы найдете это удобным, довели нас в вашу штаб-квартиру.

Офицер подозрительно посмотрел на странных людей, но, смягченный вежливым и любезным тоном Когхилля, ответил:

— Вы находитесь недалеко от Уади-Хальфа, а вашу просьбу я исполню, так как обязан это сделать по долгу службы, даже и в том случае, если бы вы и не просили меня.

Найдя подходящее место у берега, английский офицер приказал причалить; вместо мостика или трапа на берег были переброшены доски, по которым наши путешественники благополучно перебрались на судно.

Затем гребцам было отдано приказание немедленно повернуть обратно и плыть вниз по течению.

— Вы, вероятно, принадлежите к армии подкрепления?— спросил английского офицера самым развязным тоном Когхилль.

Офицер еще подозрительнее взглянул на всех путешественников.

— Почему это интересуется вас? — вдруг спросил он, строго и испытующе глядя на Когхилля. — Уж не тайный ли вы агент Махди?.. Откуда вы явились?.. Где ваши документы и бумаги?

— Документы? Бумаги?! Право у меня нет при себе никаких... — с недоумением ответил Когхилль, тем не менее, шаря с весьма растерянным видом во всех своих карманах. — Но у меня есть при себе визитная карточка,— вот она... возьмите...

— Визитная карточка? — промычал офицер. — Какое значение может иметь простая визитная карточка?.. Впрочем вы объясните все это в штаб-квартире!..

К счастью, плавание по Нилу продолжалось недолго, и наши путешественники вскоре прибыли в Уади-Хальфа, довольно большое, но грязное и жалкое селение у вторых порогов Нила. Англичане только что начали строить здесь свои укрепления, в которых через несколько месяцев с трудом укрылась запоздавшая злополучная экспедиция.

Доставив наших путешественников под конвоем в старую полуразвалившуюся казарму, их ввели в довольно большую залу первого этажа, где без дальнейших рассуждений и объяснений их заперли. Здесь они имели вполне достаточно времени для самых серьезных размышлений, так как в продолжение целых двух часов никто не вспомнил о них. Чем больше все они обсуждали те ответы, которые им придется давать на неизбежные вопросы представителей английской власти, тем больше убеждались, что было бы совершенно невозможно рассказать этим людям о своих лунных приключениях. Поэтому они решили сказать, что прибыли сюда на воздушном шаре с пика Тэбали, где их осадила армия махдистов. Таким образом можно было, по крайней мере, надеяться снять с себя неприятные подозрения и избежать всяких смехотворных недоразумений, которые неизбежно, должны были бы возникнуть при более подробном ответе путешественников.

Около десяти часов утра двери залы, наконец, открылись, и вооруженный пикет явился за "подозрительными личностями", как наши путешественники были названы в рапорте лейтенанта Броуна, командовавшего маленьким рекогносцировочным отрядом на дахабиз. Под конвоем они были препровождены в помещение второго этажа "предрясные очи" майора Вартона, командира английского отряда в Уади-Хальфа.

Майор был бравый, видный офицер, очень точно и строго относившийся ко всем своим обязанностям, но, к сожалению, страдавший одним недостатком: он, как и большинство командиров аванпостных частей, видел врагов и шпионов везде и во всех. Кроме того, лейтенант Броун, который доставил путешественников в штаб-квартиру, в своем рапорте несколько приукрасил свою встречу с подозрительными людьми.

Итак, почтенный майор Вартон был уже заранее довольно плохо настроен по отношению к тем людям, которые должны были сейчас предстать перед ним, а потому принял их чрезвычайно грубо.

Он сидел за столом в довольно большой, почти совер-

шено пустой зале вместе с плечистым унтер-офицером, исполнявшим при нем обязанности секретаря. Кроме стола, двух стульев и длинной деревянной скамьи, в комнате не было никакой мебели.

Войдя в залу вместе со своими приятелями, Когхилль выступил вперед, намереваясь вести переговоры с майором.

— Кто вы такие и откуда явились? — сердито спросил майор впившись в Когхилля холодными голубыми глазами, над которыми вырисовывались густые рыжеватые брови.

Когхилль ответил на этот вопрос тоном, который по его мнению, должен был быть полон чувства собственного достоинства, но голос его все-таки дрожал. Он сообщил, что все они только что прибыли на воздушном шаре с пика Тэбали, где их в продолжение долгого времени осаждала армия махдистов. Когхилль сказал, что, совершив благополучно свой полет, они спустились на расстоянии пяти-шести миль отсюда и потом добрались пешком до берега Нила, надеясь встретить здесь людей, которые окажут им содействие.

Однако, майор не захотел даже дослушать до конца его путанные объяснения.

— Пик Тэбали? Что это за гора? Я никогда не слышал о ней... Ее нет на наших картах генерального штаба! — почти кричал он. — Воздушный шар?.. Где же он, ваш воздушный шар? Подайте мне его сюда!.. Вы говорите, что вас осаждала армия махдистов... Но, прежде всего, такой армии вовсе не существует... Существует только сборище разных мерзавцев, разбойников, воров, словом, разного сброда, шайка негодяев, которых мы рано или поздно перевешаем, как собак. Уж одно это плохо рекомендует вас, что вы называете эту орду — армией. Из этого я заключаю, что вы отнюдь не питаете к ним никаких враждебных чувств и, вероятно, не только не были ими осаждены, но, скорее... наоборот. Потрудитесь предъявить ваши документы...

— Я не имею при себе никаких документов, кроме моей визитной карточки, — жалобно прошептал Когхилль.

— Ваша карточка? Дудки! Неужели вы думаете, что я удовольствуюсь каким-то клочком бумаги без всяких доказательств?! Ну, а эти господа, — есть у них документы?

— Нет, милостивый государь, — вмешался, наконец, Моони, выведенный из терпения поведением майора. — У нас нет при себе никаких документов. Но смею вас

уверить, что все мы порядочные люди. Кроме того, я должен предупредить вас: если вы нас задержите, то вам придется отвечать за насилие над французскими гражданами, в том числе и госпожею Керсэнь, дочью французского генерального консула Судана, находящегося в Хартуме.

— Ах, вот как! — иронически воскликнул майор Вартон. — Вы хотите воспользоваться тем, что дочь г. Керсэня бесследно исчезла! Очень, очень рад узнать об этом. Это весьма интересная для меня подробность.

Он подозвал унтер-офицера, командовавшего пикетом, и отдал ему вполголоса какое-то приказание. Тот круто повернулся на каблуках и тотчас же вышел.

— Так-с, очень, очень рад! — еще раз довольным и насмешливым тоном произнес майор Вартон. — Не могли ли я узнать заодно, кто вы такой или вернее, кем вы желаете себя называть? — обратился он на этот раз уже прямо к Моони.

— Меня зовут Норбер Моони. Я астроном, состоящий при парижской главной обсерватории, а это — доктор Бриэ, прославившийся своими исследованиями в Африке и своими трудами по ботанике.

— Так вы продолжаете все-таки утверждать, что эта молодая особа — дочь г. Керсэня, французского консула в Хартуме? — настойчиво переспросил еще раз майор Вартон.

— Без сомнения.

— Прекрасно, сейчас мы окончательно разоблачим вашу наглуго ложь! — воскликнул он с торжествующим видом, услышав шаги за дверями залы.

Все обернулись к дверям. В залу вошел г. Керсэнь.

— Папа! Папа! Дорогой мой! — воскликнула Гертруда, бросаясь к нему навстречу.

Г. Керсэнь принял ее в свои объятия, а она, обхватив его шею, громко зарыдала от радости и волнения.

Глава XIV

Г. КЕРСЭНЬ В УЖАСЕ. ОТЪЕЗД В ЕВРОПУ

Сам г. Керсэнь был не менее счастлив и потрясен этой неожиданной встречей, чем его дочь.

— Гертруда... Дитя мое... Дорогое, любимое дитя мое... — повторял он, прижимая ее к своей груди и целуя

ее шелковистую головку. — Тебя ли я вижу здесь? Какими судьбами могло это случиться?.. Я был убежден, что обсерватория на пике Тэбали разрушена и что все вы погибли.

Здесь майор Вартон, мрачная физиономия которого теперь приняла несколько иное выражение, счел возможным деликатно вмешаться в разговор.

— Дорогой г. Керсэнь, — проговорил он, — как я вижу, все эти господа знакомы вам и вы можете поручиться за них... Я очень прошу извинить мне то недоразумение, которое произошло здесь между нами, но, к счастью, выяснилось после вашего прихода. Разрешите мне просить вас позавтракать со мною, чтобы за веселой беседой забыть обо всем происшедшем.

Недавние арестанты молча поклонились. Однако, майору нужна была жертва, на которую можно было бы обрушить свой гнев, и он вскоре нашел виновника всех бед. Подозвав к себе унтер-офицера, он, хмуро сдвинув брови, проговорил:

— Лейтенант Броун отправится под арест на пятнадцать суток за самовольное задержание этих господ и неточное показание в своем рапорте.

Между тем, Гертруда, с радостью глядя на отца, не в силах была вымолвить ни слова. Все волнения, страхи и ужасы прошедшего месяца разом нахлынули на нее и положительно надломили ее силы.

Хотя Керсэнь и сам был взволнован, но он старался успокоить дочь.

— Ну, полно, полно, дитя мое, успокойся! — говорил он, лаская ее. — Теперь мы все вместе и уже ни за что не расстанемся. Но довольно об этом! Расскажи-ка мне лучше, как вы все попали сюда.

— Вам будет удобнее беседовать здесь, в моем кабинете, — любезно предложил майор Вартон, притворяя дверь и вводя отца с дочерью в маленькую смежную комнатку.

Оставшись наедине с отцом, Гертруда, наконец, преодолела свое волнение. Она глубоко вздохнула и, положив обе руки на плечи отцу, сказала:

— Если бы ты только знал, какие странные и невероятные приключения мне пришлось пережить за это время... Но, право, я боюсь, что ты не поверишь мне сразу, так как сама я минутами начинаю сомневаться в том, было ли это все на самом деле или только в бреду, во сне. Между тем это сушая правда.

И дядя мой, и сэр Буцефал, и г. Моони, и Фатима, и Виржиль, и Тиррель Смес, — все они могут подтвердить, что я не брежу и что мы действительно провели двадцать девять дней на луне.

— На луне?! — воскликнул с удивлением Керсэнь, и у него мелькнула мысль, что его Гертруда лишилась рассудка. — Не может быть! Ты бредишь! — и он прикоснулся рукой к ее лбу.

— Ну, конечно, тебе трудно поверить, дорогой папа, а, между тем, это действительно так. Клянусь тебе, что я не лишилась рассудка, как ты, быть может, думаешь... Ведь тебе известны были планы г. Моони. Ну, эти мечты, его планы осуществились — вот и все!.. И вот с тех пор, как произошла катастрофа с пиком Тэбали, мы все время находились на луне.

— Нет сомненья... — с ужасом прошептал Керсэнь, — у нее помутился рассудок. Она положительно бредит, бредит тою обстановкой, в которой она прожила все это время.

— Дитя мое, — проговорил он вслух, — ты, кажется, сказала мне, что... г. Моони, сэр Когхилль и дядя тоже побывали... на... луне?!

— Да, папа, мы спустились на землю только вчера ночью.

Керсэнь не мог вынести долее этого мучительного состояния, бросился в соседнюю комнату и не своим голосом окликнул:

— Г. Моони! Вы здесь?

— Да, г. Керсэнь, — ответил молодой ученый. — Я к вашим услугам! Простите меня...

— Простить?.. За что?.. — удивился Керсэнь.

— Совершенно независимо от своего желанья, я подвергнул вашу дочь всем опасностям нашей трудной экспедиции... Она сама засвидетельствует, что мы совершенно неожиданно для себя очутились на луне...

— Как?! — воскликнул Керсэнь. — Что вы говорите?.. Значит и вы лишились рассудка. Доктор Бриэ... Сэр Когхилль... Что все это значит?!

— В чем дело? — спросил, как всегда, добродушно-шутливым тоном доктор Бриэ.

— Да вот, Гертруда и г. Моони уверяют, что вы... что вы только что... вернулись... с луны? — с усилием выговорил Керсэнь.

— Ну, да, это совершенно верно, дорогой мой Керсэнь! — подтвердил, улыбаясь, доктор.

— Я не понимаю, — спокойно произнес Когхилль, — почему, собственно, вас это так беспокоит. Все мы остались очень довольны нашей увеселительной прогулкой.

— Что же это такое?! Нет, этого не может быть! — никак не мог примириться Керсэнь.

— Почему же не может быть? — проговорил доктор Бриэ. — Впрочем, если вы все еще сомневаетесь в наших словах, я покажу вам мою превосходнейшую коллекцию лунных горных пород различных геологических формаций, которую мне удалось там собрать, — добавил он, шаря во всех своих карманах. — Черт возьми! — воскликнул он с сожалением, — ведь, я забыл ее на столе в своей комнате на луне. — Какая у меня голова-то!.. Право, хуже, чем у трещотки. Но мой папирус-то при мне, мой лунный папирус...

С этими словами он, действительно, достал из своего объемистого портфеля знаменитый папирус и торжественно преподнес его Керсэню. Последний не знал, что ему делать и что думать об этих единогласных и уверенных показаниях четырех человек.

Наконец, ему было представлено столько доказательств, что он, в конце концов, волей-неволей, должен был согласиться с ними. Но для того, чтобы решиться на это, ему все-таки понадобилось еще свидетельство Виржиля, Фатимы и даже Тирреля Смиса, которое подтвердили слова остальных участников этой необычайной экспедиции.

— Теперь позвольте мне дать вам добрый совет, друзья, — сказал он, поверив, наконец, упорным убеждениям необыкновенных путешественников. — Сохраните эти воспоминания о своем путешествии на луну для себя и никому не рассказывайте о них; в противном случае вас непременно примут за шарлатанов или помешанных.

— Да мы уже имели случай в этом убедиться сегодня утром, — проговорил доктор. — Наши показания привели лишь к тому, что нас засадили под арест и заставили играть довольно печальную роль перед этим грозным английским майором. Но мы все это докажем, в конце концов.

После этого все стали оживленно беседовать. Так неожиданно прибывшие с луны "изгнанники земли" наперерыв стали рассказывать Керсэню о пережитых ими приключениях. Он все еще с трудом верил их рассказам.

Потом Гертруда стала расспрашивать его о том, что он пережил за время их отсутствия.

Керсэнь рассказал; что махдисты почему-то отступили от Хартума и в это-то время ему и удалось узнать о необычайной катастрофе, случившейся на пике Тэбали. Вне себя от ужаса он хотел пробраться в пустыню Байуда, чтобы начать розыски, но в это время его срочно вызвали в Париж, куда он в настоящее время и направляется.

— Как вы полагаете, доктор, — добавил г. Керсэнь, покончив с этими объяснениями, — можно ли будет Гертруде сопровождать меня в это европейское путешествие без особого риска для ее здоровья... Ведь там уже наступает лето...

— О, Гертруда! О ней не беспокойтесь, милейший мой Керсэнь: она может теперь поехать с вами хоть в Лапландию, если только захочет, — засмеялся доктор Бриэ. — Да разве сами вы не видите, какой у нее яркий, здоровый румянец, какие ясные, блестящие глаза? Не видите, как заметно она изменилась, расцвела и ожила? Да, это положительно феномен для меня, как врача. Климат луны со своей разреженной и исключительно сухой атмосферой оказывает чрезвычайно благоприятное влияние на легочных больных...

— Да, я уже с первого взгляда на Гертруду заметил в ней поразительную перемену, — обрадовался Керсэнь, — но я так испугался, что моя девочка не в своем уме...

— Глядя на Гертруду, — продолжал совершенно серьезно доктор Бриэ, — я пришел к мысли о необходимости снова отправиться на луну и основать там образцовую санаторию.

— Тс... ни слова более о луне, милый мой Бриэ! — Вы сами знаете, что до поры до времени это — запрещенная тема разговора... — заметил г. Керсэнь, услышав за дверьми шаги майора Вартона, который явился пригласить своих гостей перейти в столовую.

Бедный майор теперь старался загладить свою прежнюю грубость по отношению к бывшим арестантам, вдруг превратившимся в гостей. Он стал расспрашивать их, где они спустились, чтобы отправить туда патруль для разыскания парашюта. Но отправленный им на указанное место небольшой пикет не нашел там ничего. Очевидно, кто-то уже успел утащить парашют.

С закатом солнца Керсэнь решил продолжать свой путь по направлению к Каиру. Все наши путешественники так же отправились с ним, намереваясь попасть в Европу через Египет.

Следует отдать справедливость майору Вартону: он предоставил в распоряжение своих гостей все, что только могло им понадобиться во время пути: и провиант, и одежду, и оружие, и многое другое; кроме того, он дал им военный конвой, чтобы совершенно обезопасить их в пути.

Глава XV

НИКТО НЕ ВЕРИТ...

После вышеописанных событий прошло уже около года...

Стоял февраль месяц, и на улицах Парижа уже стали зажигать газовые рожки, когда маленькая двухместная каретка подкатила к подъезду красивого дома на улице Обсерватории. В карете сидел наш старый знакомый — доктор Бриэ. Он проворно поднялся по ярко освещенной лестнице во второй этаж и на площадке был встречен слугой, приветствовавшим его особенно радушным восклицанием: “Здравствуйте, г. доктор”. Слуга этот был Виржиль.

— Все уже собрались здесь! — проговорил Виржиль, вводя доктора в гостиную, просто, но изящно обставленную.

У камина, в покойном и удобном кресле, сидел г. Керсэнь, с особенным вниманием читавший газету; за столом с работой в руках сидела госпожа Моони, в которой читатель без труда мог бы узнать Гертруду Керсэнь, а рядом с ней сидел Норбер Моони, погружившийся в чтение весьма объемистой книги.

— Знаете ли, друзья мои, что они осмеливаются утверждать? — воскликнул доктор, влетая, как бомба, в комнату и даже не здороваясь ни с кем в пылу негодования. — Нет, вы только поймите!.. Они утверждают, что мой лунный папирус ни что иное, как простой эфиопский манускрипт. Каково?!

— А кто же это утверждает? — спросили в один голос Гертруда и ее муж.

— Да наша Академия, черт возьми!.. Оказывается, что древние эфиопские цари обыкновенно писали свои

декреты на амиантовых (асбестовых) листах и, — что еще особенно любопытно, — употребляли для изложения своих мыслей те же идеографические изображения, как и на моем лунном папирусе. Все они видят в этом доказательство того, что мой папирус ничем не отличается от самого обыкновенного древне-эфиопского манускрипта. А я оказываюсь, в таком случае, в роли лгуна и обманщика, если утверждаю, что привез с собою этот папирус с луны.

— Ах, дядя, а мы-то!.. — воскликнула Гертруда. — Неужели вы думаете, что к нам относятся лучше?! Наши астрономы имеют наглость опровергать все записки и наблюдения Норбера, потому, мол, что Обсерватория не могла не заметить и не знать о повторном приближении луны к земле. Они совершенно не хотят считаться с тем, что в это время, вследствие притяжения луны, небо покрылось густыми облаками и по этой причине не было никакой возможности делать наблюдения. Они даже не принимают во внимание, что именно дни нисхождения луны к земле были отмечены на всей поверхности земного шара совершенно исключительными бурями и необычайными приливами, каких никогда до тех пор не было и причины которых никто не может объяснить. Это ли не явное доказательство того, что эти бури и другие необычайные явления были вызваны приближением луны к земле? Но несмотря на все эти доказательства, никто не хочет согласиться с самым простым и естественным объяснением, которое дает Норбер, и упорно стоят на том, что наше путешествие на луну простая выдумка.

Доктор Бриэ, еще разгоряченный своими спорами и прениями в Академии, слушал Гертруду с видимым нетерпением.

— Ах, я уж слишком хорошо знаю, что все смотрят на наше путешествие, как на выдумку. Но согласитесь, что это прямо возмутительно. Можно дойти до отчаяния даже самому уравновешенному и миролюбивому человеку... Утверждать, что лунный папирус, который я на ваших же глазах вынул из руки селенита, ни что иное, как простой египетский папирус... Что за нелепость?! Это гораздо более возмутительно, чем все опровержения ваших астрономов.

— Но что же вы хотите, дорогой дядя! — воскликнула Гертруда, от души смеясь над волнением и негодованием

доктора. — Чего вы ожидали от посторонних, если мы встречаемся с таким полнейшим недоверием даже в людях близких...

— Я уверен, что Гертруда намекает, конечно, на меня, — воскликнул, улыбаясь, Керсэнь, отложив в сторону свою газету. — Да, признаюсь, хотя я тогда сгоряча и поверил всей вашей истории, но потом, поразмыслив об этом деле, я разуверился и решил, что все это просто напросто было игрою воображения, какой-то странной иллюзией...

— Ну, да! Ну, да! — воскликнул доктор с возмущением. — Игра воображения, плод фантазии, галлюцинация, охватившая сразу семь-восемь или, вернее, одиннадцать человек. Да слыханное ли это дело?..

— А почему бы и нет?

— Уж я отлично знаю, что вы теперь преподнесете нам старую теорию этого сумасшедшего врача Маротта, который видел во всех людях субъектов, подверженных припадку коллективного или, как он говорил, "осадного" бреда. Конечно, чего нельзя придумать? Мы отправились из Хартума на Тэбали в момент осады города, попали в руки Махди, нас подвергали жестокому обращению, вследствие чего все мы потеряли рассудок. Когда же опасность миновала, все мы помешались, благодаря психической заразе и влиянию Норбера, издавна, как, конечно, тоже всем известно, страдавшего манией величия — не так ли?

Керсэнь с улыбкой слушал разгоряченного доктора Бриэ.

— Но позвольте вам сказать, — продолжал доктор, — что этот Маротт, к сожалению, сам был ненормальный человек. Он подобную же теорию развивал относительно событий 1870-71 г., объясняя революционное движение массовой психической заразой. Ему только дай волю — и он заново напишет всю древнюю, среднюю и новую историю, объясняя все и вся исключительно припадками "осадного" помешательства.

— Вы, право, могли бы избавить себя от труда рассказывать мне все это, милый доктор, — засмеялся Керсэнь, — я отнюдь не придерживаюсь теории доктора Маротта. У меня своя собственная теория относительно происхождения вашей лунной истории, и я вполне довольствуюсь ею.

— Нельзя ли полюбопытствовать, какая именно, господин управляющий консульскими делами?

— Моя теория заключается в том, что все вы в полном рассудке и даже вполне искренни...

— Вот спасибо! Хоть это-то вы признали. Очень благодарны!

— Да, вы все в полном рассудке, вполне искренни и утверждаете только то, в чем сами вполне уверены, — повторил еще раз г. Керсень. — Но только...

— Только что?

— Но только вы попали в руки этого фантазера—радамехского карлика, величайшего шарлатана и авантюриста в мире. Ему, конечно, были известны планы и проекты Моони в Судане. Зная, что все вы более или менее увлекаетесь его мечтами, он вздумал зло подшутить над вами. С какой целью он это сделал — я, конечно, не знаю, но только ему удалось уверить вас, что все ваши мечты и надежды действительно осуществились.

— Но позвольте узнать, как он достиг этого?

— Как? — Очень просто: посредством гипноза. Загипнотизировав всех вас, он внушил вам эту историю или же просто угостил вас гашишем и затем рассказал про путешествие на луну со всеми подробностями.

— Прекрасно-с! Ну, а мой лунный манускрипт, мой лунный папирус? Что, я его также видел во сне, по-вашему?

— Нет! — спокойно и невозмутимо возразил г. Керсень. — Но это мог быть не более, как простой аксессуар, которым воспользовался ловкий карлик, чтобы лучше заставить вас поверить в иллюзию и придать ей более реальный характер. И поэтому, извините меня, может быть, ваша Академия не так уж слепа, как вы полагаете, когда она принимает ваш лунный папирус за манускрипт эфиопского происхождения.

— Теперь вы все сказали, милостивый государь? — иронически осведомился доктор Бриэ, которого последние слова Керсэня задело особенно за живое.

— Да, все!

— Прекрасно! Прекрасно! Но, в таком случае, потрудитесь мне объяснить, каким образом Виржилль, Когхилль и его образцовый слуга Тиррель Смес, которых не было с нами в то время, когда мы попали в руки Каддура, — каким образом и они поддались той же иллюзии?

— Да весьма просто. Карлик, захватив вас в плен,

овладел пиком Тэбали, где он нашел Виржиля, Когхилля и Тирреля Смиса; ему не трудно было произвести над ними тот же опыт, которому он подвергнул вас.

— Ну а наш парашют? И он тоже плод воображения? — насмешливо продолжал доктор.

— Но его нигде не нашли...

Доктор прошелся раза два-три по зале, кусая ногти с досады, а затем, остановившись перед Керсэнем, воскликнул:

— Нет. Признаюсь, с вами нет никакой возможности рассуждать серьезно об этом. Если бы я только не позабыл на столе в своей комнате геологическую коллекцию, то вы, надеюсь, уже не стали бы отрицать...

— Эта коллекция также ничего бы решительно не доказала, — прервал его, улыбаясь, Моони. — Ведь эти образцы представляли собою почти полную аналогию с земными горными породами.

— Теперь и вы становитесь на сторону наших противников? Прекрасно, нечего сказать! — воскликнул вконец рассерженный доктор.

— Я отнюдь не изменяю нашему делу, — смеясь, возразил Моони, — а только хочу проследить до конца аргументацию наших противников; собственно говоря, оппозиция их очень мало меня тревожит: я вскоре заставлю их прикусить языки, когда закончу обработку моих наблюдений во время нашего пребывания на луне. Эти доказательства будут совершенно неопровержимы. А пока я довольствуюсь тем доверием, какое мне оказывают наши акционеры.

— Как? Разве они-то верят в наше путешествие на луну? Верят?.. Да?

— О, если бы они не верили в него, то не были бы настоящими акционерами. Это не подлежит сомнению! Они пожертвовали свои кровные денюжки на наш опыт и не только верят в успешность его осуществления, но даже предлагают восстановить наш основной капитал новым выпуском облигаций, чтобы при первой возможности вновь возобновить наши работы.

— Если вы когда-нибудь снова отправитесь на луну, возьмите меня с собою: я непременно хочу участвовать в этом путешествии! — воскликнул доктор. — Хочу во что бы то ни стало доказать...

— Увы, дорогой доктор, — возразил молодой астроном, — я весьма боюсь, что на этот раз такого рода путешествие будет делом весьма нелегким. Ведь очень

трудно будет найти вторую такую же пиритную скалу, как пик Тэбали.

— Послушайте, друзья мои! — проговорил Керсэнь. — Знаете, что я хочу предложить вам? Давайте дадим все друг другу слово никогда более не говорить об этом деле... Эта тема не только испортит наши милые отношения и испортит наши характеры, но, кроме того, от этих разговоров положительно начинает голова трещать и мысли путаться. Ведь мы с вами теперь решительно ни о чем другом даже и не говорим; все наши разговоры, как белка в колесе, вертятся вокруг луны... Все в доме, не исключая даже маленькой Фатимы, не могут раскрыть рта, чтобы не сказать: "Когда мы были на луне..." Ведь стоит их послушать, они с Виржилем целые дни только и делают, что возятся со своими лунными воспоминаниями... Просто смех и досада!..

Все присутствовавшие дали торжественное обещание никогда больше не касаться этой темы в присутствии Керсэня и, кажется, сдержали свое обещание...

В то самое время, когда наши друзья спорили в Париже, компания камердинеров собралась в одной из зал старинной портерной на Керзон-стрит в Лондоне. Героем этого маленького клуба являлся наш старый знакомый — Тиррель Смес, вернувшийся к родному очагу, в свою возлюбленную старую Англию. Его приятели отнюдь не придерживались мнения г. Керсэня по вопросу о путешествии на луну; напротив, они всегда с удовольствием слушали его рассказы, которые сделались самым излюбленным объектом для всех шуток этой компании.

— Да полно; ты еще станешь, пожалуй, уверять нас, что на луне жили люди! — восклицал кто-нибудь из членов почтенного собрания.

— Даю честное слово. Там жили люди, да еще какие! Такие рослые красавцы, что разве только немного пониже колонны Трафальгар-Сквера.

— Ну, ну, приятель... Уж и наговорил ты нам всякой дичи...

— Да нет же. Это так и есть, как я вам говорю.

— Но как видно, тебе не очень-то понравилось там, на луне?

— Да, признаюсь, не совсем по вкусу пришлась мне

эта луна. Поверите ли, там нельзя было даже трубочки закурить. Ни одной, даю слово... Нельзя было и погулять спокойно, прилично, как подобает воспитанным и благопристойным людям, а приходилось постоянно скакать стрелками или кузнечиками, делая прыжки в двенадцать ярдов и более... Вы можете себе представить, какой вид придает это порядочному, почтенному человеку. Затем, все там идет совершенно другим порядком; все не так, как надо быть, а наоборот. Так, например, приходится плакать горькими слезами, чтобы иметь возможность развести самый жалкий огонек в такую стужу, какой, быть может, не видал ни один бедняга в Сибири. Мы пили чай, вскипяченный на солнце. Можете себе представить, какой вкус имела эта настойка?.. А когда настала ночь, — так вот, доложу вам, совсем плохая вышла шутка. Что значат в сравнении с этой ночью наши туманы, продолжающиеся по целым неделям... Полных четырнадцать суток беспросветного мрака, да еще при громадной луне, только это, конечно, была не луна, а так только похожа на нее. Наши ученые называли это светом земли, но я хотел бы знать, как можно этому верить, — точно земля светится ночью? Что за выдумки?! Так вот, друзья мои, когда человек испытает все это, он, в конце концов, непременно скажет, что на всем свете лучшее — это стакан эля в Лондоне, в кругу добрых друзей, и что эта глупая луна не стоит одного квадратного фута земли в веселой Англии... Ура!.. — закончил Тиррель Смис свои разглагольствования. — Ура! За старую Англию!..

Тост его, как и следовало ожидать, не остался без подражателей.

Несколько минут спустя, когда наш приятель ушел, весь маленький клуб на улице Керзон, глядя ему след, стал печально покачивать головами. А потом один почтенный, старый камердинер взял на себя труд резюмировать в двух словах общую мысль о веселом, вдохновенном рассказчике:

— Бедняга, у него чердачок опустел! — сказал он, дотрагиваясь указательным пальцем до своего лба.

КОНЕЦ

СОДЕРЖАНИЕ:

ЭДГАР ПО. Необыкновенное приключение некоего Ганса Пфаала . . .	5
ЖЮЛЬ ВЕРН. Вокруг Луны	49
АНДРЭ ЛОРИ. Изгнанники Земли	211

ИЗГНАННИКИ ЗЕМЛИ

Ташкент
Главная редакция
издательско-полиграфического
концерна "Шарк"
1993

Редактор *В. ШАПОВАЛОВ*
Художественный редактор *М. АГЛЯМОВ*
Технический редактор *Г. ЛОМИВОРОТОВА*
Корректор *Л. РУСАКОВА*

Сдано в набор 10.12.92 г. Подписано в печать 03.06.93.
Формат 84x108 1/32. Бумага газетная. Гарнитура Тип Антиква.
Печать офсетная. Усл. п. л. 22,68. Уч.-изд. л. 24,7. Тираж 150.000.
Заказ № 1506
Цена договорная.

Типография издательско-полиграфического
концерна "Шарк".
700083, г. Ташкент, ул. Буюк Турон, 41.

Brennabor

Fahrrad-Werke Brandenburg a. H.
 (ehemalige Fahrrad-Fabrik Europas).
 Die Werke arbeiten im 500pferdigem Dampftrieb.
 30 Maschinen für alle Arten von Maschinen und bes-
 chäftigen 100 Arbeiter. — Gegründet 1870.
Brennabor ist die beliebteste Marke — Kataloge postfrei

Haar-Feind VON FRANK
 Schwarze entwirrt alle
 harsig gewachsene u. Armhaare sicher
 sofort u. unschädlich. Dose 2 M. Nur
 Berlin Leipzigerstr. 56. Colonialden.
Enthaarung.

BRANDAUER-STAHLFEDERN

Das
 Papier
 beschrieb
 1892
 HENRYA MARCUS
 HAMBURG.
 Durch jede Papierhandl. zu beziehen.

Seit
 10
 Jahren
Detektiv
Jahncke, Dresden
 das verzuälteste Internat. Detektiv-Büro,
 welches über
 all Auskünfte
 beim. Über-
 wachungen und
 Beweismater.
 ermittelt. In allen Verhältnissen wird. An-
 w. unbeeinträchtigt besorgt. Tel. 100. 1001.

Gummiwaren
 Versandhaus von G. Band
 Berlin S.W. 85. Hagelbergerstr. 19
empfiehlt seine Waren.
 Ill. Preisliste gratis u. franco.

Neue Automobil-Gesellschaft

m. b. H.
Berlin NW.
Luxuswagen
Lastwagen
Omnibusse
Tracteure

Einfach ⇨ *Zuverlässig* ⇨ *Betriebssicher*

Fabrikate der Allgemeinen Elektrizitäts-Gesellschaft Berlin *Fabrik-Mark*

Caesar & Minka
 Rassehundezüchterei und Handlung
Zahna (Preussen).
Edelste Racehunde
 (Wach-, Renommier-, Heger-, Jagd- und Damen-Hunde)
 sowie Ulmer-Dogge und Berghund
 in allen Abarten. Salon- u. Schau-
 hündchen. Der große Preis-Konk.
 in Abteilungen für Russen

Echt Friedrichsdorfer
 Probefdose
 (100 Stück)
Zwieback
 Mk 2.60

PU

M

+ Mag

Sichere volle Kör
orientalisches Kr
goldene Medaille
1901; in 6-8 W
nahme garantiert
Schwindel. Viele D
ton mit Gebrauch
anweisung oder

Hygie
D. Frank
BERLIN 284, K

Die Sachs. Musik

(Gegr. im Jahre)
liefert als Spe

Blas- u. Stre

M
Ziv
S
K
S

KUN
VOR
Was
Gr
Spezial-
Eatalog m
re
CONRAD
ST

ИЗГНАНИКИ ЗЕМЛИ